

СОДЕРЖАНИЕ

I. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Проблемы реализации правовых актов Евразийского экономического сообщества (О.В.Гришкевич).....	5
Законодательство Республики Беларусь в контексте системного подхода (М.А.Рыженкова).....	10
Концептуальные проблемы законодательства о государственной службе Республики Беларусь и пути его совершенствования (О.И.Чуприс).....	14
Субъекты сельскохозяйственного землепользования: проблемы правового регулирования (Е.В.Шаршун).....	23

II. ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Систематизация законодательства: понятие и виды (Э.Р.Кулиев).....	28
Право и мораль в русской философско-правовой мысли (Л.П.Станишевская).....	32

III. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Некоторые вопросы интерпретационной деятельности органов специализированного конституционного контроля (А.С.Коханская).....	38
Социально-правовая характеристика пограничной безопасности Республики Беларусь (В.С.Шемет).....	45

IV. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

К вопросу об имущественных правах, удостоверяемых ценными бумагами (Ю.А.Амельченя).....	52
Организационно-правовые формы субъектов инновационной деятельности (А.А.Гончаров).....	58
Защита права промышленной собственности по законодательству Республики Беларусь (Д.В.Иванова).....	63
Предприятие (историко-правовой анализ) (Д.В.Петроченков).....	71
Файлообменные системы в Интернете и роль национальных провайдеров в обеспечении авторских прав (Д.Е.Шелепов).....	79

V. ТРУДОВОЕ ПРАВО

Проблемы разрешения индивидуальных трудовых споров: история и современность (Н.С.Пилипенко).....	83
--	----

VI. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Безопасность генно-инженерной деятельности: основы правового регулирования (И.П.Манкевич).....	90
--	----

VII. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Генезис научных взглядов на проблему раскрытия умышленного причинения тяжких телесных повреждений (А.В.Малахов).....	94
Теоретические аспекты классификации осужденных (В.И.Степаненко).....	101
Становление системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь (С.И.Янковский).....	106

VIII. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Исторический анализ деятельности органов, осуществлявших расследование краж личного имущества на железнодорожном транспорте после распада Российской империи (<i>О.И.Левшук</i>)	112
О формировании типовых методик экспертного исследования (<i>Е.П.Орехова</i>)	119
Зарождение, становление и развитие институтов эксперта и экспертизы в уголовном процессе (<i>В.Ю.Останин</i>)	124
Юридическая характеристика правовых явлений (<i>Д.В.Первалов</i>)	131
Международное сотрудничество в организации раскрытия и расследования незаконного оборота наркотических средств (<i>И.Н.Рачков</i>)	135
Имеются ли основания подозревать? (<i>С.В.Рыбак</i>)	139
Процессуальный порядок проведения осмотра жилища и иного законного владения (<i>Ю.П.Шкаплеров</i>).....	145

IX. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Международно-правовые проблемы формирования и развития универсальной (ООН) и региональной (СНГ) систем защиты прав и свобод личности (<i>К.В.Акименко</i>)	151
Регламентация гражданства физических лиц в связи с правопреемством государств в рамках европейских региональных организаций (<i>Т.Н.Михалева</i>)	157

X. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ

Система защиты личных (гражданских) прав и свобод граждан в области информационных технологий (<i>Л.Я.Ржеуцкий</i>)	163
Детский правовой сайт – уникальный информационный продукт в области права (<i>А.Н.Гавриш, Л.В.Финькевич</i>)	169
Некоторые аспекты правовой информатизации в Казахстане (<i>Д.Орынбекова</i>)	172
Республиканский семинар «Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан»: основные итоги (<i>О.Н.Кацевич</i>)	174
«Право голоса» – интерактивная рубрика на www.pravo.by (<i>Н.Н.Радиванович</i>)....	178

XI. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Психологические аспекты воздействия в парламентской деятельности (<i>И.А.Кибак</i>)	180
<i>Summary</i>	185
<i>Рецензия</i>	191
<i>Памятка авторам</i>	192
<i>Анонс журнала «Право.by» № 1, 2009 г.</i>	193

РАЗДЕЛ I

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

О.В. ГРИШКЕВИЧ

В статье рассматриваются некоторые проблемы реализации правовых актов Евразийского экономического сообщества. Так, на основе исследования учредительных документов Сообщества и анализа предметной компетенции органов ЕврАзЭС сделан вывод об отсутствии у Сообщества наднациональных полномочий на современном этапе развития интеграции. Также исследована правовая база ЕврАзЭС по вопросам реализации правовых актов организации. Соответствующие документы в большей степени посвящены регламентации порядка разработки и принятия определенных правовых актов. Порядок же реализации таких актов, как правило, подробно не прописан либо носит общий или отсылочный характер.

Эффективной реализации правовых актов ЕврАзЭС будет способствовать формирование единой системы правовых актов Сообщества с определением их видов, юридической силы, иерархии и соотношения между собой и с национальными правовыми актами государств-членов. Важную роль играет также разработка документов, непосредственно регламентирующих порядок реализации отдельных правовых актов ЕврАзЭС.

Реализация правовых актов, принимаемых международной организацией в рамках ее предметной компетенции, является основой функционирования и деятельности организации, непосредственного осуществления задач и целей ее создания.

Реализация правовых актов ЕврАзЭС обуславливает эффективность деятельности Сообщества и дальнейшее развитие интеграции. Соответствующие вопросы не решены на практике

и недостаточно исследованы в международно-правовой литературе, и, следовательно, сохраняют свою актуальность. Таким образом, цель данного исследования заключается в анализе правовой базы ЕврАзЭС в сфере исполнения правовых актов с предложением некоторых рекомендаций по повышению эффективности их реализации.

Правовые акты международной организации реализуются посредством их имплементации в

национальное законодательство государств – участников организации. В то же время международная организация может обладать надгосударственными (наднациональными) полномочиями. В таком случае органы международной организации вправе принимать акты прямого действия, обязательные для государств – членов организации и подлежащие непосредственному применению на их территориях.

Анализ предметной компетенции органов ЕврАзЭС исходя из Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. (далее – Договор от 10 октября 2000 г.), а также Положений о соответствующих органах не позволяет сделать вывод о наднациональном статусе органов ЕврАзЭС. Кроме того, в соответствии с частью 1 статьи 14 Договора от 10 октября 2000 г. «решения органов ЕврАзЭС исполняются Договаривающимися Сторонами путем принятия необходимых национальных нормативных правовых актов в соответствии с национальным законодательством» [1].

С другой стороны, необходимо отметить следующее. Согласно статье 24 Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. (далее – Договор от 29 марта 1996 г.) Межгосударственный Совет как высший орган управления интеграцией «вправе принимать решения, имеющие обязательный характер для органов и организаций Сторон, обеспечивающих непосредственное их исполнение, либо решения, подлежащие трансформации в национальное законодательство Сторон» [2].

В статье 58 Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. (далее – Договор от 26 февраля 1999 г.) закреплено: «В случаях, когда по общему мнению Сторон это является необходимым и оправданным, Межгосударственный Совет вправе принимать: а) решения, устанавливающие единые для государств – участников настоящего Договора правила, которые являются обязательными во всех своих частях и подлежат непосредственному применению государствами-участниками; б) резолюции, являющиеся обязательными для государства-участника или государств-участников, которым они адресованы, в том, что касается ожидаемого результата, при сохранении за органами Сторон свободы выбора форм и методов действий» [3].

Механизм реализации решений Межгосударственного Совета, принимаемых в соответствии со статьей 58 Договора от 26 февраля 1999 г., предусмотрен статьей 8 Соглашения о правовом обеспечении формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства от 26 октября 1999 г. (далее – Соглашение от 26 октября 1999 г.). Так, согласно статье 8 «Парламенты и правительства Сторон совместно с Межпарламентским Комитетом и Интеграционным Комитетом, в соответствии со своей компетенцией, примут меры по гармонизации (сближению, унификации) на-

циональных законодательств, включая введение а) решений Межгосударственного Совета, устанавливающих единые правила, которые являются обязательными во всех своих частях и подлежат непосредственному применению путем трансформации в национальные законодательства Сторон; в) законопроектных и нормотворческих предложений, обязательных, после принятия соответствующей резолюции Межгосударственного Совета, в части ожидаемого результата при сохранении за Сторонами свободы выбора форм и методов действий». В то же время согласно статье 9 Соглашения от 26 октября 1999 г. решения, резолюции и рекомендации, принимаемые Межгосударственным Советом по вопросам гармонизации национальных законодательств, направляются в соответствующие органы Сторон для выполнения необходимых внутригосударственных процедур [4].

В рамках рассмотрения данного вопроса целесообразно привести положение части 2 статьи 2 Договора об учреждении ЕврАзЭС от 10 октября 2000 г., согласно которой ранее заключенные государствами-членами договоры продолжают действовать в части, не противоречащей Договору от 10 октября 2000 г. [1]. Таким образом, статья 2 Договора от 10 октября 2000 г. соответствует положениям Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., касающимся применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу (пункты 2 и 3 статьи 30) [5, с. 352–353].

В Консультативном заключении № 01-1/3-05 от 10 марта 2006 г. Экономический Суд СНГ также рассматривал вопрос о соотношении части 1 статьи 14 Договора об учреждении ЕврАзЭС от 10 октября 2000 г. со статьей 58 Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. и статьей 24 Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г., регламентирующими вопросы принятия Межгосударственным Советом ЕврАзЭС решений, подлежащих непосредственному применению государствами-участниками, а также органами и организациями Сторон. Согласно выводу Экономического Суда СНГ часть 1 статьи 14 Договора от 10 октября 2000 г. исключает действие статьи 58 и статьи 24 соответствующих Договоров в части непосредственного применения государствами-участниками, а также органами и организациями Сторон решений Межгосударственного Совета ЕврАзЭС [6].

На современном этапе развития интеграции Евразийское экономическое сообщество не обладает наднациональными полномочиями и акты его органов не могут применяться в государствах непосредственно, а подлежат имплементации в национальное законодательство. Так, согласно статье 14 Договора от 10 октября 2000 г. «решения органов ЕврАзЭС исполняются Договаривающимися Сторонами путем принятия необходимых национальных нормативных

правовых актов в соответствии с национальным законодательством. Контроль за выполнением обязательств Договаривающихся Сторон по реализации настоящего Договора, других действующих в рамках Сообщества договоров и решений органов ЕврАзЭС осуществляется органами Сообщества в пределах их компетенции».

В рамках ЕврАзЭС наработана определенная база по реализации правовых актов Сообщества (приняты решения по регламентации видов и порядка принятия правовых актов отдельными органами ЕврАзЭС, а также по реализации этих правовых актов).

Так, согласно Положению о нормативных правовых актах Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества, утвержденному Постановлением Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС от 16 июня 2003 г. № 4-8 (далее – Положение), к правовым актам Ассамблеи относятся: Основы законодательства в базовых сферах правоотношений, подлежащие рассмотрению Межгосударственным Советом и вступающие в силу на основании соответствующего соглашения между государствами – членами ЕврАзЭС; типовые проекты законодательных актов, на основе которых разрабатываются акты национальных законодательств; рекомендации по гармонизации законодательств государств – членов Сообщества; решения, принимаемые Ассамблеей и Бюро МПА в целях реализации задач и функций Ассамблеи.

Ассамблея направляет в Интеграционный Комитет предложения по использованию принятых ею нормативных правовых актов при подготовке и реализации соответствующих международных договоров и решений органов ЕврАзЭС.

Нормативные правовые акты, принятые Межпарламентской Ассамблеей, направляются также в палаты парламентов государств – членов Сообщества для рассмотрения, использования и реализации. В соответствии с национальными законодательствами положения типовых проектов и рекомендаций по гармонизации (сближению, унификации) законодательств государств – членов Сообщества реализуются посредством разработки и принятия парламентами государств – членов Сообщества нормативного правового акта или совокупности актов, внесения с учетом положений правового акта Ассамблеи изменений и дополнений в действующие законодательства государств – членов Сообщества (статьи 16–18 Положения) [7].

Постановлением Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС от 16 июня 2003 г. № 4-10 «О Рекомендациях Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС по проведению правовой экспертизы проектов национальных законов на соответствие положениям международных договоров и других правовых актов Евразийского экономического сообщества» определены цели и задачи правовой экспертизы, принципы, порядок и результаты проведения правовой экспертизы, а также содержание экспертного заключения.

Правовая экспертиза проектов национальных законов дает возможность: установить, соответствуют ли проекты национальных законов положениям международных договоров и других правовых актов ЕврАзЭС; осуществлять имплементацию положений международных договоров и других актов Сообщества на законопроектной стадии, что минимизирует дальнейшее изменение действующего национального законодательства; создать систему парламентского контроля за выполнением обязательств, вытекающих из Договора об учреждении ЕврАзЭС от 10 октября 2000 г., других международных договоров и правовых актов Сообщества (пункт 1 Рекомендаций) [8].

Порядок разработки, рассмотрения, принятия, изменения, приостановления и прекращения действия Основ законодательства ЕврАзЭС, а также контроль за их реализацией определяются Договором о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации от 18 июня 2004 г. (далее – Договор от 18 июня 2004 г.).

Согласно статье 1 Договора от 18 июня 2004 г. Основы законодательства ЕврАзЭС – это правовые акты ЕврАзЭС, устанавливающие единые для государств – членов Сообщества нормы правового регулирования в базовых сферах правоотношений. Они принимаются путем заключения соответствующих соглашений государствами – членами ЕврАзЭС.

Контроль за реализацией Основ законодательства ЕврАзЭС осуществляют государственные органы сторон в пределах своей компетенции путем проведения правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов на их соответствие Основам законодательства ЕврАзЭС (статья 5 Договора от 18 июня 2004 г.) [9]. В то же время положений, касающихся непосредственно реализации Основ законодательства ЕврАзЭС, в Договоре от 18 июня 2004 г. не содержится.

Достаточно комплексно и детально регламентированы вопросы реализации правовых актов ЕврАзЭС в рамках соответствующих предложений, разработанных Межпарламентской Ассамблеей. Постановлением Бюро МПА ЕврАзЭС от 14 июня 2005 г. № 7 «О предложениях по формированию организационно-правового механизма реализации правовых актов ЕврАзЭС и систематизации договорно-правовой базы Сообщества» и Постановлением Бюро МПА ЕврАзЭС от 17 ноября 2005 г. № 7 «О предложениях по совершенствованию организационно-правового механизма реализации и систематизации правовых актов Евразийского экономического сообщества», разработанными на основании статьи 14 Договора об учреждении ЕврАзЭС от 10 октября 2000 г., определены понятие правовых актов ЕврАзЭС, организационно-правовой механизм их реализации, система контроля за их реализацией, соотношение правовых актов Сообщества с нормативными правовыми актами государств – чле-

нов ЕврАзЭС. Также разработан проект Положения о Едином реестре правовых актов Евразийского экономического сообщества в целях обеспечения единства договорно-правовой базы ЕврАзЭС и систематизации принятых в рамках ЕврАзЭС правовых актов. Единый реестр правовых актов ЕврАзЭС – это систематизированный банк (база) данных, содержащий информацию о правовых актах Сообщества и других документах, включая информацию о реализации на межгосударственном и внутригосударственном уровнях [10; 11].

Правовые акты Сообщества – это действующие международные договоры (за исключением международных договоров, подлежащих ратификации), Основы законодательства ЕврАзЭС, решения органов ЕврАзЭС, обязательные или рекомендуемые для применения в отдельных сферах правоотношений. Национальными актами соответственно являются нормативные правовые акты, принятые в порядке, установленном законодательством стран ЕврАзЭС, обеспечивающие реализацию целей и задач ЕврАзЭС, определяемых правовыми актами Сообщества.

На межгосударственном уровне реализуются правовые акты Сообщества, определяющие направления работы органов ЕврАзЭС, а также требующие их совместной деятельности с государственными органами стран Сообщества.

Реализация на внутригосударственном уровне правовых актов Сообщества, затрагивающих компетенцию государственных органов государств – членов ЕврАзЭС, осуществляется в порядке, установленном национальным законодательством. Правовые акты Сообщества, имеющие рекомендательный характер, используются и применяются на внутригосударственном уровне при разработке национальных актов по усмотрению соответствующих государственных органов.

Действующие международные (межгосударственные, межправительственные и межведомственного характера) договоры ЕврАзЭС подлежат реализации после их включения в установленном порядке в правовые системы государств – членов ЕврАзЭС непосредственно или путем имплементации содержащихся в них правоустанавливающих положений в национальные акты. Реализация Основ законодательства осуществляется в форме исполнения путем включения Основ в национальные правовые системы. Положения Основ, требующие принятия подзаконных актов, при необходимости имплементируются в установленном порядке в национальные акты. Реализация решений органов ЕврАзЭС, принятых в пределах их компетенции, осуществляется в форме исполнения, соблюдения, использования, применения путем их трансформации в национальные акты и последующей гармонизации, сближения или унификации национальных законодательств.

Имплементация правовых актов Сообщества осуществляется государственными органами

стран Сообщества в порядке, установленном национальным законодательством, если иное не установлено в самих актах.

На межгосударственном уровне контроль за реализацией правовых актов Сообщества осуществляется в установленном порядке органами ЕврАзЭС, на внутригосударственном уровне – соответствующими государственными органами в порядке, установленном национальным законодательством. С целью осуществления контроля органы ЕврАзЭС по согласованию или совместно с государственными органами стран Сообщества проводят сравнительно-правовой анализ, правовой мониторинг и экспертизу национальных актов на их соответствие нормативным правовым актам Сообщества.

Реализация правовых актов, принимаемых Межгосударственным Советом, заключается в их выполнении органами ЕврАзЭС и государственными органами, а также в применении при разработке соответствующих актов органов ЕврАзЭС и национальных актов. Реализация решений, принимаемых Интеграционным Комитетом, заключается в их исполнении и применении соответствующими государственными органами, должностными лицами и организациями стран ЕврАзЭС. Реализация правовых актов, принимаемых Межпарламентской Ассамблеей, заключается в их использовании и применении при разработке парламентами и правительствами актов национального законодательства. Реализация вступивших в законную силу решений Суда Сообщества заключается в их исполнении компетентными органами государств – членов ЕврАзЭС в соответствии со Статутом Суда Сообщества [10; 11].

В Консультативном заключении № 01-1/3-05 от 10 марта 2006 г. Экономический Суд СНГ пришел к выводу, что государства – члены ЕврАзЭС исполняют в порядке, предусмотренном частью 1 статьи 14 Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г., решения, имеющие обязательную силу и принимаемые:

Межгосударственным Советом ЕврАзЭС по вопросам внешней регламентации, направленная на реализацию целей и задач ЕврАзЭС и касающаяся взаимоотношений государств-членов между собой и третьими государствами, а также другими международными организациями;

Интеграционным Комитетом ЕврАзЭС по вопросам внешней регламентации – в случаях, если такие решения приняты в порядке делегирования ему соответствующих полномочий Межгосударственным Советом ЕврАзЭС.

В порядке, установленном частью 1 статьи 14 Договора от 10 октября 2000 г., могут исполняться и решения органов Евразийского экономического сообщества, носящие рекомендательный характер [6].

Таким образом, документы, принятые в рамках ЕврАзЭС по вопросам реализации правовых актов Сообщества, в большей степени посвящены регламентации порядка разработки и приня-

тия определенных правовых актов. Порядок же реализации таких актов, как правило, подробно не прописывается либо носит общий характер или отсылает к другим правовым актам. Исключение в определенной степени составляют предложения Межпарламентской Ассамблеи о формировании и совершенствовании организационно-правового механизма реализации и систематизации правовых актов ЕврАзЭС.

Значение исполнения правовых актов международной организации и обуславливает те сложности, которые возникают при регламента-

ции порядка реализации таких правовых актов. Эффективной реализации правовых актов ЕврАзЭС будет способствовать формирование единой системы правовых актов Сообщества с определением их видов, юридической силы, иерархии и соотношения между собой и с национальными правовыми актами государств-членов. Кроме того, важную роль играет и разработка документов, непосредственно регламентирующих порядок реализации отдельных правовых актов ЕврАзЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 окт. 2000 г. // Эталон – Международные договоры [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
2. Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. // Ведомасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1997. – № 17–18. – Ст. 305.
3. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 фев. 1999 г. // Ведомасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 2000. – № 10. – Ст. 59.
4. Соглашение о правовом обеспечении формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства от 26 окт. 1999 г. // Ведомасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 2000. – № 20–21. – Ст. 260.
5. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Действующее международное право: в 3 т. / сост. : Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независим. ин-та междунар. права, 1996. – Т. 1. – С. 343–372.
6. Консультативное заключение Экономического Суда СНГ о толковании части второй статьи 1, части первой статьи 14 Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г., 10 марта 2006 г. № 01-1/3-05 // Эталон – Международные договоры [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
7. О Положении о нормативных правовых актах Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества: постановление Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС, 16 июня 2003 г., № 4–8 // Эталон – Международные договоры [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
8. О Рекомендациях Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС по проведению правовой экспертизы проектов национальных законов на соответствие положениям международных договоров и других правовых актов Евразийского экономического сообщества: постановление Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС, 16 июня 2003 г., № 4–10 // Эталон – Международные договоры [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
9. Договор о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации от 18 июня 2004 г. // Эталон – Международные договоры [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
10. О предложениях по формированию организационно-правового механизма реализации правовых актов ЕврАзЭС и систематизации договорно-правовой базы Сообщества: постановление Бюро МПА ЕврАзЭС, 14 июня 2005 г., № 7 // Эталон – Международные договоры [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
11. О предложениях по совершенствованию организационно-правового механизма реализации и систематизации правовых актов Евразийского экономического сообщества: постановление Бюро МПА ЕврАзЭС, 17 нояб. 2005 г., № 7 // Эталон – Международные договоры [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

М.А. РЫЖЕНКОВА

Статья посвящена системным аспектам формирования и развития белорусского законодательства. На основе анализа научной литературы, действующего законодательства Республики Беларусь автором демонстрируется, что законодательство, рассматриваемое в контексте всех его структурных и функциональных аспектов, обладает свойствами системы. Обосновывается необходимость разграничения понятий «законодательство», «система законодательства» и «структура законодательства», на основании чего вносятся предложения по совершенствованию белорусского законодательства, регулирующего рассматриваемые проблемы.

В силу достаточно большого количества нормативных правовых актов, принятых в 90-е годы XX века, на современном этапе развития Республики Беларусь как суверенного государства особое значение приобрела проблема упорядочения действующего законодательства. Повышение эффективности правового регулирования общественных отношений является важнейшим фактором построения подлинно демократического, социального и правового государства, и достижение этой цели не может быть решено лишь путем разработки новых нормативных правовых актов, регулирующих определенные сферы общественных отношений. При подготовке проекта нормативного правового акта законодатель должен ориентироваться на уже существующее законодательство, вновь принятый нормативный правовой акт должен согласовываться с действующими актами законодательства. В противном случае могут возникнуть такие негативные последствия, как противоречивость нормативных правовых актов, дублирование норм права либо, наоборот, наличие пробелов в законодательстве, и как результат – неэффективность законодательства, вольное толкование норм права, ошибки в правоприменительной практике, ослабление авторитета государственной власти, снижение степени общественного доверия к Закону и его соблюдения гражданами.

В юридической науке и практике наиболее перспективным направлением развития и совершенствования законодательства представляется системный подход к изучению и формированию законодательства, сущность которого заключается в том, что «любой объект научного исследования может быть рассмотрен как особая система» [1]. В юридической науке понятие системы приобретает конкретное содержание, в силу чего «системный подход к исследованию правовых явлений необходимо предполагает их комплексное исследование, которое требует, в первую очередь, выяснения качества системно-

сти и структурно-функциональных зависимостей самих этих явлений» [2].

В Республике Беларусь задача создания внутренне согласованной, научно обоснованной и логически непротиворечивой системы законодательства нормативно закреплена в концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [3]; необходимость непрерывного совершенствования системы законодательства постоянно подчеркивается Президентом Республики Беларусь в его высказываниях.

Термин «система законодательства» употребляется во многих законодательных актах, однако само определение понятия «система законодательства» в нормативных правовых актах Республики Беларусь не сформулировано. В Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» понятие законодательства определяется как «система нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения» [4], что подразумевает рассмотрение законодательства как системы. Однако определение понятия «система» при рассмотрении законодательства, как и определение понятия «система нормативных правовых актов», через которое в данном Законе определяется термин «законодательство», отсутствуют. Таким образом, возникает логическая ошибка, заключающаяся в определении понятия через неизвестное [5], вследствие которой представляется возможным отождествить понятия законодательства и системы законодательства. Следует отметить, что мнения различных исследователей по вопросу правомерности подобного отождествления расходятся: одни определяют законодательство посредством понятия совокупности, а другие – через понятие системы. К примеру, С.В. Поленина дает следующее определение понятия законодательства: «законодательство – совокупность нормативных правовых актов» [6]; с другой стороны, законодательство определяется как «система издаваемых

уполномоченными правотворческими органами актов, устанавливающих нормы права» [7].

Нелишним будет подчеркнуть, что понятие совокупности не эквивалентно понятию системы, например С.И.Ожеговым понятие совокупности определяется как «сочетание, соединение, общий итог чего-нибудь» [8], а Д.А.Керимов, в свою очередь, правильно отмечает, что «суммативное целое, конгломерат частей целого или механический агрегат вовсе не является системой» [2]. Понятие системы может быть определено через понятие совокупности, но не наоборот.

В различных областях научного знания встречается множество определений термина «система», зачастую существенно отличающихся друг от друга. Большинство авторов определяют понятие системы через наличие необходимых признаков [9], вследствие чего законодательство представляется лишь множеством элементов, из которых законодатель формирует систему.

Можно констатировать, что система законодательства, находясь в состоянии постоянного и непрерывного развития на всех ее структурных уровнях, является развивающейся системой. С каждым вновь принятым актом законодательства параметры системы, связи между ее элементами меняются. И только от законодателя зависит, как повлияют эти изменения на системность законодательства. Результатом непродуманной законодательной политики может стать системный кризис [9], который может привести к распаду или разрушению всей системы законодательства. И даже если сегодня можно с полной уверенностью констатировать, что законодательство Республики Беларусь отвечает всем системным характеристикам, то это еще вовсе не означает, что таковым оно останется завтра.

Определение законодательства изначально как системы является просто констатацией состояния объекта в его статике, структурной и функциональной постоянности. По сути, это означает отрицание возможности исторического движения, развития законодательства. Поэтому логично будет согласиться с приведенным выше определением законодательства, предложенным С.В.Полениной.

Раскрывая понятие «законодательство», нельзя оставить без внимания представляющийся неоспорным вопрос о нормативных правовых актах, составляющих законодательство, по поводу которого в юридической науке пока не сложилось единого мнения. В результате анализа юридической литературы можно выделить два основных подхода к пониманию составляющих законодательства: в широком и в узком смысле.

В широком смысле законодательство понимается как совокупность всех издаваемых в государстве нормативных правовых актов. Относительно определения законодательства в узком смысле существуют различные суждения. Наиболее распространенным является понимание некоторыми авторами законодательства как совокупности законодательных актов [10]. Другие авторы термином «законодательство» обозначают только законы. Трудно не согласиться с А.В.Мицкевичем и А.С.Пиголкиным, которые считают, что для правового государства широ-

кое понятие «законодательство» не является научно корректным, поскольку может повлечь ситуацию, когда подзаконные акты становятся фактически «сильнее закона». Поэтому вышеназванные авторы предлагают уточнить понятие «законодательство» и трактовать его в узком, собственном смысле «как совокупности законов, принятых органами народного представительства или непосредственно самим народом» [11].

Однако на практике дело обстоит иначе. В Республике Беларусь к законодательным актам относятся Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, декреты и указы Президента Республики Беларусь [4]. Остальные акты законодательства издаются на основании и в соответствии с ними, конкретизируют их положения. Соответственно все акты законодательства между собой неразрывно связаны. Наряду с этим имеют место случаи недостаточного четкого разграничения правотворческой компетенции, когда различные органы государственной власти издадут нормативные правовые акты различной формы по одним и тем же вопросам (чаще всего это наблюдается между некоторыми законами Республики Беларусь и нормативными правовыми актами Президента Республики Беларусь). Некоторые сферы общественных отношений, не урегулированные законодательными актами, получили свое закрепление в актах более низкого уровня.

Таким образом, понимание законодательства в узком смысле, то есть как совокупности законодательных актов либо законов, может повлечь за собой возникновение пробелов в законодательстве, нарушить существующие связи между нормативными правовыми актами и привести к бессистемному развитию белорусского законодательства. Поэтому в настоящее время не представляется возможным отказаться от широкого и перейти к более узкому пониманию законодательства. Хотя такой подход к определению законодательства был бы целесообразен исходя из идеи правового государства. Законодательство должно пройти определенный этап совершенствования, чтобы высказанные идеи стали приемлемыми на практике. Таким образом, широкая трактовка законодательства как нормативных правовых актов, данная в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [4], представляется достаточно корректной.

Чтобы рассматривать законодательство как систему, представляется необходимым выявить и обосновать вышеупомянутые признаки, присущие всем системам вообще, применительно к системе законодательства. И.В.Прангишвили выделяет четыре основных признака, которыми должен обладать объект, явление или их отдельные стороны, чтобы их можно было считать системой [9].

Первая пара признаков – это признаки целостности и членимости объекта. Целостность системы законодательства, прежде всего, заключается в единстве цели – регулировании общественных отношений и единстве государственной воли при формировании законодательства. Также целостность системы законодательства опре-

деляется наличием среды, с которой система законодательства взаимодействует как целое. Поскольку система законодательства регулирует общественные отношения, то она непосредственно связана с системой общественных отношений. Одновременно система законодательства также тесно взаимосвязана с системой права. Долгое время в науке данные понятия не разграничивались. В современных исследованиях доказано, что это разные категории одного и того же явления – права. Система законодательства и система права «соотносятся между собой как форма и содержание» [12].

Признак членности системы законодательства выражается в том, что, будучи целостным образованием, в ней в то же время можно выделить неодинаковые по своему содержанию и объему элементы. Такое деление основывается на большом разнообразии относительно обособленных групп однородных общественных отношений, которые отражает и регулирует система законодательства. Рассматривать совокупность элементов системы законодательства как единое целое нам позволяет взаимодействие и наличие связей между этими элементами. Таким образом, система законодательства рассматривается как единое целое, состоящее из взаимодействующих или взаимосвязанных, разнокачественных, но совместимых элементов.

Учитывая вышесказанное, в качестве следящего признака системы можно отметить наличие более или менее устойчивых связей (отношений) между элементами системы. Функционирование законодательства как целостного, единого органичного образования приближает его к типу органичных систем. Как и всякая органичная система, система законодательства обладает генетическими, структурными и функциональными видами связей. Однако с системных позиций значимыми являются не любые связи, а только лишь связи, которые определяют интегративные свойства системы. В литературе такие связи называют системообразующими. Представляется, что не все связи системы законодательства можно именовать системообразующими, а лишь генетические и структурные связи. Что касается связей, сложившихся в процессе функционирования системы законодательства, то их, в отличие от системообразующих, правильнее называть системоприобретенными связями.

Следующий признак представляет собой наличие интегративных свойств (качеств), присущих системе в целом, но не присущих ее элементам в отдельности. Под интегративным свойством понимается то новое качество, которое образуется в результате согласованного взаимодействия объединенных в структуру элементов и которым элементы до этого не обладали. Интегративное свойство системы законодательства выражается в том, что эффективность и регулирующая сила законодательства напрямую зависят от комплексного взаимосогласованного целе-

направленного воздействия на регулируемые общественные отношения всей совокупности актов, относящихся по предмету правового регулирования к данным отношениям. Нормативные правовые акты, как и остальные элементы системы законодательства, не могут функционировать изолированно друг от друга. Так, например, подзаконные акты теряют свою значимость без законодательного акта, положения которого они реализуют и уточняют, и наоборот; процессуальные отрасли законодательства не могут существовать без материальных отраслей законодательства. Таким образом, любой структурный элемент, извлеченный из системы законодательства, лишается системных функций, а следовательно, и социальной значимости.

Не менее значимым признаком развивающихся систем является их организованность. Организованность проявляется в структурных особенностях системы законодательства. Любая целостная система обладает определенным составом, то есть количеством известных компонентов, где, в свою очередь, компонент представляет собой любую часть системы, вступающую в определенные отношения с другими частями. Обычно в качестве компонентов выступают подсистемы и элементы, где подсистема представляет собой часть системы, которая сама состоит из компонентов, а элемент – неделимая часть системы. В свою очередь система законодательства состоит из разных по сложности компонентов: отраслей, именуемых подсистемами, правовых институтов, представляющих собой подсистемы отраслей, актов законодательства. Конечным элементом системы законодательства является нормативный правовой акт.

В процессе формирования связей между элементами образуется структура системы законодательства. В зависимости от вида формирования межэлементных связей из комбинации элементов можно образовать различные структуры. Особый теоретический и практический интерес вызывает разграничение системы законодательства на составные части и образование в данных конкретно-исторических условиях как оптимальных структур составных частей системы законодательства, так и структуры системы законодательства в целом, что представляет собой предмет отдельного исследования.

Изучая существующие в научной литературе определения системы законодательства, можно отметить, что многие авторы подменяют понятия «система законодательства» и «структура законодательства». Так, например, В.Н.Дмитрук, В.А.Круглов определяют систему законодательства как «внутреннюю структуру законодательства, состоящую из взаимосогласованных, взаимосвязанных нормативных правовых актов» [13].

Поскольку при сохранении неизменной структуры состояние системы может изменяться, определение системы законодательства посредством раскрытия лишь ее структурных ха-

рактических является упрощенным. В данном случае авторами игнорируются функциональность, динамические характеристики, а также аспекты развития системы законодательства.

Все вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы. Исследование законодательства как системы – одна из наиболее значимых теоретических проблем современной юридической науки, находящаяся в тесной взаимосвязи с другими областями научного знания, в первую очередь с философией и методологией науки. Философская трактовка системных понятий позволяет открыть новые перспективы в развитии юридической мысли, служит первоначальной ступенью в разработке многих конкретных вопросов юридической науки (теоретических основ системы законодательства, структурном и функциональном исследовании системы законодательства).

В результате рассмотрения основных признаков, присущих любой системе, автором был сделан вывод о том, что законодательству Республики Беларусь присуща системность, однако понятия «законодательство» и «система законо-

дательства» не могут отождествляться. В силу чего представляется целесообразным в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» наряду с термином «законодательство» определить и закрепить понятие «система законодательства».

Полагаем, пункт 5 статьи 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» следует изложить в следующей редакции: «Законодательство – совокупность нормативных правовых актов».

С учетом выделенных признаков системы определение системы законодательства, к примеру, может выглядеть следующим образом: «Система законодательства – единый по своей социальной направленности и назначению в общественной жизни комплекс всех действующих взаимосвязанных нормативных правовых актов государства, разделяемый на составные части (отрасли) в зависимости от характера регулируемых отношений в различных сферах жизни, а также от места органов, принимающих нормативные акты, в общей иерархической системе органов государства».

ЛИТЕРАТУРА

1. Уемов, А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уемов. – Москва: Мысль, 1978. – 272 с.
2. Керимов, Д.А. Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. / Д.А. Керимов. – Москва: Современный гуманитарный университет, 2002. – Т. 2: Философия права. – 272 с.
3. О концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205: текст по состоянию на 10 апр. 2002 г. // Советская Белоруссия. – 2002. – 17 апр. – С. 1.
4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3: с изм. и доп.: текст по состоянию на 1 дек. 2004 г. – Минск: Дикта, 2004. – 59 с.
5. Горский, Д.П. Определения, их виды и правила / Д.П. Горский // Логика научного познания / под ред. Д.П. Горского. – Москва: Наука, 1987. – С. 140–158.
6. Поленина, С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / С.В. Поленина. – Москва: Наука, 1979. – 202 с.
7. Российское законодательство: проблемы и перспективы / Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правит. Рос. Федерации; редкол.: Л.А. Окуньков [и др.]. – Москва: БЕК, 1995. – 478 с.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С.И. Ожегов. – 17-е изд. – Москва: Русский язык, 1985 – 797 с.
9. Прангишвили, И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. Серия «Системы и проблемы управления» / И.В. Прангишвили. – Москва: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.
10. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2-х т. / С.С. Алексеев. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1972-1973. – Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). – 401 с.
11. Советское законодательство: пути перестройки / редкол.: А.В. Мицкевич [и др.]; ред. А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1989. – 432 с.
12. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский. – 2-е изд. – Минск: Тесей, 2007. – 351 с.
13. Дмитрук, В.Н. Общая теория государства и права: краткое изложение курса / В.Н. Дмитрук, В.А. Круглов. – Минск: Амалфея, 2008. – 194 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

О. И. ЧУПРИС

В статье речь идет о концептуальных проблемах законодательства о государственной службе Республики Беларусь, связанных с отсутствием единого системного регулирования всех разновидностей государственной службы, решение которых видится в таком виде систематизации законодательства как кодификация.

Законодательство о государственной службе в Республике Беларусь имеет недолгую, но насыщенную историю. С момента распада СССР и до настоящего времени оно динамично развивается, притягивая постоянное внимание ученых-юристов. Одни из них предприняли всестороннее исследование Закона «О государственной службе в Республике Беларусь», в том числе предложив его комментарий (К.И.Кеник, В.В.Подгруша), другие изучили отдельные стороны его положений (А.Г.Тиковенко, Г.А.Василевич и др.) или законодательство об отдельных видах государственной службы Республики Беларусь (В.А.Шаршун, А.А.Греченков и др.), третьи при анализе отраслевого законодательства небезосновательно обращались к нормам закона о государственной службе (Г.Б.Шишко, К.И.Кеник, А.М.Клим, А.Лукашов, Э.А.Саркисова, Р.И.Филипчик, В.В.Марчук, К.Л.Томашевский и др.).

Вместе с тем законодательство о государственной службе как самостоятельный массив источников от Конституции до ведомственных актов, от базового закона о государственной службе до актов, регулирующих ее отдельные виды, имеющий единую юридическую природу, но характеризующийся отсутствием единых системно-логических связей и единообразия в формирующих его нормативных актах, не рассматривалось. Хотя на отдельные аспекты системных связей актов законодательства указывали в своих работах такие исследователи, как К.И.Кеник, В.В.Подгруша, А.Г.Тиковенко.

Одной из причин наличия пробела в исследовании является, очевидно, то, что законодательство о государственной службе не выделено в Едином правовом классификаторе Республики Беларусь¹. Однако в рамках научной работы над отдельным проектом комплексного анализа современного законодательства Республики Беларусь, регулирующего приоритетные и социально значимые области общественных отношений, № 098/92 от 30 июня 2006 г., утвержденным приказом Государственного комитета по науке и

технологиям Республики Беларусь от 13 июня 2006 г. № 152, сформулирована необходимость включения его в административное законодательство и объединения в нем как базового Закона «О государственной службе в Республике Беларусь», так и законодательства об отдельных видах государственной службы с перспективой формирования самостоятельной отрасли законодательства.

Значит, вопрос о системном анализе всего законодательства о государственной службе Республики Беларусь представляется актуальным. При его проведении задача видится не столько в позитивном восприятии значительного ряда правовых актов о государственной службе как объективной реальности, сколько в их взаимосвязанном анализе с одновременным выявлением концептуальных проблем, определяющих в совокупности направления для системного совершенствования законодательства в данной сфере.

Комплексный анализ законодательства о государственной службе Республики Беларусь необходимо начать с обращения к его недалекой истории, наложившей отпечаток на его современное состояние.

После распада СССР и обретения независимости Республикой Беларусь Закон «Об основах службы в государственном аппарате» стал в ряду первых и необходимых законодательных актов, обеспечивающих надлежащее функционирование государственных органов самостоятельной Беларуси. Отсутствие традиций в правовом регулировании института государственной службы в СССР существенно не повлияло на качество данного Закона. В СССР не было закона о государственной службе, что, однако, не означало отсутствия государственной службы как политического и организационного института, а также его правового регулирования, которое обеспечивалось за счет применения законодательства о труде и специального законодательства о службе в отдельных органах: мили-

ции, прокуратуре, суде и др. Не отрицая негативных сторон отсутствия в СССР единого законодательного акта о государственной службе, нельзя не отметить и положительные моменты государственной служебной деятельности того периода, связанные со служебной дисциплиной, порядком, ответственностью государственных служащих за порученное дело, постоянным ростом уровня образования государственных служащих, повышением их культуры. Поэтому критические представления о государственной службе того периода некоторыми учеными как о непрофессиональной, исключительно фаворитной, номенклатурной представляются односторонними и некорректными². Тем более что подобные негативные моменты в силу невозможности изъятия субъективных факторов на государственной службе в любых государствах любых периодов не могут быть совершенно изжиты, поскольку государственная служба — это институт в первую очередь социальный со всеми вытекающими из этого психологическими признаками.

Отсутствие опыта правового регулирования государственной службы в советское время сыграло в некотором роде положительную роль. Молодые самостоятельные государства, изучив и проанализировав международный опыт, по-своему урегулировали ее вопросы.

Республика Беларусь также пошла по самостоятельному и отличному пути в правовом регулировании этого института, определив сферу действия Закона именно аппаратной сферой. Тем самым была закреплена необходимость самостоятельного правового регулирования этого вида государственной службы как службы чиновничьей. Вместе с тем понимание сложности и многовидовой структуры государственной службы привело к необходимости распространения данного Закона на иные виды государственной службы, в том числе прокурорскую и судебскую, чему способствовало принятие Декрета Президента от 9 сентября 1997 г. № 16 «О некоторых мерах по упорядочению материального и социального обеспечения служащих государственного аппарата и приравненных к ним лиц». Данным Декретом абсолютно верно были приравнены к служащим государственного аппарата военнослужащие и сотрудники органов внутренних дел. В развитие отдельных положений Закона принимались многие нормативные правовые акты различной юридической силы: декреты, указы Президента, постановления Совета Министров, ведомственные акты. Осознание государственной службы как важного средства достижения максимальной суверенизации придало дополнительный импульс ее развитию как правовому институту.

С момента появления в суверенной Республике Беларусь государственной службы как самостоятельного правового явления интерес к ней со стороны государства возрастал, что проявлялось как в расширении масштабности правового регулирования этого вида деятельности, так и в улучшении качества этого регулирования, про-

являвшемся во внесении изменений в действовавшие нормативные правовые акты и принятии новых правовых норм. Множественность правовых актов о государственной службе, коллизии их положений и пробелы в правовом регулировании, а также изменения, происходящие в государстве ввиду его развития, проведение ряда административно-правовых реформ³ и в итоге завершение переходного периода привели к скачку в правовом развитии: назрела необходимость принятия нового закона о государственной службе. К этому периоду, как в среде ученых, так и в среде практиков укрепилось понимание базовости данного правового явления и регулируемого им вида деятельности, что отразилось в формировании концепции государственной кадровой политики и ее поэтапной реализации⁴.

В 2003 году был принят Закон «О государственной службе в Республике Беларусь», который явился основным, но не единственным источником законодательства о государственной службе в Республике Беларусь. Вслед за ним были приняты конкретизировавшие его нормативные правовые акты, а также ряд иных законов и даже кодексов по вопросам особых разновидностей государственной службы (судейской, в органах прокуратуры, военной, иных военизированных видов).

В настоящее время государственная служба регламентируется многими нормативными правовыми актами различного уровня, которых насчитывается более 200, исключая ведомственные акты по конкретным вопросам ее осуществления в них.

Основу совокупности нормативных правовых актов о государственной службе в Республике Беларусь формирует Конституция Республики Беларусь. В ней понятие государственной службы не встречается, а тем более не устанавливается ее регламент, в отличие от конституций иных государств (России (ст. 32), Украины (ст. 38)). Отсутствие понятия государственной службы в Конституции Республики Беларусь не означает, что она не регулирует данные вопросы. Она устанавливает конституционные основы государственной службы, которые могут быть определены благодаря ее научному толкованию, а не буквальной трактовке текста. В Конституции Республики Беларусь встречаются иные понятия: «государственные органы», «государственная должность». Не давая понятия государственной службы, не определяя сферу ее существования, конкретные принципы и иные непосредственные вопросы, Конституция тем самым не ограничивает ее масштабы чиновничьим аппаратом. К примеру, в п. 3 ст. 97 Конституции РФ установлено, что депутаты Государственной Думы не могут находиться на государственной службе. Тем самым на конституционном уровне закреплено, что они не являются государственными служащими, что имеет свои негативные последствия, проявляющиеся в том, что на них не распространяются ограничения государствен-

ных служащих, что, следовательно, может породить коррупционные проявления. Положения отечественной Конституции в этом отношении менее конкретны и потому более взвешены, что придает ей стабильность, и наоборот, мобильность регулируемым ею отношениям. В отличие от названного положения Конституции РФ белорусская Конституция, признавая единство государственной власти, тем самым устанавливает и единство государственной службы, осуществляемой в государственных органах. Это подтверждается положениями ст.ст. 6, 34, 38, 39, ч. 2 ст. 59 и ч. 1 ст. 62 Конституции Республики Беларусь.

Специально не определяя подходов к государственной службе, Конституция вместе с тем как Основной Закон государства закрепляет главенствующие положения государственной службы как политического, правового, организационного, социального институтов, прямо связанных с государством. Она устанавливает, что источником власти в Республике Беларусь является народ, а человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей целью и ценностью государства. Государственная служба, связанная сущностью и конституционными основами построения белорусского государства и его взаимодействия с гражданским обществом, основывается на конституционных принципах и положениях, которые при ее осуществлении имеют непосредственное действие. Речь идет о принципах суверенитета, демократизма, законности, верховенства Конституции, единства государственной власти и разделения властей, социальной функции государства, неотчуждаемости прав и свобод человека, равенства всех перед законом и др. Данные принципы взаимосвязаны и представляют собой единую систему. В отношении государственной службы они действуют также системно. Они сбалансированы в рамках Конституции, и применение их в законодательстве о государственной службе также должно быть системно. Конституция как основной источник законодательства о государственной службе устанавливает в соответствующих разделах конституционные основы отдельных институтов государственной службы: Президента, законодательной, исполнительной, судебной властей, прокуратуры, местного управления и самоуправления, системность и единство которых в Конституции также предопределяет необходимость системности и единства законодательного регулирования всей совокупности видового разнообразия государственной службы.

Таким образом, Конституция закладывает не только основы государственной службы, но и законодательства о ней, а также определяет направления его совершенствования. Значит, развитие законодательства о государственной службе должно идти по пути не его расчлененности и дальнейшей обособленности, а единства, комплексности, системности. Это в первую оче-

редь необходимо для обеспечения устойчивости государственной службы, стабильности ее правового регулирования.

В иерархии источников о государственной службе следующее место занимают законы, к которым следует причислить и кодексы, затрагивающие данные вопросы. По степени обобщения регулируемых вопросов государственной службы необходимо выделить три группы нормативных актов: базовый Закон о государственной службе 2003 года, Трудовой кодекс, иные законы, регулирующие вопросы осуществления различных видов государственной служебной деятельности. Среди последних особое место по причине более высокого иерархического уровня занимают Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей и Таможенный кодекс.

Группа законов об отдельных видах государственной службы применяется либо самостоятельно без учета базового Закона (это касается тех ее видов, например военной службы, которые не признаются такими по Закону 2003 года в связи с невключением их в сферу его действия), либо субсидиарно: положения базового Закона применяются в той части, в которой они не урегулированы специальным законодательством. При этом специальное законодательство может быть как общего характера, касающееся собственно осуществления, в том числе прохождения, государственной службы в конкретных органах, например Закон «О прокуратуре Республики Беларусь», так и специально посвящено некоторым вопросам, связанным с прохождением государственной службы. Примерами могут служить Законы «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», ст.ст. 1 и 2, гл. 2 и 3, ст. 51 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», ст. 12 Закона «О профессиональном пенсионном страховании».

Отмечая значимость базового Закона, необходимо высветить его общерегулятивный характер, заключающийся в установлении общих подходов к правовому регулированию, формированию, пониманию государственной службы, сферы ее существования, принципов, отдельных этапов прохождения и прекращения, правового статуса всех государственных служащих независимо от вида. Акцент на данном положении сделан в одном из последних актов по вопросам государственной службы – Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей: «Судьи занимают государственные должности, являются государственными служащими и на них распространяется действие Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 года «О государственной службе в Республике Беларусь» (ч. 1 ст. 84). На судью распространяются ограничения, связанные с государственной службой (ч. 1 ст. 88). Судья имеет право на отставку в порядке и на условиях, определенных законодательством Республики Беларусь о государственной

службе (ст. 125). Судьи исполняют свои обязанности до достижения ими предельного возраста пребывания на государственной службе (ч. 4 ст. 99)».

Аналогично соотношению Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» и Таможенного кодекса: «Должностные лица таможенных органов и работники учреждений, подчиненных Государственному таможенному комитету Республики Беларусь, которым присваиваются персональные звания, являются государственными служащими, и на них распространяется законодательство о государственной службе в той мере, в которой их правовое положение не определено настоящим Кодексом» (ч. 2 ст. 325 Таможенного кодекса). Следовательно, устанавливается приоритет специального законодательства при регулировании государственной службы для отдельных категорий служащих.

Базовость данного Закона также колеблется ввиду нахождения его на более низком уровне в иерархии нормативных правовых актов, чем названные три кодекса. Но соотношение Трудового кодекса и Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» в настоящее время четко определено в пользу Закона. Статьей 5 Трудового кодекса в редакции 2007 года установлено, что он применяется к трудовым и связанным с ними отношениям отдельных категорий работников (к которым относятся любые виды государственных служащих. — *Прим. авт.*) в случаях и пределах, предусмотренных специальными законодательными актами, определяющими их правовой статус. Поскольку специальным законодательством (п. 2 ст. 1 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь») установлено, что действие норм трудового, пенсионного и иного законодательства на отношения, связанные с государственной службой, распространяется только в случаях, не урегулированных настоящим Законом и иными актами законодательства (т.е. специальным законодательством по вопросам государственной службы), то тем самым определен приоритет специального законодательства и в первую очередь базового Закона по отношению к Трудовому кодексу.

Аналогичный вывод нельзя сделать применительно к соотношению отдельных положений Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» и Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей. Приоритет специального законодательства по отношению к общему закону установлен в ч. 2 ст. 7 Закона, согласно которой нормы специальных законодательных актов распространяются на отношения применительно к отдельным категориям работников в связи со спецификой их профессиональной деятельности, к которым, безусловно, относятся судьи при поступлении, прохождении, прекращении ими службы. Кодекс именно эти вопросы и регулирует. Однако ч. 4 ст. 106 Кодекса одновременно урегулирован не столько

специальный, сколько общий вопрос государственной службы, связанный с последующей деятельностью судей вне судебной системы в качестве государственных служащих. Так, Кодексом определено, что «при поступлении лица, имеющего квалификационный класс судьи, на работу в государственный орган на государственную должность ему может быть в установленном порядке присвоен в соответствии с квалификационным классом более высокий класс государственного служащего, чем предусмотренный по данной государственной должности, но не более чем на два класса». Вместе с тем данное положение требовало внесения изменения в ст. 13 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» вслед за аналогичной нормой, касающейся порядка присвоения классов государственным служащим, имеющим государственные награды и почетные звания.

В последних законах, содержащих положения о правовом регулировании отдельных категорий государственных служащих, встречаются нормы, развивающие данные положения, но им не в полной мере соответствующие. Так, ст. 68 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» установлено, что трудовые отношения работников прокуратуры регулируются законодательством о государственной службе и трудовым законодательством. Данное положение распространяется только на трудовые отношения. Из сферы правового регулирования выпадают связанные с ними отношения и иные отношения, не урегулированные Законом «О прокуратуре Республики Беларусь» и положением о прохождении службы в ней. Такая формулировка в Законе определяет соотношение Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» и Трудового кодекса как одноуровневых, что неверно исходя из предыдущих заключений. Значит, данная норма в целом представляется неточной. Ее следовало изложить в Законе «О прокуратуре Республики Беларусь» по аналогии, например, со ст. 325 Таможенного кодекса.

Общий анализ Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» также приводит к двум противоречивым выводам: с одной стороны, он является широкомасштабным по причине применения ряда его положений к таким специфичным разновидностям государственной службы, как служба в представительных органах власти (прокурорская, судебская, таможенная), а с другой стороны, при некоторой его комплексности он носит поверхностный характер, что также подтверждается бланкетным характером его норм. В Законе содержится 133 бланкетные нормы.

Серьезным упущением Закона является отсутствие положений об организации государственной службы, регулирующей аналогичные отношения и включающей кроме традиционных норм о государственно-служебном законодательстве, общих понятиях, правовом статусе должности и др. также определение системы и

структуры органов государственной службы, системы управления ею и ее правового мониторинга, системы и классификации должностей государственной службы, их единого реестра, связей между ними в пределах каждого вида государственной службы, а также взаимопроникновения различных видов государственной службы и др. По нашему мнению, отсутствие данных положений отражается как на комплексном правовом регулировании государственной службы, так и на практике реализации государственной служебной деятельности. Аналогичные вопросы в той или иной мере находят свое правовое закрепление в законах многих современных государств (ФРГ, США, РФ, Украина). Содержатся они и в модельном законе «Об основах государственной службы» государств – участников СНГ⁵.

Существенным пробелом в Законе «О государственной службе в Республике Беларусь» является отсутствие правового регулирования целой совокупности отношений по поводу общего регулирования порядка исполнения обязанностей и реализации полномочий государственными служащими в процессе осуществления государственной службы: порядка организации работы в органах государственной службы, разрешения организационных дел, правил исполнения поручений и распределения в связи с этим полномочий, правил служебного регламента и обеспечивающей его исполнение служебной дисциплины и др. В действующем Законе общие правила реализации анализируемых отношений сформулированы в ст. 21 как обязанности государственного служащего. Все перечисленные виды управленческих действий, которые являются общими для всех органов государственной службы, должны иметь соответственно и общие тенденции в правовом регулировании. Однако они регламентируются органами, как правило, самостоятельно, что приводит к несистемной и хаотичной их регламентации. Порядок осуществления отдельных специфических действий в органах государственной службы, например осуществление правосудия, несение караульной службы и другое, нашел в целом единое правовое закрепление. Что касается аппаратной службы и ее разновидности – службы в органах исполнительной власти, то данные вопросы не урегулированы на уровне единого законодательного акта, что представляется необходимым.

Таким образом, действующий Закон «О государственной службе в Республике Беларусь» не выполняет роль единого акта по вопросам государственной службы, обеспечивающего вытекающую из него системную дифференциацию правового регулирования, как это свойственно иным аналогичным крупным и значимым правовым образованиям (таким отраслям права и законодательства, как трудовое, гражданское, налоговое и др.).

Отдельную группу законов и подзаконных актов составляют нормативные правовые акты,

которые регулируют деятельность служащих, не относящихся к государственным по Закону «О государственной службе в Республике Беларусь». Правовое регулирование отношений по прохождению военной службы, службы начального и рядового состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь осуществляется абсолютно обособленно от Закона о государственной службе. Хотя в ч. 3 ст. 7 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» сделана оговорка «если иное не предусмотрено законодательством». Ни одним из ныне существующих специальных законов прямо не установлена возможность применения норм Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» к данным категориям служащих. Вместе с тем в данных законах используется понятие государственной службы как общее по отношению к конкретной разновидности государственной служебной деятельности. В частности, Закон Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» признает данную службу особым видом государственной службы. Другой же Закон «Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь» называет деятельность в данных органах просто службой, одновременно признавая работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, находящихся при исполнении служебных обязанностей представителями власти, которые защищаются государством (ст. 22). Аналогичный подход использован и в Законе «Об органах внутренних дел» и Законе «Об органах финансовых расследований Республики Беларусь». Однако п. 2 Положения о прохождении службы в органах финансовых расследований Комитета государственного контроля⁶, на которое ссылается Закон, установлено, что данная служба является видом государственной службы Республики Беларусь. То есть правовое регулирование однотипных, близких видов государственной деятельности настолько разрозненно и несистемно, что даже в этих вопросах нет единства, не говоря о частных вопросах, связанных с вопросами прохождения службы в них, что чаще всего регламентируется отдельными положениями и уставами. О наличии общих тенденций также свидетельствует существование общих законов, например Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и органов финансовых расследований».

Наличие большого количества специальных законов в целом является оправданным. Однако в данных видах деятельности имеется много общего, как между собой, так и с иными видами государственной службы: судейской, прокурорской, общегражданской, что соответственно тре-

бует и единого законодательного регулирования их общих основ. Необходимость унификации отдельных вопросов осуществления деятельности данными категориями служащих была закреплена еще в 1997 году. Так, пунктом 1.8 Декрета Президента Республики Беларусь от 27 марта 1997 г. № 10 «О дополнительных мерах по совершенствованию оплаты труда работников отраслей экономики» было дано поручение Совету Министров Республики Беларусь унифицировать размеры надбавок к должностным окладам за классы служащих государственного аппарата, за классные чины прокурорских работников, за квалификационные классы судей судов Республики Беларусь, за дипломатические ранги сотрудников Министерства иностранных дел, а также размеров окладов по воинским (специальным) званиям военнослужащих (кроме военнослужащих срочной службы) и лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, окладов по персональным званиям должностных лиц Государственного таможенного комитета.

Отношения государственной службы регулируются также актами Президента. Одни из них предметом правового регулирования имеют собственно отношения государственной службы⁷, а другие – общие по отношению к государственной службе предметы и соответственно на нее распространяются⁸. Первые могут издаваться по любым вопросам государственной службы: отдельным стадиям поступления (проверки пригодности, сдачи квалификационного экзамена и др.), присвоения классов, аттестации, формирования кадрового резерва, работы с руководителями, направления в командировки, социального и материального обеспечения, прекращения государственной службы и т.п. Только указами Президента утверждаются положения комплексного характера о прохождении государственной службы в отдельных органах (иностранных дел, органах внутренних дел, таможенных органах, органах по чрезвычайным ситуациям и др.), что закладывает определенную тенденцию: прохождение конкретного вида государственной службы урегулировано достаточно полно и всесторонне.

Некоторые из актов Президента Республики Беларусь, прошедшие апробацию временем и зарекомендовавшие себя как стабильные, вполне могут быть целиком включены в единый закон о государственной службе. Это относится, к примеру, к положению о проведении аттестации государственных служащих.

В перспективе отдельные акты по вопросам государственной службы могут быть отменены, взамен их приняты новые законодательные акты. В частности, речь идет о несоответствующих духу времени и принципу системности правового регулирования вопросов государственной службы положениям о соотношении классов служащих и должностей. Целесообразно иметь единый реестр должностей государственных служащих.

Предметный спектр вопросов государственной службы, регулируемых постановлениями

Совета Министров Республики Беларусь, еще более широк. С одной стороны, Совет Министров наделен полномочиями по изданию нормативных актов в сфере государственной службы непосредственно Законом «О государственной службе в Республике Беларусь» (например, действуют постановления Совмина, принятые в соответствии с п. 5 ст. 23, п. 8 ст. 28, п. 1.3 ст. 33 Закона)⁹, с другой – он уполномочивается Президентом на издание нормативных актов по общим вопросам государственной службы¹⁰, с третьей – регулирует специальные вопросы государственной службы исполнительной ветви власти как ее центральный орган в соответствии с компетенцией, закрепленной за ним Законом «О Совете Министров Республики Беларусь».

Третья группа вопросов требует особого внимания. Собственно на Правительстве лежит ответственность за оптимальную структуру и численность работников аппаратов как непосредственно, так и опосредованно подчиненных ему органов государственной службы. В настоящее время виды структурных подразделений в органах государственного управления утверждены Президентом Республики Беларусь¹¹, порядок и условия создания структурных подразделений в государственных органах (за исключением местных исполнительных и распорядительных органов), иных государственных организациях, а также соотношение должностных окладов руководителей этих структурных подразделений – Советом Министров Республики Беларусь¹², структура и численность конкретных органов – ими непосредственно. Вместе с тем представляется, что Совет Министров Республики Беларусь, реализуя свои полномочия в области кадровой политики, определенные ст. 10 Закона «О Совете Министров Республики Беларусь», должен более предметно и активно координировать и контролировать деятельность подчиненных ему органов государственного управления в части рационального распределения и использования служебных ресурсов на основе оптимизации структуры и функций государственных органов, видов и количества должностей государственной службы, исходя при этом из необходимости решения изменяющихся задач социально-экономического развития страны и актуализации государственного управления.

Среди актов Совмина по вопросам государственной службы особое место занимают акты о зачете стажа государственной службы. Их большое количество. Необходимость в издании подобных актов возникает в связи с отмеченной ранее проблемой отсутствия единства государственной службы и единства ее правового регулирования, основанного на всеохватывающем и системном подходе.

К актам по вопросам государственной службы следует отнести также положения о министерствах и государственных комитетах, большинство из которых утверждается Советом Министров, а отдельные Президентом Республики

Беларусь. Данные акты непосредственно относятся к государственной службе, так как в них устанавливаются как основные направления деятельности органа, так и полномочия министра, являющегося государственным служащим.

Таким образом, Совет Министров Республики Беларусь издает нормативные правовые акты, как и Президент, по вопросам собственно государственной службы и по общим вопросам управленческой деятельности, распространяющимся на отношения государственной службы.

В анализируемой сфере широко распространено ведомственное нормотворчество. Оно чрезвычайно разношерстно. В органах принимаются нормативные правовые акты по вопросам государственной службы в развитие законодательных актов и актов Правительства бессистемно. Причем зачастую в них содержится большой объем правовой информации, тождественной информации акта высшей юридической силы. Фактически речь идет о ее дублировании. Это порождает ситуацию с применением на практике исключительно ведомственных актов без обращения к актам законодательства. Чаще всего подобное можно отнести к правовому регулированию аттестации, стажировок, командировок. Полагаем, что подобное нормотворчество нецелесообразно. Избежать подобного возможно путем закрепления в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах в Республике Беларусь» правила о том, что запрещается издание актов, аналогичных изданным вышестоящими органами государственного управления, основанном на буквальном воспроизведении текста акта более высокой юридической силы или с внесением корректировок, не имеющих юридического значения. При этом могут издаваться акты, если они конкретизируют установленный порядок, процедуру, условия применительно к особенностям отраслей и сфер. Переписывание же текста конкретизируемого акта тем не менее запрещается. Таким образом, следует стимулировать практику непосредственного применения в органах государственной службы первоначально изданных актов, имеющих большую юридическую силу по отношению к ведомственным, вплоть до непосредственного применения норм законов. Это будет способствовать уменьшению бесполезного, но отнимающего время и государственные средства, ведомственного нормотворчества, которое напрямую воздействует на эффективность государственной службы. Тем самым можно будет исключить возможные случаи коллизий правовых норм, вызванные изменениями, внесенными в акты более высокой юридической силы, но недостаточно оперативным реагированием ведомственных актов на данные нововведения.

Существует более 50 нормативных правовых актов, которые формально не отменены, но фактически не применяются (полностью или частично), поскольку не соответствуют позднее принятым нормативным правовым актам или

актам большей юридической силы, или же не изменены после принятия в 2003 году Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» и размещены со статусом «действующие» в электронных базах правовой информации¹³.

В качестве отдельных обобщающих анализ законодательства о государственной службе позиций также следовало бы отметить отсутствие единства терминологии и (или) смысла, закладываемого в одни и те же понятия (государственная служба, служебная дисциплина, основание дисциплинарной ответственности (дисциплинарный проступок) и др.), отсутствие единства и четкости в понимании государственного органа государственной службы, сферы государственной службы, единых подходов к порядку привлечения к дисциплинарной ответственности, установлению единообразных форм служебных контрактов и др.

В итоге могут быть сформулированы общие выводы о состоянии законодательного регулирования государственной службы в Республике Беларусь:

1. Законодательство о государственной службе в Республике Беларусь со времени объявления независимости развивается. Его развитие обеспечивается проводимыми организационно-правовыми мерами, направленными на оптимизацию системы органов и деятельности государственных служащих. В настоящее время оно представляет собой самостоятельный массив источников, имеющий ряд проблем.

2. Законодательное регулирование государственной службы при наличии единого Закона не является единым, а скорее характеризуется фрагментарностью и хаотичной дифференциацией правового регулирования. Законодательная база отдельных видов государственной службы Республики Беларусь достаточно полно сформирована. Однако некоторые ее виды требуют унификации.

3. Законодательство характеризуется наличием большого числа нормативных правовых актов различной юридической силы, не систематизированных должным образом, что порождает проблемы нормативно-правового регулирования: противоречия, пробелы в законодательстве, отсутствие четкости и единства терминологии, дублирование нормативных положений. Это провоцируется также наличием в Законе множества бланкетных норм.

4. Совокупность актов по вопросам государственной службы отличается громоздкостью, осложненной повторами нормативного материала, его формирующего, как на уровнях законодательных – подзаконные акты, так и в одноуровневых актах, что справедливо по отношению к военной и к ней близким видам службы.

5. Имеются проблемы правового закрепления иерархии общих и специальных источников о государственной службе.

6. Многие отношения государственной службы стабильного свойства урегулированы указами Президента Республики Беларусь и постановлениями Совета Министров Республики Беларусь, хотя в сложившихся устойчивых отношениях целесообразно их правовое регулирование на уровне Закона.

Таким образом, Закон о государственной службе не исполняет роль системно-базового акта, закрепляющего единую методологическую основу правового регулирования государственной службы, что ставит на повестку дня вопрос о систематизации законодательства в направлении

разработки и принятия Кодекса государственной службы с одновременной ревизией всего законодательства в данной сфере и при условии параллельного принятия и внесения изменений в законодательные акты, которые развивают положения Кодекса или с ним в совокупности применяются. Данный подход основан на необходимости комплексности и системности правового регулирования и опирается на основное правило нормотворчества: законодательные акты, предусмотренные в базовом законе, развивающие его положения или на него опирающиеся, должны приниматься одновременно с основным актом.

¹ Об утверждении единого правового классификатора Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 4 янв. 1999 г., № 1: в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от 08.09.1999 г. № 524, от 06.08.2002 г. № 424, от 04.03.2005 г. № 115, от 12.05.2005 г. № 223, от 26.10.2006 г. № 633, от 12.01.2007 г. № 23, от 31.12.2007 г. № 698, от 28.01.2008 г. № 43 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

² Подгруша, В.В. Институт государственной службы: основные составляющие // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; Бельский, К.С. О концепции реформы государственной службы в России: цит. по: Подгруша, В.В. Институт государственной службы: основные составляющие // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

³ О проведении реформы органов местного управления и самоуправления: Указ Президента Респ. Беларусь, 19 сент. 1995 г., № 383: в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от 30.11.1995 г. № 485, от 14.12.1999 г. № 725 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; О системе республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 января 1997 г., № 30: в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от 07.02.1997 г. № 137, от 19.05.1997 г. № 288, от 11.06.1997 г. № 328, от 07.07.1997 г. № 375, от 11.02.1998 г. № 71, от 20.07.1998 г. № 366, от 31.08.1998 г. № 420, от 11.09.1998 г. № 442, от 06.11.1998 г. № 532, от 04.12.1998 г. № 586, от 15.01.1999 г. № 28, от 09.04.1999 г. № 207, от 03.08.1999 г. № 456, от 05.10.1999 г. № 581, от 19.06.2000 г. № 349, от 24.08.2000 г. № 460, от 07.09.2000 г. № 487, от 29.06.2001 г. № 358 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 24 сентября 2001 г., № 516: в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от 11.10.2001 г. № 578, от 27.11.2001 г. № 707, от 29.12.2001 г. № 808, от 03.06.2002 г. № 282, от 03.02.2003 г. № 56, от 07.05.2003 г. № 185, от 30.12.2003 г. № 599, от 30.12.2003 г. № 603, от 12.02.2004 г. № 66, от 25.03.2004 г. № 153, от 04.06.2004 г. № 268, от 04.06.2004 г. № 269, от 27.08.2004 г. № 412, от 08.09.2004 г. № 435, от 25.04.2005 г. № 189 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

⁴ Об утверждении концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 18 июля 2001 г., № 399: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.11.2003 г. № 509 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

⁵ О модельном Законе «Об основах государственной службы»: пост. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 15 июня 1998 г., № 11-5 // Система автоматизации архивов «ЭКСПЕРТ» [Электронный ресурс] / ОДО «ЭКСПЕРТЦЕНТР». – Минск, 2008.

⁶ О некоторых вопросах органов финансовых расследований комитета государственного контроля: Указ Президента Респ. Беларусь, 20 дек. 2007 г., № 660 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

⁷ Например, О некоторых мерах по упорядочению материального и социального обеспечения служащих государственного аппарата и приравненных к ним лиц: Декрет Президента Респ. Беларусь, 9 сент. 1997 г., № 16: в ред. Декретов Президента Респ. Беларусь от 19.11.1998 г. № 19, от 02.04.2002 г. № 9, от 30.08.2002 г. № 22, Указов Президента Респ. Беларусь от 28.11.2003 г. № 536, от 19.03.2007 г. № 128 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; Об утверждении положения о квалификационном экзамене для лиц, впервые поступающих на государственную службу: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 марта 2005 г., № 139 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; О доверительном управлении принадлежащими государственным служащим долями участия (акциями, правами) в уставных фондах коммерческих организаций: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 марта 2004 г., № 136 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; Об утверждении положения о проведении аттестации государственных служащих: Указ Президента Респ. Беларусь, 06 нояб. 2003 г., № 489; О соотношении классов государственных служащих и государственных должностей: Указ Президента Респ. Беларусь, 09 февр. 2004 г., № 58: в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от

24.08.2006 г. № 519, от 12.01.2007 г. № 23, от 13.12.2007 г. № 630 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

⁸ О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины: Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 27.02.2002 г. № 145, Декретов Президента Респ. Беларусь от 04.04.2002 г. № 10, от 30.08.2002 г. № 22, от 02.04.2007 г. № 2, от 30.12.2007 г. № 10, от 28.05.2008 г. № 9 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; О проведении аттестации руководящих работников государственных органов и иных организаций, должности которых включены в кадровый реестр Главы Государства Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 14 марта 2005 г., № 122; в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от 10.06.2005 г. № 271, от 06.09.2005 г. № 413, от 26.12.2006 г. № 739, от 31.12.2006 № 763, от 12.01.2007 № 23, от 22.10.2007 № 532, от 06.12.2007 г. № 626, от 13.12.2007 г. № 630, от 03.06.2008 г. № 303, от 17.06.2008 г. № 341 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины: Директива Президента Респ. Беларусь, 11 марта 2004 г., № 1 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

⁹ О некоторых вопросах декларирования доходов и имущества государственными служащими и иными категориями лиц: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 июля 2006 г., № 952; в ред. пост. Совмина от 19.12.2007 г. № 1782 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; Об утверждении положения о проведении конкурса на занятие государственной должности: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 сент. 2003 г., № 1221; в ред. пост. Совмина от 14.05.2005 г. № 490 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; Об определении перечня заболеваний, препятствующих исполнению служебных обязанностей на государственной службе: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 окт. 2003 г., № 1250 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

¹⁰ Например, Об утверждении примерной формы контракта руководителя государственного органа (организации) с лицом, назначаемым на должность и освобождаемым от должности Президентом Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 августа 2002 г., № 1055; в ред. постановлений Совмина от 08.10.2003 г. № 1277, от 25.08.2004 г. № 1012, от 31.10.2005 г. № 1201, от 13.09.2006 г. № 1198, от 31.08.2007 г. № 1123, от 10.12.2007 г. № 1710 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

¹¹ См., например, О некоторых мерах по оптимизации системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, структуры и численности работников государственных органов, других государственных организаций: Указ Президента Респ. Беларусь, 12 февр. 2004 г., № 66; в ред. Указов Президента Респ. Беларусь от 10.08.2005 г. № 362, от 04.08.2006 г. № 492, от 23.10.2006 г. № 630, от 12.01.2007 г. № 23, от 25.09.2007 г. № 448, от 28.12.2007 г. № 674 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

¹² О некоторых вопросах создания и деятельности структурных подразделений центральных аппаратов государственных органов и иных государственных организаций: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 марта 2004 г., № 285 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007.

¹³ Например, О соответствии государственных должностей государственной службы органов Союзного государства и их аппаратов должностям служащих государственного аппарата Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2001 г., № 253 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; Об утверждении типового положения о конкурсе на замещение должностей в государственном аппарате Республики Беларусь: постановление Государственного комитета Респ. Беларусь по труду и социальной защите населения, 25 фев. 1994 г., № 30 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007; ряд постановлений Совета Министров Республики Беларусь о внесении дополнений в положение о порядке и условиях исчисления стажа работы в качестве служащего государственного аппарата и постановлений Минтруда о внесении дополнений и изменений в перечень должностей, соответствующих классам служащих государственного аппарата, принятых в развитие Закона «Об основах службы в государственном аппарате».

СУБЪЕКТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Е. В. ШАРШУН

Статья посвящена исследованию правового регулирования использования земель сельскохозяйственного назначения различными субъектами сельскохозяйственного землепользования.

Статья подготовлена на базе изучения специальной юридической литературы по теме рассматриваемого вопроса, а также анализа норм законодательства об использовании и охране земель Республики Беларусь. Субъекты сельскохозяйственного землепользования рассматриваются с учетом последних новаций, предусмотренных Кодексом Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 года. Автор обосновывает ряд теоретических выводов и предлагает практические рекомендации по совершенствованию законодательства, регулирующего отношения по использованию земель сельскохозяйственного назначения.

Вопросы сельскохозяйственного землепользования в юридической литературе исследовались неоднократно. Большинство из этих исследований было выполнено в период с 1950 года по 1990 год (Ю.Г.Жариков, Г.А.Аксененок, А.М.Турубинер и др.). Преобразования земельных отношений, связанные с переходом от монополии государственной собственности на землю к многообразию форм собственности и коренным изменениям в социально-экономической структуре сельского хозяйства, усилили интерес ученых-юристов к проблемам земельной правосубъектности отдельных производителей сельскохозяйственной продукции (Н.А.Боровинская, С.П.Кацубо, И.П.Кузьмич и др.). Тем не менее проблема сельскохозяйственного землепользования требует дополнительного изучения с учетом особенностей развития земельного законодательства в Республике Беларусь, которое претерпело в последнее время существенные качественные изменения.

В соответствии со ст. 96 Кодекса Республики Беларусь о земле от 4 января 1999 года [1] (далее – КоЗ 1999 г.) и ст. 37 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 года [2] (далее – КоЗ 2008 г.) земли сельскохозяйственного назначения предоставляются сельскохозяйственным организациям, в том числе крестьянским (фермерским) хозяйствам, научным организациям, учреждениям образования, несельскохозяйственным организациям, гражданам Республики Беларусь, а также иностранным гражданам и лицам без гражданства.

В законодательстве Республики Беларусь выделяются различные критерии отнесения юридического лица к сельскохозяйственной организации. Так, в ст. 174 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2000 года «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [3] под сель-

скохозяйственными организациями понимаются юридические лица, основным видом деятельности которых является выращивание (производство или производство и переработка) сельскохозяйственной продукции, выручка от реализации которой составляет не менее 50 % от общей суммы выручки. Аналогичное определение дается и в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 9 июня 2003 года «О реорганизации убыточных сельскохозяйственных организаций» [4].

Для организаций как субъектов отношений сельскохозяйственного землепользования важно обладать определенным сельскохозяйственным профилем [5, с. 193]. Так, И.О.Краснова выделяет извлечение прибыли как признак, влияющий на правовой режим земли организации [5, с. 198]. Н.А.Шингель полагает, что на использование земель влияют такие признаки сельскохозяйственных организаций, как цель деятельности (коммерческие и некоммерческие организации), а также сфера деятельности (производственные и непроизводственные организации) [6, с. 32].

Таким образом, субъектами сельскохозяйственного землепользования могут быть:

- коммерческие организации, занятые производством сельскохозяйственной продукции (унитарные предприятия, кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные общества и товарищества и др.). В соответствии со ст. 96 КоЗ 1999 г. они именуется субъектами, осуществляющими сельскохозяйственную деятельность. В КоЗ 2008 г. употребляется термин «сельскохозяйственные организации». Указанным юридическим лицам земля предоставляется для ведения сельского хозяйства;

- научные организации, учреждения образо-

ки предоставляются для исследовательских или учебных целей в области сельского либо лесного хозяйства;

– несельскохозяйственные организации. Несельскохозяйственным организациям земельные участки предоставляются для ведения сельского хозяйства, а также подсобного сельского хозяйства. Следует отметить, что земельное и аграрное законодательства не содержат легального определения понятия «подсобное сельское хозяйство». Анализ некоторых нормативных правовых актов [7; 8; 9] позволяет прийти к выводу, что ведение подсобных сельских хозяйств следует рассматривать как хозяйственную деятельность, не связанную с извлечением прибыли, которая имеет целью обеспечение продовольственных нужд несельскохозяйственных организаций. Причем для ведения подсобного сельского хозяйства могут предоставляться не только земли сельскохозяйственного назначения, но и иные земли (земли, закрепленные за указанными организациями).

Сельскохозяйственным организациям, в том числе крестьянским (фермерским) хозяйствам, иным организациям, научным организациям, учреждениям образования земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения предоставляются по их выбору в постоянное или временное пользование либо аренду (ст. 37 КоЗ 2008 г.). Важно отметить, что КоЗ 1999 г. в качестве основного титульного права, на котором указанные субъекты могут использовать земельные участки, рассматривает лишь право постоянного пользования.

Согласно ч. 1 ст. 96 КоЗ 1999 г. земли сельскохозяйственного назначения могут предоставляться гражданам Республики Беларусь для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, огородничества и служебного землепользования. КоЗ 2008 г. сужает круг субъектов, которые могут использовать земли рассматриваемой категории, предусматривая возможность предоставления земельных участков гражданам Республики Беларусь лишь для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства.

В соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 18 февраля 1991 года «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» в редакции Закона Республики Беларусь от 19 июля 2005 года [10] иностранные граждане и лица без гражданства имеют равные с гражданами Республики Беларусь права на создание крестьянского (фермерского) хозяйства, поэтому получить землю для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства из категории земель сельскохозяйственного назначения могут как граждане Республики Беларусь, так и иностранные граждане и лица без гражданства.

Закон Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» не устанавливает квалификационных требований к главе крестьянского (фермерского) хозяйства. Лишь ст. 78 КоЗ 1999 г. предусматривается, что преимуществен-

ное право на получение земельного участка в рассматриваемых целях имеют граждане, проживающие в данной местности, обладающие специальными знаниями и необходимой квалификацией. В КоЗ 2008 г. преимущественное право на получение земельного участка для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства при прочих равных условиях имеют крестьянские (фермерские) хозяйства, создаваемые лицами, зарегистрированными по месту жительства или месту пребывания на территории соответствующего сельсовета, а также членами (работниками) реорганизуемых или ликвидируемых сельскохозяйственных организаций.

Следует согласиться с предложением Г.Е.Быстрова о том, что к претендентам, имеющим преимущественное право на получение земельного участка для создания крестьянского хозяйства, должны быть отнесены также лица, которые по характеру работы хотя и не связаны с сельскохозяйственным производством, но переезжают на постоянное место жительства в село и могут профессионально заниматься сельскохозяйственным предпринимательством [11, с. 67, 68]. По мнению С.П.Кацубо, при получении земельного участка предпочтение следует отдавать специалистам сельскохозяйственного профиля с высшим и средним образованием и опытом практической работы [12].

Исходя из того, что крестьянское (фермерское) хозяйство является производителем сельскохозяйственной продукции, использует для осуществления своей деятельности земельный участок из категории земель сельскохозяйственного назначения, нам представляется вполне обоснованным закрепление в Законе Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» квалификационных требований к главе хозяйства. В связи с этим предлагаем пункт 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» дополнить словами «обладающие необходимой квалификацией либо опытом работы в области сельского хозяйства».

Согласно нормам КоЗ 1999 г. земельный участок предоставляется главе крестьянского (фермерского) хозяйства на праве пожизненного наследуемого владения. Такое положение противоречит статусу крестьянского (фермерского) хозяйства как самостоятельной формы коммерческих организаций, закрепленной в ст. 46 Гражданского кодекса Республики Беларусь [13] (далее – ГК). Важной новеллой КоЗ 2008 г. является возможность предоставления земельного участка по выбору крестьянскому (фермерскому) хозяйству в постоянное пользование или аренду либо главе этого хозяйства в пожизненное наследуемое владение или аренду.

Согласно ст. 7 Закона Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» одним из документов, представляемых для государственной регистрации фермерского хозяйства, является копия решения соответствующего

районного исполнительного и распорядительного органа о том, что земельный участок будет предоставлен для ведения фермерского хозяйства в порядке, установленном законодательством об охране и использовании земель. В соответствии со ст. 40 КоЗ 2008 г. дееспособные граждане, зарегистрированные по месту жительства или месту пребывания на территории Республики Беларусь, пожелавшие создать крестьянское (фермерское) хозяйство, подают в соответствующий районный исполнительный комитет заявление о подтверждении возможности размещения крестьянского (фермерского) хозяйства и предполагаемом месте размещения земельного участка для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства. Земельный участок предоставляется после государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства.

Таким образом, Закон Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и КоЗ 2008 г. предусматривают, что государственная регистрация крестьянского (фермерского) хозяйства как юридического лица предшествует предоставлению земельного участка для этих целей, однако при этом возможность предоставления такого участка должна быть согласована с соответствующим исполнительным комитетом. В то же время пункт 35 Положения о порядке изъятия и предоставления земельных участков (далее – Положение) [14], закрепляя процедуру предоставления земельного участка юридическому лицу, в том числе крестьянскому (фермерскому) хозяйству, не предусматривает необходимость такого согласования.

В целях устранения возникшей коллизии правовых норм полагаем целесообразным в главе 5 Положения закрепить особенности предоставления земельного участка крестьянскому (фермерскому) хозяйству с учетом положений ст. 40 КоЗ 2008 г.

В соответствии со ст. 96 КоЗ 1999 г. для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства предоставляются земли сельскохозяйственного назначения. Кроме того, предусматривается возможность предоставления земельных участков в рассматриваемых целях из земель запаса, специального фонда земельного запаса, а также из земель, изымаемых у сельскохозяйственных организаций (ст.ст. 79, 80 КоЗ 1999 г.).

В КоЗ 2008 г. предусмотрено, что крестьянским (фермерским) хозяйствам либо их главам предоставляются земельные участки из категории земель сельскохозяйственного назначения, к которым относятся земельные участки, включающие в себя сельскохозяйственные и иные земли, предоставленные для ведения сельского хозяйства. В то же время согласно ст. 40 КоЗ 2008 г. земельные участки для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства предоставляются в первую очередь из фонда перераспределения земель. Среди целей, для которых формируется данный фонд, указываются как сельскохозяйственное использование (создание и развитие сель-

скохозяйственных организаций, в том числе крестьянских (фермерских) хозяйств, личных подсобных хозяйств граждан), так и использование для развития населенных пунктов, размещения объектов промышленности, транспорта, связи, энергетики, обороны и иного назначения. В связи с этим существенное значение имеют положения законодательства, предусматривающие требования к качеству земельного участка, предоставляемого для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 3 марта 1998 г. № 95 «О мерах по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств и усилению их государственной поддержки» [15] установлено, что для ведения крестьянских (фермерских) хозяйств предоставляются земельные участки, пригодные для ведения сельского хозяйства и не требующие значительных затрат на первичное обустройство.

Земельные участки для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства предоставляются, как правило, единым массивом и в дальнейшем разделу не подлежат (ч. 5 ст. 78 КоЗ 1999 г.). Установленный запрет на раздел земельного участка важен с точки зрения сохранения экономической устойчивости крестьянского (фермерского) хозяйства. Вместе с тем КоЗ 2008 г. не содержит нормы, запрещающей раздел земельного участка, предоставленного для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства. На наш взгляд, такая позиция законодателя недостаточно последовательна. В связи с этим, полагаем целесообразным изложить пункт 1 ст. 12 Закона Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» в новой редакции: «Земельный участок, принадлежащий крестьянскому (фермерскому) хозяйству, при выходе или исключении члена фермерского хозяйства из состава членов фермерского хозяйства разделу не подлежит. Вышедший или исключенный член фермерского хозяйства вправе получить стоимость своей доли в имуществе фермерского хозяйства, а также часть прибыли, определяемой в соответствии с положениями статьи 17 настоящего Закона».

В соответствии с ч. 2 ст. 96 КоЗ 1999 г. земли сельскохозяйственного назначения могут предоставляться «иным юридическим и физическим лицам» для ведения сельского хозяйства. Мы полагаем, что предоставление указанных земель будет иметь место, в частности, в случае присоединения убыточной сельскохозяйственной организации к другому юридическому лицу, а также в случае продажи (безвозмездной передачи) предприятия как имущественного комплекса убыточной сельскохозяйственной организации иному юридическому лицу [16; 17; 18].

В юридической литературе отмечается, что процесс реорганизации сельскохозяйственных организаций требует адекватного правового регулирования земельных отношений, так как в результате реорганизации создаются новые юридические лица, а, следовательно, возникает вопрос о предоставлении им земельного участка

[19, с. 128]. В то же время законодательство недостаточно регулирует земельные отношения, возникающие в процессе реорганизации юридических лиц. О судьбе земельного участка при реорганизации юридического лица речь идет лишь в ст. ст. 56 и 100 КоЗ 1999 г. и ст. 56 КоЗ 2008 г. В частности, ст. ст. 56 КоЗ 1999 г. и КоЗ 2008 г. регулируют общий порядок перехода права частной собственности на земельный участок при реорганизации негосударственных юридических лиц, не касаясь иных правовых титулов, на основании которых может осуществляться землепользование. К рассматриваемой нами ситуации указанные статьи не применимы, поскольку земли сельскохозяйственного назначения находятся только в собственности государства.

Сущностью реорганизации выступает правопреемство, то есть переход прав и обязанностей от реорганизуемого юридического лица к юридическому лицу, возникающему в процессе реорганизации. Вместе с тем возникает вопрос о правомерности перехода прав на земельный участок в порядке правопреемства в процессе реорганизации сельскохозяйственной организации. Правильнее было бы говорить не о переходе прав на земельный участок (правопреемстве), а о прекращении прав у одного из участников процесса реорганизации и возникновении прав у другого в соответствии с решением уполномоченного государственного органа [20, с. 308].

В соответствии с пунктом 12 Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 не требуется принятие местным исполнительным комитетом решения об изъятии и предоставлении земельного участка либо переходе права на него в случае перехода права на расположенное на нем капитальное строение (здание, сооружение), в том числе не завершенное строительством законсервированное, к другому лицу, если при этом не изменяется целевое назначение земельного участка, вид вещного права на него, его размер и границы. Таким образом, упрощенная процедура перехода права на земельный участок урегулирована только применительно к земельному участку, на котором находится отчуждаемое капитальное строение. Во всех остальных случаях право на земельный участок будет передаваться только в общем порядке путем принятия местным исполнительным комитетом решения о его изъятии у прежнего землепользователя и предоставлении другому лицу.

В соответствии со ст. 132 ГК в состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки.

Причем согласно пункту 3 Положения о порядке совершения регистрационных действий в отношении предприятия как имущественного комплекса [21] земельные участки, предоставленные на праве пожизненного наследуемого владения, постоянного пользования, временного пользования, не входят в состав предприятия. Покупателю предприятия как имущественного комплекса убыточной сельскохозяйственной организации земельный участок будет предоставляться так же, как и в первом случае, в общем порядке. Вместе с тем одним из обязательных условий продажи имущественного комплекса убыточной сельскохозяйственной организации является обеспечение деятельности по производству сельскохозяйственной продукции.

В связи с вышеизложенным полагаем целесообразным предусмотреть в Положении особый порядок переоформления прав на земельный участок при присоединении убыточной сельскохозяйственной организации к другому юридическому лицу, а также в случае продажи предприятия как имущественного комплекса убыточной сельскохозяйственной организации юридическому лицу.

Проведенное исследование правового регулирования использования земель сельскохозяйственного назначения различными субъектами сельскохозяйственной деятельности позволяет сделать следующие выводы:

- к субъектам сельскохозяйственного землепользования относятся сельскохозяйственные организации, в том числе крестьянские (фермерские) хозяйства; научные организации, учреждения образования; несельскохозяйственные организации; граждане Республики Беларусь, а также иностранные граждане и лица без гражданства;
- целесообразно закрепить в Законе Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» квалификационные требования к главе крестьянского (фермерского) хозяйства;
- следует дополнить Закон Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» нормой, запрещающей раздел земельного участка, предоставленного для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства;
- необходимо устранить коллизию правовых норм, регулирующих порядок предоставления земельного участка для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства;
- нуждаются в совершенствовании нормы законодательства, касающиеся определения юридической судьбы земельного участка при реорганизации сельскохозяйственных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь о земле: Кодекс Респ. Беларусь, 4 янв. 1999 г., № 226-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 2 – 3. – 2/1; 2002. – № 55. – 2/848.
2. Кодекс Республики Беларусь о земле: Кодекс Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 187. – 2/1522.
3. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь, 18 июля 2000 г., № 423-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 73. – 2/198; 2008. – № 172. – 2/1469.
4. О реорганизации убыточных сельскохозяйственных организаций: Закон Республики Беларусь, 9 июня 2003 г., № 202-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 68. – 2/951; 2003. – № 125. – 2/992.
5. Краснова, И.О. Земельное право. Элементарный курс / И.О. Краснова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – 240 с.
6. Шингель, Н.А. Правовой режим земель в Республике Беларусь: курс лекций / Н.А. Шингель. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2006. – 135 с.
7. Об утверждении Положения о подсобном хозяйстве соединения (части) пограничных войск Республики Беларусь: Приказ Государственного комитета пограничных войск Республики Беларусь, 31 декабря 2004 г., № 582 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 19. – 8/12038; 2006. – № 129. – 8/14799.
8. Об утверждении Инструкции о порядке ведения подсобного хозяйства воинской части Вооруженных сил Республики Беларусь и транспортных войск Республики Беларусь: Приказ Министерства обороны Республики Беларусь, 4 января 2007 г., № 2 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 43. – 8/15716; 2008. – № 58. – 8/18239.
9. Об утверждении примерного Положения о подсобном сельском хозяйстве, являющемся структурным подразделением учреждения социальной защиты: Приказ Министерства социальной защиты Респ. Беларусь, 29 декабря 1995 г., № 56 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
10. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Закон Республики Беларусь, 18 февраля 1991 г.: в редакции Закона Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. // Ведомости Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1991. – № 12 (14). – Ст. 125; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 122. – 2/1141; 2007. – № 170. – 2/1344; 2008. – № 175. – 2/1494.
11. Быстров, Г.Е. Право частной собственности на землю в России и создание новых предпринимательских структур в сельском хозяйстве / Г.Е. Быстров // Государство и право. – 1997. – № 6. – С. 60-69.
12. Кацубо, С.П. Правовое регулирование деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств в Республике Беларусь / С.П. Кацубо // Промышленно-торговое право. – 2000. – № 1-2 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
13. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
14. Об изъятии и предоставлении земельных участков: Указ Президента Республики Беларусь, 27 декабря 2007 г., № 667 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 6. – 1/9264.
15. О мерах по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств и усилению их государственной поддержки: Указ Президента Республики Беларусь, 3 марта 1998 г., № 95 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1998. – № 7. – Ст. 157.
16. О некоторых мерах по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных организаций и привлечению инвестиций в сельскохозяйственное производство: Указ Президента Республики Беларусь, 19 марта 2004 г., № 138 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 44. – 1/5398; 2006. – № 69. – 1/7480.
17. О порядке и условиях продажи юридическим лицам предприятий как имущественных комплексов убыточных сельскохозяйственных организаций: Указ Президента Республики Беларусь, 14 июня 2004 г., № 280 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 93. – 1/5594.
18. О порядке и условиях продажи юридическим лицам предприятий как имущественных комплексов убыточных государственных организаций: Указ Президента Республики Беларусь, 25 февраля 2008 г., № 113 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 54. – 1/9509.
19. Кузьмич, И.П. Проблемы совершенствования законодательства о колхозах / И.П. Кузьмич // Вестник молодежного научного общества. – 2002. – № 1. – С. 124-129.
20. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 18 февраля 1991 года «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»: в редакции Закона от 19 июля 2005 года / С.П. Кацубо [и др.]; науч. ред. И.С. Шахрай; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т государства и права. – Минск: Бел. наука, 2006. – 327 с.
21. Об утверждении Положения о порядке совершения регистрационных действий в отношении предприятия как имущественного комплекса: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 1 июня 2004 г., № 650 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 89. – 5/14333; 2007. – № 82. – 5/24965.

РАЗДЕЛ II

|| ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Э.Р.КУЛИЕВ

В статье освещаются основные виды систематизации законодательства, а также раскрывается само это понятие.

Одним из основных понятий современной юриспруденции, приобретшим актуальность за последние десятилетия, является понятие кодификации. Процесс бурного развития законодательства в постсоветских республиках, разработка и принятие новых кодексов в различных сферах общественной жизни приводит к возрастанию внимания юридической общественности к проблемам понятия и правовой природы данного феномена. Как известно, понятие кодификации тесно связано с систематизацией законодательства, как родовым понятием и поэтому подробная и всесторонняя интерпретация первого зависит от уяснения понятия, содержания, видов и форм систематизации законодательства. Прежде всего необходимо указать на то, что в юридической литературе по сей день существуют различные мнения по поводу феномена систематизации законодательства.

Если обратиться к истории исследования вопроса, то надо отметить, что еще в 50-х гг. прошлого века в связи с необходимостью развития новой волны кодификаторской деятельности в советской юридической литературе уделялось большое внимание разработке понятия систематизации законодательства. Однако уже в то вре-

мя ее интерпретация вызывала много споров и толков среди исследователей.

Последующее развитие представлений о систематизации не привело к установлению согласия в этом вопросе. Напротив, современная интерпретация понятия систематизации характеризуется многообразием и широким спектром мнений. Разница во мнениях проявляется даже в самом отношении к указанному вопросу, его терминологическом обозначении и определении значимости для общей теории права. В то время как в некоторых современных учебниках по теории государства и права целые разделы и главы посвящены изложению материала о систематизации законодательства¹, в других уже говорится о «систематизации нормативно-правовых актов»², а третьи и вовсе не упоминают об этом³.

Диапазон мнений о содержании и сущности данного явления также характеризуется многообразием. Например, существует точка зрения, включающая в понятие систематизации законодательства, помимо всего прочего, еще и регистрацию и даже рубрикацию правовых актов⁴. Такое же множество точек зрения существует и по отношению к вопросу о видах, формах и способах систематизации. Кроме того, неясным оста-

ется вопрос о месте систематизаторской деятельности в системе средств и способов осуществления правовой политики государства.

Если попытаться обобщить все многочисленные точки зрения на понятие систематизации законодательства в советской и современной юридической литературе, то можно прийти к следующим выводам. Ряд авторов понимают систематизацию законодательства как родовое понятие и охватывают им всю деятельность по упорядочению законодательства. В таком случае кодификация рассматривается как составная часть систематизации. Некоторые ученые понимают систематизацию в узком смысле и ограничивают ее только совершенствованием формы законодательства, а не ее содержания. В таком случае систематизация и кодификация рассматриваются как отличные друг от друга понятия или же систематизация считается частным методом, используемым в процессе кодификации. Третий подход выражается в игнорировании самого понятия «систематизация», когда вся деятельность по упорядочиванию законодательства считается либо кодификацией, либо «совершенствованием законодательства», либо «упорядочиванием законодательства».

Весьма интересны в этой связи определения систематизации, выдвигаемые в современной юридической литературе. Одним из них является определение, предложенное В.Н.Протасовым. По его мнению, «систематизация законодательства – это деятельность по упорядочению и совершенствованию нормативного материала путем его внешней и внутренней обработки, осуществляемая с целью поддержания системности законодательства и обеспечения субъектов права необходимой нормативно-правовой информацией»⁵. В то же время А.В.Поляков систематизацию законодательства определяет как техническое упорядочение действующих нормативно-правовых актов⁶.

По мнению М.М.Рассолова, общая масса нормативного материала в каждом конкретном государстве постоянно растет и это требует его приведения в определенную систему, что и называется «систематизация законодательства». После этого он предлагает следующее определение рассматриваемого явления: «систематизация законодательства – деятельность по упорядочению, совершенствованию законодательства, приведению ее в определенную систему путем составления единого нормативно-правового акта, либо собрания нормативно-правовых актов»⁷. По Д.В.Чухвичеву, систематизация законодательства может быть определена «...как некий комплекс мероприятий, направленных на упорядочение нормативно-правовых актов с точки зрения их структуры»⁸.

В приведенных выше определениях акцентируется внимание именно на отдельные стороны систематизации (предмет, цели, способ, характер и результат систематизации, цели систематизации). Иными словами, они рассматривают его в одностороннем порядке. Однако на самом деле

понятие систематизации должно вобрать в себя все указанные выше его стороны.

Одним из важнейших вопросов, требующих своего однозначного разрешения в свете изучения проблем систематизации законодательства, является вопрос о ее формах и видах. Причем как относительно самого общего понятия вида, так и его конкретных разновидностей. Здесь также наблюдается разность подходов и мнений. Так, некоторые авторы вместо понятия «вид систематизации» используют только понятие «формы систематизации» и отмечают наличие только двух таких форм: инкорпорации и кодификации (Д.А.Керимов и Л.С.Явич)⁹.

С другой стороны, большинство ученых различают три основные формы нормативно-правовой систематизации: инкорпорацию, консолидацию и кодификацию¹⁰. Отдельная группа исследователей, солидаризируясь с мнением большинства о количестве разновидностей, все же обозначает их как способы систематизации. При этом понятия «вид» и «способ систематизации законодательства» фактически отождествляются. Например, В.М.Протасов считает, что «современное правоведение в основном различает и использует три вида (способа) систематизации – инкорпорацию, консолидацию и кодификацию»¹¹.

В то же время существует мнение, что количество видов (форм или способов) нельзя ограничивать только тремя указанными выше, и к их числу надо добавить еще и картотечную регистрацию законодательства. Так, А.В.Поляков различает четыре способа систематизации: организация и учет, инкорпорация, консолидация и кодификация¹².

Считаем, что необходимо прежде всего внешне ясность в вопрос разграничения понятий формы, способы и виды систематизации. Здесь понятие формы или способов несет более узкое значение. Например, можно говорить о внешних или внутренних формах систематизации. Если инкорпорация охватывает только внешнюю систематизацию, то кодификация предусматривает как внешнее, так и внутреннее упорядочение. Значит, применительно к инкорпорации и кодификации (а также консолидации) необходимо использовать понятие «вид систематизации» как обобщающее все указанные выше.

Что касается количества видов систематизации, то здесь мы полностью солидарны с мнением большинства авторов. Действительно, мысль об отнесении картотечного учета законодательства к видам систематизации не имеет под собой веских оснований, так как в этом случае исключается какое-либо действие с текстом нормативных актов. Что касается вопроса отнесения консолидации к самостоятельной форме систематизации, то здесь необходимо прежде всего отметить важность разграничения видов систематизации. Действительно, если общим для всех трех видов является их направленность к систематизации нормативных актов, в чем же тогда разница между ними.

В научной литературе неоднократно делались попытки провести четкое разграничение между указанными видами систематизации, однако, при этом каких-либо окончательных результатов достичь не удавалось. Главной причиной этого является, на наш взгляд, отсутствие четких представлений о критериях классификации, когда за основу берется только один какой-либо признак, а все остальные не менее важные стороны остаются за пределами внимания.

По нашему мнению, необходимо прежде всего определить критерии разграничения видов, и только после этого возможна полная и основательная классификация систематизаторской деятельности. На основе анализа и обобщения мнений, выдвигаемых в разное время в научной литературе, к такого рода критериям можно отнести следующие: предмет, цели, субъекты, форма, характер и результаты систематизации, место систематизированного акта в системе законодательства. Если принимать во внимание эти признаки, то разграничение видов систематизации будет следующим образом:

1) по предмету:

предмет инкорпорации составляют в основном действующие нормативно-правовые акты, хотя иногда возможно инкорпорирование отмененных в установленном законом порядке или фактически утративших силу норм. Предмет консолидации составляют близкие друг другу или повторяющие друг друга по содержанию нормы нескольких одинаковых по своей юридической силе нормативно-правовых актов, регулирующих одни и те же сферы общественных отношений. Предмет кодификации – система норм права (отрасль, подотрасль, институт права), регламентирующая однородные общественные отношения. Сюда входят две группы норм: а) ранее принятые и сохранившие свою юридическую силу нормы; б) новые правовые положения, существенным образом отличающиеся от ранее действовавших правовых норм;

2) по цели:

инкорпорация направлена как минимум на точное определение перечня нормативных актов, их группировку и внешнее объединение по определенному критерию (по алфавиту, в хронологическом порядке), обеспечение доступности и легкости в использовании нормативных актов. Целью консолидации является сокращение количества нормативно-правовых актов, совершенствование формы правового регулирования и обеспечение удобного поиска норм, необходимых для регулирования конкретных отношений. Цель кодификации – гармонизация между новыми и старыми правовыми положениями в конкретной сфере общественных отношений, создание новых норм, официальное закрепление изменений, произошедших в обществе, вовлечение новых общественных отношений в сферу правового регулирования, придание им стабильной формы;

3) по субъектам:

инкорпорацию осуществляет более широкий круг субъектов, то есть как сам правотворческий орган, так и другие органы и лица, не уполномоченные на создание, отмену или изменение норм права. Консолидацию и кодификацию осуществляют правотворческие органы, наделенные по конституции или закону специальными полномочиями;

4) по характеру и форме систематизации:

по своему характеру инкорпорация – это не правотворчество, здесь действующее законодательство подвергается внешней обработке – нормативно-правовые акты сводятся в определенном порядке (хронологическом, предметном и т.д.) и упорядочиваются с точки зрения внешней формы. Консолидация по своему характеру близка к инкорпорации, однако вместе с тем отражает в себе некоторые черты правотворческой деятельности (например, устранение противоречий в нормативных актах посредством внесения в них изменений); кодификация – вид систематизации, носящий характер правотворческой деятельности; законодательство здесь систематизируется как внутренне, так и внешне, как с точки зрения формы, так и содержания;

5) по результатам деятельности:

инкорпорация и консолидация ничего нового в урегулирование общественных отношений не привносят; инкорпорация по существу не изменяет действующие нормативно-правовые акты, а всего лишь объединяет их в определенном порядке. В результате консолидации происходит объединение нескольких действующих в одной и той же сфере нормативно-правовых актов в одном сводном акте без изменения их характера. При кодификации нормы, относящиеся к одной и той же сфере общественных отношений перерабатываются с точки зрения формы и содержания, создается новый, сводный нормативно-правовой акт, в который включаются нормы, существенно отличающиеся от ранее действовавших правовых предписаний. Такого рода акты учитывают возможные изменения в общественной жизни и способны к урегулированию в будущем новых более совершенных общественных отношений;

б) по месту результата систематизаторской деятельности в системе законодательства:

в отношении инкорпорации и консолидации, кодификационный акт занимает особое место среди нормативно-правовых актов, действующих в определенной сфере общественной жизни; он охватывает большинство вопросов, относящихся к предмету регулирования конкретной отрасли права. И, самое главное, здесь отражаются те общие принципы, которые играют руководящую роль для всех норм данной отрасли.

Таким образом, в результате исследования некоторых теоретических вопросов систематизации законодательства можно сделать следующие выводы:

1) приведенный выше анализ существующих ныне подходов и определений позволяет нам

выдвинуть следующее обобщающее определение систематизации законодательства: систематизация законодательства – своеобразная правовая деятельность, осуществляемая с целью системного совершенствования правового регулирования, высвобождения от устаревших и противоречащих друг другу норм, устранения пробелов в праве и упорядочения юридических норм и выражающаяся в создании стройной и внутренне согласованной системы нормативно-правовых актов;

2) инкорпорация, кодификация и консолидация, отличаясь друг от друга, имеют самостоятельное значение и в то же время взаимосвязаны между собой как виды систематизации. При этом инкорпорация и консолидация могут выступать в качестве предварительного условия для кодификации;

3) консолидация включает в себе некоторые черты инкорпорации и кодификации – по форме она ближе к инкорпорации. Ее используют в тех случаях, когда нет надобности или возможности для кодификации. Кроме того, еще одна схожесть инкорпорации и консолидации – отсутствие новизны в регулировании общественных отношений. Акт консолидации – сводный нормативный правовой акт и в этом отношении он приближается к кодификационному акту;

4) кодификация – самый сложный и совершенный вид систематизации законодательства, носящий характер правотворческой деятельности. С помощью кодификации создается единый, юридически и логически цельный, внутренне согласованный нормативно-правовой акт. В созда-

ваемые в процессе кодификации проекты нормативных актов включаются два типа норм: не утрачивающие своего значения действующие нормы и новые нормы, привносящие качественные изменения в регулирование определенной сферы общественных отношений. Нормативно-правовые акты, созданные в результате кодификации, предназначены для длительного регулирования общественных отношений;

5) систематизация законодательства с точки зрения своего содержания и особенностей его различных видов является самостоятельным типом правовой деятельности и занимает промежуточное положение между правотворчеством и правоприменением (в тех случаях, когда они осуществляются компетентными органами государства). Некоторые из ее перечисленных выше видов является одновременно видами правотворчества (кодификация и консолидация), в то время как инкорпорация должна рассматриваться как необходимое предварительное условие для высокого уровня правоприменения;

6) форма и способ осуществления не являются единственными критериями для классификации систематизаторской деятельности. Поэтому при разграничении указанных трех понятий недопустимо отождествление формы и вида или способа и вида систематизации;

7) для видов систематизации характерна иерархия целей, главная цель для всех их – упорядочение законодательства; однако эта цель достигается множеством других подцелей, отличающихся для каждого из видов систематизации законодательства.

¹ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекции. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 530-532; Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. проф. М.М. Рассолова. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. с. 388–395.

² Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник. Харьков: Консум, 2000. С. 278-281; Протасов В.Н. Теория государства и права. Проблемы теории права и государства. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрайт-М, 2001. с. 156-159.

³ Марченко М.Н. Проблемы теории права и государства: Учебник. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2006. с. 616–627.

⁴ Литягин Н.Н. Организационные предпосылки систематизации законодательства // Журнал российского права. 2002, № 4, с. 29.

⁵ Протасов В.Н. Теория государства и права. Проблемы теории права и государства. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрайт-М, 2001. с. 156.

⁶ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекции. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 530.

⁷ Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. проф. М.М. Рассолова. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. с. 388.

⁸ Чухвичев Д.В. Особенности законодательной техники при проведении кодификации // Право и политика, 2005, № 10, С. 27.

⁹ Керимов Д.А. Понятие и формы кодификации / Вопросы кодификации советского права: Сб. статей, вып. 1. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957. с. 8-9; Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1976, с. 132

¹⁰ Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1976, с. 132.

¹¹ Протасов В.Н. Теория государства и права. Проблемы теории права и государства. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрайт-М, 2001. с. 157.

¹² Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекции. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 530–531.

Л. П. СТАНИШЕВСКАЯ

В данной статье предпринята попытка анализа соотношения права и морали в русской философско-правовой мысли наиболее плодотворного периода ее развития (вторая половина XIX – начало XX века). Особое внимание уделено рассмотрению указанного вопроса в теориях Е.Н.Трубецкого, В.С.Соловьева, Б.Н.Чичерина, Б.А.Кистяковского, Г.Ф.Шершеневича, П.И.Новгородцева, И.А.Ильина, А.С.Яценко, И.В.Михайловского и др.

Взаимодействие права и морали – это одна из вечных и всегда актуальных тем философско-правовой мысли. Право и мораль, проблемы их соотношения находились в фокусе исследовательского интереса на протяжении различных исторических эпох. Обсуждение этих проблем носит перманентный характер. В настоящее время, в условиях объективно развивающихся на европейском пространстве процессов интеграции и глобализации, вопрос о связи права с нравственностью, моралью более чем актуален (для удобства мораль и нравственность рассматриваются как синонимы; такое условное допущение позволяет сконцентрироваться на предложенной теме). В этой связи исследование вопросов соотношения права и морали в русской философско-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века представляется весьма своевременным, тем более что оно способствует также возрождению интереса к русской философско-правовой традиции. В последние годы появился ряд работ, посвященных обсуждению проблем самобытности русской философии права. Это исследование В.С.Нерсисянца, С.С.Алексеева, О.В.Мартышина, И.Ф.Мачина, О.И.Цыбулевской, В.Ю.Верещагина, А.А.Королькова, В.Н.Кудрявцева, В.П.Сальникова, Э.Ю.Соловьева, Ю.В.Костина, Г.Ч.Синченко, Г.В.Шалашникова и др. Вместе с тем достаточно своеобразный и оригинальный подход русских философов и правоведов к соотношению права и морали все еще недостаточно исследован. В связи с этим анализ воззрений таких блестящих ученых, как Е.Н.Трубецкой, В.С.Соловьев, Б.Н.Чичерин, Б.А.Кистяковский, Г.Ф.Шершеневич, П.И.Новгородцев, И.А.Ильин и других, представляется вполне уместным и необходимым. Эти мыслители внесли весомый вклад в разработку одной из центральных тем русской философии права указанного периода – соотношения права и морали. Научный анализ взглядов вышеперечисленных философов и правоведов на эту проблему, по мнению автора, имеет существенное теоретическое и практическое значение. В данной статье рассматриваются некоторые актуальные аспекты соотношения права и морали в русской философско-правовой мысли.

Исследуя опыт осмысления проблем соотношения права и нравственности второй половины XIX – начала XX века, нельзя обойти вниманием такого ее крупнейшего представителя, как Е.Н.Трубецкой. В своих воззрениях философ исходил из того, что правовые предписания естественного права есть предписания нравственные и что позитивное право может требовать от людей повиновения не иначе как во имя нравственного права [1, с. 34–75]. Обращая внимание на взаимозависимость морали и права, он отмечал, что одни и те же нормы могут одновременно заключать в себе и правовое, и нравственное содержание. Вместе с тем не все правовые нормы нравственны по своему содержанию. Е.Н.Трубецкой писал: «Нравственность и право в их взаимных отношениях могут быть сравнимы с двумя пересекающимися окружностями. У них есть, с одной стороны, общая сфера – сфера пересечения, в которой содержания их предписаний совпадают, и вместе с тем две отдельные области, в коих их требования частью не сходятся между собою, частью даже противоречат друг другу» [2, с. 36]. Несмотря на то что в действительности существует множество юридических норм, противоречащих целям добра, Е.Н.Трубецкой настаивал на том, что правовые институты должны служить нравственным целям, что «право должно быть подчинено цели добра и только в ней может найти свое оправдание» [2, с. 34].

Известный правовед М.М.Ковалевский, для которого характерно широкое понимание права с позиции социологического позитивизма, указывал, что право – это отражение требований солидарности и порождаемой ею «идеи долга», которая заставляет индивидов брать на себя обязанности с целью сохранения «интереса группы». Законодательство тесно связано с моралью и другими социальными регуляторами, которые в процессе исторического развития опережают право.

Выдающийся религиозный философ В.С.Соловьев, как и немецкий правовед Еллинек, впервые предложивший рассматривать право как часть нравственности, как этический минимум

(наглядное подтверждение этому он видел во включении десяти заповедей Ветхого завета в корпус правовых норм), защищал теорию этического минимума. В своих воззрениях В.С. Соловьев исходил из того, что в понятиях правды и закона в равной степени воплощается единство юридического и нравственного начал. Однако нравственное требование в отличие от юридического закона является по существу неограниченным и всеобъемлющим; оно предполагает нравственное совершенство, стремится к нему. Юридический же закон, напротив, ограничен. В то же время В.С. Соловьев отрицал наличие противоречий между нравственным и юридическим законами, ибо юридический закон предполагается нравственным. С его точки зрения, право – проявление добра, часть нравственности, «право (то, что требуется юридическим законом), – говорит он, – есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный». Показательно, что эта формула воспроизводится в Основных социальной концепции Русской Православной Церкви, принятых в 2000 году. Так, в них отмечается, что «право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества» [3, с. 31].

По мнению В.С. Соловьева, «требования нравственности и требования права отчасти совпадают между собой, а отчасти не совпадают» [4, с. 102]. Он указывал, что между правом и нравственностью существует внутренняя связь; отмечал, что «право есть принудительное требование к реализации определенного минимального добра или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [4, с. 109]. Но поскольку «минимум добра» в разные эпохи не может быть одинаковым и зависит от степени соотношения личной свободы и общего блага, то «право есть исторически подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага». По мнению В.В. Сербиненко, значение Соловьева в становлении русской философско-правовой мысли огромно. Его творчество положило начало новому этапу в истории отечественной философии, вызвало к жизни плеяду оригинальных, глубоких мыслителей, находивших в наследии Соловьева источник духовных сил [5, с. 161, 162].

Видный российский ученый Б.Н. Чичерин, названный Е.Н. Трубецким «кристалльным, гранитным и цельным человеком», критически воспринял теорию В.С. Соловьева о «праве как минимуме нравственности». Он выступил против смешения права и нравственности, трактовал их в качестве самостоятельных начал. Подчеркивая отличие права от нравственности, Б.Н. Чичерин вместе с тем указывал, что юридический закон и нравственный закон имеют общий источник – духовную природу человека. Право, по мнению Б.Н. Чичерина, «не есть только низшая ступень нравственности, как утверждают морализирующие юристы и философы, а самостоятельное на-

чало, имеющее свои собственные корни в духовной природе человека, которые лежат в потребностях человеческого общежития» [6, с. 89]. Большое значение в своем учении Б.Н. Чичерин отводил, как и В.С. Соловьев, свободе. Но это свобода особого порядка – свобода внешняя, которая состоит в независимости лица от чужой воли во внешних действиях [7, с. 101]. Противоположность права нравственности философ усматривал в том, что свобода составляет исходный принцип, а закон является только средством для осуществления этого начала. Поэтому закон ничего не предписывает, а только дозволяет все, что совместимо со свободой других. По образному выражению Н.А. Бердяева, Б.Н. Чичерин был единственным теоретиком либерализма, понявшим и раскрывшим глубочайшие идеальные основы либерализма, подчеркивал, что «свобода совести, свобода мысли – вот присущий человеку божественный огонь; вот источник всякой духовной силы, всякого жизненного движения всякого разумного устройства...».

Разницу между правом и нравственностью он определял также как качественную разницу между законом правды (правомерностью) и законом любви. Закон правды требует воздавать каждому свое, тогда как закон любви предписывает человеку жертвовать собой во имя ближнего [6, с. 110]. Основную проблему соотношения морали и права он выразил следующим образом: «Духовная природа личности в свободе; общественное начало как ограничение свободы выражается в законе. Поэтому основной вопрос заключается в отношении закона к свободе» [6, с. 83]. Такое отношение закона к свободе может быть либо принудительным (государственный закон), либо добровольным (нравственный закон). Это некие источники права и нравственности: «Первое касается внешних действий, составляющих область внешней свободы, которая одна подлежит принуждению; второе обращается к внутренним убеждениям, истекающим из свободы внутренней. Из первого рождается право; второе составляет источник нравственности» [6, с. 88]. С точки зрения Б.Н. Чичерина, нравственность служит иногда дополнением к праву, а где норм юридического закона оказывается недостаточно, «нравственность может требовать совершения действий по внутреннему побуждению, например, при исполнении обязательств, не имеющих юридической силы» [6, с. 91]. При этом Б.Н. Чичерин специально подчеркивал, что «право, в отличие от нравственности, есть, прежде всего, начало принудительное» [6, с. 88].

Известный русский философ, глава школы возрожденного естественного права в России П.И. Новгородцев, политико-правовые взгляды которого находились под заметным влиянием Канта и неокантианцев, исследовал право с позиции применения к нему нравственной оценки. В первый период своего творчества, полемизируя с В.С. Соловьевым, П.И. Новгородцев доказывал несводимость права и нравственности

друг к другу и устанавливал связь обоих начал на почве естественно-правовой теории. Это определило принципы нравственной критики позитивного права. Что касается естественного права, то оно рассматривалось философом как особая часть моральной философии, задающей масштаб нормативной оценке правотворчества. Понимание им нравственности как явления и закона личной жизни, как внутренней абсолютной ценности вводило право в границы моральных норм и позволяло отстаивать независимую критическую позицию по отношению к социальной жизни. Позднее он отстаивал идею неразрывной связи права и нравственности, развивал концепцию В.С.Соловьева о синтезе личности и общества, универсализма и индивидуализма. Естественно-правовая теория рассматривалась им как вечное неотъемлемое право личности, имеющей нравственную основу и руководствующуюся абсолютными ценностями. Естественное право он определял как совокупность моральных (нравственных) представлений о праве (не положительном, а которое должно быть изначально), как «идеальное построение будущего и нравственный критерий для оценки, существующей независимо от фактических условий правообразования» [8, с. 274]. По мнению П.И.Новгородцева, абсолютный нравственный идеал применительно к позитивному праву играет роль критерия и ориентира нравственного целеполагания и прогресса. Он отмечал, что эффективность действия права обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание индивидов и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается в мертвую букву, лишённую жизненного значения, или в тяжелое бремя, сносимое против воли. С другой стороны, из этой естественной связи права с нравственностью вытекает их постоянное взаимодействие, одним из проявлений которого служит нравственная критика правовых норм [9, с. 7, 8]. Как отмечают современные правоведы, П.И.Новгородцев был убежден, что жизнь человека должна определяться высшими нравственными законами, иначе она подлежит суду и осуждению [10, с. 154].

Другой представитель теории возрожденного естественного права, философ, правовед и социолог Б.А.Кистяковский исходил из того, что естественное право как совокупность «конститутивных категорий мышления», изначально ему присущих и имеющих метафизическую природу, обусловлено в своем развитии двумя этическими целями – свободой и справедливостью. Поскольку подлинное существование права этически, то в итоге может быть достигнута гармония между правом и нравственностью. Таким образом, право – это форма бытия свободы, представляющая собой нормативно закреплённую и реализованную справедливость. По его мнению, естественное право, внося в духовную культуру дисциплинирующее начало, делает возможным победу в ней этических и религиозных ценностей. Слова же Б.А.Кистяковского о

том, что «нравственная свобода возможна только при существовании свободы внешней (правовой) и последняя есть самая лучшая школа для первой» [11, с. 49–66], звучат весьма актуально и в настоящее время.

Л.И.Петражицкий – яркий представитель психологизма в юриспруденции – признавал существование некоего абсолютного правового идеала, к которому должно стремиться человечество. Несмотря на то что этот идеал недостижим, реальное позитивное право, существующее в данном конкретном обществе, должно стремиться максимально ему соответствовать. Право и мораль, с точки зрения философа, это «этические моторные возбуждения в связи с представлениями известного поведения». Базовый элемент теории Л.И.Петражицкого – понятие «эмоция». Одни эмоции, такие как жажда, сон, голод и другие, он называл жизнеобеспечивающими, другие – этическими. Этические эмоции он делил на два вида: нравственные и правовые. Им соответствовали два вида норм: «нормы первого рода односторонне обязательные, беспритязательные, чисто императивные нормы» он называл нравственными нормами; нормы второго рода, «обязательно-притязательные, императивно-атрибутивные нормы», – правовыми, или юридическими нормами. Л.И.Петражицкий ввел понятие интуитивного права, которое исходило не из внешнего авторитета государства (как позитивное право), а основывалось на проекции психологически обосновываемых прав, свобод и обязанностей граждан. По мнению философа, психологические эмоции не только удостоверяют власть, но и создают само явление власти, делая возможным возникновение позитивного права [12].

С.А.Котляревский обращал внимание на то, что гарантии соблюдения права лежат не в силе государства, не в праве, не в юридических механизмах, а в нравственности и религии. В отличие от греков и римлян, считавших ведущим элементом нравственности справедливость, русские философы утверждали такие ее составляющие, как доброту, жалость и любовь. С.А.Котляревский, оппонировав В.С.Соловьеву, определяющему государство как «организованную жалость», считал ведущим элементом нравственности любовь (к ближнему, дальнему, Богу). Именно в ней он видел проявление лучших, самых высоких человеческих качеств. Если в обществе, государстве царит справедливость, в этом случае личность воспринимается как абстрактная моральная единица, ничем не отличающаяся от других таких же абстрактных единиц. Торжество справедливости ведет к формализации, юридизации личности, лишению ее живых человеческих черт. Так, например, отмечает С.А.Котляревский, уголовные наказания (в частности, смертная казнь), внешне являясь собой действие уравнивающей справедливости, демонстрируют формальное бездушие закона и, более того, морально закамуфлированную госу-

дарственно-организованную месть, выражение древнего закона талиона («око за око, зуб за зуб»). Проявление любви и жалости к преступнику, напротив, стимулирует, развивает в обществе высшую духовность.

Крупнейшему представителю юридического позитивизма Г.Ф.Шершеневичу право и нравственность представлялись двумя общественными силами, имеющими одну и ту же направленность. Свою позицию он определял следующим образом: «Нравственность сдерживает произвол законодательного творчества. Право находится под влиянием нравственности постоянно, но влияние это оказывается особенно сильным в следующие периоды: на начальных ступенях развития, когда право выражается в форме обычаев; и на высших ступенях, когда законодательная власть подчиняется общественному мнению» [13, с. 275, 276].

Выдающийся религиозный философ, ученик П.И.Новгородцева и Е.Н.Трубецкого И.А.Ильин рассматривал право как социальное явление, подразделяя его на позитивное и естественное. Согласно воззрениям И.А.Ильина эти два вида права взаимно дополняют друг друга. Естественное право выступает в качестве моральной основы положительного права («идеала положительного права»). Положительное же право в реальности проявляется как «целесообразная форма поддержания естественного права». Выступая за тесное взаимодействие естественного и позитивного права, И.А.Ильин исходил из того, что «в составе положительного права, установленного и применяемого властью, могут быть морально верные нормы, и притом чем больше их, тем положительное право совершеннее» [14, с. 78]. В ряде трудов особое внимание он уделял вопросам этических оснований права, разработал оригинальную концепцию соотношения права и нравственности. По его мнению, нормы морали и права различаются между собой по целому ряду признаков. Так, если в морали действует внутренний авторитет – голос совести, то нормы права устанавливаются внешним авторитетом. Они основываются не на божественной воле и не на голосе совести, а на предписании, которое создается людьми и связывает как их самих, так и других членов общества. Правовая норма предписывает людям заданное поведение независимо от их согласия. Следовательно, заключает И.А.Ильин, право может предписывать только внешнее поведение. Философ отмечает, что мораль и право отличаются друг от друга также тем, что в морали – самостоятельное восприятие голоса совести, у каждого особое; в праве – последовательное прохождение правил через все установленные этапы, в котором участвуют многие люди. В морали – добровольное признание требования совести; в праве предписание получает всякий член общества независимо от его согласия или признания. Моральные нормы предписывают внутреннее поведение, выражающееся также и во внешних поступках;

в праве – внешнее поведение, которое может, однако, привести и к рассмотрению душевного состояния. Моральные и правовые нормы различаются также по санкциям: в морали – укор совести и чувство вины; в праве – угроза неприятными последствиями и внешние принудительные меры. Вместе с тем, несмотря на указанные различия, И.А.Ильин отмечает, что между моралью и правом существует тесная связь. Право должно согласовываться с требованиями морали, оно является для нее подготовительной ступенью и поддержкой; мораль же, со своей стороны, придает правовым требованиям то глубокое значение и ту обязательную силу, которая присуща ее нормам. Положение, когда право согласуется с требованиями морали и является для нее поддержкой, а мораль, со своей стороны, служа для права высшим мерилом и руководителем, придает правовым велениям глубокое значение и обязательную силу, И.А.Ильин называет правильными отношениями между правом и моралью [14, с. 106].

Значительный вклад в исследование права и морали внес неоправданно почти забытый в XX веке и вновь обретенный в XXI веке правовед и философ А.С.Яценко. Он являлся типичным выразителем русской философии права. Для его учения характерна непосредственная связанность права и нравственности и подчинение их более высокому религиозному закону. Творчество А.С.Яценко во многом предвосхитило современную постановку данной проблемы. Оригинальность его философии проявилась в том, что он попытался обосновать в рамках синтетической теории гармонии трех начал общественной жизни: права, нравственности и религии. Данная точка зрения органично вписывалась в русскую традицию философии права. А.С.Яценко рассматривал мораль и право в их методологическом и историческом единстве и взаимосвязи. Мораль и право у него представляют собой равноценностные структурные элементы социума, взаимодополняющие и взаимно уравнивающие друг друга: право в определенные исторические эпохи выступает как «принудительная мораль», мораль же – как «внутреннее субъективное право». Несмотря на то что право тесно связано с моралью, оно, по мнению философа, не является дополнением к морали, это – самостоятельная сфера социальной регуляции общественной жизни. В то же время А.С.Яценко утверждал абсолютный характер нравственности по отношению к праву. Он ставил вопрос о сущности высшего блага, морального долга, нравственной деятельности и ответственности общества и личности. По мнению философа, материальное определение права, свидетельствующее о действительном содержании права, может быть дано нравственностью, так как право есть лишь одно из выражений этической деятельности людей, и содержание нравственности определяет собою до известной степени и содержание права [15]. Вслед

за В.С.Соловьевым А.С.Яценко считал, что право есть принудительно осуществляемый минимум нравственности. Оно выполняет функцию начала, организующего нравственность. В своей критике нравственного идеализма (П.И.Новгородцев, Е.В.Трубецкой) А.С.Яценко отмечал, что дуализм в праве приводит к тому, что право теряет свои качественные характеристики и растворяется в морали (исчезают формальные принципы права, такие как принудительность, безусловность выполнения требований и др.). Он подчеркивал, что лишение права властных полномочий и санкций есть субъективный произвол под покровом естественного права. С его точки зрения, односторонность подхода, характерная для теорий естественного права, нарушает пропорциональность элементов, свойственных праву как целостному феномену. Анализируя психологическую теорию права П.А.Петражицкого, А.С.Яценко признавал, что субъективный подход в понимании права, характерный для психологической теории, представляет собой «обычное право, ...которое приближается к нравственности». Субъективный же метод, используемый в этой теории, не дает возможности выделить специфические черты права, в силу чего психологическая теория права представляет собой дуализм в праве, где право лишь дополняет мораль [15].

Томский ученый-правовед И.В. Михайловский, обобщая накопленный русской философией права опыт, попытался систематизировать направления, в которых исследовались проблемы морали и права. Он выделил 3 основных типа (направления). Так, к первому типу И.В.Михайловский отнес концепцию, согласно которой каждое требование нравственности может быть обличено в форму юридической нормы и только эта форма создает право (между правом и нравственностью нет различий). Что касается вопроса о превращении чисто нравственного требования в юридическую норму, то это скорее вопрос о целесообразности, которая решается государственной властью исходя из практических соображений. В связи с этим государство, руководствуясь принципами общего блага и благополучия всех и каждого, призвано вести граждан к лучшей нравственной жизни. Для второго типа теории характерен противоположный подход, когда право выводится из самостоятельного источника отношений между разумными и свободными существами. Именно в этих отношениях, а вовсе не в нравственных началах заимствует право свою силу. В указанной концепции пра-

вильно подмечена самостоятельность права, в то же время она неоправданно преувеличена. Третий тип теории основывается на родстве и тождестве содержания многих юридических и нравственных норм, не отождествляя областей права и нравственности, исходит из того, что право есть известная часть нравственности. Для решения этого вопроса (какая же это часть нравственности) предлагается теория этического минимума [16, с. 143–146].

Не умаляя того значительного вклада, который внесли представители немецкой классической философии И.Кант и Ф.Гегель в разработку проблемы соотношения права и нравственности, И.В.Михайловский обратил внимание на бесценный опыт в данной области отечественных философов-правоведов. Право, по мнению И.В.Михайловского, регулирует внешнюю свободу человека, распределяет сферы власти. Оно всецело проникнуто принципом: «каждому свое»; нравственность, наоборот, регулирует внутреннюю свободу, внутренний распорядок человеческой души. Это коренное различие обеих родственных областей, подчеркивал философ, «окончательно установлено такими колоссами мысли, как Кант и Гегель, развито и обоснованно в русской юридической науке таким первоклассным юристом-философом, как Чичерин» [16, с. 253]. И.В.Михайловский интересовался проблемой разграничения сфер компетенции права и нравственности, процессом их взаимодействия, а также обращал внимание на единые онтологические основания нравственности и права (трактуемого в пределах теории естественного права) [16, с. 252].

Таким образом, в русской философии права во второй половине XIX – начале XX века сложилась особая традиция рассмотрения проблемы соотношения права и морали. Главное направление в ее решении составляло признание их органической взаимосвязи и взаимозависимости. Показательно, что осмысление соотношения права и морали в русской философско-правовой мысли, по мнению Б.А.Кистяковского, имело не только теоретическое, но и глубоко практическое, жизненное значение. Обсуждая данный вопрос, русская философская и юридическая мысль решала проблему истоков национального права. Выработанные русскими учеными указанного периода подходы к решению данной проблемы надолго пережили свою эпоху, явились фундаментом развития российской государственно-правовой мысли и не потеряли своей актуальности в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб.: Лань, 1998. – 217 с.
2. Трубецкой, Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 226 с.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2001. – 88 с.
4. Соловьев, В.С. Право и нравственность / В.С. Соловьев // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – СПб.: Лениздат, 1990. – 317 с.
5. Сербиненко, В.В. Русская философия: курс лекций / В.В. Сербиненко. – М.: Омега-Л, 2005. – 467 с.
6. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – СПб.: Наука, 1908. – 654 с.
7. Русская философия права: философия бытия, веры и нравственности. – СПб.: Алетейя, 1988. – 398 с.
8. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М.: Пресса, 1991. – 639 с.
9. Новгородцев, П.И. Историческая школа юристов / П.И. Новгородцев. – СПб.: Лань, 1999. – 188 с.
10. Кацапова, И.А. Русская философия права: Новгородцев о необходимости этико-нормативного анализа права / И.А. Кацапова // Вопросы философии. – 2003. – №4. – С. 154–158.
11. Кистяковский, Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) / Б.А. Кистяковский // Вехи: из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 122–149.
12. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Лань, 2000. – 606 с.
13. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. Т.1. Вып.1 / Г.Ф. Шершеневич. – М., 1995. – 461 с.
14. Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права / М.Н. Гернет [и др.]. – М.: «В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых», 1915. – 425 с.
15. Яценко, А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. – СПб.: Лань, 1999. – 182 с.
16. Михайловский, И.В. Очерки философии права / И.В. Михайловский. – Томск: В.М. Пасохин, 1914. – 632 с.

РАЗДЕЛ III

|| КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

А. С. КОХАНСКАЯ

Данная статья посвящена актуальным вопросам интерпретационной деятельности органов специализированного контроля, таким как интерпретационные полномочия органов специализированного конституционного контроля, выделение и изучение объекта такого контроля как важнейшего элемента правоотношения по осуществлению указанного вида государственной деятельности, предметное многообразие деятельности органов специализированного конституционного контроля.

Особое внимание уделяется исследованию различных критериев определения логических и иных связей между толкуемой нормой и эталонной нормой, которые в совокупности образуют объект специализированного конституционного контроля. Также в статье автор анализирует термины, наиболее подходящие для определения объекта специализированного конституционного контроля («conformity», то есть «согласованность, встроенность в систему», «конституционно-правовая органичность», «легальность», «юридическая действительность»). Также настоящее исследование рассматривает влияние интерпретационной деятельности органов специализированного конституционного контроля на должное функционирование и дальнейшее совершенствование всех структурных звеньев юридического механизма гарантий прав и свобод человека.

В современных правовых системах институт специализированного конституционного контроля приобрел практически универсальный характер и существует во многих странах [1, с. 62]. Особая необходимость и возрастающее значение данного вида конституционного контроля вытекают из все большего расширения, усложнения национальных правовых систем и иерархичности правовых норм в них.

Основной функцией органов специализированного конституционного контроля является, прежде всего, обеспечение верховенства и непосредственного действия конституции и таким образом – ограничение государственно-властных субъектов и защита прав и свобод личности.

В свете данного положения исследование интерпретационной деятельности органов специализированного конституционного контроля

представляется крайне важным для анализа влияния вышеназванного института на создание наиболее благоприятных условий для совершенствования правовой системы, а также для совершенствования национального механизма правовой защиты человека и гражданина.

В научной литературе уделяется немало внимания проблемам интерпретационной деятельности органов конституционного контроля [2, с. 12–50; 3, с. 35; 4, с. 57–63; 5, с. 13, 14; 6, с. 17], однако следует заметить, что недостаточно разработан системный подход к правоотношениям по осуществлению специализированного конституционного контроля (в том числе и правоотношениям по осуществлению конституционного толкования).

Актуальность заявленной темы, ее соответствие приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных исследований правовой науки определяет, в частности, ориентация данного исследования на права и свободы человека и гражданина как на основную цель деятельности общества и государства, в том числе органов специализированного конституционного контроля.

Необходимость интерпретации обусловлена целым рядом причин, и в первую очередь абстрактным характером правовых норм, распространяющих свое действие на неопределенный круг лиц и ситуаций, однако реализуемых посредством конкретных действий субъектов права.

Более того, законодательная воля, содержащаяся в правовом акте, выражается с помощью специфических средств и приемов, а также терминов, не имеющих аналогов в обиходной речи. Применяя термины в правотворческой деятельности, законодатель таким образом кодирует смысл правовой нормы в ее тексте, а правоприменитель соответственно декодирует смысл, заложенный в такой норме, в процессе ее толкования.

Указанные выше особенности правового текста позволяют сделать вывод о том, что для уяснения точного содержания законодательных актов, а следовательно, и для обеспечения наиболее полной и эффективной их реализации, требуются специальные юридические познания.

Ученые-правоведы традиционно рассматривают толкование правовых норм как деятельность, направленную на уяснение и разъяснение истинного смысла нормативных положений (правовых норм) в процессе правоприменения [7, с. 491–503; 8, с. 264–268; 9, с. 691–699].

Однако можно отметить более широкую значимость юридического толкования в механизме правового регулирования. Поскольку толкование представляет собой не только мыслительную деятельность субъекта правоприменения, направленную на установление содержания правовой нормы, но и разъяснение такого смысла, доведение его до сведения конкретного лица либо индивидуально неопределенного круга лиц, то правомерен следующий вывод: правильное и единообразное толкование правовых норм всеми субъектами способствует также правильному и единообразному применению закона и, следова-

тельно, укреплению принципа конституционной законности в государстве.

В процессе толкования правосознание интерпретатора неизбежно вступает в своеобразное взаимодействие с правосознанием законодателя. Орган специализированного конституционного контроля является как раз тем субъектом, который оказывает значительное влияние на формирование правосознания у иных субъектов права, в том числе и законодателя.

Значение деятельности указанного органа нельзя переоценить, поскольку от правовых позиций, сформулированных в актах конституционной юрисдикции, зависит направление дальнейшего развития всей правовой системы государства [10, с. 29].

Правовая теория и практика правоприменения традиционно связывают специализированный конституционный контроль с толкованием конституции.

На практике всегда существуют расхождения между нормами конституции и политико-правовыми реалиями, что ведет к возникновению у субъектов права неадекватного понимания конституционных норм, юридическим конфликтам, а в итоге – к нарушению единства конституционной законности. Это вызывает необходимость в приспособлении конституционных положений к изменяющимся общественным отношениям посредством конституционного толкования, что обеспечивает стабильность и эволюционный характер развития Основного Закона.

Как верно заметила Т.Я.Хабриева, любой процесс содержательного развития конституционно-правовых начал (особенно в том, что касается прав человека и гражданина) является процессом толкования права [11, с. 13, 14].

Однако над законодателем зачастую довлеют конкретные политические интересы, поэтому развитие и конкретизация конституционных норм должны происходить в первую очередь через интерпретационную практику независимого и беспристрастного органа специализированного конституционного контроля. А правовые акты, в свою очередь, должны приниматься с учетом таких толкований и развивать конституционно-правовые начала в органичном единстве с ними.

I. Законодательство и доктрина разных государств отражают качественное различие в подходах к регламентации интерпретационной деятельности органов специализированного конституционного контроля. Общим является то, что толкование признается не только имманентной функцией конституционного правосудия, но и неотъемлемым инструментом любой правоприменительной деятельности [12, с. 3].

Таким образом, можно выделить следующие сферы интерпретационной деятельности органа специализированного конституционного контроля:

прямо предусмотренное конституцией, официальное нормативное толкование по запросам уполномоченных субъектов (так называемое прямое толкование, составляющее отдельную

форму специализированного конституционного контроля), в том числе толкование норм международного права на предмет соответствия их конституции;

имплицитно присущее органу специализированного конституционного контроля при осуществлении им своих полномочий (казуальное толкование, связанное с рассмотрением конкретного правового конфликта и служащее инструментом для его разрешения).

Казуальное толкование можно подразделить на следующие виды:

толкование, осуществляемое в ходе проверки конституционности нормативных актов, внутригосударственных и международных договоров;

интерпретация конституционных норм при разрешении споров о компетенции между органами государственной власти, при разрешении споров между федерацией и ее субъектами;

толкование конституционных норм при рассмотрении жалоб на нарушение законом конституционных прав и свобод граждан и проверке конституционности нормативных актов по запросам судов;

толкование, осуществляемое в процессе разрешения споров, связанных с действием, применением и толкованием конституции (как, например, в Кыргызской Республике);

интерпретация конституционных норм при разрешении вопросов, связанных с приведением в действие специальных механизмов ответственности высших должностных лиц государства и др.

Казуальное толкование конституционных норм имеет более широкий ареал распространения в современном мире, хотя содержательно и по применяемым процессуальным формам этот вид интерпретационной деятельности различается в зависимости от государства.

Прямое толкование не получило столь широкого распространения в западноевропейских государствах, но применяется на постсоветском пространстве, в некоторых странах СНГ – Азербайджане, Казахстане, Молдове, Узбекистане, Украине, России, а также государствах Центральной и Восточной Европы – Албании, Болгарии, Венгрии, Словакии.

Конституционный Суд Республики Беларусь не вправе осуществлять прямое толкование Конституции по инициативе соответствующих субъектов.

Однако использование в качестве критериев конституционности норм конституции предполагает познание их объективного смысла, что невозможно сделать без соответствующей интерпретации данных норм. Следовательно, толкование органом специализированного конституционного контроля норм конституции является сущностной чертой такого контроля, без которой невозможно само его осуществление.

Как уже было отмечено, смысл толкования конституции состоит в обеспечении адекватного понимания и правильного применения ее норм субъектами права и опосредуется через определенные правовые знания.

Ключевым принципом толкования является нормативное единство текста конституции как интерпретируемого акта и правовых позиций, содержащихся в решениях органа специализированного конституционного контроля как интерпретационных актов. Из него вытекают следующие требования:

интерпретационные положения не должны выходить за пределы юридического содержания интерпретируемых норм;

любой правоприменитель обязан руководствоваться тем пониманием положений конституции и законов, которые содержатся в решениях органа специализированного конституционного контроля;

интерпретационные положения не могут применяться отдельно от интерпретируемых норм, причем нарушение интерпретационных положений будет означать нарушение норм конституции;

интерпретационные положения не могут изменять, изменять либо приостанавливать действие интерпретируемых норм конституции;

выделение и самостоятельное изучение положений, интерпретирующих текст конституции в качестве критерия конституционности нормативных актов, выступающих предметом специализированного конституционного контроля;

интерпретационные положения органа специализированного конституционного контроля являются своеобразным связующим звеном между фактической и юридической конституцией и служат их сближению.

II. Важным при исследовании закономерностей интерпретационной деятельности органов специализированного конституционного контроля также является выделение и изучение объекта такого контроля как важнейшего элемента правоотношения по осуществлению указанного вида государственной деятельности.

В философской и правовой науке под объектом обычно понимается то, на что направлена познавательная и иная деятельность субъекта [13, с. 465].

Предметом же специализированного конституционного контроля, то есть частью материальной действительности, непосредственно по поводу которой складываются правоотношения в данной области, являются правовые акты, подлежащие рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства.

Законодательные положения различных государств закрепляют не только предметное многообразие деятельности органов специализированного конституционного контроля, но и различные критерии определения тех логических и иных связей между рассматриваемой нормой и «эталонной» нормой, которые в совокупности и образуют объект специализированного конституционного контроля и определяют различными терминами в разных правовых системах (белорусским законодателем, например, через термин «соответствие»).

Проанализировав данное понятие, можно заключить, что оно является излишне узким, поскольку подразумевает лишь формальный аспект, то есть в строгом смысле непротиворечие положениям конституции и иных актов. Несомненно, что целесообразность не должна иметь определяющего значения для позитивной нормы, однако целью правового регулирования является, прежде всего, обеспечение интересов отдельного человека и общества в целом. Таким образом, для того чтобы дать более точную дефиницию объекта специализированного конституционного контроля, необходимо оперировать иными понятиями.

В этом смысле удачен термин «conformity», то есть «согласованность, встроенность в систему», употребляемый европейскими правоведом, поскольку при выявлении связей между рассматриваемой и «эталонной» и нормами орган специализированного конституционного контроля ориентируется в том числе и на соответствующую иерархическую соподчиненность нормативных актов государства и норм самой конституции, признание примата международного права над национальным, включая нормы конституции, или же нераспространение такого признания на нее, сохраняющую верховенство в правовой системе страны [14, с. 23, 24].

Также известен термин «конституционно-правовая органичность» [15, с. 41, 42]. Последнее означает, что любой правовой закон является в той или иной мере «органическим» в том смысле, что он развивает и конкретизирует правовые положения, сформулированные или зафиксированные в конституции.

Возможно также использование следующих терминов. «Легальность» (используемый в российской правовой науке), то есть существование рассматриваемой нормы на законном основании [16, с. 111], подразумевает рассмотрение конкретной нормы в том числе с точки зрения компетенции органа, ее принявшего (издавшего), равно как и соответствия процесса нормотворчества порядку, установленному конституцией и иными нормативными правовыми актами.

Однако наиболее широко и приемлемым понятием для определения объекта специализированного конституционного контроля является «юридическая действительность» (термин «validity», применяемый в зарубежной юриспруденции [17, с. 190]) нормы, подлежащей рассмотрению в конституционном судебном процессе. Данный термин включает в себя:

1. формальный аспект, то есть строгое, неуклонное соответствие конституции (принцип конституционной законности в узком смысле), что предполагает соответствие иным нормативным правовым актам, принятым во исполнение и согласно требованиям Основного Закона (принцип конституционной законности в широком смысле как соответствие букве и духу конституции [18, с. 19].), с учетом необходимой иерархии правовых норм, а также степени ясности и точности (degree of clarity and precision) положений правового акта;

2. целесообразность, то есть достижение конкретной нормой целей правового регулирования,

ее эффективность, выполнимость, стабильность, экономичность, полнота и необходимость правового регулирования общественных отношений, соответствие реальному, складывающемуся в обществе процессу правоформирования;

3. легитимация рассматриваемой нормы через правосознание граждан и усвоение ее правовой культурой широких слоев населения.

Безусловно, детерминирующей является формальная составляющая данного понятия, то есть строгое, неуклонное соответствие положениям конституции и иных актов, причем не только по содержанию и форме, но и с точки зрения полномочий государственного органа на принятие такого акта.

Вопросы целесообразности не должны иметь определяющего значения, однако поскольку целью правового регулирования является обеспечение интересов общества и отдельного человека, то правовые акты будут в полной мере отвечать требованиям Основного Закона лишь в том случае, если они учитывают следующие принципы:

создания наиболее благоприятного правового поля для обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан;

справедливости правового регулирования;

стабильности правового регулирования, включая институт защиты законных ожиданий;

полноты и необходимости правового регулирования соответствующих общественных отношений;

обоснованности правового регулирования соответствующих общественных отношений на уровне закона или иного нормативного акта;

ясности и точности положений нормативного акта;

экономичности правового регулирования и др.

В зависимости от закрепляемых законодательством предметов специализированного конституционного контроля возможны различные вариации объекта правоотношений в данной области.

Разрешение споров между федерацией и ее субъектами является одной из основных форм специализированного конституционного контроля [19, с. 12]. Следовательно, федеративные отношения могут оцениваться конституционным судом федеративного государства на предмет установления их соответствия, легальности, конформности, юридической действительности (валидности).

Дополнительной гарантией единства всей судебной ветви власти в государстве, а также обеспечения принципа разделения и субсидиарности ветвей власти становится наделение органа специализированного контроля полномочием по установлению юридической действительности правоотношений в сфере разграничения компетенции органов государства (не только казуальным, но и прямым).

Однако возникает еще один вопрос, связанный с объектом специализированного конституционного контроля: вправе ли орган специализированного конституционного контроля рассматривать на предмет юридической действительности в узком смысле этого слова бездействие законодателя, например непринятие в установленный или разумный срок законов, указанных в конституции.

В деятельности органов специализированного конституционного контроля других стран, в частности Российской Федерации, Португалии, Венгрии [20, с. 23], данный вопрос решается положительно.

Следовательно, в качестве еще одного дополнительного объекта специализированного конституционного контроля необходимо выделять юридическую действительность пробелов в нормативном регулировании общественных отношений.

Своеобразным противовесом действиям высшего должностного лица государства может стать оценка конституционным судом действий и решений президента, когда несоответствие их конституции служит основанием для отрешения от должности или приведения в действие специального механизма ответственности [1, с. 22].

Таким же образом по законодательству Республики Беларусь решается вопрос об объекте судебного конституционного контроля при рассмотрении дел о нарушении Парламентом Конституции. Следовательно, дополнительным объектом специализированного конституционного контроля может являться юридическая действительность определенных действий палат Парламента.

III. Толкование, осуществляемое органами специализированного конституционного контроля, требует определенного правового инструментария, специфической методики определения конституционности (юридической действительности) правовых актов, подлежащих рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства.

Таким образом, при исследовании предмета специализированного конституционного контроля одним из ключевых вопросов становится определение критериев юридической действительности правовых актов, которое связано с разрешением ряда проблем [21, с. 100].

В правовой науке существует широкий диапазон мнений, а законодателями и судебной практикой различных стран выработаны самые разнообразные подходы, в большинстве своем сводимые к двум основным: однополярному и многополярному.

При первом подходе критериями юридической действительности выступают исключительно нормы конституции государства, особое внимание уделяется обеспечению качественно более высокого уровня правовой охраны конституции в силу ее особых функций и юридических свойств в отличие от других источников права. При втором подходе критериями юридической действительности признаются не только нормы Основного Закона, но и иные источники конституционного права с акцентом на значимые межнормативные связи между ними, определяющие иерархичность построения системы права.

Следует подчеркнуть, что система критериев конституционности (юридической действительности) в государствах, придерживающихся многополярного подхода, достаточно разнопланова. В частности, Конституционный Суд Италии еще в 1961 году признал допустимым использование норм иных законодательных актов, помимо самой Конституции Италии, как критериев конститу-

ционности [22, с. 35]. Конституционный Суд Австрии вправе решать вопрос, нарушено ли международное право каким-либо союзным законом (ст. 145 Конституции Австрийской Республики), а также непосредственно применяет решения Страсбургского суда о толковании Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека [23, с. 523].

Органы специализированного конституционного контроля в своей деятельности в силу закрепленных в конституции положений о правах и свободах человека, имеющих общеправовое значение, а также признания принципов и норм международного права в качестве составной части правовой системы вправе руководствоваться также общеправовыми принципами и положениями, соответствующими естественно-правовому характеру прирожденных и неотчуждаемых прав и свобод человека [24, с. 17, 18].

Однако следует заметить, что четкое разграничение названных подходов невозможно, более того – нецелесообразно, поскольку, как уже было замечено выше, соответствие конституции уже предполагает соответствие иным правовым актам, принятым во исполнение и согласно требованиям Основного Закона.

Исходя из вышесказанного, выделение различных подходов к определению критериев юридической действительности носит субсидиарный, процессуальный характер и важно для регламентации процедуры осуществления специализированного конституционного контроля и установления пределов рассмотрения дела в порядке конституционного судопроизводства, а также для упорядочения интерпретационной деятельности органов специализированного конституционного контроля.

IV. На органы специализированного конституционного контроля, как и на иные государственные органы, возложена обязанность в пределах компетенции принимать необходимые меры для осуществления прав и свобод граждан, а именно: защищать права человека, нарушаемые или недостаточно обеспечиваемые нормотворческой деятельностью уполномоченных на то субъектов, посредством осуществления правовой охраны конституции.

В процессе реализации данного полномочия орган специализированного конституционного контроля с закономерной необходимостью должен исследовать, проанализировать и интерпретировать все структурные звенья юридического механизма гарантий прав и свобод человека.

Целесообразно выделять следующие составляющие такого толкования:

уяснение конкретного содержания и объема прав и свобод человека, закрепленных в нормативных актах государства;

выявление корреспондирующих данным правам обязанностей человека и гражданина, возложенных на него в рамках конституционно закрепленной взаимной ответственности индивида и государства;

определение способов и пределов осуществления прав и свобод;

выявление правил правомерного ограничения прав и свобод (правовой статус конкретной

личности не может быть неограниченным и противоречить интересам общества, государства, правам и свободам других лиц, однако основным критерием в таких случаях должен быть принцип соразмерности предусмотренных ограничений защищаемым конституцией ценностям, что является важнейшим условием соблюдения конституционной законности и принципом деятельности органов специализированного конституционного контроля);

определение критериев дифференциации режимов реализации прав и свобод (касается установления льгот, специального порядка осуществления отдельных прав либо определенных требований к субъекту таких прав);

фиксация различных легальных процедур охраны и защиты прав и свобод (реализация права выбора как демократической ценности);

уяснение содержания, вида, объема и пределов юридической ответственности и иных мер государственного принуждения в случаях нарушения прав и свобод граждан (включая прогрессивный институт ответственности граждан за злоупотребление своими правами и обязанностями);

определение форм и пределов восстановления нарушенных прав и свобод и возмещения причиненного вреда;

уяснение содержания мер профилактики и предупреждения возможных нарушений прав и свобод и др.

Необходимо также отметить, что толкование нормативных актов, касающихся прав и свобод человека, является полномочием, распределенным между всеми правоприменителями. Однако органы специализированного конституционного контроля единственно компетентны осуществлять окончательное толкование (*final interpretation*) подобных актов.

Таким образом, постановления верховных судов, которые унифицируют или изменяют судебную практику (тем самым осуществляя официальное толкование правовых актов), могут подлежать рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства.

В случае, если верховные суды или иные органы своим толкованием нарушают права и свободы человека, то их соответствующие акты могут быть признаны неконституционными. При этом органом специализированного конституционного контроля должно быть дано толкование, которое является окончательным и обязательным для исполнения. Все иные субъекты права в таком случае будут обязаны руководствоваться тем пониманием прав и свобод человека, которое содержится в правовых позициях органа специализированного конституционного контроля. Такую позицию занял Конституционный Суд Албании в Решении № 10/2001 от 7 февраля 2001 года по индивидуальной жалобе гражданина на решение Объединенных Палат Верховного Суда, которым были нарушены права данного гражданина.

В процессе интерпретации актов о правах и свободах человека и гражданина особенно существенным является вопрос о том, каким должно быть толкование по объему, буквальным, ограничительным или расширительным:

правовые акты должны толковаться в пользу гражданина (презюмируется, что он имеет право, поскольку иное прямо не указано в нормативном акте, принятом надлежащим образом и вступившем в законную силу);

акты, устанавливающие смягчение ответственности, подлежат расширительному толкованию (в пользу же гражданина решается и вопрос об обратной силе толкования; если такое толкование улучшает правовое положение гражданина);

акты, усиливающие ответственность, подлежат ограничительному толкованию;

изъятия из общих правил также подлежат ограничительному толкованию.

Неправильная же интерпретация, повлекшая нарушение прав человека, является основанием для восстановления нарушенного права и возмещения вреда, причиненного государственными органами.

Подводя основные итоги данного исследования, следует согласиться с мнением российского ученого Л.В.Лазарева о том, что решения органа специализированного конституционного контроля являются нормативно-интерпретационными актами, посредством которых указанный орган осуществляет правокорректирующую функцию относительно нормотворчества органов публичной власти, направленную на правовую защиту конституции, обеспечение ее непосредственного действия и эффективности реализации [25, с.10].

Таким образом, в интерпретационной деятельности органа специализированного конституционного контроля целесообразно выделить следующие стадии ее осуществления:

ознакомление с правовой нормой, подлежащей рассмотрению в конституционном судопроизводстве;

уяснение истинного смысла нормативных положений (правовых норм) (как первый этап собственно толкования);

разъяснение смысла указанных норм определенному кругу лиц путем объективирования их в правовых позициях органа специализированного конституционного контроля (второй этап толкования);

применение подлежащей рассмотрению нормы на практике (с учетом смысла, которым наполнил ее интерпретационный акт органа специализированного конституционного контроля);

изучение практики такого применения и ее анализ;

реформирование нормы (например, путем внесения органом специализированного конституционного контроля соответствующих предложений законодателю либо иным уполномоченным государственным органам).

В заключение необходимо отметить огромное значение интерпретационной деятельности органов специализированного конституционного контроля для соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, равно как и правовой охраны конституции и реализации принципа конституционной законности в государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яшникова, Т.А. Конституционный Суд в системе высших органов Российской Федерации / Т.А. Яшникова. – М.: Дело, 1994. – 137 с.
2. Гражданское общество, правовое государство и право // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 12–50.
3. Петров, А.А. Основы организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Петров; ИГП Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2002. – 35 с.
4. Половченко, К.А. Толкование Конституции (и законов) Конституционными Судах России и Украины: теоретические и практические проблемы (сравнительно-правовой анализ) / К.А. Половченко // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 57–63.
5. Хабриева, Т.Я. Конституционный Суд Российской Федерации – главный субъект толкования Конституции / Т.Я. Хабриева // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 13–14.
6. Эбзеев, Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы / Б.С. Эбзеев // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 5–12.
7. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства: учеб. для юрид. вузов и факультетов / В.С. Нерсисянц. – М.: НОРМА-ИНФРА М, 2000. – 552 с.
8. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2000. – 520 с.
9. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 768.
10. Василевич, Г.А. Проблемы социальной защиты граждан в практике Конституционного Суда Республики Беларусь / Г.А. Василевич // Конституционные основы социального государства. – Минск: БГУ, 2000. – С. 29.
11. Хабриева, Т.Я. Конституционный Суд Российской Федерации – главный субъект толкования Конституции / Т.Я. Хабриева // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 13–14.
12. Бойцова, Л.В. Конституционная юстиция, теория интерпретации и демократический процесс / Л.В. Бойцова // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 2. – С. 3.
13. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.
14. Кряжков, В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации: учеб. пособ. / В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев. – М.: БЕК, 1998. – 462 с.
15. Овсепян, Ж.И. Судебный конституционный контроль в Российской Федерации / Ж.И. Овсепян // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 41–42.
16. Конституция Российской Федерации: энциклопед. словарь / В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин и др. – М.: Бол. рос. энциклопедия, 1995. – 416 с.
17. Varga, C. Transition to Rule of Law: on the Democratic Transformation in Hungary / C Varga. – Budapest: Faculty of Law of Lorand Eotvos University, Legal Studies of the Hungarian Academy of Sciences, 1995. – 190 p.
18. Боботов, С.В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ) / С.В. Боботов. – М.: Российская правовая академия Минюста РФ, ИЧП «ЕАВ», 1994. – 127 с.
19. Шульженко, Ю.Л. Конституционный контроль в России / Ю.Л. Шульженко. – М.: ИГП РАН, 1995. – 175 с.
20. Кряжков, В.А. Конституционный контроль в России / В.А. Кряжков, Ю.Л. Шульженко // Государство и право. – 1995. – № 10. – С. 157.
21. Бриксков, В.В. Критерии конституционности объектов федерального судебного конституционного контроля: некоторые проблемы / В.В. Бриксков // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 98–104.
22. Сидорова, А.П. Конституционный Суд Италии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.П. Сидорова. – М.: ИГП АН СССР, 1970. – 35 с.
23. Дженис, М. Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии / М. Дженис, Р. Кей, Э. Брэдли. – М., 1997. – 523 с.
24. Калашников, С.В. Система конституционных гарантий прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества / С.В. Калашников // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 17–25.
25. Лазарев, Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев. – М.: ОАО Издат. Дом Городец: Формула права, 2003. – С. 528.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. С. ШЕМЕТ

В статье с позиций системного подхода изложена социально-правовая характеристика пограничной безопасности Республики Беларусь как правовой категории. Определены ее сущность и содержание. Рассмотрено соотношение понятий «пограничная безопасность», «национальная безопасность» и «государственная безопасность».

Введение

Вопросам обеспечения безопасности Республики Беларусь в новой геополитической ситуации уделяется значительное внимание различными государственными органами. Как известно, государство по определению предполагает и территорию, на которую распространяются его суверенные права, и границы этой территории. Следовательно, возникает необходимость обеспечения безопасности как самой территории государства, так и ее границ.

Теоретико-правовое осмысление проблем обеспечения пограничной безопасности является частной научной задачей общей проблемы системного обеспечения национальной безопасности. Ее решение опирается на общеметодологические труды Андреева И.Д., Афанасьева В.Г., Блауберга М.М., Гвишиани Д.М., Мильнера Б.З., Садовского В.Н., Хилькевича А.П., Юдина Э.Г. и др.; труды в области общей теории безопасности Володина С.В., Григоряна Л.Г., Князева С.Н., Колдаева В.М., Коршунова Ю.Н., Трахименка С.А. и др.; труды по погранологии Гришина М.Л., Губченко В.Н., Дмитриева В.А., Епифанова И.Е., Маркова С.В., Павловского А.А., Парахневича В.В., Першина А.А., Шерстнева А.Д., Шумова В.В., Щербакова А.С. и др.

На протяжении длительного времени понятие «пограничная безопасность» отсутствовало. Обеспечение безопасности государства на его границах рассматривалось в рамках обеспечения государственной безопасности в целом.

Разработка теоретико-правовых основ обеспечения безопасности государства на его границах велась ранее применительно к охране Государственной границы СССР, а позднее, когда в связи с социально-политическими процессами концептуально изменилась пограничная политика, — к границе Российской Федерации. Комплексных системных исследований, посвященных исследованию пограничной безопасности Республики Беларусь, к настоящему времени не проводилось.

Таким образом, исследование социально-правовых аспектов проблемы обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь является важной научной задачей и соответствует перечню приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований Республики Беларусь на 2006–2010 годы, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 мая 2005 г. № 512 (научное обеспечение борьбы с преступностью, укрепления обороноспособности и повышения уровня национальной безопасности Республики Беларусь).

1. Пограничная безопасность как социальное явление

В 1993 году в Москве состоялась Первая межведомственная конференция по погранологии, на которой в научный и практический оборот было введено понятие «пограничная безопасность» как наиболее важная философско-методологическая категория погранологии. С этого момента появляется большое количество научных трудов, посвященных различным аспектам этой темы.

Вместе с тем при большом количестве работ по проблемам пограничной безопасности страны нет однозначного толкования этого понятия. Наблюдаются два подхода к его трактовке. В первом из них пограничная безопасность страны рассматривается как «состояние защищенности государственной границы, приграничной территории, экономических, военно-стратегических, социальных, духовно-культурных и иных интересов и объектов государства в пределах пограничного пространства от непосредственных и потенциальных угроз внешнего и внутреннего характера, достигаемое интегрированным использованием возможностей субъектов пограничной политики» [1, с. 96].

Следует отметить, что и в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь национальная безопасность определяется как «со-

стояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [2], то есть основной акцент также сделан на защиту. Создание условий, исключая или минимизирующих угрозы для объектов безопасности, по существу, обойден, что, на наш взгляд, вряд ли можно считать обоснованным.

Этот подход, по нашему мнению, в определенной степени односторонен и не отражает всей сложности пограничной безопасности страны как социального явления. Поэтому отдельные авторы, сторонники второго подхода, стремятся избежать односторонности и определяют пограничную безопасность как «определенное состояние пограничных отношений (взаимосвязей и взаимодействий государства в пограничной сфере жизнедеятельности общества) с другими субъектами, условиями и факторами пограничной деятельности, при которых обществу, государству, его гражданам не наносится вреда» [3, с. 8]. Одновременно с этим создаются условия для преобразования государственной границы и пограничных пространств в соответствии с потребностями граждан государства, целями, ценностями и морально-нравственными ориентирами прогрессивного развития общества.

Вместе с тем и это определение, на наш взгляд, не отражает всей полноты явления. Чтобы выяснить сущность пограничной безопасности, необходимо исследовать совокупность многочисленных объектов и предметов, процессов и явлений, связанных с государственной границей, с межгосударственным разграничением и взаимодействием.

Дмитриев В.А. отмечает, что пограничные отношения носят разноплановый, многогранный характер. Эта многогранность предопределяется наличием следующих разнородных оснований пограничных отношений, проявление которых отражает всю сложность пограничной сферы жизнедеятельности общества [3, с. 7]:

существование социальных систем с различной социальной структурой, с различной экономикой, политической, духовной и другими системами отношений (неоднородность) является первым основанием пограничных отношений;

жизнедеятельность государств как форм организации общества, имеющих специфические качественные определенности, обусловленные свойствами социальной системы, породившей эти государства (устойчивость), составляют второе основание пограничных отношений;

потребности определенной социальной системы и ее государства в сохранении своих существенных свойств формируют способ определения своих пределов, в которых социальная система остается тем, чем она есть, формируют способ установления государственной границы (определенность); это является третьим, наиболее важным основанием пограничных отношений;

потребности государств, имеющих общую границу, в обеспечении своего существования

обуславливают формирование взаимосвязанных и взаимозависимых пограничных пространств (связность) – четвертое основание пограничных отношений;

сознательная совместная деятельность людей в пограничной сфере жизнедеятельности общества и государства (социальность) составляет пятое основание пограничных отношений, ибо они в конечном счете не что иное, как результат сознательной и целенаправленной деятельности людей.

Пограничные отношения проявляются прежде всего в пограничных сферах личности, общества и государства. По мнению Губченко В.Н., пограничная сфера включает в себя «общественно-природную пространственную среду жизнедеятельности личности, общества, государства, определяющим фактором которой являются процессы и явления, обусловленные статусом государственной границы и необходимостью обеспечения национальных интересов и безопасности в пограничном пространстве государства» [4, с. 12].

Пограничная сфера жизни личности и общества – специфическая социальная область, непосредственно представляющая пространственную их периферию и обеспечивающая соприкосновение с внешним миром. Пограничная сфера личности и общества сосредоточена прежде всего в пограничных пространствах. Пограничные пространства представляют собой особую социально-политическую зону, исторически сформировавшуюся на стыке двух и более социальных систем – государств. В ее пределах происходят процессы межгосударственного разграничения, трансграничного взаимопроникновения и взаимовлияния, взаимосвязи и взаимодействия. Иначе говоря, сущность пограничного пространства заключается в том, что это один из способов существования социальных систем (государств), имеющих общую государственную границу, предназначенный для обеспечения условий их оптимального сосуществования.

Пограничная сфера государства – это совокупность государственных институтов, а также форм и способов их деятельности, обеспечивающих защиту интересов личности, общества и государства в системе пограничных отношений.

Однако пограничная безопасность не представляет собой лишь простую сумму безопасностей личности, общества и государства в пограничных сферах. Она может пониматься и как самостоятельный объект защиты.

Это объясняется спецификой пограничной сферы государственных интересов, которые характеризуются ее уникальным местоположением в ряду многих других сфер. Нельзя не согласиться с мнением Щербакова А. о том, что «пограничная сфера находится на пересечении двух крупных областей политико-экономической жизни любого государства – внутренней и внешней» [5]. Развитие любого государства на планетарном уровне в определенной степени

также носит пограничный характер – как диалектическая результирующая внутренних перемен и внешних условий и воздействий.

Необходимость обеспечения пограничной безопасности как самостоятельного объекта защиты объясняется наличием специфических интересов личности, общества и государства в пограничных пространствах. Их специфика заключается в том, что они не всегда совпадают с интересами сопредельных стран, общественных групп и отдельных граждан, а зачастую и противоположны им. Причем действие этих интересов распространяется лишь на строго определенную общественно-природную среду, находящуюся на стыке политических, экономических, оборонных и иных сфер жизнедеятельности сопредельных государств при осуществлении ими своей внешней и внутренней политики.

Интересы страны в пограничных пространствах можно классифицировать по различным основаниям: по отношению к международному праву (соответствуют международному праву или же нет), по формам и способам защиты (политическими средствами или при помощи силы), по объектам направленности (интересы государства, общества, личности), по сферам жизнедеятельности (интересы в политической, экономической и других сферах), по важности (важные и менее важные) и т.д. [6, с. 69–79].

Наиболее важными с точки зрения обеспечения пограничной безопасности как самостоятельного объекта защиты нам представляются политические, экономические и военные интересы Республики Беларусь в пограничном пространстве.

К жизненно важным политическим интересам Республики Беларусь в пограничном пространстве относятся:

укрепление независимости и суверенитета Республики Беларусь, обеспечение нерушимости границ, сохранение территориальной целостности;

недопущение международной изоляции государства в рамках собственного пограничного пространства;

преодоление политического давления на страну со стороны Республики Польша и прибалтийских государств;

противодействие незаконному распространению через Государственную границу Республики Беларусь оружия массового уничтожения, его компонентов и средств доставки, технологий и оборудования двойного назначения, наркотических, психотропных и других опасных веществ и материалов, международному терроризму, организованной преступности и иным видам преступлений;

обеспечение конституционных прав граждан на свободу передвижения через Государственную границу.

К жизненно важным экономическим интересам Республики Беларусь в пограничном пространстве относятся:

защита экономического суверенитета Республики Беларусь, внутреннего рынка и отече-

ственного производства от экспансии иностранных товаропроизводителей;

обеспечение экономической стабильности приграничных районов;

развитие всесторонних взаимовыгодных экономических связей с сопредельными государствами; борьба с организованной преступностью и коррупцией в сфере внешнеэкономической деятельности;

совершенствование экономических и правовых условий, препятствующих криминализации экономики.

К жизненно важным военным интересам Республики Беларусь в пограничном пространстве относятся:

обеспечение эффективной защиты суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь в случае применения против нее вооруженной силы или угрозы силой;

предотвращение расширения военно-политических блоков и их доминирования в пограничных пространствах;

недопущение переноса локальных войн и конфликтов с территории сопредельного государства на территорию Республики Беларусь;

укрепление военно-политического сотрудничества с сопредельными государствами;

формирование оборонного пространства в соответствии с заключенными международными договорами.

Учитывая тот факт, что интересы Республики Беларусь в пограничных пространствах не всегда совпадают с интересами сопредельных государств, возникает проблема существования угроз и опасностей интересам государства в этой сфере.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь упоминается лишь об угрозах национальной безопасности, под которыми понимаются действия, явления и процессы (или их совокупность), препятствующие реализации жизненно важных интересов личности, общества и государства и ничего не сказано об опасностях.

В пограничной сфере понятия «опасность» и «угроза» употребляются достаточно широко. При этом их нередко используют в одном и том же значении. Для уяснения и разграничения рассматриваемых явлений обратимся к их этимологии.

Ожегов С.И. понятие «угроза» определял как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло» [7, с. 825], Ушаков Д.Н. толковал угрозу как «опасность, возможность возникновения чего-нибудь неприятного, тяжкого» [8, с. 887].

В настоящее время в военной политологии все шире распространяется мнение, что угроза – это крайняя степень опасности. Например, Манилов В.Л. предлагает трактовать понятие «угроза» через категорию «опасность»: «Угроза есть непосредственная опасность причинения ущерба жизненно важным национальным интересам и национальной безопасности, выходящая за локальные рамки и затрагивающая основные националь-

ные ценности: суверенитет, государственность, территориальную целостность» [9, с. 17]. Гришин М.Л. определяет угрозу как «опасное развитие реальных уже существующих или потенциальных противоречий (в контексте рассматриваемой проблемы их, на наш взгляд, можно рассматривать как опасности), которые проявляются или могут проявиться в природе, обществе, государстве, в отношениях между государствами, различными сообществами или отдельными личностями» [3, с. 76]. Амирян В.А. трактует угрозу как «качественное, конкретизированное по месту, источнику, времени и цели состояние опасности» [10, с. 120].

Таким образом, общим в содержании угрозы и опасности является их возможность причинить тот или иной ущерб безопасности. Отличительные черты этих понятий достаточно полно разработаны в трудах Гацко М.Ф. [11, с. 11].

Во-первых, угроза отличается от опасности степенью готовности к причинению того или иного ущерба. Угроза – это стадия крайнего обострения противоречий, непосредственно предконфликтное состояние, когда налицо готовность одного из сопредельных государств применить силу в отношении другого для достижения своих политических и иных целей. Опасность мы понимаем как стадию зарождения и насыщения противоречий, когда один из субъектов политики потенциально может, но еще не готов применить силу или угрозу силы в своих интересах.

Во-вторых, угроза должна заключать в себе два компонента: намерения и возможность нанесения ущерба интересам безопасности, а опасность ограничивается наличием только одного из этих компонентов.

В третьих, угроза всегда носит персонифицированный, конкретно-адресный характер, что предполагает наличие явного субъекта (источника) угрозы и объекта, на который направлено ее действие. В отличие от угрозы опасность носит гипотетический, часто безадресный характер, ее субъект и объект явно не выражены.

В-четвертых, опасность заключает в себе потенциальную угрозу причинения ущерба тем или иным интересам, для реализации которого необходимо создание соответствующих условий (накопление возможностей и формирование намерений), угроза же есть непосредственная возможность нанесения ущерба, от начала осуществления которой ее отделяет лишь временной интервал, необходимый для принятия решения о реализации угрозы.

Очевидно, что абсолютной пограничной безопасности, если ее рассматривать как состояние отсутствия всяких угроз и опасностей, быть не может, поскольку полностью изолировать государство, общество и его индивидуумов от негативного воздействия угрожающих факторов окружающей среды и обеспечить их бесконфликтное сосуществование просто нереально. Вместе с тем повысить уровень их пограничной безопасности до требуемого уровня необходимо и возможно.

Учитывая сказанное, *сущность пограничной безопасности заключается в том, что она характеризует такое состояние межгосударственных и внутригосударственных отношений, при котором отсутствуют предпосылки для перерастания опасностей в угрозы интересам личности, общества и государства в строго определенной общественно-природной среде, находящейся на стыке политической, экономической, военной и других сфер жизнедеятельности сопредельных государств, а также сводятся к минимуму последствия различных деструктивных проявлений в этой среде.*

На основании вышеизложенного пограничную безопасность можно рассматривать как самостоятельный объект защиты.

2. Пограничная безопасность как правовая категория

Познавательный процесс всякого сложного социального явления, каковым является пограничная безопасность, осуществляется на основе использования уже сформулированного человечеством понятийно-категориального аппарата, а также новых понятий и категорий, в которых фиксируются его результаты.

Правовые категории, выражая общее, одновременно отражают и расчлененность предметов и явлений, связанных в это общее. Так, в категории «пограничная безопасность» одновременно выражена общая сущность этого явления и отражены еще два понятия (мир пограничного, безопасность).

В каждой категории различают ее содержание и объем. Содержание отражает совокупность сущностных признаков явлений и самих явлений, отраженных в ней. Так, в содержание правовой категории «пограничная безопасность» входят такие признаки, как создание урегулированных нормами права условий, исключающих возникновение пограничных конфликтов и инцидентов, поддержание сил и средств обеспечения безопасности в соответствии с их правовым предназначением на уровне, исключающем возможность проявления угроз личности, обществу и государству в пограничной сфере. Отсутствие какого-либо из указанных признаков в обеспечении пограничной безопасности будет свидетельствовать о том, что пограничная безопасность не обеспечена.

Особое значение при выделении сущностных признаков категории «пограничная безопасность», на наш взгляд, играет их «правовая окраска». Так, созданию условий, исключающих возникновение пограничных конфликтов и инцидентов, предшествует изучение международно-правовых договоров, заключенных между сопредельными государствами. Кроме того, деятельность сил безопасности (Госпогранкомитет, КГБ, МВД, таможенные органы и т.д.) должна быть строго регламентирована в законодательном порядке и не выходить за рамки правового поля.

Объем категории – это количество отраженных в ней предметов (признаков), достаточное для адекватного выражения сущности отображаемого в категории явления. В категории «пограничная безопасность» должно быть представлено столько признаков, чтобы по ним можно было четко представить себе это социальное явление.

Каждый из этих признаков, в свою очередь, так или иначе отображается соответствующими понятиями, категориями. Они возникают в практике обеспечения пограничной безопасности и могут быть новыми или заимствованными из других наук.

Так, объем правовой категории «пограничная безопасность» включает, на наш взгляд, три группы признаков:

признаки, относящиеся к созданию и совершенствованию нормативно-правовой базы, определяющей полномочия и регламентирующей деятельность государства, общества и личности в пограничном пространстве страны;

признаки, относящиеся к установлению юридической ответственности за нанесение ущерба национальным интересам страны на государственной границе;

признаки, относящиеся к международно-правовому сотрудничеству сопредельных государств.

Международные отношения, а следовательно и противоречия, которые могут возникнуть между сопредельными государствами в пограничном пространстве, относятся к прерогативе государства, которое осуществляет юрисдикцию над определенной территорией. Следовательно, именно государство в законодательном порядке разграничивает полномочия органов, обеспечивающих пограничную безопасность страны. К таковым основным нормативным актам относятся Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Законы Республики Беларусь «О пограничных войсках Республики Беларусь», «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь», «Об органах внутренних дел», «Об оперативно-розыскной деятельности», Таможенный кодекс Республики Беларусь и т.д.

Опыт последних лет убедительно свидетельствует о том, что особую угрозу безопасности государства, в том числе и на государственной границе, представляет международный терроризм и экстремизм, а также организованная преступность, специализирующаяся на торговле оружием и наркотическими веществами. В этом аспекте именно государство устанавливает меру юридической ответственности за совершение преступлений и правонарушений, посягающих на безопасность государства и его границ, которая законодательно закреплена в Уголовном кодексе Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях и других документах.

Огромная роль в борьбе с преступностью на государственной границе, а также в обеспечении

суверенитета и территориальной целостности государства отводится международным договорам и соглашениям, способствующим укреплению мира и добрососедства, коллективной безопасности и взаимопомощи, разрешению возникающих противоречий мирным путем. В соответствии со ст. 8 Конституции Республики Беларусь общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью ее правовой системы и содержат совокупность юридических норм, регулирующих правоотношения в сфере обеспечения пограничной безопасности.

С учетом вышесказанного правовую категорию «пограничная безопасность», на наш взгляд, правомерно изложить в следующей редакции:

«Пограничная безопасность – это урегулированное нормами международного права состояние пограничных отношений с сопредельными государствами, которое характеризуется отсутствием предпосылок для возникновения пограничных конфликтов и инцидентов путем заключения международных договоров и ведением политико-дипломатической деятельности, а также защищенностью интересов личности, общества и государства в пограничной сфере посредством правовой регламентации деятельности государственных органов и установления юридической ответственности за нанесение ущерба этим интересам».

Необходимо иметь в виду, что каждая научная категория (в том числе и правовая) существует в языке науки не изолированно, сама по себе, а лишь в системе связанных с ней понятий, относящихся к одному и тому же предмету изучения, и лишь в этой системе она приобретает свой смысл и значение [12, с. 30, 31].

3. Соотношение понятий «пограничная безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность»

Пограничная безопасность, как сложное социальное явление, теснейшим образом связана с понятиями «национальная безопасность» и «государственная безопасность». Рассмотрим их соотношение.

Национальная безопасность – это способность нации в лице ее государственных и общественных институтов противостоять внешнему и внутреннему воздействию, создающему угрозу ее единству, независимости и национальному развитию [13, с. 184].

Каждая нация существует не изолированно, сама по себе, а в окружении других наций. Отличие одной нации от другой состоит в национальных интересах, языке, национальном характере и национальной культуре.

Единство нации обусловлено прежде всего исторически сложившимся единством территории. Пределы территории Республики Беларусь, как и любого другого государства, опреде-

ляет государственная граница. И именно здесь, в пограничных пространствах, в первую очередь проявляются угрозы единству и независимости нации. Это обусловлено тем фактором, что границы Беларуси в течение своей длительной истории неоднократно изменялись (вхождение ее в состав Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и т.д.). Следовательно, в приграничных районах на язык, культуру, характер белорусской нации существенное влияние оказывали и оказывают национальные особенности сопредельных государств. Во многих случаях это влияние носит деструктивный характер, то есть создает угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, и прежде всего – в ее пограничных пространствах.

Учитывая тот факт, что пограничная безопасность характеризует состояние защищенности личности, общества и государства в пограничных пространствах, на наш взгляд представляется правомерным утверждать, что обеспечение пограничной безопасности является одним из видов (направлений) обеспечения национальной безопасности.

Обеспечить национальную безопасность – значит сохранить территориальную целостность страны, укрепить ее независимость и суверенитет. Национальный суверенитет характеризует территориальную, экономическую, культурную и языковую самостоятельность нации. Однако национальная самостоятельность может быть гарантирована в той или иной мере лишь тогда, когда национальная безопасность будет дополнена безопасностью государственной.

Государство представляет собой совокупность различных социальных систем. Результатом их интеграции в рамках определенной территории является целостность государства. Внешним аспектом этой целостности предстает государственная граница.

При внешних или внутренних негативных воздействиях на государственную границу нарушается целостность государства, что является признаком того, что государство не способно обеспечить свою безопасность. Это, в свою очередь, приводит к невозможности обеспечения национального суверенитета, то есть в конечном счете – национальной безопасности.

Отсюда вытекает необходимость охраны и защиты границы как одного из основных элементов государственности. Деятельность по охране и защите государственной границы в широком смысле представляет деятельность по обеспечению пограничной безопасности государства. Следовательно, обеспечение пограничной безопасности является критерием обеспечения безопасности государственной.

Наряду с термином «пограничная безопасность» в литературе встречается термин «пограничная стабильность». Рассмотрим их соотношение.

Термин «стабильность» (от лат. *stabilis* – устойчивый) означает упрочение, приведение в

постоянное устойчивое состояние или поддержание этого состояния, а также само состояние устойчивости, постоянства.

Стабильность явлений классифицируется по ряду оснований (критериев): по характеру явлений, их масштабности, продолжительности и т.д. Для проводимого исследования наибольший интерес представляет классификация по масштабности. По этому основанию можно выделить стабильность международную, стабильность государства и пограничную стабильность.

Международная стабильность представляет собой состояние международных отношений, характеризующееся устойчивостью к воздействию деструктивных факторов, сохранением на длительное историческое время определенного характера или устойчивой тенденции.

Стабильность государства – это такое состояние, при котором надежно сохраняются его суверенитет и территориальная целостность, обеспечивается социально-экономическое, политическое и духовное развитие, соблюдение прав и свобод личности, устойчивое функционирование государственных институтов.

Особой сложностью отличается пограничная стабильность, так как она характеризует состояние той части территориальных пространств государства, куда входят приграничные административно-территориальные образования страны, непосредственно соприкасающиеся с сопредельными государствами и первыми испытывающие влияние на экономическую, социально-политическую и другие аспекты жизни их населения.

Першин А.А. пограничную стабильность определяет как «состояние межгосударственных отношений сопредельных стран, других процессов, происходящих на государственной границе и в пограничном пространстве, характеризующееся добровольным соблюдением социальными субъектами этих стран установленного и согласованного на основе межгосударственных договоров режима государственной границы, пограничного режима, проявлений уважения суверенных прав, территориальной целостности и нерушимости государственной границы каждого государства» [14, с. 180].

Учитывая тот факт, что в основе обеспечения пограничной безопасности государства лежат устойчивые взаимовыгодные экономические связи, обеспечивающие благоприятные условия для развития приграничных регионов, а также устойчивое функционирование их социальных и политических институтов (что собственно и составляет сущность стабильности), пограничную стабильность можно определить как важнейшее условие обеспечения пограничной безопасности государства.

Таким образом, *пограничная безопасность, основанная на пограничной стабильности, представляет собой один из критериев обеспечения безопасности государства как составной части безопасности нации.*

Заключение

В приведенной статье автором обеспечено дальнейшее развитие познавательного процесса такого сложного социального явления, каковым является пограничная безопасность, что расширяет предметную область общей теории безопасности в целом и погранологии в частности.

На основе анализа социальных процессов, происходящих на государственной границе, сформулировано авторское определение пограничной безопасности как правовой категории: пограничная безопасность – это урегулированное нормами международного права состояние пограничных отношений с сопредельными государствами, которое характеризуется отсутствием предпосылок для возникновения пограничных конфликтов и инцидентов путем заключения международных договоров и ведением политико-дипломатической деятельности, а также защищенностью интересов личности, общества и государства в пограничной сфере посредством правовой регламентации дея-

тельности государственных органов и установления юридической ответственности за нанесение ущерба этим интересам.

Исследование проблемы обеспечения пограничной безопасности позволило автору уточнить понятие пограничной безопасности как самостоятельного объекта защиты, представляющего собой основанный на пограничной стабильности государства как составной части безопасности нации и требующего совершенствования как правовой регламентации, так и организационных форм деятельности различных органов государственного управления по ее обеспечению.

Подходы к определению понятия «пограничная безопасность» могут быть использованы как в процессе совершенствования законодательства, так и непосредственно при организации деятельности органов государственного управления. Кроме того, они могут служить методологической базой для подготовки ведомственных нормативных актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пограничная политика Российской Федерации / А.Н. Брижик [и др.]; под общ. ред. А.И. Николаева. – М.: Граница, 1998. – 544 с.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 17 июля 2001 г., № 390 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 16.04.2007.
3. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения: монография / М.Л. Гришин [и др.]; под общ. ред. В.А. Дмитриева. – М.: «БДЦ – пресс», 2001. – 276 с.
4. Гришин, М.Л. Погранология: проблемы пограничной политики / М.Л. Гришин, В.Н. Губченко, В.А. Дмитриев; под общ. ред. В.А. Дмитриева. – М.: Отделение погранологии МАИ, 1999. – 340 с.
5. Щербаков, А. Пограничная безопасность России / А. Щербаков // Обозреватель [Электронный ресурс]. – 2001. – № 3. – Режим доступа: http://www.nasledie.ru/oboz/N03_01/3_14.htm. – Дата доступа: 16.04.2007.
6. Родионов, И.Н. Безопасность страны и вооруженные силы: проблемы и пути их решения / И.Н. Родионов, В.В. Соловьев. – М.: ВАГШ, 1995. – 135 с.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Ушакова; сост. В.В. Виноградов [и др.]. – М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 4.
9. Манилов, В.Л. Угрозы национальной безопасности России / В.Л. Манилов // Военная мысль. – 1996. – № 1. – С. 7–17.
10. Амирян, В.А. Методологические основы исследования угроз пограничной безопасности Российской Федерации / В.А. Амирян // Вестник академии военных наук. – 2004. – № 3 (8). – С. 119–125.
11. Гацко, М.Ф. О сущности понятий «военная угроза» и «военная опасность», их соотношении в системе военной безопасности России / М.Ф. Гацко // Военная мысль. – 2006. – № 4. – С. 8–16.
12. Блауберг, В.В. Системный поход: предпосылки, трудности, проблемы / В.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Н. Юдин. – М.: Наука, 1960.
13. Трахименок, С.А. Безопасность государства. Методолого-правовые аспекты / С.А. Трахименок. – Минск: Бел. изд. Тов-о «Хата», 1997. – 192 с.
14. Першин, А.А. Теория государственных границ / А.А. Першин, А.Д. Шерстнев, В.В. Ярлыченко; под ред. К.В. Тоцкого. – М.: Граница, 2001. – 221 с.

РАЗДЕЛ IV

|| ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ ОБ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВАХ, УДОСТОВЕРЯЕМЫХ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ

Ю.А.АМЕЛЬЧЕНЯ

В статье проведен анализ нормативных правовых актов, посредством которых осуществляется регулирование имущественных прав как объекта гражданских прав при рассмотрении категории «бездокументарные ценные бумаги». Изучены научные взгляды и подходы к определению ценной бумаги, имущественного права, порядка учета прав на ценные бумаги, особенности передачи прав на основании гражданско-правового договора, особенности трансферта (способа передачи прав из бумаги), обоснование которого применительно к ценным бумагам привел русский цивилист М.М.Агарков. Основные тезисы статьи могут лечь в основу представления о ценной бумаге как экономической и правовой категории, форме фиксации прав из ценной бумаги. Автором обосновано положение, что бездокументарная ценная бумага относится к категории особого имущественного права в целях единообразного подхода к определению его правового титула (права собственности либо владения).

Внедокументарная или бездокументарная форма эмиссии ценных бумаг вызывает ряд вопросов, связанных с юридической природой соответствующих бездокументарных ценных бумаг. Законодатель рассматривает бездокументарную ценную бумагу как внебумажную форму ценной бумаги. Однако, полагаем, речь идет об особом имущественном праве, которое лишь обладает признаками (свойствами), характерными для ценной бумаги.

В статье анализируются нормы белорусского законодательства, определяющие правовой режим бездокументарных ценных бумаг, а также имущественных прав как объекта гражданских прав. Юридическая природа ценных бумаг и бездокументарных ценных бумаг рассмотрена с уче-

том воззрений М.М.Агаркова, Г.Ф.Шершеневича, А.А.Богусова, В.А.Белова, М.Крыловой, Н.М.Коршунова, М.В.Митрошиной, Н.Д.Эриашвили, Ю.Туктарова, А.Ю.Грибова и других. Для уяснения содержания категории «владение» рассмотрен подход римских юристов к правомочиям собственника и владельца.

Отнесение бездокументарной ценной бумаги к категории вещи или особого имущественного права позволит применить в отношении них правовой режим вещи или имущественного права, а также способствовать единообразному подходу к определению их правового титула.

Ценная бумага, являясь особым объектом гражданских прав, по утверждению М.М.Агаркова,

представляет собой способ переноса имущественных прав на вещь [1, с. 9]. Ценная бумага предоставляет юридическую возможность непосредственно распоряжаться тем или иным правом требования, которое в ней воплощено [2, с. 46].

Легальное определение ценной бумаги, закрепленное в ст. 143 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), подразумевает под ценной бумагой документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. Ценные бумаги отнесены ГК Республики Беларусь к объектам гражданских прав [3, ст. 128].

Теория ценных бумаг разграничивает право на документ и право из документа. Когда говорят об обязательственных правоотношениях по ценным бумагам, то речь идет о праве *из* документа. В имущественном обороте ценные бумаги участвуют как объекты гражданских прав, регулируются вещным правом: в данном случае имеет место право *на* документ.

Дуализм правовой природы ценных бумаг предполагает единство формы и содержания. Имущественное право (вещное или обязательственное) в целях его оборачиваемости требует фиксации в ценной бумаге; в ней соединены вещно-правовые и обязательно-правовые признаки; именно это обстоятельство служит отправным пунктом теории ценных бумаг [4, с. 29].

Гражданским кодексом Республики Беларусь предусмотрена возможность фиксации прав, закрепляемых именной или ордерной ценной бумагой (в том числе в бездокументарной форме), в случаях или порядке, установленных законодательством [3, ст. 150]. Права, удостоверяемые путем бездокументарной фиксации, порядок официальной фиксации прав и правообладателей, порядок документального подтверждения записей и порядок совершения операций с бездокументарными ценными бумагами определяются законодательством (ч. 2 ст. 150): ценные бумаги могут учитываться на счетах «депо», ведение которых осуществляют уполномоченные депозитарии [5, ст. 1]. При внесении документарной ценной бумаги на счет «депо» ее переход из осязаемой (материальной, бумажной) в неосязаемую (бездокументарную) форму не меняет сущности, природы и содержания ценной бумаги. Изменяется носитель, но не имущественные права. Если эмиссия осуществляется в бездокументарной форме, материализованных ценных бумаг не существует и права на бумагу (вещного права) не возникает.

В ряде случаев законодатель говорит о «бездокументарной фиксации прав в виде записей на счете» [6, п. 1]. Запись на счете «депо» – это минимальная единица депозитарного учета, представляющая собой зафиксированную с помощью программно-технических средств информацию о количестве ценных бумаг одного

выпуска, в отношении которых их владелец обладает одинаковым объемом прав [7, п. 2]. Такая информация есть не что иное, как сведения об имущественном (обязательственном) праве, которое фиксируется во внебумажной (бездокументарной) форме. Следовательно, по счету «депо» фактически учитываются права из ценной бумаги.

М.Крылова внебумажную форму ценной бумаги объясняет тем, что ценная бумага – это бестелесная вещь, то есть совокупность установленных законодательством гражданских прав, своеобразная правовая условность, фикция, не имеющая материальной формы. О любых перемещениях этих неосязаемых и невидимых объектов можно судить по соответствующим записям (письменным или электронным) на счетах в реестре (депозитария) и/или по бумажным документам, находящимся на руках у владельцев ценных бумаг [4, с. 29]. Однако ценная бумага согласно ГК Республики Беларусь представляет собой документ (материальный), который может выступать объектом права собственности. Бестелесны имущественные права, поскольку представляют собой субъективные права участников правоотношений, связанные с владением, пользованием, распоряжением имуществом, а также теми материальными требованиями, которые возникают между участниками гражданского оборота по поводу распределения этого имущества и обмена [8, с. 223].

Н.М.Коршунов, М.В.Митрошин, Н.Д.Эришвили отталкиваются от сходства юридической природы бездокументарных и документарных ценных бумаг, предлагая в силу равного правового режима объединить «в едином понятии обе формы представления ценных бумаг». Бездокументарные ценные бумаги – это имущественные права, которые, не будучи выраженными в отдельных документах, являются частью гражданско-правового обязательства [9, с. 17]. Логика рассуждения строится на основании тезиса о наличии «лингвистической фикции» в отношении бездокументарных ценных бумаг. Возможность фиксации прав из ценных бумаг в специальных реестрах сделала анахронизмом термин «ценная бумага»: документ утратил вид отдельно существующей бумаги. Если термин «ценная бумага» по отношению к имущественным правам, закрепленным в реестре, является фикцией, то фикцией является и сам объект гражданских прав, обозначаемых этим термином [9, с. 18].

Учитывая изложенное, сущность ценных бумаг, в том числе бездокументарных ценных бумаг, можно выразить следующим образом:

1. ценная бумага рассматривается как форма заключения договора (форма закрепления воли сторон) с одной стороны, с другой стороны – это согласие должника в обязательстве на свободное обращение права требования к нему и допустимость предъявления ценной бумаги третьим лицом к исполнению. Возникновение прав по ценной бумаге связано с самим обязательством

[10, с. 35]: не во исполнение договора (М.М.Агарков), а в связи с его заключением ценная бумага опосредует правоотношения между кредитором (владельцем) и должником (эмитентом), придавая договору надлежащую форму (например, договор банковского вклада, оформленный депозитным или сберегательным сертификатом);

2. ценная бумага представляет собой свободно обращаемое обязательство. Обращаемость обусловлена присущими ценной бумаге признаками – специальная легитимация, литтеральность, публичная достоверность, формализация, презентация, автономность, абстрактность (ценнобумажные свойства [11, с. 55]);

3. ценная бумага выполняет одну из функций денег – функцию меры стоимости [10, с. 54] (стоимости обязательства. – Прим. Ю.А.). Благодаря свойству оборачиваемости ценные бумаги – это один из способов исполнения обязательства, обеспечения исполнения обязательства, прекращения обязательства; могут быть объектом сделок, в том числе договоров (так же как и деньги);

4. «бездокументарные ценные бумаги» – это способ фиксации имущественных прав, обусловленный необходимостью экономной и технологически более совершенной формы хранения и передачи информации – электронной. По существу, речь идет об имущественных (обязательственных, корпоративных) правах вне связи с физическими объектами. Связь бумаги с закрепляемым ею правом утрачена, что влечет отрицание самой возможности существования ценной бумаги как юридической категории. Это ценные права, то есть права, в отношении которых установлены ценнобумажные свойства [11, с. 56].

Важным представляется факт, что бездокументарные ценные бумаги не могут быть объектом права собственности. В противном случае речь идет о наличии права (собственности) на право (имущественное, обязательственное, корпоративное), закрепленное бездокументарными ценными бумагами. Объектами правоотношений собственности могут быть любые предметы материального мира – вещи, ценные бумаги, денежные знаки и т.д. [12, с. 231]. Право собственности – вещное право. Собственник самостоятельно воздействует на вещь без каких-либо положительных действий со стороны обязанных лиц, без согласия последних осуществлять правомочия владения, пользования и распоряжения [12, с. 232, 233].

А.Богустов, исходя из выводов и заключений российской правоприменительной практики, соглашается с тем, что «бестелесность» бездокументарных ценных бумаг еще не свидетельствует о праве собственности на них [13, с. 166], также как не свидетельствует об отнесении их к институтам обязательственного права [13, с. 171]. Более того, физическое существование объекта не рассматривается в ряде случаев как необходимое условие владения [13, с. 166]. А.Богустов прибегает к римскому владению правом в обоснование позиции, согласно которой ценная бумага может

выступать объектом права собственности. Однако по смыслу римское владение правом («квазивладение») предполагает принадлежность права лицам, которые стремились пользоваться и действительно пользовались им. Владелец права «физически» обладал правом: на основании организационных, правовых действий у него была возможность использовать все, что предоставило такое обладание [14, с. 173, 174].

Владение – это правовой режим, позволяющий владельцу совершать определенные действия в отношении вещи, переданной ему на условиях данного правового режима. Сущность владения – в первичности материальности (телесности) предоставляемой на праве владения вещи, что подтверждается используемыми способами его защиты (интердикты): способ защиты распространяет свое действие на вещь, а не на право владения ею. Последнее предоставляет юридическую возможность владельцу требовать защиты владения в отношении движимой или недвижимой вещи. В связи с чем при рассмотрении бездокументарных форм фиксации прав предлагаем руководствоваться терминологией не собственности, а владения.

ГК Республики Беларусь называет объектом гражданских прав вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права [3, ст. 128]. Основа существующих бездокументарных ценных бумаг – имущественные (обязательственные) права, которые передаются, уступаются вне бумажного эквивалента как самостоятельный объект гражданских прав.

Свойства, которыми законодатель наделил имущественные права, приведены в таблице 1.

Отличительная особенность ценной бумаги в сравнении с имущественным правом состоит в закреплении ею имущественных прав, что позволяет последним участвовать в гражданском обороте с правовым режимом вещи. Особенность бездокументарных ценных бумаг заключается в том, что фактически не права, удостоверяемые ценной бумагой [3, ч. 2 ст. 143], а имущественные права, идентичные закрепляемым ценной бумагой, выступают объектом прав. На наш взгляд, в большей степени соответствует сущности подобных обязательств бездокументарная форма фиксации прав, а не имеющаяся в законодательстве категория – «бездокументарная ценная бумага».

Англо-американская юриспруденция оперирует понятием «оборотный документ» (negotiable instrument), или security – это предъявительская или ордерная ценная бумага, предоставляющая своему добросовестному держателю право на получение платежа, свободного от недостатков в праве его предшественников [1, с. 17]. Вместе с тем оборотным признается только такой документ, в отношении которого выполняются определенные правила – тестовые задания, при ответе на которые применительно

к спорному документу или совокупности прав определяется, обладают последние признаками securities или нет [15, с. 54, 55]. Обратный характер подобных обязательств определяет их правовую природу, в том числе механизмы защиты прав инвесторов.

Равно как и оборотные документы, права, идентичные закрепляемым ценной бумагой, свободно обращаются, выступают предметом сделок, выполняют одну из функций денег и могут рассматриваться как оборотные права. С этой точки зрения эмиссия оборотных прав (не «бездокументарных ценных бумаг») осуществляется посредством записей на счетах долговых обязательств в определенном количестве и на определенную стоимость, которые принимает на себя эмитент.

По общему правилу передача имущественных прав осуществляется посредством их уступки (цессии). Помимо цессии гражданское право использует трансферт: передача имущественного права, удостоверенного ценной бумагой, совершается посредством трансферта по книгам обязанного лица на основании заявления отчуждателя, сопровождаемого предъявлением самой ценной бумаги для реализации прав из ценной бумаги [1, с. 109]. Основание передачи права на ценную бумагу – заключенный между отчуждателем и приобретателем договор (займа, купли-продажи и др.), и приобретатель становится собственником ценной бумаги до совершения трансферта. Договор выступает в качестве основания требовать у продавца передачи прав, уступки требования из ценной бумаги в пользу покупателя.

Таблица 1

Правовая характеристика имущественных прав как объектов гражданских прав

№ п/п	Свойство имущественных прав	Правовая норма
1	Имущественные права входят в состав понятия имущества	Предметом залога может быть всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права (требования) (ч. 1 ст. 317 ГК) Объектами страхования могут быть не противоречащие законодательству имущественные интересы, связанные с утратой (гибелью) или повреждением имущества, находящегося во владении, пользовании, распоряжении страхователя или иного названного в договоре выгодоприобретателя, либо с нанесением ущерба их имущественным правам (ч. 2 ст. 819 ГК)
2	Имущественные права могут удостоверяться ценной бумагой	При залоге имущественного права , удостоверенного ценной бумагой, она передается залогодержателю либо в депозит нотариуса, если договором не предусмотрено иное (ч. 4 ст. 319 ГК)
3	В отношении имущественного права используется категория владения (не собственности)	В качестве организатора торгов могут выступать собственник вещи или обладатель имущественного права либо специализированная организация. Специализированная организация действует на основании договора с собственником вещи или обладателем имущественного права и выступает от их или от своего имени (ч. 2 ст. 417 ГК) Обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации принадлежит исключительное право правомерно использования этого объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом (ч. 1 ст. 983 ГК)
4	Имущественные права подлежат передаче	По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом (ч. 1 ст. 543 ГК) Передача имущественных прав по договору либо их переход в порядке универсального правопреемства не влечет передачи или ограничения права авторства и других личных неимущественных прав (абзац 2 ч. 1 ст. 984 ГК)
5	В отношении имущественных прав могут заключаться договоры об их продаже. К продаже имущественных прав применяются нормы договора купли-продажи	В случаях, указанных в ГК или иных актах законодательства, договоры о продаже вещи или имущественного права могут быть заключены только путем проведения торгов (ч. 3 ст. 417 ГК) Положения, предусмотренные параграфом 1 главы 30 ГК, применяются к продаже имущественных прав , если иное не вытекает из содержания или характера этих прав (ч. 4 ст. 424 ГК)
6	Имущественные права могут быть объектом страхования	По договору страхования имущественных прав могут быть застрахованы имущественные права страхователя или иного названного в договоре выгодоприобретателя: в качестве имущественных прав , которые могут быть застрахованы по договору, принимаются права страхователей (выгодоприобретателей), связанные с осуществлением ими правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, а также с имущественными требованиями, которые возникают между страхователями (выгодоприобретателями) и иными лицами по поводу определения судьбы имущества и связанных с ним прав (права собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления, обязательственные права (договорные и внедоговорные), права на результаты интеллектуальной деятельности) (абзац 2 ч. 1 ст. 822 ГК)

В свою очередь, сделки с ценными бумагами (акциями, облигациями), за исключением ценных бумаг на предъявителя и векселей, совершаются в простой письменной форме путем заключения договора, подписанного лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими представителями [16, п. 4 Инструкции о порядке совершения сделок с ценными бумагами на территории Республики Беларусь]. Так как законодатель допускает фиксацию прав, закрепляемых именной или ордерной ценной бумагой, в том числе в бездокументарной форме, то и правила совершения сделок с ценными бумагами распространены как на собственно ценные бумаги, так и на бездокументарные ценные бумаги. При бездокументарной фиксации не возникает право на ценную бумагу, поэтому, на наш взгляд, подобный договор опосредует передачу прав из ценной бумаги (цессию).

Согласно ст. 424 ГК Республики Беларусь общие положения о купле-продаже применяются к продаже имущественных прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав. Соответственно передача имущественных прав, закрепляемых ценной бумагой, может быть осуществлена посредством договора, по которому одна сторона (кредитор в обязательстве из ценной бумаги) передает имущественные права в совокупности, обозначенной в решении о выпуске бездокументарных ценных бумаг, а другая сторона (новый кредитор в обязательстве по ценной бумаге) принимает имущественные права и оплачивает согласованную стоимость. Ввиду того, что в данном случае ценной бумаги как таковой не существует, эмитируемые права наделяются свойствами, присущими ей, и оборачиваются как самостоятельные объекты гражданских прав (оборотные права). Передача оборотных прав может осуществляться на основании договора купли-продажи оборотных прав – соглашения, в силу которого одна сторона (продавец) обязуется передать другой стороне (покупателю) оборотные права, а другая сторона обязуется принять и оплатить объявленную стоимость оборотных прав.

К такому договору применяются общие правила заключения договоров (оферта, акцепт могут быть представлены в электронной форме). Поскольку эмиссия отдельных ценных бумаг (например, государственных облигаций) носит массовый характер, то выпуск ценных бумаг (фактически – имущественных прав) совершается в бездокументарной форме.

При заключении договора купли-продажи оборотных прав производится трансферт посредством внесения записи в реестр или записи депозитарием по счету «депо». Передача оборотных прав признается совершенной, когда по счету «депо» покупателя отражено поступление определенного количества оборотных прав объявленной в договоре стоимости.

Ценная бумага как документ закрепляет имущественные права, что позволяет последним участвовать в гражданском обороте с правовым режимом вещи.

Бездокументарные ценные бумаги этимологически не ценные бумаги; они представляют собой имущественные права, идентичные закрепляемым ценной бумагой, обладающие ценнобумажными свойствами (специальная легитимация, литеральность, публичная достоверность, формализация, презентация, автономность, абстрактность). Подобные имущественные права свободно обращаются, выступают предметом сделок, выполняют одну из функций денег и могут рассматриваться как оборотные права. Последние представлены в бездокументарной форме записью на счетах «депо» или в реестре эмитента.

Поскольку белорусским законодателем допускается заключение договоров купли-продажи в отношении имущественных прав, то и оборотные права, будучи по сути имущественными, могут передаваться (уступаться) посредством заключения договора купли-продажи оборотных прав – соглашения, в силу которого одна сторона (продавец) обязуется передать другой стороне (покупателю) оборотные права, а другая сторона обязуется принять и оплатить объявленную стоимость оборотных прав. При заключении такого договора производится трансферт посредством внесения записи в реестр или записи депозитарием по счету «депо».

С учетом изложенного предлагается следующая формулировка ст. 128 ГК Республики Беларусь:

Правовая норма действующего Гражданского кодекса Республики Беларусь	Предлагаемая формулировка правовой нормы
Статья 128. Виды объектов гражданских прав	Статья 128. Виды объектов гражданских прав
К объектам гражданских прав относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права работы и услуги охраняемая информация исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность) нематериальные блага	К объектам гражданских прав относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также права, удостоверяемые ценными бумагами (оборотные права) работы и услуги охраняемая информация исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность) нематериальные блага

Подобная формулировка позволит выделить оборотные права как разновидность имущественных прав в качестве объекта договора купли-продажи с присущими ему юридической природой, существенными условиями, порядком и особенностями заключения, исполнения, правами и обязанностями сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарков, М.М. Учение о ценных бумагах / М.М. Агарков. – М.: Финстатинформ, 1993. – 140 с.
2. Шершеневич, Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года) / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Фирма Спарк, 1994. – 335 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.12.2007 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.
4. Крылова, М. Ценная бумага – вещь, документ или совокупность прав? / М. Крылова // Рынок ценных бумаг. – 1997. – № 5. – С. 31.
5. О депозитарной деятельности и центральном депозитарии ценных бумаг в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 июл. 1999 г., № 280-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.07.2002 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.
6. Об утверждении Инструкции по размещению, обращению и погашению краткосрочных облигаций Национального банка Республики Беларусь: постановление Правления Национального банка Респ. Беларусь, 27 дек. 2006 г., № 217 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.
7. О регулировании депозитарной деятельности: постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 22 нояб. 2006 г., № 143: в ред. постановления Минфина Респ. Беларусь от 29.11.2007 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.
8. Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев [и др.]; под ред. Я.А. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 704 с.
9. Коршунов, Н.М. Ценные бумаги как объект гражданского права: учеб. пособие для вузов / Н.М. Коршунов, М.В. Митрошина, Н.Д. Эриашвили. – М.: Юнити-Дана, 2000. – 53 с.
10. Грибов, А.Ю. Деньги и ценные бумаги: сущность и правовой режим / А.Ю. Грибов. – М.: РИОР, 2006. – 190 с.
11. Туктаров, Ю. Эволюция инструментов фондового рынка / Ю. Туктаров // Рынок ценных бумаг. – 2004. – № 15. – С. 53–56.
12. Калмыков, Ю.Х. Советское гражданское право / под ред. Ю.Х. Калмыкова, В.А. Тархова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. – 454 с.
13. Богустов, А. Право собственности на бездокументарные ценные бумаги / А. Богустов // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2002. – №5. – С. 159–171.
14. Пухан, И. Римское право: базовый учебник / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская; пер. с македонского д.ю.н., проф. В.А. Томсинова, Ю.В. Филиппова; под ред. В.А. Томсинова. – М.: ИКД ЗЕРЦАЛО-М, 2003. – 448 с.
15. Батлер, У.Э. Корпорации и ценные бумаги в России и США / У.Э. Батлер, М.Е. Гаши-Батлер. – М.: Зерцало, 1997. – 128 с.
16. О регулировании рынка ценных бумаг: постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 12 сент. 2006 г., № 112: в ред. постановления Министерства финансов Респ. Беларусь от 21.11.2007 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А.ГОНЧАРОВ

В данной статье автор рассматривает специфику и особенности организационно-правовых форм субъектов инновационной деятельности. Правовое регулирование в инновационной сфере быстро меняется, и к нему предъявляются особые требования. Из анализа действующего законодательства Республики Беларусь и других государств видно, что коммерческие организации в сфере инновационной деятельности могут создаваться в любой организационно-правовой форме. Это дает дополнительные возможности инвесторам, но с другой стороны, требует от соответствующих государственных органов более четкого и мобильного правового регулирования. Представляется, что любые мобильные изменения в обществе и государстве должны быть облечены в такую же гибкую правовую форму. Государству и субъектам инновационной деятельности необходимо находить компромисс в создании соответствующих организационно-правовых форм, которые способствовали бы решению конкретных целей. Очевидно, что накопленный опыт в различных сферах деятельности говорит о необходимости взвешенного подхода в правовом регулировании деятельности субъектов и целесообразности той или иной правовой формы.

Современный этап развития человечества характеризуется стремительными преобразованиями во всех сферах жизнедеятельности. Национальные экономики все больше имеют транснациональный и интернациональный характер. Глобальное перераспределение труда, международное разделение производства, рост образованного населения, мгновенно осуществляемые коммуникации свидетельствуют об определяющей роли инноваций, которые являются генеральным индикатором жизнеспособности общества.

Базовыми компонентами анализа социального прогресса становятся инновационные системы, инновационные процессы, инновационные отношения, групповое и индивидуальное инновационное сознание и деятельность [1, с. 7].

Необходимо отметить особую роль и актуальность исследований в области организации инновационной деятельности. Многие авторы отмечают проблемы состояния национальной инновационной политики и инфраструктуры, но не в должной мере рассматриваются проблемы организации инновационных процессов в соответствующих правовых формах. А они, как ничто другое, призваны обеспечить легальное, мотивационное, эффективное функционирование и развитие предпринимательской деятельности в этой сфере. Необходимые правовые формы должны встраиваться в конструкцию вертикальных и горизонтальных правоотношений между субъектами с определенными требованиями и возможностями. Их детальный анализ, со-

отношение особенностей в различных странах помогают увидеть преимущества и недостатки национальной инновационной системы, выработать концептуальные и системные модели для их дальнейшей апробации и применения.

С.Н.Братусь отмечал, что «обособление определенной группы людей в целях обеспечения и осуществления тех или иных продиктованных данными общественными условиями интересов должно вылиться в надлежащую организационную форму. Эта организационная форма создает необходимые для данного общественного образования единство и порядок в его деятельности, делает его организацией» [2, с. 45]. В данном контексте речь идет об исходных началах юридического лица как общественного образования. Его основой являются люди, вступающие в определенные отношения для достижения общей цели.

Понятие организационно-правовой формы юридических лиц недавно вошло в законодательство и практику и широко используется для характеристики организаций – самостоятельных субъектов экономической деятельности, в том числе и предпринимательской. Оно характеризует сущностные организационные и правовые признаки, являющиеся общими для юридических лиц, предпринимательских организаций различных видов [3, с. 131].

В нашем случае мы рассматриваем общие вопросы функционирования юридических лиц (прежде всего коммерческих организаций) и соответствующих элементов инновационной инфраструктуры в различных организацион-

но-правовых формах. В современной литературе чаще всего понятие «организационно-правовая форма» употребляется в отношении юридических лиц, и когда речь заходит о предпринимательской деятельности с образованием юридического лица, можно говорить о предпринимательской деятельности в различных организационно-правовых формах [4, с. 30].

На наш взгляд, организационно-правовая форма присуща любому субъекту правоотношения. Ведь в мировой практике очень часто мы встречаем разные подходы в отнесении того или иного субъекта к юридическим лицам. Например, такая организационно-правовая форма как партнерство (аналог товарищества) не является юридическим лицом в странах, придерживающихся английской правовой модели. А у него есть и внутренняя структура, и разграничение ответственности и т. д.

Цель данной работы – определить организационно-правовые формы субъектов инновационной деятельности и особенности их правового статуса.

Рассмотрим, в каких организационно-правовых формах могут создаваться субъекты инновационной деятельности. Здесь важным является четкое разграничение субъектов со всеми их преимуществами и недостатками. Среди характеристик, которые присущи их правовому статусу, можно выделить следующие:

1. Определение субъекта как участника соответствующих правоотношений и его целей.
2. Наличие соответствующей организационно-правовой формы и внутренней структуры.
3. Действующее и развивающееся правовое регулирование в сфере создания, деятельности, взаимоотношения с другими субъектами и т. п.

К сожалению, в национальном законодательстве пока нет четкого закрепления перечня и определения субъектов инновационной деятельности. В одном из вариантов проекта закона Республики Беларусь «Об инновационных предпринимательских зонах» дается определение субъекта инновационной предпринимательской зоны. Это зарегистрированное администрацией инновационной предпринимательской зоны юридическое или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, на которое распространяется правовой режим инновационной предпринимательской зоны [8].

В 2003 году постановлением Совета Министров № 1016 была утверждена Концепция инновационной политики на 2003–2007 годы, одной из основных задач которой определялось формирование и содействие развитию инновационной инфраструктуры, в том числе создание венчурных либо страховых фондов, дальнейшее развитие технопарков и т. п.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2003 г. № 1685 утвержден комплекс мер по стимулированию развития предпринимательства и дополнительному созданию объектов инфраструктуры поддержки

и развития малого предпринимательства. В нем ставилась задача проведения работ по созданию венчурных фондов (исполнители: Минфин, ГКНТ, Комитет по ценным бумагам); гарантийных фондов (исполнители: Минэкономики, Национальный банк, Минфин, облисполкомы, Минский горисполком); развития деятельности инновационных центров, центров трансфера технологий (исполнители: ГКНТ, НАН Беларуси, Минэкономики, Минфин).

Перед облисполкомами, Минэкономики поставлена задача создания в областях и г. Минске объектов инфраструктуры поддержки и развития малого предпринимательства на базе предприятий, подлежащих реструктуризации (реорганизации). Для этого предлагалось осуществить отбор соответствующих предприятий, определить источники финансирования для создания конкретных объектов инфраструктуры, разработать механизм стимулирования передачи объектов из числа предприятий, подлежащих реструктуризации (реорганизации), для создания на их базе объектов инфраструктуры поддержки предпринимательства [6, с. 142, 143].

Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 г. № 136 утверждена Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы. Главная цель Программы – перевод национальной экономики в режим интенсивного инновационного развития в рамках белорусской экономической модели [9].

В ней отмечено, что «формирование инновационной инфраструктуры предусматривает создание и дальнейшее развитие технопарков, Парка высоких технологий, инновационно-технологических центров, центров трансфера технологий, бизнес-инкубаторов, центров подготовки кадров для инновационной деятельности; создание информационной системы по инновациям и мониторингу (включая республиканские и региональные центры научно-технической и деловой информации и другие), развитие товаропроводящей сети».

Указ Президента Республики Беларусь от 3 января 2007 г. № 1 «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры и внесении изменения и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 30 сентября 2002 г. № 495» дает определение резидента научно-технологического парка – юридического лица со среднесписочной численностью работников до 100 человек, индивидуального предпринимателя, использующего в соответствии с законодательством движимое и недвижимое имущество научно-технологического парка, в том числе помещения различного функционального назначения, основными видами деятельности которых являются исследование и разработки или производство (мелкосерийное) новой продукции, изготовленной на основе исследований и разработок, выполненных самостоятельно или иными лицами; определяет

три основных вида субъектов инновационной инфраструктуры – технопарки, центры трансфера технологий и венчурные организации, а также устанавливает порядок признания за юридическими лицами статуса субъектов инновационной инфраструктуры.

В качестве субъектов инновационной инфраструктуры могут выступать юридические лица, представившие в Государственный комитет по науке и технологиям необходимые документы и осуществляющие или планирующие осуществлять виды деятельности по направлениям, предусмотренным для соответствующего субъекта инновационной инфраструктуры.

Цели, виды и предмет деятельности юридического лица, определенные в его учредительных документах, имеющего намерение зарегистрироваться в качестве субъекта инновационной инфраструктуры, должны соответствовать основным направлениям деятельности соответствующего субъекта инновационной инфраструктуры.

Юридическое лицо приобретает статус субъекта инновационной инфраструктуры со дня принятия ГКНТ решения о его регистрации в качестве субъекта инновационной инфраструктуры.

Технопарком признается коммерческая организация со среднесписочной численностью работников до 100 человек, целью которой является содействие развитию предпринимательства в научной, научно-технической, инновационной сферах и создание условий для осуществления юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, являющимися резидентами технопарка, инновационной деятельности от поиска (разработки) нововведения до его реализации.

Основное направление деятельности технопарка – оказание систематической поддержки резидентам технопарка, в том числе путем:

содействия в создании производств с новыми технологиями либо высокотехнологичных производств, основанных на высоких технологиях и выпускающих законченную высокотехнологичную продукцию для реализации ее на рынке;

содействия в осуществлении внешнеэкономической деятельности в целях продвижения на внешний рынок продукции, произведенной с использованием новых или высоких технологий;

предоставления на договорной основе в соответствии с законодательством движимого и недвижимого имущества, в том числе помещений различного функционального назначения;

обеспечения освещения в средствах массовой информации деятельности технопарка и его резидентов;

оказания иных услуг (выполнения иных работ), связанных с научной, научно-технической и инновационной деятельностью технопарка.

Юридическое лицо, индивидуальный предприниматель приобретают статус резидента

технопарка со дня наступления одного из следующих событий:

государственной регистрации заключенного между ними и технопарком на срок не менее одного года договора об аренде (субаренде) зданий, сооружений и помещений, принадлежащих технопарку на праве собственности либо переданных ему на праве хозяйственного ведения, оперативного управления или в аренду;

заключения на срок менее одного года договора об аренде (субаренде) зданий, сооружений и помещений, принадлежащих технопарку на праве собственности либо переданных ему на праве хозяйственного ведения, оперативного управления или в аренду;

заключения договора о безвозмездном пользовании зданиями, сооружениями и помещениями, принадлежащими технопарку на праве собственности либо переданными ему на праве хозяйственного ведения, оперативного управления или в аренду.

Юридическое лицо, индивидуальный предприниматель утрачивают статус резидента технопарка со дня:

прекращения действия договора;

лишения технопарка статуса субъекта инновационной инфраструктуры.

В соответствии с данным Указом технопарк ведет учет резидентов технопарка и осуществляет контроль за их деятельностью.

Лишение технопарка статуса субъекта инновационной инфраструктуры не прекращает действие договоров, заключенных с его резидентами, за исключением случаев, когда такое основание предусмотрено в указанных договорах. При этом условия данных договоров должны быть приведены в соответствие с законодательством с учетом изменившегося статуса их участников.

Центр трансфера технологий – коммерческая организация со среднесписочной численностью работников до 100 человек, целью которой является обеспечение передачи инноваций из сферы их разработки в сферу практического использования.

Основное направление деятельности центра трансфера технологий – осуществление комплекса мероприятий, направленных на передачу инноваций из сферы их разработки в сферу практического применения, в том числе:

проведение исследований конъюнктуры рынка по выявлению возможностей реализации инноваций учреждений, обеспечивающих получение высшего и среднего специального образования, научных и иных организаций;

выполнение работ в целях обеспечения правовой защиты и введения в гражданский оборот инноваций учреждений, обеспечивающих получение высшего и среднего специального образования, научных и иных организаций;

оказание инженерных и консультационных услуг.

Венчурная организация – коммерческая организация, создаваемая для осуществления инвестиционной деятельности в сфере создания и реализации инноваций, а также финансирования инновационных проектов.

Основными направлениями деятельности венчурной организации являются:

приобретение имущественных прав юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей, осуществляющих научную, научно-техническую и инновационную деятельность; финансирование инновационных проектов; оказание управленческих, консультационных и иных услуг лицам, выполняющим инновационные проекты, финансируемые венчурной организацией.

Финансирование венчурной организацией инновационных проектов осуществляется путем предоставления целевых займов для выполнения инновационных проектов, иными способами в соответствии с законодательством [7].

Необходимо отметить, что утвержденное данным Указом Положение, к сожалению, не определяет принципы взаимоотношений между самими субъектами и инновационно-активными организациями, пользующимися их услугами [10]. С другой стороны, мы видим только общие правовые определения специфики субъектов инновационной инфраструктуры как коммерческих организаций без указания на какие-либо их организационно-правовые формы.

В других странах по-разному решается вопрос выделения субъектов инновационной деятельности. Например, в Китае основными субъектами инновационной деятельности становятся предприятия, о чем свидетельствуют списки награжденных государственной премией за достижения в области научно-технического прогресса – 2007. Объектами награждения являются преимущественно инновации по ключевым технологиям и системной интеграции, а также инновации как результат новаторства отечественных специалистов на основе заимствованных из-за рубежа технологий. При этом повышенное внимание уделяется стимулированию сочетания производства, научных исследований и технических разработок. Примечательно, что участники более чем 22 % включенных в список проектов – это негосударственные предприятия. Это свидетельствует о том, что негосударственный сектор стал важной силой в области научно-технических инноваций [11].

Украинский закон выделяет субъектов инновационной деятельности. Ими могут быть физические и (или) юридические лица Украины, физические и (или) юридические лица иностранных государств, лица без гражданства, объединения этих лиц, проводящие в Украине инновационную деятельность и (или) привлекающие имущественные и интеллектуальные ценности, вкладывающие собственные или заимствованные средства в реализацию в Украине инновационных проектов [12].

Закон «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике в Орловской области» 2001 года дает следующее определение субъектов инновационной деятельности: юридические лица независимо от организационно-правовой формы и физические лица, в том числе иностранные организации и граждане, осуществляющие инновационную деятельность на территории Орловской области в соответствии с законодательством [13].

В проекте федерального закона «О государственной инновационной политике», выносимом депутатом Государственной Думы И.Д.Грачевым, инновационной организацией признается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также общественное объединение инноваторов, осуществляющее в качестве основной инновационную деятельность «де факто» и в соответствии с учредительными документами. Инновационная организация, являющаяся предприятием по Гражданскому кодексу, признается инновационным предприятием. Инновационное предприятие, удовлетворяющее критериям Федерального закона «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ», признается малым инновационным предприятием [14].

В Республике Казахстан субъекты инновационной деятельности вправе самостоятельно вступать в международные организации, занимающиеся инновационной деятельностью, участвовать в международных инновационных программах и проектах, заключать договоры и иные соглашения [15].

Как видно из развития инновационной деятельности в разных странах, субъектам инновационной деятельности, как и субъектам гражданских правоотношений, должны быть присущи определенные особенности:

самостоятельность и независимость друг от друга как участников гражданских правоотношений;

ярко выраженный диспозитивный и деполитизированный характер правового регулирования, где основными юридическими фактами являются акты свободного волеизъявления сторон; имущественный характер мер защиты субъективных прав и мер ответственности и т.п.

Термин «предприятие» не является разновидностью организационно-правовой формы и в широком смысле является экономической категорией. Согласно ст. 132 Гражданского кодекса Республики Беларусь предприятие – это имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности [5, с. 109]. В узком смысле субъектом является унитарное предприятие как одна из разновидностей организационно-правовых форм коммерческих организаций.

Таким образом, основываясь на теории и практике инновационной деятельности, можно выделить следующие разновидности субъектов инновационной деятельности:

физические и юридические лица, создающие и реализующие инновации;
субъекты инфраструктуры инновационной деятельности;

государственные органы, участвующие в регулировании инновационной деятельности;

общественные объединения, представляющие и защищающие интересы производителей и потребителей инноваций.

Анализ субъектов действующего правового регулирования в Республике Беларусь и других странах показывает, что субъекты инновационной деятельности могут создаваться в любой организационно-правовой форме, которая установлена действующим законодательством. Понятие организационно-правовой форма часто характерно не только для предпринимательских структур, но и для других не менее важных участников соответствующих отношений.

Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит исчерпывающий перечень организационно-правовых форм коммерческих организаций: хозяйственные товарищества и общества;

производственные кооперативы;
унитарные предприятия;
крестьянские (фермерские) хозяйства.

Допускается создание объединений коммерческих организаций и (или) индивидуальных предпринимателей, а также объединений коммерческих и некоммерческих организаций в форме ассоциаций и союзов, объединений коммерческих, некоммерческих организаций и (или) индивидуальных предпринимателей в форме государственных объединений. Могут создаваться объединения, в том числе с участием иностранных юридических лиц, в форме финансово-промышленных групп и иных хозяйственных групп [5, с. 32, 33].

Субъекты инновационной деятельности могут выполнять функции заказчиков и(или) исполнителей инновационных проектов и программ, инвесторов, потребителей инноваций, а также организаций, обслуживающих инновационный процесс и содействующих освоению и распространению инноваций [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпова, Ю.А. Введение в социологию инноватики: учебное пособие / Ю.А. Карпова. – СПб.: Питер, 2004. – 192 с.
2. Братусь, С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве: понятие, виды, государственные юридические лица / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. изд-во м-ва юстиции СССР, 1997 г. – 364 с.
3. Жилинский, С.Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): учеб. для вузов / С.Э. Жилинский. – 4-е изд., изм. и доп. – М.: Изд. группа «НОРМА – ИНФРА-М», 2002. – 912 с.
4. Вабищевич, С.С. Предпринимательское (хозяйственное) право Республики Беларусь / С.С. Вабищевич; под ред. В.Г. Тихини. – Минск: Молодеж. науч. о-во, 2002. – 398 с.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: текст Кодекса по состоянию на 12 декабря 2007 г. – Минск: Амалфея, 2008. – 688 с.
6. Инновационная политика государства: учебное пособие для слушателей постоянно действующего семинара руководящих работников / под общей редакцией В.К. Матюшевской. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 187 с.
7. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 5 января 2007 г. – № 1/8230.
8. webmaster@ucpb.org <webmaster@ucpb.org>
9. <http://www.bybanner.com/article/4447.html>.
10. С. Лосев. Преждевременный или запоздавший [Электронный ресурс] / С. Лосев. – Режим доступа: http://www.neg.by/publication/2007_10_19_8864.html.
11. <http://www.china-business-today.ru/novosti-kitaya/>.
12. <http://meget.kiev.ua/pgprnt.php?i=319>.
13. <http://www.adm.orel.ru/htm/prom/37.htm>.
14. <http://www.grachev.ru/innovrustext/innovrus/id/718>.
15. http://naukakaz.kz/ru/law/kz/zakon7/gl7_12.php.
16. Бизнес-словарь, www.businesssvok.ru.

ЗАЩИТА ПРАВА ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. В. ИВАНОВА

Надлежащее осуществление гражданских прав невозможно без эффективной системы их защиты. Отсутствие единообразного правового регулирования вопросов защиты группы прав, характеризующейся принадлежностью к одному правовому институту, отрицательно влияет на правоприменительную практику. Основываясь на данном тезисе, автор работы рассматривает некоторые основополагающие вопросы защиты права промышленной собственности по законодательству Республики Беларусь. Проанализированы субъекты права на защиту и основные способы защиты прав на объекты права промышленной собственности. Установлено наличие пробелов и недостатков правового регулирования исследуемых вопросов. Предложены изменения и дополнения в действующее законодательство Республики Беларусь, которые позволят повысить эффективность правоприменительной практики.

Введение

Защите субъективных гражданских прав не всегда уделяется достаточное внимание в правовой теории. Однако на практике этот вопрос зачастую приобретает первостепенную важность. Настаивая на непрременной теоретической основе принятия практических решений, следует заметить, что без глубокого теоретического исследования проблемных вопросов существует риск возникновения неэффективной практики правоприменения. В связи с все возрастающим значением прав интеллектуальной собственности в экономике Республики Беларусь особую актуальность приобретают вопросы теории и практики защиты именно этой группы гражданских прав.

Вопросы защиты права промышленной собственности в той или иной степени исследовались такими учеными-цивиристами как Г.Ф.Шершеневич [1], А.А.Пиленко [2], В.А.Дозорцев [3], А.П.Сергеев [4], В.О.Калятин [5], В.Ф.Чигир [6], С.С.Лосев [7] и многие другие. Несмотря на это, в настоящий момент проблему защиты прав можно отнести к малоисследованным. Связано это как с многоаспектностью рассматриваемой проблемы, так и с объективно не завершившимися процессами перехода республики к инновационно-ориентированной экономике. Последняя, как известно, не может существовать без эффективно действующего механизма использования и защиты результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним объектов.

За каждым правомочным субъектом в гражданском праве признается возможность применить допущенные законом меры правоохранительного характера с целью восстановления на-

рушенного или оспариваемого права. Такая возможность носит название «право на защиту». Содержание права на защиту определяется комплексом норм гражданского материального и процессуального права. Последние устанавливают содержание правоохранительной меры, основания ее применения, круг уполномоченных на ее применение субъектов, а также процессуальные аспекты ее применения [8, с. 409]. Эти вопросы следует отнести к малоизученным либо же не имеющим единообразного решения применительно к защите права промышленной собственности. В связи с объективной невозможностью освещения всех проблемных вопросов защиты права промышленной собственности в настоящей работе мы остановимся только на основополагающих: определение субъекта права на защиту, общие положения о формах и способах защиты права промышленной собственности. Целью работы является подготовка предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Беларусь по вопросу защиты права промышленной собственности.

Субъекты права на защиту

Действующее законодательство Республики Беларусь в области права промышленной собственности в минимальном объеме освещает вопросы защиты прав на объекты этого правового института. В первую очередь это приводит к затруднениям при определении субъектов, обладающих правом на защиту.

Согласно п. 5 ст. 8 Закона Республики Беларусь от 16.12.2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные

образцы» (далее – Закон «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы») по требованию *патентообладателя* нарушение его исключительного права должно быть прекращено, а лицо, виновное в нарушении, обязано возместить *патентообладателю* причиненные убытки в соответствии с законодательством (курсив наш. – Д.Иванова.) [9]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что субъектом права на защиту исключительных прав законодательство признает только патентообладателя. Патентообладателем становится либо автор, получивший патент на свое имя, либо лицо, которому автор передал свое право на получение патента, либо наниматель в соответствии с п.3 ст. 6 Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы».

Что касается личных неимущественных прав, предоставляемых лицу на основании патентного законодательства, право на их защиту принадлежит иному субъекту, а именно автору изобретения, полезной модели, промышленного образца. Следует отметить, что этот вывод следует из общих норм гражданского законодательства (ст. 8, 10, 11, 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [10]. Патентное законодательство не предусматривает возможности защиты исключительного права автором или личных неимущественных прав – патентообладателем. Это соответствует общему правилу определения субъекта права на защиту как лица, которому принадлежит защищаемое право.

Нарушение прав может произойти и до получения патента. Следует остановиться на определении субъекта, которому принадлежит право на защиту от посягательств на право на получение патента. Особое внимание связано с отсутствием личного характера указанного права, что выделяет его среди прав, предоставленных автору изобретения, полезной модели, промышленного образца. До момента выдачи патента не существует такой субъект как патентообладатель, а автор не всегда желает получать патент на свое имя. Законодательство на период с момента подачи заявки на выдачу патента и до момента публикации в официальном бюллетене патентного органа сведений о выдаче этого патента (с этого момента осуществляется исключительное право в соответствии с п. 3 ст. 8 Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы») вводит такого субъекта как заявитель. Заявителем, в частности, могут быть автор, наниматель в соответствии с п. 3 ст. 6 Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», их правопреемники. Характерно, что в отличие от автора, который неизменно представляет собой одно и то же лицо, статус заявителя может переходить от одного лица к другому, что сближает его с патентообладателем. При этом следует признать специфичным возможность изменения заявителя на любой стадии процесса патентования изобретения, полезной модели,

промышленного образца. Автор может указать в заявке на выдачу патента лицо, которому принадлежит право на получение патента, то есть назвать иного субъекта права на получение патента с момента подачи заявки, либо до момента регистрации изобретения, полезной модели, промышленного образца автор может подать заявление в патентный орган с именем отличного от указанного в заявке лица, которому будет выдан патент. Этот факт может повлиять на различные аспекты защиты рассматриваемого права, так как последнее является сложным и различным по объему на разных стадиях процесса патентования [11].

В целом аналогично определяются субъекты права на защиту в Законе Республики Беларусь от 13.04.1995 г. № 3725-ХІІ «О патентах на сорта растений» (далее – Закон «О патентах на сорта растений») [12], в Законе Республики Беларусь от 05.02.1993 г. № 2181-ХІІ «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон «О товарных знаках и знаках обслуживания») [13], в Законе Республики Беларусь от 17.07.2002 г. № 127-З «О географических указаниях» (далее – Закон «О географических указаниях») [14], в Законе Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 214-З «О правовой охране топологий интегральных микросхем» (далее – Закон «О правовой охране топологий интегральных микросхем») [15], в гл. 66 ГК «Право на защиту нераскрытой информации от незаконного использования» и § 1 гл. 67 ГК «Фирменное наименование».

Некоторые из вышеназванных законов указывают на иных субъектов права на защиту, чем автор, заявитель и правообладатель. Так, ст. 25 Закона «О патентах на сорта растений» предусмотрено, что по договору об исключительной лицензии лицензиату может быть предоставлено право преследования нарушителя патента. Таким образом, субъектом права на защиту может быть лицензиат по договору исключительной лицензии, но только при условии, что в договоре содержится такое правомочие. В соответствии с Законом «О правовой охране топологий интегральных микросхем» субъектом права на защиту является любое физическое или юридическое лицо, которое получило исключительное право на использование топологии в силу договора. В соответствии с ч. 2 ст. 1012 ГК права на защиту предоставлены лицензиату по лицензионному договору на использование нераскрытой информации независимо от вида лицензии.

Эти нормы позволяют сделать вывод об отсутствии единообразия в наделении законодательством правом на защиту лицензиата по лицензионному договору. В связи с этим необходимо единым образом установить является ли лицензиат субъектом права на защиту исключительного права на тот объект, возможность использования которого он получил по договору от правообладателя. Ответ на этот вопрос, по-видимому, должен зависеть от вида лицензионного договора. При исключительной лицензии лицен-

зиат получает максимальный объем правомочий, что позволяет сделать вывод о необходимости предоставления ему и права на защиту в тех пределах, в которых он обладает правами по договору.

Рассматривая особенности определения субъекта права на защиту на отдельные объекты права промышленной собственности, отметим следующее. Нехарактерным в целом для защиты гражданских прав следует признать предоставленную ГК возможность защищать свои права одновременно и патентообладателю, и селекционеру в случае присвоения названия зарегистрированного селекционного достижения не относящимся к нему произведенным и (или) продаваемым семенам и племенному материалу. В соответствии с п. 3 ст. 1004 ГК эти действия являются нарушением прав и патентообладателя, и селекционера. С теоретической точки зрения эти действия нарушают неимущественное право заявителя на присвоение селекционному достижению специального названия (ст. 13 Закона «О патентах на сорта растений»). Предоставление патентообладателю права на защиту в рассматриваемом случае нельзя обосновать исходя только из содержания исключительного права, которым он обладает. Более того, об использовании охраняемого сорта под зарегистрированным наименованием речь идет как об обязанности патентообладателя. Рассматриваемая норма закона, по-видимому, появилась в связи с особыми функциями наименования сорта растения. Сравнительный анализ законодательства о средствах индивидуализации участников гражданского оборота, их продукции, работ, услуг и законодательства о сортах растений приводит к выводу о некотором сходстве функций вышеназванных объектов и наименования сорта растения. Подтверждением этому могут также служить пп. 3, 9 Правил по присвоению наименования сорту растения, которые специально оговаривают ограничения по присвоению наименований, связанные с существующими товарными знаками, названиями организаций, географическими указаниями [16].

Следует отметить, что в случае регистрации коллективного товарного знака его владельцем является объединение юридических лиц. Соответственно все они являются субъектами права на защиту. Можно предположить, что они вправе защищать свои права как совместно, так и каждый самостоятельно. Иной порядок защиты своих прав, а также отдельные аспекты реализации права на защиту владельцы коллективного товарного знака могут предусмотреть в Положении о коллективном товарном знаке (ст. 19 Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания»).

В соответствии со ст. 18 Закона «О географических указаниях» правом применять способы защиты нарушенных прав на географические указания обладает лицо, которое имеет право пользования этим географическим указанием. Субъектом права на защиту прав на наименова-

ние места происхождения товара может являться только владелец свидетельства на право пользования наименованием. Более того, в силу нормы статьи 1025 ГК уступка права пользования наименованием места происхождения товара и предоставление права пользования им на основании лицензии не допускаются, соответственно иных субъектов с правом на защиту появиться не может.

В вопросе о том, кто является субъектом права на защиту в отношении указания происхождения товара, Закон «О географических указаниях» порождает неопределенность, так как указание происхождения товара не подлежит государственной регистрации, а правовая охрана указания происхождения товара осуществляется на основании использования этого указания. Закон не отвечает на вопрос о том, кого следует признать лицом, использующим такое указание, — производителя товара, продавца или какого-либо иного субъекта.

Способы защиты прав на объекты права промышленной собственности

В целом при анализе законодательства о праве промышленной собственности наблюдается тенденция к минимальному определению способов защиты прав на объекты промышленной собственности. В законах, посвященных отдельным объектам, зачастую содержится бланкетная норма. Она указывает на наступление ответственности за нарушение исключительных прав в соответствии с действующим законодательством.

Способы защиты гражданских прав установлены ст. 11 ГК. Специальные способы защиты именно прав интеллектуальной собственности — ст. 989 ГК. Их можно разделить на группы по различным основаниям. В частности, в цивилистической литературе приводится деление указанных способов защиты на меры ответственности и меры защиты. В настоящем исследовании целесообразнее воспользоваться классификацией, в результате которой выделяют способы, применяемые при нарушении исключительных прав при отсутствии обязательственных правоотношений, и способы, применяемые при нарушении обязательств, связанных с использованием объектов права промышленной собственности.

Способы, применяемые при нарушении исключительных прав при отсутствии обязательственных правоотношений, более многочисленны.

Признание прав автора (правообладателя) специально отмечается только в ст. 19 Закона «О правовой охране топологий интегральных микросхем». Однако это не препятствует применению данного способа для защиты прав на иные объекты права промышленной собственности. Признание права применяется, если у лица возникает необходимость в подтверждении того, что оспариваемое право принадлежит ему. Спора может и не быть, но без признания права

лицо не может беспрепятственно осуществлять свои права. Этот способ достаточно часто применяется в спорах, касающихся объектов права промышленной собственности, в связи с тем, что физическое обладание материальным объектом не имеет существенного значения. Чаще всего споры касаются авторства, иногда права преждепользования.

Особенностью применения данного способа, а также такого способа как прекращение или изменение правоотношения в отношении изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, сортов растений является то, что они заявляются в виде требования о признании патента частично или полностью недействительным. Поэтому к искам о признании права следует отнести важную категорию исков о признании прав патентообладателя. Так, ЗАО «Атлант» предъявило иск к ООО «Бримли» об установлении патентообладателя (о признании прав патентообладателя). Изобретатель являлся работником ЗАО «Атлант» и, по мнению последнего, неправомерно передал права на получение патента ООО «Бримли». Однако права истца не были нарушены, поэтому в иске было отказано.

Как и признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, особо упоминается ст. 19 Закона «О правовой охране топологий интегральных микросхем». Этот способ применяется, если право ущемлено путем совершения правонарушения, но субъективное право не прекращает своего существования и может быть восстановлено. Например, нарушение права на имя.

Одним из самых распространенных способов защиты является пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу такого нарушения. Его целью является прекращение нарушения и беспрепятственное правомерное дальнейшее осуществление права. Он может использоваться в случае практически любого незаконного действия. Прекращение действий, нарушающих права или создающих угрозу такого нарушения, специально оговорено как требование немедленного прекращения использования нераскрытой информации тем, кто незаконно ее использует; недопущение использования ложных (фальшивых) указаний происхождения товара, а также вводящих потребителя в заблуждение в отношении действительного места происхождения товара; прекращение использования географического указания; требование прекращения нарушения патента на сорт растения; прекращения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения прав на топологию интегральных микросхем; прекращение нарушения прав на товарный знак. В иске, предъявленном к торговому дому «На Немиге», патентообладатель требовал запрета на дальнейшую продажу игрушки, устройству которой подпадало под формулу его изобретения, то есть пресечения действий, нарушающих его исключительное право. Однако этот пример из судебной

практики скорее исключение, поскольку этот способ чаще всего применяется в совокупности с другими, например возмещением убытков.

Способ «признание недействительным акта государственного органа» ориентирован на ненормативные акты, если они нарушают права лиц или не входят в компетенцию этих органов. Можно было бы предположить, что в связи с особым значением органа, осуществляющего функции экспертизы и регистрации объектов промышленной собственности в целях возникновения исключительных прав, этот способ должен использоваться при нарушении прав заявителя и иных лиц Национальным центром интеллектуальной собственности. Однако, несмотря на то, что решение Национального центра интеллектуальной собственности имеет правообразующее (правоизменяющее) значение для субъектов права промышленной собственности, его нельзя признать недействительным в соответствии с указанным способом. Препятствие создано недостатками правового регулирования правового статуса указанного учреждения, в силу которых оно не является государственным органом, а лишь реализует полномочия, ему делегированные.

В связи с этим особое значение приобретают нормы, предусмотренные специальными законами о промышленной собственности. Последними устанавливается возможность обжалования решений Национального центра интеллектуальной собственности в Апелляционный совет и в суд.

Самозащита права – самостоятельное совершение лицом действий, не запрещенных законом, которые направлены на охрану его прав и интересов. Чаще всего о самозащите говорят в связи с необходимой обороной или крайней необходимостью. Однако мы согласны с мнением профессора О.А. Городова, который утверждает, что самозащита в виде действий в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости невозможна в сфере прав интеллектуальной собственности. Указанные действия соединены с физическим воздействием на имущество или его владельца, поэтому в отношении имущественных прав на использование идеальных результатов интеллектуальной деятельности осуществлены быть не могут [17, с. 459].

Возможность применения в целом такого способа защиты прав как самозащита в отношениях, связанных с объектами права интеллектуальной собственности, чаще всего тоже ставится под сомнение. В литературе лишь кратко упоминают этот способ, а также указывают на то, что этот способ мало применяется в рассматриваемых отношениях в связи с его низкой эффективностью. Это объясняется тем, что большинство средств самозащиты эффективны в отношении материальных объектов, нематериальная природа объекта промышленной собственности значительно снижает возможность защиты права путем фактического воздействия на материальный носитель [5, с. 420, 421].

По этому поводу необходимо сказать следующее. В теории гражданского права мнения о сущности самозащиты расходятся. Одни придерживаются позиции, закрепленной в законодательстве, – самозащита – один из способов защиты гражданских прав [8, с. 306–308]. Однако более предпочтительным представляется мнение о самозащите как одной из форм защиты прав, наряду с судебной и административной [18, с. 270]. Рассматривая самозащиту как форму, а не как способ, мы приходим к выводу, что большинство действий, предпринимаемых лицом самостоятельно (без помощи соответствующих органов) в случае нарушения или оспаривания его прав, следует считать именно самозащитой. нередки случаи, когда до обращения к судебной форме защиты лицо предварительно обращается к лицу-нарушителю с теми или иными требованиями. Об эффективности таких действий можно судить по практике досудебного урегулирования споров в сфере права интеллектуальной собственности как за рубежом, так и в нашей республике. При этом нарушитель не только прекращает действия, нарушающие права уполномоченного лица, но и возмещает убытки, выплачивает компенсацию, выполняет иные требования, представляющие собой различные способы защиты гражданских прав.

Основное требование, предъявляемое к мерам самозащиты, – это их дозволенность законом. Поэтому необходимо указать на незаконность действий правообладателя, например по самовольному уничтожению контрафактных экземпляров произведения. По мнению Д.И. Мейера, самозащита может выражаться или в виде самообороны, то есть самоличного отражения посягательств на право, или в виде самоуправства, то есть самоличного восстановления уже нарушаемого права. Вопрос об условиях ненаказуемости последнего составляет предмет изучения уголовного права, однако некоторые из форм ненаказуемого самоуправства являются выражением особых гражданских прав, например права удержания [19, с. 172]. В рассматриваемой же ситуации гражданское законодательство предоставляет возможность восстановить свои права только в судебной форме, но не в форме самозащиты.

Таким образом, в форме самозащиты лицо может применить любой соответствующий нарушению дозволенный законом способ защиты прав интеллектуальной собственности.

Возмещение убытков специально предусмотрено ГК в отношении защиты прав на нераскрытую информацию, Законом «О географических указаниях» в отношении географических указаний, Законом «О патентах на сорта растений» в отношении сортов растений, Законом «О товарных знаках и знаках обслуживания» в отношении товарных знаков.

Условия, порядок и размер возмещаемых убытков определяются на основе действующего гражданского законодательства. В соответствии

со ст. 14 ГК убытки должны возмещаться в полном объеме – и реальный ущерб, и упущенная выгода. Возможно требование возмещения суммы в размере полученных доходов. Однако необходимо учитывать сложность доказывания убытков по таким делам. Как правило, отсутствует физический ущерб самому объекту и зачастую присутствует конкуренция экономической деятельности патентообладателя, поэтому чаще всего возмещается упущенная выгода [5, с. 423; 20, с. 249].

В случае нарушения прав на топологию интегральных микросхем правообладателю предоставлено право требовать возмещения причиненного ущерба с учетом суммы доходов, неправомерно полученных нарушителем (ст.ст. 19 и 20 Закона «О правовой охране топологий интегральных микросхем»). Эта норма накладывает серьезные ограничения на порядок применения способа защиты «возмещение убытков» в отношении топологий интегральных микросхем. Во-первых, она ограничивает возмещение убытков только требованием возмещения реального ущерба, не признавая возможности требовать возмещения упущенной выгоды. А как было сказано выше, именно требование возмещения упущенной выгоды зачастую более реально. Во-вторых, даже размер возмещения реального ущерба должен определяться с учетом доходов, которые получил нарушитель в результате незаконного использования топологии. На наш взгляд, такие условия следует признать необоснованно ограничивающими право на защиту субъекта исключительных прав на топологию интегральных микросхем.

Компенсация морального вреда возможна, если нарушением личных неимущественных прав лицу причинены нравственные страдания. К сожалению, судебная практика по применению этого способа в Республике Беларусь чрезвычайно скудна.

Неприменение судом противоречащего законодательству акта государственного органа не имеет каких-либо особенностей при применении для защиты прав промышленной собственности.

Статья 989 ГК предусматривает еще два способа защиты прав интеллектуальной собственности: изъятие материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения; обязательная публикация о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право.

Что касается первого способа, следует признать важным и необходимым изъятие материальных объектов, созданных в результате нарушения исключительных прав, поскольку их оставление у субъекта создает угрозу совершения нового нарушения. Фактически этот способ является вспомогательным и субсидиарным к общегражданскому способу «пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу

такого нарушения», поскольку именно с такими материальными объектами и совершаются действия, нарушающие или создающие угрозу нарушения прав. Соответственно в большинстве случаев требование изъятия материальных объектов заявляется вместе с другими способами защиты.

Изъятие материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, тоже следовало бы признать эффективным с некоторыми оговорками. По-видимому, предполагалось, что общая норма ст. 989 ГК будет конкретизирована в специальном законодательстве. Так, ст. 29 Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания», ст. 1028 ГК и ст. 18 Закона «О географических указаниях» предусмотрены особенности изъятия таких объектов. Однако эти нормы не решают многих вопросов, начиная от пределов изъятия, конфликта с правами собственника и гарантиями права собственности на материальные объекты и заканчивая порядком определения судьбы таких объектов. Более того, законодательство о товарных знаках содержит ссылочную норму к подзаконным актам, которые должны устанавливать весь порядок изъятия. Излишне говорить, что такие акты отсутствуют. Что касается остальных законов об объектах права промышленной собственности, они не имеют норм о рассматриваемых способах защиты прав. Таким образом, в отличие от авторского права, где судебная практика выработала правила изъятия и определения судьбы контрафактных произведений, в области права промышленной собственности этот способ в настоящее время представляется малоэффективным в силу отсутствия специального правового регулирования.

Обязательная публикация о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право, как способ защиты также была бы более эффективной при наличии специального правового регулирования или хотя бы сформировавшейся судебной практики. В частности, можно согласиться, что место и время опубликования должны быть определены судом, а оплата должна быть возложена на нарушителя [20, с. 280].

К способам, применяемым при нарушении обязательств, следует отнести: признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, установление факта ничтожности сделки и применение последствий ее недействительности; присуждение к исполнению обязанности в натуре; взыскание неустойки.

Способ, связанный с недействительностью сделок по поводу объектов права промышленной собственности, вызывает множество сложностей на практике. Само по себе признание оспоримой сделки недействительной или установление факта ничтожности сделки еще не достигает цели защиты права, хотя уже на данном этапе возникают вопросы, связанные с регистрацией договоров в Национальном центре интеллектуальной собственности в частности и с регистра-

ционной системой правовой охраны объектов промышленной собственности в целом. Но именно применение последствий недействительности сделки компенсирует субъекту понесенные в результате нарушения прав неудобства. По общему правилу при недействительности сделки применяется двусторонняя реституция. Каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) – возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены ГК либо иными законодательными актами. Возврат вознаграждения, полученного по лицензионному договору, не представляет собой сложности. Вопрос, не решенный практикой, – как возвратить полученную по договору информацию о сути изобретения, условиях его применения и т.п. Очевидно, что передача соответствующих документов не равнозначна в данной ситуации возврату информации.

Еще более сложна ситуация с односторонней реституцией и недопущением реституции. Взыскание полученного по сделке одной или обеими сторонами в доход Республики Беларусь вызывает вопросы как с точки зрения фактического осуществления, так и с точки зрения влияния в целом на исключительные права и их принадлежность субъекту. Будет ли это означать, в частности, что патентообладателем становится Республика Беларусь или же на нее только должны переводиться права лицензиата?

Кроме указанных последствий недействительности сделок, могут применяться и иные последствия, предусмотренные ГК или иными законодательными актами. К сожалению, последние отсутствуют.

На наш взгляд, эта проблема должна быть исследована отдельно. После чего в специальных законодательных актах необходимо предусмотреть именно иные последствия недействительности таких сделок с учетом специфики их предмета.

Такие способы, как присуждение к исполнению обязанности в натуре и взыскание неустойки, успешно применяются в отношении сделок с объектами права промышленной собственности и не имеют каких-либо особенностей. В рассматриваемой сфере часто подаются иски о взыскании лицензионного вознаграждения, не выплаченного по лицензионному договору [21]. Показательно, что предъявление одного иска явилось побудительной силой для неплательщика лицензионного вознаграждения к выплате всех причитающихся с него сумм истцу. После чего истец отказался от иска, и дело было прекращено [21].

Заключение

Итак, в результате исследования проблемы защиты прав на объекты права промышленной

собственности можно сделать следующие выводы и внести следующие предложения по совершенствованию действующего законодательства Республики Беларусь.

1. Всеми законами об объектах права промышленной собственности предусматриваются следующие субъекты права на защиту:

- автор;
- правообладатель (патентообладатель);
- заявитель как субъект процессуальных правоотношений по оформлению прав на объекты права промышленной собственности.

2. В целях создания единой модели правового регулирования вопроса о субъектах права на защиту прав на объекты права промышленной собственности следует внести следующие изменения в действующее законодательство: предоставить право на защиту от посягательств на права промышленной собственности лицензиату по исключительному лицензионному договору на использование изобре-

тения, полезной модели, промышленного образца, фирменного наименования, товарного знака и знака обслуживания, если иное не предусмотрено договором; установить в законодательстве субъекта, имеющего право на защиту от неправомерного использования указания происхождения товара.

3. Для защиты прав на объекты права промышленной собственности могут использоваться те способы защиты гражданских прав согласно ст. 11 ГК, которые не противоречат сущности и особенностям правового регулирования защищаемых прав. Кроме того, применимы все специальные способы защиты исключительных прав, предусмотренные ст. 989 ГК. В целом эти способы успешно применяются для защиты прав на объекты промышленной собственности. Однако недостатки и пробелы правового регулирования, которое бы учитывало специфику исключительных прав, мешают применению отдельных способов или же не позволяют повысить эффективность их применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М., 2001. – 427 с.
2. Пиленко, А.А. Право изобретателя / А.А. Пиленко. – М., 2001.
3. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. / В.А. Дозорцев; Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
4. Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник / А.П. Сергеев. – М.: «Проспект», 1999. – 752 с.
5. Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): учебник для вузов / В.О. Калятин. – М.: НОРМА (НОРМА-ИНФРАМ), 2000. – 480 с.
6. Чигир, В.Ф. Право промышленной собственности / В.Ф. Чигир // Промышленно-торговое право. – 2001. – № 5. – С. 3–96.
7. Лосев, С.С. Защита права интеллектуальной собственности: теория и практика / С.С. Лосев // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
8. Гражданское право: учеб.: в 2 т. / Е.А. Суханов [и др.]; под общ. ред. Е.А. Суханова. – М.: Изд-во БЕК, 2002. – 546 с.
9. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 160-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
11. Иванова, Д.В. Правоотношения по оформлению прав на изобретение: административные или гражданские? / Д.В. Иванова // БНПИ. Юридический мир. – 2005. – № 10. – С. 34–37.
12. О патентах на сорта растений: Закон Респ. Беларусь, 13 апр. 1995 г., № 3725-ХП // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
13. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХП // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
14. О географических указаниях: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2002 г., № 127-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

15. О правовой охране топологий интегральных микросхем: Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 214-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
16. Об утверждении правил составления и подачи заявки на выдачу патента на сорта растений и правил по присвоению наименования сорту растения: Приказ Министерства образования Республики Беларусь, 18 марта 1996 г., № 93 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
17. Городов, О.А. Патентное право: учеб. пособие / О.А. Городов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 544 с.
18. Гражданское право: учеб.: в 2 ч. Ч. 1. / Ю.К. Толстой, А.П. Сергеев. – М.: Изд-во ТЕИС, 1996. – 564 с.
19. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – М.: «Статут», 1998. – 186 с.
20. Интеллектуальная собственность (исключительные права): учеб. пособие / Н.М. Коршунов [и др.]; под ред. Н.М. Коршунова. – М.: Эксмо, 2006. – 576 с.
21. Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2003 г. – Дело № 12-1/5, 12-1/2, 12-1/8.

ПРЕДПРИЯТИЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Д.В.ПЕТРОЧЕНКОВ

Предприятие как юридическое понятие начало проявляться с началом технической революции и развитием промышленной деятельности. За это время предлагалось достаточно много подходов к определению правовых форм предприятия.

Настоящая статья посвящена исследованию исторических этапов развития представлений о предприятии как объекте правового регулирования с начала 18-го века до наших дней. Автором на основе сравнительно-правового и исторического анализа прослежен генезис развития представлений о предприятии, исследованы различные подходы к пониманию правовой сущности предприятия на различных исторических этапах.

В данном исследовании достаточно подробно рассматриваются теоретические воззрения и законодательство о предприятии, комментируются отдельные положения, делается их критический анализ, предлагаются возможные направления совершенствования законодательства в данной области.

Необходимость обращения к истории развития представлений о любом правовом понятии с целью постижения его правовой сущности не нуждается в аргументации.

В данной статье мы также обратимся к истории и проанализируем основные подходы, выработанные юридической наукой и практикой к определению предприятия как правового понятия. Цель нашего историко-правового анализа заключается в выделении позитивного опыта, необходимого и полезного для применения в современных исторических, социальных и экономических условиях.

Предприятие как юридическое понятие начало проявляться с началом технической революции и развитием промышленной деятельности. За это время предлагалось достаточно много подходов в определении правовых форм предприятия. Каждая из них – на соответствующем этапе, на соответствующие исторические условия и поэтому была востребована.

Постижению правовой сущности предприятия посвятили свои научные изыскания многие ученые-правоведы. Особо хотелось бы отметить, что в качестве исторической и фундаментальной базы для настоящего исследования послужили работы таких ярких ученых, как Д.И.Мейера и К.А.Неволина.

Описание первых попыток дать законодательную основу организации предприятий и вовлечения их как имущественного комплекса в гражданский оборот мы встречаем в работе великого русского ученого, классика гражданского права Константина Алексеевича Неволина (1806–1856) «История российских гражданских законов», изданной в 1851 году, за которую

К.А.Неволин получил демидовскую премию. В «Книге второй. Об имуществах» он пишет: «Петр Великий, дозволивши в 1721 г. лицам купеческого звания приобретать деревни и крестьян для учреждения заводов и фабрик, тогда же постановил, что деревни, купленные к заводам и фабрикам, не могут быть от них отделены. Впоследствии времени это правило было многократно подтверждено. В 1762 г. повелено было заводы и фабрики с их строением, медные и железные рудники, соляные рассолы и трубы как предметы, сокровенные в недрах земных, а также принадлежащие к заводам земли и леса, людей и крестьян делить между наследниками как недвижимое имущество. В 1832 г. было постановлено, что при полном действии фабрики или завода, когда они обращаются в публичную продажу, находящаяся на них посуда и инструменты не отделяются; но когда фабрика и завод, по запущению или по каким-либо важным повреждениям, в бездействии, то посуда и инструменты продаются отдельно. Если же они только не в полном действии, то продаются отдельно из означенных вещей, остающихся в излишестве и без употребления» [1].

В этой же работе К.А.Неволин делает вывод о том, что «в частности, некоторые виды недвижимых имуществ были признаны нераздельными: деревни, купленные к заводам и фабрикам, не могут быть от них отделены» и что «двор, завод, фабрика, мануфактура, лавка при поступлении их к наследникам не были раздробляемы» [2, с. 68].

В данном содержании российских гражданских законов мы видим фактическое закрепление за предприятием таких факторов, как труд,

земля, капитал, о которых мы упоминали при анализе предприятия как экономической категории, а также то, что предприятие, в данном случае двор, завод, фабрика, мануфактура, лавка, выступает в качестве объекта гражданского права. Добавить к сказанному можно еще то, что свою продажную ценность как единый комплекс уже тогда получили только предприятия действующие, то есть «предприятия на ходу». Бездействующие же предприятия не представляли ценности как единый объект купли-продажи.

Д.И.Мейер отмечает, что законодательство того времени (первой половины 19-го века) определяет такие объекты права, как завод, фабрика, лавка, к «недвижимому» «нераздельному» имуществу. Сами фабрики и заводы понимались законодательством как главные вещи. «Принадлежности заводов, фабрик – заводские и фабричные строения, посуда, инструменты, земли, руды, леса и т.д. Инструменты, машины, принадлежащие фабрике или заводу, обслуживаются как вещи недвижимые» [3, с. 164–166].

В России наиболее глубоко и подробно исследование правовой сущности предприятия началось в конце 19-го и начале 20-го века. Рассмотрим некоторые основные исторические вехи и ключевые моменты развития цивилистического учения о предприятии в дореволюционной России.

Поиску правовой сущности предприятия в различных ее проявлениях посвящали свои научные изыскания такие видные ученые, как К.П.Победоносцев, Е.В.Васьковский, П.П.Цитович, Г.Ф.Шершеневич, А.И.Каминка, Л.С.Таль и др. Этому способствовало бурное экономическое развитие России (в том числе промышленного и сельскохозяйственного производства), а также ее активное участие в международной торговле.

В своих трудах по гражданскому праву Константин Петрович Победоносцев уже в то время, определяя важное значение предприятий (фабрик, заводов, рудников и т.д.), обращал внимание на их общественное предназначение и необходимость государственного регулирования. «Очень многие предметы, по тесной связи своей с требованиями государственного и общественного благоустройства и благочиния, подлежат частному владению не безусловно, а только при соблюдении особых условий и правил, установленных законом и ограничивающих свободную волю владельца и свободу гражданских прав его... Тем более подобного рода ограничения применяются к постройкам и заведениям, промышленным или имеющим какое-нибудь общественное значение. Таковы, например, бойни, гостинные дворы, лавки, бани, театры, колодцы, постройки вблизи линии железных дорог (Уст. жел. дор., изд. 1886 г., ст. 153, прилож.) и т.п. Фабрики и заводы подлежат особым правилам (Уст. о Промышл., изд. 1893 г., ст. 73) [4, с. 24–25].

К.П.Победоносцев определял предприятие как объект недвижимости. «К имуществам, не-

делимым по закону, принадлежат: А. В недвижимых: 1) Фабрики, заводы вообще (З. Гр., 394; Уст. промышл., изд. 1893 г., ст. 82) и в особенности посессионные, т.е. те, к коим приписаны были деревни и крестьяне. Они отдаются в аренду, продаются, отчуждаются, передаются по наследству и отдаются на выкуп, не иначе как в целости, а никак не по участкам (Гражд., 394, п. 1, 549, 1324, 1325). 2) Лавка (394, п. 1, 1324) следует тому же порядку» [5].

Как мы видим, одним из составляющих элементов были и деревни с крестьянами, входившими в состав предприятий как объектов недвижимости, что подтверждает закрепление в законодательстве конца 19-го начала 20-го века подхода к предприятию как к особому объекту, как к объекту, представляющему хозяйственный интерес «не иначе как в целости». Целостность предприятия выражается в комплексности имущества, в состав которого вписывается и «человеческий субстрат» в виде крестьян и «социальный сектор» в виде деревни как необходимые элементы и важные составляющие действующего предприятия, «предприятия на ходу».

Другой великий представитель русской цивилистической юридической науки профессор Е.В.Васьковский, автор одного из первых полных учебников по гражданскому праву, вышедшего в свет в 1894–1896 годах, определял предприятие в форме имущества, т.е. объекта права, ставя его в один ряд его с бумагами на предъявителя и земельными участками: «Причисление к юридическим лицам государственных должностей, бумаг на предъявителя и т.п. представляет плод чистого недоразумения. В самом деле, если допустить, что бумага на предъявителя (например, акция или выигрышный билет), земельный участок, в пользу которого установлен сервитут, заповедное имение, фабрика, завод являются юридическими лицами, т.е. субъектами права, то окажется, что эти субъекты, являясь собственностью физических лиц, играют вместе с тем роль объектов права. Но быть в одно и то же время субъектом и объектом права так же невозможно, как и быть начальником своего начальника» [6]. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что если рассматривать и анализировать данное утверждение в полном контексте, то мы видим, что в одном ряду, приведенном ученым, находятся и государственные должности, а также то, что соотношение субъекта права и объекта сравнивается с отношениями начальника и нена начальника (т.е. двух субъектов). В дальнейшем автором делается уточнение: «Что касается государственной власти, государственных должностей, ведомств и учреждений, то все они являются только органами, представителями одного юридического лица – государства, а потому не имеют значения самостоятельных субъектов права» [6], что позволяет сделать вывод о том, что данный подход базировался пока еще на ограниченном представлении о юридическом лице как субъекте права, что не позволяет

однозначно оценить правильность или ошибочность подхода к определению предприятия (фабрики, завода). Если предположить, учитывая рассмотрение этого вопроса Е.В.Васьковским в разделе, описывающем «остальные юридические лица» [6], что предприятие рассматривается в одном ряду с государственными органами, то в своем развитии и в современном понимании правовая теория рассматривает государственные органы в качестве субъектов права (особенно административного, хозяйственного, финансового, налогового и т.п.).

При рассмотрении исторического аспекта в развитии подходов к пониманию и толкованию понятия предприятия нельзя не обратить внимание на работы профессора П.П.Цитовича. Русский ученый являлся сторонником дуалистической теории частного права, родоначальником торгового права в России, и поэтому предприятие представляло для его научных интересов одно из важнейших явлений. Он системно, глубоко и комплексно подошел к развитию учения о предприятии. Профессор П.П.Цитович придавал предприятию ключевое значение в торговом праве и в развитии общественных экономических отношений. Отмечая значение торгового права в своей работе «К вопросу о слиянии торгового права с гражданским», он писал: «Поэтому в торговом праве отражается та социальная организация имущественного быта, которая достигнута в конкретной стране в данное время. С этих позиций отправным пунктом торгового права является не юридическое отношение, а торговое предприятие» [7]. Как мы видим, он акцентирует свое внимание на торговом предприятии как «отправном пункте» в хозяйстве страны. В своих работах по торговому праву П.П.Цитович не только подтверждает и дополняет формирующееся мнение о предприятии как базовом элементе системы хозяйствования в стране, но и уже в то время видит и удивительно точно определяет его социальную значимость. Кроме того, П.П.Цитович видит предприятие как социальную организацию, как полноправного субъекта права, участвующего в торговом обороте наравне с другими полноправными субъектами: «В силу социальной организации отдельные предприятия взаимно зависят одно от другого, причем не случайно, а непрерывно и постоянно воздействуют друг на друга, как учреждения, как органы имущественного быта и оборота» [7], что, однако, не мешает выделить имущественную составляющую: «Как совокупность связанно-одновременных и последовательных действий такого-то лица, торговля имеет имущественную подкладку; это масса имущества, над которою и для которой непрерывно совершается деятельность торговца. Масса имущества собрана вместе; как одно целое, с развивающейся над ней деятельностью, она имеет своего хозяина, принадлежит этому хозяину как его торговое предприятие. И по русскому торговому праву это не есть случайная куча, а свя-

занный комплекс; комплекс имеет свою юридическую индивидуальность, он способен быть предметом юридических отношений» [7].

Анализируя данный подход, мы, вполне оправданно, можем сделать заключение о том, что П.П.Цитович рассматривал предприятие как «социальную организацию», а имущественный комплекс предприятия как одну из его характерных черт, один из юридических признаков торгового предприятия, который имеет свою «юридическую индивидуальность» и способен быть предметом юридических отношений. Иными словами, предприятие представляет собой субъект права в виде «организации людей» и объект права в виде «имущественного комплекса». Но если с вопросом о сущности и составе имущественного комплекса в основе своей все было понятно (небольшие расхождения в этом вопросе в основном касались отдельных составляющих элементов имущественного комплекса, например долгов, фирмы и некоторых других), то в понимании предприятия как «социальной организации» возникало много спорных вопросов. Как видим, проблема выделения субъекта хозяйственной деятельности и его состава в виде «социальной организации» в учении П.П.Цитовича только начинает находить свое правовое выражение и подтверждение. Это отмечают и другие ученые того времени (в том числе и западные): «Endemann, Das deutsche Handelsrecht, 1887, § 15; Mommsen (Archiv für Theorie und Praxis des Handelsrechts, 1875, т. XXII, стр. 201); Völderndorf in Handbuch des Handels-, See- und Wechselrechts, т. I, стр. 181; Marghieri, Il diritto commerciale, т. I, 1882, § 26; Magnin («Annales de droit commercial», 1899, стр. 469); Valery («Annales de droit commercial», 1902, т. XVI, стр. 219). Последний автор разделяет личный и материальный состав предприятия, признает первый весь *in corpore* (*maison de commerce*) за субъект, а материальный состав (*fonds de commerce*) – за объект. Так, фабрика есть объект права, субъектом которого являются фабрикант и рабочие совместно» [7].

Не менее значительный вклад в определении правовой сущности предприятия внес и Г.Ф.Шершеневич, русский ученый, который наряду с П.П.Цитовичем считается родоначальником русского торгового права. В работах ученого определены, скрупулезно и внимательно рассмотрены многие сущностные характеристики предприятия, которые в целях нашего исследования имеют весьма важное теоретическое и практическое значение. Но прежде чем отметить и проанализировать подходы профессора Г.Ф.Шершеневича, хотелось бы обратить внимание на то, что и он в своих работах часто отмечал сложность, многоаспектность и комплексность проблемы определения правовой сущности предприятия. Экономическая самостоятельность торгового предприятия не могла не вызывать представления о юридической его обособленности. Быстрый ход капитализма в послед-

нее время выдвигает особенно остро вопрос о юридической природе торгового предприятия. Вопрос этот застаёт науку врасплох [8]. Отдавая дань благодарности этому великому ученому, можно сказать, что и через сто лет в учении о предприятии еще далеко не все точки над *i* расставлены.

Г.Ф.Шершеневич своими работами не только внес существенный вклад в учение о предприятии, его обобщение, анализ и систематизацию, но и создал благодатную почву для развития этого учения, выделяя проблемные моменты. Так, при рассмотрении отдельных подходов в правовой науке того времени к предприятию как к субъекту: «Все другие меновые хозяйства... имеют в виду предприятие, а не его хозяина...» ученый подмечает, что «Одни (П.П.Цитович и др.), наблюдая экономическую самостоятельность торгового предприятия, готовы признать и юридическую его самостоятельность; не только обособленность от остального имущества хозяина, но независимость от личности предпринимателя» [8] и тут же ставит вопрос о противоречии данного подхода с западно-европейским законодательством того времени и делает вывод о несостоятельности данного подхода в контексте превалирования частноправового (гражданско-правового) подхода в определении экономической системы хозяйствования, отрицая организационную составляющую предприятия в виде коллектива. Г.Ф.Шершеневич пишет: «надо признать, что провести такой взгляд немыслимо. Предприятие как таковое является в жизни объектом сделок – оно не может быть одновременно субъектом. Частноправовой строй, лежащий в основе современной народнохозяйственной организации, не согласуется с коллективистическим воззрением на предприятие» [8].

Таким образом, по мнению Г.Ф.Шершеневича, первая проблема заключается в том, что рассматриваемое с народнохозяйственной точки зрения торговое предприятие является самостоятельной организацией, в которой предприниматель есть ничто иное, как один из элементов. С точки зрения юридической, при частноправовом строе предприниматель, выделяя себя из предприятия, объективирует последнее и рассматривает как предмет, обеспечиваемый ему правовым порядком [8].

Взгляд на предприятие как на самостоятельный объект гражданского права также представляет немало теоретических затруднений, вызвавших в то время резкое столкновение мнений. Г.Ф.Шершеневич обращает внимание и на вторую проблему, но теперь уже в понимании предприятия как объекта права: «Видеть в торговом предприятии одну только фактическую совокупность – значит совсем не считаться с жизнью, с торговым оборотом, нормировать который право предназначено. Такой взгляд является не только пренебрежением к экономической действительности, но и к положительным законодательствам» [8].

И что для нас абсолютно интересно и важно, как с теоретической стороны, так и с практической, как содержательной стороны, так и методической Г.Ф.Шершеневич указывает одно из направлений научных изысканий для определения правовой природы предприятия: «Чтобы поставить правильно вопрос о юридической природе торгового предприятия, нужно прежде обратиться к рассмотрению того, какие запросы предъявляет торговый оборот к праву, в какую юридическую форму облекается экономическая самостоятельность предприятия» [8].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что предприятие до революции 1917 года рассматривалось как многомерное явление, в том числе и как объект частноправовых интересов. Правовой режим предприятия формировался на основе подходов сложившихся в экономической и правовой науке того времени (в основном разрабатываемых в русле гражданского, торгового и промышленного права). Большинство подходов к определению предприятия основывалось на учениях о торговом предприятии.

Опыт исследований ведущих ученых-правоведов того времени подтверждает, что для постижения правовой сущности предприятия необходимо: во-первых, определить запросы к предприятию со стороны торгового оборота, хозяйственной деятельности, экономической системы, иными словами выявить те основные функции, которые несет в себе предприятие в плоскости экономического среза общественных отношений; во-вторых, определить в соответствии с данными запросов и функциональным предназначением предприятия, какие методы и способы правового воздействия на предприятие имеют приоритетное значение и ведут к созданию оптимального правового режима для предприятия; в-третьих, в какую юридическую форму необходимо облечь экономическую самостоятельность предприятия, не нарушив при этом цивилистических представлений о предприятии как имущественном комплексе и объекте права.

В заключении историко-правового анализа дореволюционных подходов хотелось бы привести слова Г.Ф.Шершеневича: «Многочисленные монографии, посвященные этому вопросу и появляющиеся обильно в последнее время, показывают, что жизнь настойчиво его выдвигает. А мимоходные замечания по этому вопросу, делаемые в самых обстоятельных курсах, показывают, что наука не пришла еще к определенному взгляду на него» [8]. Данные слова великого русского ученого актуальны и в наши дни.

Революционные изменения в российской государственности, экономической системе в 1917 году, выразившиеся в ограничении права частной собственности, не могли не сказаться и на развитии правового учения о предприятии. Страна переходила на другие условия хозяйствования, где предприятие утрачивало свой смысл как объект частноправовых интересов. Правовой режим предприятия необходимо было

корректировать с учетом преобразования его в одно из звеньев советского экономического производства. В рамках данного правового режима изменилась и совокупность методов воздействия на предприятие как объект правового регулирования. Деятельность предприятия все больше обуславливали не свободный рынок и свобода предпринимательской деятельности, а народно-хозяйственные планы страны.

Молодому советскому государству в то непростое время необходимо было выстраивать свою экономику, в том числе и формировать первичные структурные элементы народного хозяйства, своего рода центры общественного воспроизводства – предприятия. Такие центры были необходимы для правильного разграничения экономических, организационно-технических и правовых элементов в общей системе планируемого и регулируемого советского хозяйства. Им необходимо было придать правовые формы, наделить определенным объемом правосубъектности. «Еще в 20-е годы прошлого столетия предприятия рассматривались в качестве основного типа коллективных хозяйствующих субъектов» [9, с. 76]. В связи с данной необходимостью была создана «своеобразная форма государственного предприятия, действующего на началах хозяйственного (коммерческого) расчета, созданная советским законодателем и широко использованная во всех отраслях государственного хозяйства, была впервые применена под именем «трест» [10, с. 219].

В период развития новой экономической политики хозяйственная правовая самостоятельность трестов преобладала над плановой их зависимостью в связи с государственным управлением народным хозяйством. «По своим размерам, характеру деятельности, внутренней организации тресты того периода представляли единое предприятие» [11, с. 194].

В последующие годы планирование становилось все более существенным элементом всего народного хозяйства. Определяя место треста в народном хозяйстве, А.В.Венедиктов писал: «Трест наших дней – это прежде всего хозяйственный орган государства, выполняющий плановые задания государства, которым подчинена и его деятельность, как участника товарного оборота, [т.е.] как юридического лица» [12].

Но время, объективные экономические законы и законы управления требовали большей локальности, большей дифференциации народного хозяйства. Так как тресты были довольно громоздки и сложно управляемы, возникла необходимость переместить определенный объем прав и обязанностей ближе к центру принятия решений по использованию факторов производства. Поэтому в последующем даже плановая экономика советского государства вынуждена была в силу сложившихся реалий основную массу прав, обязанностей и ответственности перенести в центр принятия решений по использованию факторов производства, т.е. передать первично-

му звену – предприятию. Данная тенденция сначала получила законодательные предпосылки в Положении о промышленных трестах от 29 июля 1927 г. [13]. В соответствии с данным Положением на руководителей предприятий могла бы быть возложена «полная ответственность» за производственные и финансовые операции предприятий, и вместе с тем созданы предпосылки для «четкого выявления самостоятельного лица каждого предприятия». В последующем объективные экономические предпосылки реализовались в реальной правовой статус предприятий как самостоятельных субъектов права.

Как пишет Р.О.Халфина: «Кредитная реформа 1930–1931 гг. обусловила выдвигание в качестве основного звена общественного производства предприятия. Сохранились лишь те тресты, которые по существу были единым предприятием. Большинство же производственных единиц стали самостоятельными предприятиями, юридическими лицами, и их положение лишь в некоторых отношениях отличалось от положения нетрестированных предприятий. Действие экономических закономерностей потребовало установления полного хозрасчета предприятий и предоставления им определенного правового статуса. Дальнейшее развитие экономики, технический прогресс потребовали расширения прав предприятий, широкого применения мер экономического стимулирования и т.д.» [11, с. 194].

Один из основных вопросов, который решала советская правовая наука в создавшихся на тот момент политических и экономических условиях, это вопрос «правильного разграничения организационно-технических и правовых элементов в общей системе планируемого и регулируемого хозяйства» [10, с. 217]. В социалистической системе хозяйствования предприятие выступало и как элемент (орган) организационной хозяйственной структуры, и как субъект гражданского права. Как хозяйственный орган предприятие выполняло плановые задания государства, а как субъект гражданского права вступало в товарно-денежные в качестве юридического лица.

Отказавшись от «всего частного», от свободного предпринимательского оборота, республиканская, а затем и союзная государственная власть на десятилетия приостановила, выключила из экономического бытия как сам имущественный комплекс – объект частного предпринимательского интереса, так и учение о нем. Понятие имущества предприятия (государственного) в отличие от традиционного гражданско-правового понимания свелось к самой приспособленной для государственной монополистической машины и самой неприспособленной для свободного частного оборота форме. Форме, которая, по мнению А.И.Каминки, имела только технико-бухгалтерский характер [14, с. 105].

Однако нельзя сказать, что в годы советской власти предприятие было забыто правовой наукой вообще. В эти годы с учетом экономических и социальных реалий более полное развитие получает учение о предприятии как о субъекте права, что позволило, благодаря неопределимому вкладу советских, в том числе и белорусских ученых, глубоко проработать вопрос о предприятии как о «социальной организации».

Большой вклад в науку в годы существования единого советского государства внесли такие видные ученые, как В.К.Андреев, С.И.Аскназий, В.В.Бородин, С.Н.Братусь, А.В.Венедиктов, В.А.Витушко, Д.М.Генкин, С.А.Зинченко, О.С.Иоффе, А.И.Каминка, С.Н.Ландкоф, В.А.Лапач, В.В.Лаптев, В.К.Мамутов, В.Ф.Попондуполо, Е.А.Суханов, Ю.К.Толстой, Р.О.Халфина, Е.Б.Хохлов, В.Ф.Чигир и др.

Предприятие в эти годы признавалось советским юридическим лицом и поэтому большинство подходов к предприятию базировалось как раз на учениях о юридическом лице, что, естественно, привносило определенную специфику в рассмотрение сущности и характерных черт предприятия.

Как мы знаем, в то время в советской цивилистической юридической науке существовало четыре основных подхода, четыре основные теории юридического лица: теория социальной реальности (Д.М.Генкин), теория государства (С.И.Аскназий), теория коллектива (А.В.Венедиктов), теория директора (Ю.К.Толстой). Как мы видим даже из названия теорий советского юридического лица, основной проблемой, которая стоит в основе различных подходов, как раз и является все тот же личный субстрат и его состав. По теории социальной реальности профессора Д.М.Генкина – государственное предприятие является объективной социальной реальностью и существует в независимости от определения ее места в праве. «Достоинство этой теории – в том, что она подчеркивает материалистическую природу юридического лица как объективно существующего общественного явления. Однако она не вскрывает те реальные общественные отношения, которые формируют волю юридического лица, определяют характер его деятельности. Такую задачу ставят перед собой авторы трех остальных теорий» [15, с. 80].

В теории государства С.И.Аскназия государственные предприятия представляют волю и интерес единого субъекта – государства, являющегося собственником имущества государственного предприятия. Данная теория глубоко проработала вопрос государственного управления и регулирования в экономике, но некоторые ошибки данной теории переносятся и в наше время, определяя в качестве субъекта лишь организационно-собственника предприятия. При анализе современного подхода, имеющегося в законодательстве, на наш взгляд, допускается та же ошибка, что послужила и основанием для критики «теории государства» в то время. Ошибка,

на наш взгляд, заключается в том, что в качестве субъекта права признается только организация-собственник, и лишь она формирует волю предприятия. Директор предприятия и трудовой коллектив предприятия в формировании воли организации в соответствии с современным гражданским законодательством утратили свою значимость как одни из основных элементов. Также, на наш взгляд, незаслуженно отодвинута на второй план социальная значимость предприятия в угоду государственным или частным целям и интересам, которые ставит перед собой организация-собственник в виде выполнения планов или в виде получения прибыли. Хотя вполне понятно, что ни о каком выполнении планов, ни о какой прибыли не может быть и речи без производства высококачественной, конкурентно способной продукции, востребованной обществом.

В теории коллектива академика А.В.Венедиктова и теории директора профессора Ю.К.Толстого глубоко изучена значимость данных элементов (директора и трудового коллектива) в составе предприятия как элементов, не только характеризующих правовую сущность предприятия, но и как элементов, формирующих волю предприятия как субъекта.

Данные подходы нашли свою кульминацию в определении предприятия в Законе о предприятиях 1990 года: «Предприятием является самостоятельный хозяйствующий субъект, обладающий правами юридического лица, который на основе использования трудовым коллективом имущества производит и реализует продукцию, выполняет работы, оказывает услуги» [16].

Какой же подход имеется у белорусского законодателя в настоящее время?

В соответствии со ст. 132 Гражданского кодекса «Предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности» [17].

В соответствии же со ст. 113 Гражданского кодекса определено понятие унитарного предприятия. «Унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. Имущество унитарного предприятия является неделимым и не может быть распределено по вкладам (долям, паям), в том числе между работниками предприятия» [17]. Подобное терминологическое изменение объясняется тем, что Гражданский кодекс Республики Беларусь делит все юридические лица Республики Беларусь на коммерческие и некоммерческие организации и только для обозначения одной из организационно-правовых форм коммерческого юридического лица использует составной термин «унитарное предприятие».

Таким образом, с учетом вышеизложенного «предприятие – термин, используемый в гражданском праве применительно как к субъектам,

так и к объектам права» [18]. Белорусское законодательство определяет «предприятие» как имущественный комплекс как объект и «унитарное предприятие» как субъект, как одну из организационно-правовых форм коммерческого юридического лица. Такой же подход к пониманию предприятия имеется в российском гражданском законодательстве [19, с. 119; 20].

Белорусское и российское гражданское законодательство, отнеся предприятие к объектам права, с одной стороны, возвратило предприятию его традиционное и историческое назначение, позволило взглянуть на него как на один из востребованных объектов гражданских прав, а с другой — подняло на поверхность ряд сложных правовых проблем научного и прикладного характера, вытекающих из весьма нетрадиционной сущности, своеобразного содержания и характера предприятия — как особого правового института.

Однако, по сути, при определении предприятия — как имущественного комплекса, как объекта права и коммерческого юридического лица — как организации, целью которой является получение прибыли, утрачена первичность созидательной стороны деятельности предприятия как экономической ячейки, осуществляющей производство товаров, работ и услуг, материальных и нематериальных благ. А также то, что фактически производящим субъектом юри-

дическое лицо делает все-таки предприятие во взаимодействии с «человеческим субстратом», вовлеченным в процесс производства, который повышает стоимость предприятия и придает ему признаки субъектности, особенно в сфере государственного регулирования экономических процессов.

Не до конца отточенные сущность и характеристика предприятия, приведенные Гражданским кодексом Республики Беларусь и другими нормативными правовыми актами, отодвинули этот объект правового регулирования от активного участия в гражданском обороте. Юридическая грань, отделяющая предприятие как субъект от предприятия как объекта гражданского права, весьма трудно определима, поскольку предприятие само является действующим хозяйственным «организмом», самостоятельно участвующим в экономических отношениях, несущим собственные права и обязанности, предполагающим наличие администрации предприятия и коллектива работников предприятия.

Реалии современного экономического развития, особенно в контексте формирования «новой экономики» и возрастающего значения в ней «человеческого капитала» [21, с. 5–9], требуют нового теоретического осмысления этой юридической категории, определения ее более точного места в системе права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неволин, К.А. История российских гражданских законов. Часть вторая. Книга вторая об имуществвах. Раздел первый об имуществвах вообще и раздел второй о правах на вещи. Классики российского права / К.А. Неволин // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — 1997-2007. — Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/43/page_2.html#12. — Дата доступа: 12.01.2007.
2. Неволин, К.А. Полное собрание сочинений К.А. Неволина: в 2 т. Т.2. Энциклопедия законоведения вторая половина особенной части / К.А. Неволин. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857. — 545 с.
3. Мейер, Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. / Д.И. Мейер. — 3-е изд., испр. — Москва: «Статут», 2003. — 831 с.
4. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права: в 3-х т. Т.1. Курс гражданского права / К.П. Победоносцев; под ред. В.А. Томсинова. — Москва: Издательство «Зерцало», 2003. — 768 с.
5. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Первая часть: вотчинные права. Классики российского права / К.П. Победоносцев // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — 1997-2007. — Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/15/page_16.html. — Дата доступа: 18.12.2006.
6. Васьяковский, Е.В. Учебник гражданского права. Классики российского права / Е.В. Васьяковский // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — 1997-2006. — Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_12.html. — Дата доступа: 08.12.2006.
7. Цитович, П.П. Труды по торговому и вексельному праву. Т.1. Учебник торгового права. К вопросу о слиянии торгового права с гражданским. Классики российского права / П.П. Цитович // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — 1997-2007. — Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/27/page_1.html. — Дата доступа: 12.12.2007.
8. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. Т.1. Введение. Торговые деятели. Классики российского права / Г.Ф. Шершеневич // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — 1997-2006. — Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/18/page_18.html. — Дата доступа: 10.11.2006.

9. Предпринимательское (хозяйственное право) право: учебник / Н.Н. Вознесенская и др.; под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 560 с.
10. Венедиктов, А.В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. Избранные труды по гражданскому праву. (Хозяйственный (коммерческий) расчет) / А.В. Венедиктов. – Москва: «Статут», 2004. – 463 с.
11. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – Москва: Юридическая литература, 1974. – 305с.
12. Венедиктов, А.В. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. Классики российского права / А.В. Венедиктов // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – 1997-2006. – Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/31/page_17.html. – Дата доступа: 12.12.2006.
13. Положение о государственных промышленных трестах: постановление ЦИК и СНК СССР от 29 июня 1927 г. // СЗ СССР. – 1927. – № 39. – Ст. 392.
14. Каминка, А.И. Очерки торгового права / А.И. Каминка. – СПб.: Издание Юридического книжного склада, 1912. – 437 с.
15. Гражданское право БССР. Том I. Общая часть / В.Ф. Чигир [и др.]; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Издательство БГУ, 1975. – 384 с.
16. О предприятиях: Закон Респ. Беларусь, 14 дек. 1990 г., № 462-ХП // КонсультантПлюс: Версия проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2006.
17. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З: в ред. от 26.12.2007г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
18. Словарь-справочник по гражданскому законодательству / И.А. Еремичев, Э.Л. Страунинг, П.А. Котов. – Москва: Издательство «Щит-М», 2003. – 122 с.
19. Гражданское право России. Курс лекций. Часть первая / О.Н. Садиков [и др.]; под ред. О.Н. Садикова. – Москва: Юрид. лит., 1996. – 304 с.
20. Гражданский кодекс Российской Федерации, 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ: принят ГД РФ 21.10.1994 г.: в ред. от 06.12.2007 // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», – Москва, 2007.
21. Базылев, Н.И. «Новая экономика», человеческий капитал и миграция рабочей силы: монография / Н.И. Базылев, Н.Л. Грибанова. – Минск: УП «Технопринт», 2005. – 126 с.

ФАЙЛООБМЕННЫЕ СИСТЕМЫ В ИНТЕРНЕТЕ И РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОВАЙДЕРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ АВТОРСКИХ ПРАВ

Д.Е.ШЕЛЕПОВ

Отмечается, что в соответствии с Конституцией Республики Беларусь государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства. В статье обращается внимание на то, что в современных условиях развития объекты интеллектуальной собственности нуждаются в особой охране, поскольку развитие интернет-технологий создает новые предпосылки для нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности. Указывается, что недостаточное правовое регулирование отношений по использованию и защите объектов авторского права в условиях развития Интернета в Республике Беларусь затрудняет обеспечение законности в данной сфере. Рассматриваются нарушения авторских прав при использовании файлообменных (пиринговых) систем в Интернете. Автором предложены направления деятельности по установлению нарушителей и определена роль отечественных интернет-провайдеров в обеспечении прав на объекты интеллектуальной собственности.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь государство выступает гарантом осуществления и защиты прав и свобод граждан Беларуси, закрепленных в Конституции, законах и предусмотренных международными обязательствами государства. Законами Республики Беларусь за авторами произведений закреплен ряд личных неимущественных и имущественных прав.

В условиях информатизации и развития интернет-технологий авторские и смежные права нередко нарушаются. В связи с этим представляется важным рассмотреть вопросы, связанные с нарушениями прав авторов при использовании пиринговых систем в Интернете и ролью отечественных интернет-провайдеров (далее – провайдер) в обеспечении авторских прав.

Одной из технологий Интернета, которая затрагивает права и интересы обладателей авторских и смежных прав, является возможность пользователей всемирной сети связываться напрямую и бесконтрольно обмениваться любыми данными без разрешения правообладателей. Подобная возможность существует благодаря компьютерным технологиям по организации одноранговых, децентрализованных или пиринговых (от англ. peer-to-peer, P2P – равный с равным) сетей – «компьютерных сетей, основанных на равноправии участников» [1]. Основным компонентом данной технологии является программа-клиент, которая позволяет напрямую организовывать поиск и обмен данными между пользователями сети Интернет, установившими по-

добное программное обеспечение. По оценке экспертов 99 процентов всех файлов передаются через такие P2P-системы без разрешения авторов [2], что вызывает реальную угрозу обеспечения законности в области соблюдения и охраны авторских и смежных прав. Крупные мировые компании и ассоциации правообладателей в звукозаписывающей индустрии связывают снижение производства музыкальных дисков с ростом числа пользователей пиринговых сетей.

Первой известной файлообменной службой являлась Napster. В настоящее время самой крупной централизованной файлообменной системой является KaZaA. Принцип ее работы примерно такой же, что и Napster, с той лишь разницей, что файлы, доступные для свободного использования, хранятся не на сервере KaZaA, а у конкретного пользователя на диске в каталоге общего доступа. Система KaZaA активно используется и белорусскими пользователями сети Интернет. В среднем с помощью системы обрабатывается и передается от 800 до 900 тысяч файлов ежедневно, а всего за время существования сети обработано более 389 млн. музыкальных и видеофайлов [3]. В подп. 6.2 п. 6 размещенного на официальном сайте KaZaA лицензионного соглашения, видимо, с целью избежания конфликтов с обладателями авторских прав установлено: «...используя данное программное обеспечение, вы соглашаетесь, что вы не будете использовать указанную программу для нарушения авторских и других прав третьих лиц».

В отличие от рассмотренных централизованных сетей еще большую потенциальную угрозу авторским и смежным правам, по мнению автора, содержат децентрализованные пиринговые сети. Они не имеют центральных серверов, поэтому объективно невозможно проконтролировать обмен данными между участниками системы. Одной из успешно функционирующих подобных сетей является Gnutella с основными клиентскими программами BearShare и LimeWire. Компания LimeWire LLC анонсирует, что данная программа разработана и предназначена для подключения к сети Gnutella в целях быстрого совместного использования и обмена файлами [4]. Также отмечено, что копирование и распространение охраняемых авторским правом материалов без разрешения владельцев может явиться нарушением [5]. Белорусским пользователям Интернет доступна еще одна анонимная децентрализованная файлообменная система – ZERP.

Исследуя методику действий авторских организаций по пресечению нарушения авторских и смежных прав в рассматриваемой сфере, можно выделить следующие направления защиты авторских прав по субъекту нарушения: 1) привлечение к ответственности пиринговых компаний; 2) установление виновности конкретных пользователей файлообменных сетей; 3) привлечение к ответственности провайдеров.

Привлечение к ответственности пиринговых компаний обусловлено установлением виновности действий (бездействия), направленных на нарушение авторских и смежных прав. Указанный подход эффективен только в отношении централизованных файлообменных сетей, таких как Napster, WinMX, eDonkey. Их уязвимость заключается в том, что в названных системах центральный сервер (серверы) обеспечивает весь сервис услуг: 1) предложение к загрузке файлообменной программы; 2) регистрация пользователя в сети; 3) индексирование общего каталога аудио- и видеопроизведений; 4) хранение всех общих файлов (Napster); 5) обработка запросов и поиск файлов; 6) организация передачи данных клиенту. Если предметом такого сервиса является охраняемая авторским правом копия произведения, то в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» пиринговая компания допускает нарушение имущественных прав автора. В соответствии с п. 2 ст. 39 указанного Закона [6] экземпляры произведения (фонограммы), которые создаются на узловом компьютере, являются контрафактными, так как изготовление и распространение таких экземпляров происходит без соответствующего разрешения правообладателя.

Применительно к децентрализованным пиринговым сетям, в которых нет ни центральных серверов, ни возможности координировать и контролировать их функционирование, можно утверждать о неэффективности рассмотренной выше схемы действий. Единственное, что свя-

зывает компанию, которая распространяет клиентское программное обеспечение, с незаконным оборотом контрафактных экземпляров произведений в пиринговой сети, – это сама программа-клиент. В соответствии с Законом «Об авторском праве и смежных правах» действия по распространению подобных программ невозможно соотносить с нарушением авторского права, более того, сама такая компьютерная программа может охраняться авторским правом. Разработчики данного программного обеспечения на своих web-сайтах всегда предупреждают о необходимости соблюдения авторских прав.

По мнению автора, применительно к белорусскому законодательству вопрос об ответственности за несоблюдение авторских прав можно перенести в плоскость конкретных нарушителей – пользователей пиринговых сетей. В первую очередь нарушителем будет являться лицо, которое без разрешения правообладателя предлагает охраняемые авторским правом объекты для свободного копирования. Компьютер такого пользователя выступает в качестве сервера, который по запросу других клиентов системы осуществляет передачу произведения, чем нарушает исключительное право на распространение, предусмотренное ст. 16 и ст. 32 Закона «Об авторском праве и смежных правах». Сам факт нахождения копии охраняемого авторским правом произведения на таком компьютере не всегда может быть квалифицирован как нарушение, поскольку копия могла быть сделана в рамках права на воспроизведение в личных целях, предусмотренного ст. 18 указанного Закона. В частности, установлено, что «допускается без разрешения автора (иного правообладателя) и без выплаты вознаграждения воспроизведение правомерно опубликованных произведений в единичных экземплярах физическим лицом исключительно в личных целях» [6].

Приведенная выше норма введена белорусским законодателем в рамках ч. 1 ст. 10 Договора ВОИС по авторскому праву, согласно которой ограничения или исключения из прав, предоставляемых авторам литературных и художественных произведений, могут устанавливаться Договаривающимися сторонами «в определенных особых случаях, которые не наносят ущерба нормальному использованию произведения и необоснованным образом не ущемляют законные интересы автора» [7]. Однако в рассматриваемом случае такая копия предлагается для копирования неопределенному кругу лиц (пользователям пиринговой сети), что не может подпадать под исключение, предусмотренное ст. 18 Закона «Об авторском праве и смежных правах», так как указанная деятельность не только ущемляет, но и нарушает право автора на воспроизведение, распространение и наносит ущерб нормальному использованию произведения, уменьшая коммерческую стоимость и объем продаж. Соответственно не вправе ссылаться на «воспроизведение в личных целях» и конеч-

ный получатель копии охраняемого авторским правом произведения (фонограммы), поскольку такой экземпляр изначально является контрафактным в смысле ст. 39 указанного Закона. Из этого следует, что оба участника транзакции файлообменной пиринговой сети нарушают право на воспроизведение произведения (фонограммы), на которое распространяются авторские (смежные) права.

В указанное нарушение опосредованно вовлечены и другие субъекты, о которых речь пойдет далее. В пиринговой сети соединение между участниками такой транзакции устанавливается напрямую, но обмен данными между ними обеспечивают провайдеры интернет-услуг, которые выполняют роль связующих звеньев. Во время передачи охраняемого авторским правом файла его копия временно создается на серверах провайдеров как неотъемлемая часть технологического процесса передачи данных. В соответствии со ст. 4 Закона «Об авторском праве и смежных правах» такая копия тоже может быть квалифицирована как экземпляр произведения [6].

Провайдер услуг Интернета – это «организация, предоставляющая услуги по передаче, маршрутизации или предоставлению соединений для цифровых коммуникаций в онлайн-режиме» [8, с. 228]. Действия провайдера можно рассматривать в двух аспектах: 1) пассивного проводника, 2) активного участника транзакции.

Провайдера можно рассматривать как пассивного посредника между сторонами, которые незаконно используют охраняемые произведения. В пользу такой оценки можно привести следующее положение согласованных заявлений в отношении Договора ВОИС по авторскому праву: «простое предоставление физических средств, позволяющих сделать или осуществляющих сообщение, само по себе не является сообщением в смысле настоящего Договора или Бернской конвенции» [9].

Национальный оператор электросвязи «Белтелеком» исходит из такой же позиции, указывая в публичном договоре на оказание услуг, что «оператор не контролирует доступный из Интернета информационный поток, который может включать нежелательные для абонента материалы, и не несет за них никакой ответственности» [10], чем снимает с себя ответственность за нарушение авторских и смежных прав абонентом.

Основными провайдерами услуг Интернета в Республике Беларусь являются РУП «Белтелеком», ООО «Белинфонет», НИРУП «Национальный центр информационных ресурсов и технологий», ЗАО «СОЛО», Unibel. В публичных договорах этих организаций по оказанию услуги доступа в Интернет сфера авторского и смежного права не затрагивается. Следуя выработанной позиции главного национального оператора электросвязи, они снимают с себя ответственность за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности при пользовании их услугами и оборудованием, фиксируя подобные

нормы в абонентских договорах. Например, Unibel в подп. 5.3 п. 5 договора на абонентское обслуживание закрепляет, что «провайдер не несет юридической, материальной или иной ответственности за содержание информации, полученной или переданной абонентом посредством услуг, и за использование абонентом услуг других организаций, к которым он получил доступ посредством услуг поставщика» [11].

Рассмотренный выше упрощенный подход к оценке деятельности провайдеров Интернета не отражает всей полноты спектра их деятельности по оказанию рассматриваемых услуг. При такой передаче информации оператор знает обоих участников транзакции по их IP-адресам и, следовательно, может контролировать, какие веб-ресурсы используются. О такой технической возможности свидетельствует, например, положение публичного договора ООО «Белинфонет», которое устанавливает, что «оператор оставляет за собой право без какого-либо уведомления вводить ту или иную фильтрацию или блокировку адресного пространства и прекращать доступ абонентов к тем или иным фрагментам, объектам, информационным ресурсам и услугам Интернет (адресам, сетям, серверам, телеконференциям, спискам рассылки и т.п.) как в Республике Беларусь, так и за рубежом. Ограничения доступа вводятся в случае, если свободный доступ к этим информационным ресурсам, исключительно с точки зрения оператора, нарушает общепринятые нормы использования Интернет» [12]. В этом же договоре оговорено, что провайдер не контролирует доступный через Интернет информационный поток, что свидетельствует о непоследовательности в занимаемой позиции. Такие же положения содержит публичный договор РУП «Белтелеком». Указанные провайдеры, имея технические возможности по предотвращению нарушений авторских прав, на свое усмотрение, исходя из «точки зрения оператора», решают вопрос о мерах реагирования, чем попустительствуют «пиратству» при использовании предоставляемых ими услуг.

В Республике Беларусь интернет-провайдеры должны рассматриваться не как потенциальный нарушитель, а как инструмент в борьбе с «пиратством». Авторским сообществом совместно с провайдерами необходимо использовать также информационные технологии для поиска правонарушителей и пресечения нарушений авторских прав. В качестве таких мер необходимо активно внедрять технологию нанесения цифровых водяных знаков с информацией об управлении правами, а интернет-провайдеры должны будут обеспечить контроль за режимом использования объектов с цифровой подписью. Установление факта нарушения имущественных либо неимущественных прав автора повлечет для провайдера необходимость принимать меры по содействию в восстановлении нарушенного права:

блокировать транзакцию, ограничивать доступ абонентов к веб-ресурсам, нарушающим авторские права, раскрывать личные данные о нарушителе и принимать иные возможные меры. Обязанность совершать такие действия провайдером услуг Интернета необходимо закрепить в Законе «Об авторском праве и смежных правах». Только при выполнении подобных обязательств провайдерам можно предоставлять правовой иммунитет в случае нарушения авторских и смежных прав их абонентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Одноранговая сеть // Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/P2P>. – Дата доступа: 12.05.2007.
2. Презентация Р. Гуча, старшего советника по технологии Международной федерации звукозаписывающей индустрии (IFPI) на семинаре ВОИС по Договору об авторском праве и Договору ВОИС по исполнениям и фонограммам: Возможности и Вызовы, Женева (16 мая, 2002) // World Intellectual Property Organization (WIPO) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.wipo.int/news/en/index.html?wipo_content_frame=/news/en/conferences.html. – Date of access: 23.12.2005.
3. 2006 Year-End Shipment Statistics // Recording Industry Association of America (RIAA) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.riaa.com/news/newsletter/pdf/2006yrEndShipments.pdf>. – Date of access: 25.10.2006.
4. LimeWire User Guide // Lime Wire LLC [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.limewire.com/english/content/userguide.shtml>. – Date of access: 17.05.2007.
5. Important Information about Using P2P Software Safely // Lime Wire LLC [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.limewire.com/english/content/ftc.shtml>. – Date of access: 17.05.2007.
6. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 16 мая 1996 г., № 370-ХІІІ: с изм. и доп.: текст по состоянию на 4 янв. 2003 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2006.
7. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. // Авторское право и смежные права / И.В. Попова; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 1999. – С. 448.
8. Луцкер, А.П. Авторское право в цифровых технологиях и СМИ / А.П. Луцкер. – М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2005. – 415 с.
9. Согласованные заявления к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений // Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wct/index.html>. – Дата доступа: 12.09.2006.
10. Правила предоставления услуги «Коммутируемый доступ в Интернет с использованием предоплаченных интернет-карт: Приказ РУП «Белтелеком», 28 марта 2005 г., № 205.
11. Договор на абонентское обслуживание // Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unibel.by/rus/dogovor.zip>. – Дата доступа: 15.05.2007.
12. Договор ООО «Белинфонет» «Общие условия использования Интернет» // Белинфонет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unibel.by/rus/dogovor.zip>. – Дата доступа: 15.05.2007.

РАЗДЕЛ V

|| ТРУДОВОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н.С.ПИЛИПЕНКО

Рассматриваются проблемы создания и деятельности комиссий по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, возникающих между работниками и нанимателями.

Исследуются труды известных российских ученых, положивших начало в определение понятия «индивидуальный трудовой спор», таких как Микулина А.А., Таля Л.С., Митрохиной Н.В., Озерова И.Х. и др. Анализируются труды ученых начала двадцатого столетия прошлого века и труды современных ученых стран СНГ и Беларуси.

Научно обосновываются существующие проблемы в действующем законодательстве по рассмотрению индивидуальных трудовых споров и вносятся предложения по изменению и дополнению действующего законодательства о труде.

Автором вносится предложение по аналогии с Трудовым кодексом Российской Федерации предусмотреть в Трудовом кодексе Республики Беларусь легальное понятие «индивидуальный трудовой спор».

Введение

Социально-экономические реформы в Республике Беларусь оказали и оказывают существенное влияние на развитие трудового права, регулирующего общественные отношения в сфере труда. Совершенно очевидно, что формирование качественно новой модели регулирования отношений в сфере наемного труда, а также определение направлений дальнейшего развития трудового права и трудового законодательства немислимо без обращения к истории развития правового регулирования труда и отношений, тесно связанных с ним.

Процесс глобализации и расширения трудовых правоотношений обуславливает необходимость более пристального исследования отдельных институтов трудового права, и в частности – индивидуального трудового спора. Несмотря на то что в данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования трудовых споров в разные исторические периоды, все они объединены общей концептуальной идеей, которая заключается в глубоком и всестороннем исследовании теоретических и практических проблем, связанных с индивидуальным трудовым спором.

Актуальность данного вопроса состоит в том, что ныне действующий Трудовой кодекс Республики Беларусь не содержит статьи, дающей понятие «индивидуальный трудовой спор».

Правовые механизмы совершенствования создания и работы КТС

Определения понятия «трудовой спор» как официальные, так и доктринальные основывались на его истории зарождения. Анализ этой проблемы показывает, что появлению индивидуальных трудовых споров в России (Беларусь с 1795 г. практически полностью входила в состав России) предшествовало несколько этапов:

1. становление промышленности, возникновение наемного труда;

2. появление противоречивости интересов работодателя и наемного работника;

3. появление норм, регулирующих разногласие между работодателем и наемным работником.

Без анализа этих факторов сложно объяснить содержание, дать определение понятия индивидуального трудового спора, оценку современной его трактовки в теории и практике российского трудового права.

Зарождавшееся в конце XIX – начале XX века фабрично-заводское законодательство формировалось в острой борьбе рабочего класса и буржуазии. Когда борьба рабочих с предпринимателями принимала особо обостренные формы, в нее вмешивались правительства, в результате чего появились законы об условиях труда и порядке разрешения возникающих конфликтов.

Так, в России появилось Положение 1835 года «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оныя по найму». Положение стало одним из первых нормативных актов, регулирующих отношения в сфере труда. Несмотря на то что Положение состояло всего из десяти статей, оно содержало обязательства для работодателя, например, работодатель обязан был издать правила внутреннего трудового распорядка. Однако содержание данных правил определял работодатель, т.к. Положение не содержало каких-либо указаний по данному основанию. Следовательно, если на практике и возникали какие-либо разногласия между наемным работником и работодателем, они не могли стать причиной обращения в суд. Микулин А.А. (работавший фабричным инспектором труда по Владимирскому округу) писал: «Положение 1835 года практически осталось без применения ввиду того, что специальные органы надзора за его исполнением не создавались, они появились лишь в 1882 году» [1, с. 2].

Трудовые конфликты, возникавшие между рабочими и администрацией фабрик и заводов, сопровождалась, как правило, стачками и забастовками. Споры же между работниками и администрацией, разрешаемые в судебных органах, были очень немногочисленны и редко доходили

до высших инстанций. По мнению Н.В.Митрохиной, причиной этого являлась длительность, сложность и дороговизна гражданского процесса для мелких споров, возникавших на почве трудовых отношений. Общие же суды были мало приспособлены к их разрешению, так как им не доставало знакомства с внутренним строем хозяйственных предприятий, с правовыми воззрениями работников и работодателей и с действительным характером их взаимоотношений. Этим объясняется то, что и работники, и работодатели очень неохотно обращались к защите общих судов [2, с. 22].

С появлением Закона от 3 июля 1886 г. «О найме рабочих и правилах надзора за фабричными заведениями» у наемных работников появилась законная возможность обращаться в суд за защитой своих нарушенных прав. В соответствии со статьей 13 Закона работник, не получивший в течение месяца заработную плату, имел право требовать в судебном порядке расторжения заключенного с ним договора. В случае, когда суд при рассмотрении жалобы работника устанавливал, что действительно имела место задержка заработной платы, то работнику присуждалось дополнительное вознаграждение в размере его двухмесячного заработка.

Таль Л.С. писал: «Рабочему, не получившему в срок следуемой платы, предоставляется право требовать в месячный срок, по суду расторжения договора и присуждения сверх неуплаченной суммы, особого вознаграждения (законной неустойки). По этому поводу Сенатом было дано разъяснение: 1) что месячный срок относится исключительно к иску о расторжении договора по причине неполучения в срок платы, а не к требованию вознаграждения; 2) что рабочий не имеет права расторгнуть договор до решения суда, иначе он подвергается последствиям самовольного ухода...» [3, с. 157].

Таль Л.С. также указывал на то, что с середины XIX века в западной литературе и практике настойчиво проводилась мысль, что трудовой заработок, с которым связано материальное обеспечение рабочего, не может и не должен быть предметом судебного ареста и взыскания за долги. Предлагалось ограничить по тем же соображениям право работодателя проводить удержания из заработной платы на удовлетворение своих претензий, запретить самому рабочему заранее в договорной форме, давать согласие на будущие удержания из заработной платы [3, с. 158]. Таким образом, в науке постепенно осознавалась объективная основа возникновения индивидуальных трудовых споров и вырабатывались, предлагались рекомендации их решения на законодательном уровне.

В дореволюционной России принимался еще ряд законов в сфере труда, которые содержали определенные гарантии, предоставляемые наемным работникам: 1893 г. – Устав о промышленности и Горный устав; 1897 г. – Закон о рабочем времени; 1903 г. – Закон о вознаграждении

за увечье; 1912 г. – Закон о страховании рабочих от несчастных случаев и болезни.

Святловский В. в 1892 г. писал: «вопросом об ограждении рабочих от несчастных случаев в последнее время много занимались и наши русские присутствия по фабричным делам. Так, Петербургское столичное присутствие издало целый сборник обязательных постановлений относительно мер охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих, а также и оказания им врачебной помощи на фабричных заводах и мануфактурах (30 апреля 1889 г.)... Подобные же правила выработаны и Варшавским городским по фабричным делам присутствием для фабрик г. Варшавы, причем Варшавское присутствие сделало важный шаг вперед, обязав фабрикантов сообщать фабричной инспекции обо всяком несчастном случае, каков бы ничтожен на первый взгляд он ни представлялся. Ту же меру приняло и Владимирское губернское по фабричным делам присутствие и нужно надеяться, что вскоре мы будем обладать солидным материалом по вопросу о травматизме на русских фабриках...» [4, с. 19]. Так формировались органы, в которые могли обращаться наемные работники, не добившись от хозяина возмещения вреда здоровью, причиненного по вине работодателя.

В своих трудах Озеров И.Х., анализируя истоки и содержание трудовых споров, обращал внимание на то, что «организуя рабочих в замкнутую сословную группу, надо вперед предвидеть, что эта организация в естественном стремлении односторонне понимаемой защиты своих интересов и в прогрессивном своем развитии обратится против всего того, что этому развитию будет препятствовать. Довериться мечте, что рабочая организация непременно будет оставаться в каких-либо предписанных ей границах, было бы большой ошибкой. Развитие ее будет совершаться стихийно в том направлении, которое оно примет первоначально, и чем дальше, тем труднее будет регулировать мощную волю организованных и сильных своей организованностью и замкнутостью рабочих масс, искусственно слитых в одно целое» [5, с. 68]. В начале XIX века было разработано несколько законопроектов об улучшении быта фабрично-заводских рабочих, но все эти проекты, по мнению Озерова И.Х., стремясь к обеспечению справедливых интересов рабочих, отличались той особенностью, что в них последовательно и систематически проводилось выделение фабричных рабочих из состава российского населения. Объяснение этому следует искать в том, что они появились как результат деятельности фабричной инспекции, инициатива которой, естественно, ограничивалась исключительно фабрично-заводским составом населения. Фактически, фабричные рабочие в этих законопроектах действительно рассматриваются как особый класс, особое сословие, для которого предлагается особое страхование, особые больницы, кассы, школы. Причем все эти организации, предлагаемые

в проектах, не рассматриваются в системе земского и городского самоуправления, напротив, при разработке проектов указывается на несовершенства земского или городского самоуправления, как на основание формирования правосознания рабочих – к обособлению учреждений для фабрично-заводских рабочих. По мнению разработчиков, обязанности фабриканта должны заключаться в предоставлении рабочим надлежащих условий работы и в уплате заработка, обязанности рабочих должны состоять в надлежащем исполнении работы. Озеров И.Х., освящая эти проекты, считал, что все добавочные, возлагаемые на фабриканта заботы, как то: о больницах, жилищах, школах, кассах, старостах и др. могут лишь обострять отношения между рабочим и предпринимателем, поскольку они становятся обязательными и, естественно, порождают разногласия, споры между работниками и хозяином, который эти обязанности не выполняет полностью или частично [5, с. 274].

Кроме того, Озеров И.Х. отмечал, что есть страна, где введены примирительные учреждения (фабричные комитеты), постановления которых пользуются силой судебного решения, это – Новая Зеландия [6, с. 151].

В начале мая 1917 г. Министерством труда Временного правительства была предпринята попытка в законодательном порядке решить ряд вопросов, связанных с возникновением и разрешением трудовых споров. Так, был разработан ряд законопроектов: проект трудовой инспекции (комиссии) труда, проект создания примирительных камер на паритетных началах для разрешения трудовых конфликтов.

Но несмотря на это, в дореволюционной России так и не сложились ни специальные суды для разрешения споров, возникающих из трудовых отношений, ни примирительные камеры [2, с. 22]. Введение специализированных судов неоднократно проектировалось, но проекты не доходили до законодательных органов. Роль судебных решений в дореволюционной России как источника внутреннего правопорядка промышленных предприятий в некоторой степени выполняла административная практика.

После Октябрьской революции 1917 г. административное вмешательство при рассмотрении трудовых споров приняло особенно широкие размеры. По мнению Талы Л.С., граница между законодательными и административными актами почти совершенно сгладилась (это проявлялось в том, что не только комиссариаты труда, но и другие органы власти, особенно Советы рабочих и солдатских депутатов, издавали постановления, а иногда даже решали возникающие конкретные вопросы, не считаясь с действующими законами) [3, с. 159].

В середине 1918 г. Наркомтруд провел реорганизацию конфликтных органов, созданных в Министерстве труда Временного правительства. Органы НКТ рассматривали значительное количество конфликтов на почве установления

размеров заработной платы и расчета рабочих при увольнении.

18 мая 1918 г. был опубликован декрет СНК РСФСР об инспекции труда. Перед инспекцией труда ставились задачи охраны труда и здоровья всех лиц, занятых какой бы то ни было хозяйственной деятельностью. Инспекторы труда были наделены большими полномочиями для борьбы с нарушениями трудового законодательства: они имели право наложения штрафов за непринятие мер по охране труда, за нарушение законов о труде, а также право привлекать к суду злостных нарушителей трудового законодательства. Инспекторы труда избирались советами профсоюзов и утверждались губернскими отделами труда. Инспекция труда находилась в ведении Народного комиссариата труда и его органов на местах. Всю работу инспекция труда проводила в тесном контакте с профсоюзными организациями.

В послереволюционный период в законодательстве о труде сначала не было законодательных актов, специально посвященных порядку разрешения трудовых споров. На предприятиях и в учреждениях стихийно, явочным порядком возникали примирительные камеры, третейские суды, конфликтные комиссии и другие органы аналогичного характера. Идея создания примирительных камер реализована законодателем в 1928 г. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР 29 августа 1928 г. были утверждены «Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов». К ведению примирительных камер были отнесены конфликты по вопросам заключения, изменения, дополнения и толкования коллективных договоров; конфликты, не получившие разрешения в расценочно-конфликтной комиссии по вопросам об установлении новых условий труда. Таким образом, законодателем был сделан важный шаг в разграничении видов трудовых споров: официально выделены коллективные трудовые конфликты, которые отличались от индивидуальных не только по содержанию, но и по органу их разрешения.

Под трудовыми конфликтами в этот период понимались не только разногласия отдельных работников и работодателей, но и стачки (забастовки), сопровождавшиеся прекращением работы и предъявлением определенных требований. Имели место итальянские забастовки (эта форма конфликта характеризуется тем, что приходившие на производство рабочие бездействовали); массовые собрания и митинги работающих (требования их участников обычно формулировались в выступлениях ораторов); демонстрации (связанные с трудовыми конфликтами); коллективные жалобы в вышестоящие инстанции и передача заявлений профсоюзов в суд; наконец, локауты – расчет рабочих предпринимателями (эта форма практиковалась в основном на частных предприятиях). Индивидуальные трудовые

споры были своего рода отзвуком коллективных трудовых споров.

Проблема трудовых конфликтов была снята Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.) и в определенном смысле во время восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Личные трудовые интересы рабочих и служащих были пропагандой отодвинуты на второй план. Всякая попытка противопоставить личное общественному, государственному подвергалась не только моральному, но и правовому осуждению – до применения мер уголовной ответственности.

Советские ученые того времени утверждали, что в СССР нет экономических причин для возникновения трудовых споров (как коллективных, так и индивидуальных) в связи с тем, что отсутствует антагонизм экономических интересов. В СССР якобы экономические интересы работника и работодателей совпадают. Так, Соболев А.И. в своих трудах относительно экономических причин возникновения трудовых конфликтов утверждал, что «отсутствие основных, объективных экономических причин для возникновения трудового конфликта, а именно отсутствие в советской социалистической системе ведения хозяйства частной собственности на средства производства, всеобщая всенародная собственность на них, в том числе и на результаты труда всего трудового коллектива и отдельных его рабочих, открытое, справедливое распределение этих результатов по труду – вот главные причины невозможности возникновения трудовых конфликтов в СССР по экономическим причинам» [7, с. 24].

В литературе этих лет подчеркивалось, что нарушение законов о труде (это считалось основной причиной трудовых споров) влечет за собой «помимо гражданской, также и уголовную ответственность». Длительный период в правосознании советских граждан формировалось положение о том, что уголовная ответственность, наряду с другими мероприятиями советской власти, обеспечивает неуклонное соблюдение законов о труде. Уголовная ответственность рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений, а также за прогул без уважительной причины была отменена только в 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий из учреждений и за прогул без уважительной причины» [8].

Следует отметить, что КЗоТ РСФСР 1922 г. содержал раздел XVI «О разрешении трудовых конфликтов и рассмотрении дел о нарушениях законов о труде». Затем было принято Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 29 августа 1928 г., которым были утверждены Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов. Однако ни статьи КЗоТ, ни Постановление не содержали определения понятия трудового спора. Более

того, в действующем в то время законодательстве о труде не упоминались понятия «трудовой спор», «разногласия». Законодатель, а вслед за ним и судебная практика использовали для регулирования спорных социально-трудовых отношений термины «трудовой конфликт», «дело о нарушении законов о труде».

Возникновение трудовых споров в этот период советские ученые (философы и трудовики) видят прежде всего в неправильном толковании отдельными руководителями норм трудового социалистического законодательства. «Значительное улучшение организационно-партийной и идеологической работы на местах, особенно с руководящим составом социалистических предприятий, преодоление ограничений внутривластной демократии, развитие критики и самокритики – вот пути решения задачи о коренном устранении трудовых конфликтов на социалистическом предприятии. Только правильное сочетание партийно-политической и хозяйственной работы, работа с кадрами, повышение роли партийных организаций в хозяйственной деятельности предприятия, руководство и управление профессиональными союзами рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции позволит за достаточно короткое время улучшить ситуацию в сфере труда» [9, с. 42].

С принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1957 г., которым было утверждено Положение о порядке рассмотрения трудовых споров, термин «трудовые конфликты» был изменен на «трудовые споры» [10, ст. 58].

В советской юридической литературе в 50–60-е годы прошлого века трудовые споры стали трактовать как разногласия между рабочими, служащими или их представителями, с одной стороны, и администрацией предприятий (учреждений) – с другой, по поводу установления или применения уже установленных трудовым законодательством условий труда [11, с. 36].

Определения трудового спора, которые давали советские ученые в этот период, были, с одной стороны, ограничены социалистической терминологией (так, любой работник охватывался понятием «рабочий и служащий» именно как «наемный работник»), с другой стороны, перегружены идеологическими принципами. Одним из наиболее удачных определений трудового спора того времени является определение Головановой Е.А.: это неурегулированные разногласия, возникающие между субъектами правоотношений, регулируемых трудовым правом, в связи с применением законодательства о труде, коллективных и трудовых договоров, установлением или изменением условий труда рабочих и служащих, неурегулированных нормативными актами, и разрешаемые в установленном законом порядке [12, с. 9].

Науке советского трудового права было известно и более развернутое определение трудовых конфликтов. Трудовые споры в СССР – это: а) разногласия, возникающие между рабочими и

служащими, с одной стороны, и администрацией предприятий, учреждений – с другой, по вопросам, связанным с применением законодательства о труде, коллективного договора, правил внутреннего трудового распорядка и иных актов нормативного характера, а также с исполнением трудового договора (трудовые споры искового характера); б) разногласия между профсоюзным комитетом, с одной стороны и администрацией предприятия, учреждения – с другой, связанные с установлением или изменением условий труда, которые не регулируются в централизованном порядке, а определяются по соглашению между администрацией и ФЗМК (трудовые споры неискового характера) [13, с. 509].

Следует отметить, что Конституция СССР (ст. 57) обязывала все государственные органы, общественные организации и должностных лиц уважать личность, охранять права и свободы граждан. Статья 58 Конституции предусматривала право граждан на судебную защиту и их право обжаловать действия должностных лиц. Порядок обжалования действий должностных лиц устанавливался Положением о порядке рассмотрения трудовых споров, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. Однако Положение регулировало рассмотрение споров, возникающих лишь из трудовых правоотношений и только по применению трудового законодательства. Оно не определяло порядок рассмотрения иных трудовых споров.

В данный период в литературе отмечалась еще одна особенность трудового спора, отличающая его от обычного разногласия работника с предприятием. Трудовые споры – это разногласия между работниками и администрацией предприятия, которые оказались не урегулированными при непосредственных переговорах рабочего или служащего с администрацией и стали предметом разбирательства в органах, которым это право предоставлено по закону [14, с. 19].

Эта особенность в последние годы исследовалась учеными достаточно подробно. Подчеркивалось, что трудовой спор – такая разновидность разногласий, вытекающих из трудовых правоотношений, для разрешения которых необходимо участие уполномоченных на то органов [15, с. 43].

Кроме того, к концу 70-х и началу 80-х годов XX века сложилась четкая тенденция, что трудовой спор – это спор правовой, который рассматривает уполномоченный на то правовой орган и решает его в установленном законодательством процессуальном порядке. Трудовой спор вне рамок трудовой процедуры не существует и начинается в тот момент, когда заинтересованная сторона с целью разрешения спора обратилась с заявлением в юрисдикционный орган, уполномоченный возбудить соответствующую процедуру.

В юридической и учебной литературе имеются различные понятия трудовых споров. Так, Смолярчук В.И. считал, что спор возникает как

определенное состояние субъективного материального права, а затем перерастает в процессуальное явление. В этой связи автор выделяет два понятия: неурегулированные разногласия и трудовые споры. Это разные по своей природе явления. До обращения за разрешением разногласия в компетентные органы спора еще нет. Трудовой спор возникает тогда, когда неурегулированное разногласие становится предметом рассмотрения специального юрисдикционного органа [16, с. 12].

Рядом авторов предпринималась попытка широкой трактовки трудовых споров. Так, Абрамова А.А., Бегичев Б.К., Зайкин Л.Д. предложили считать трудовыми спорами неантагонистические разногласия, возникающие между субъектами не только трудового правоотношения, но и тесно связанных с ним правоотношений на почве применения условий труда, предусмотренных в нормах трудового законодательства, в коллективном и трудовом договорах, или установления, изменения условий труда, которые не регулируются в централизованном порядке [17, с. 433].

Несмотря на то что ученые стали всесторонне изучать проблемы индивидуальных трудовых споров, давать определение, законодатель не спешил дать четкое определение понятию «индивидуальный трудовой спор». Так, КЗоТ 1971 года не дал понятия «индивидуальный трудовой спор».

Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» дал определение коллективного трудового спора (ст. I). Определение индивидуального трудового спора следовало из содержания Положения о порядке рассмотрения трудовых споров (п.12), утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. (Ведомости Верховного Совета СССР, 1974 г., № 22).

По мнению Лушниковой М.В., исследование этого понятия имело важное значение как в теоретическом, так и в практическом аспекте для правильного избрания способа защиты прав и интересов субъектов трудовых отношений. Изу-

чение понятия трудового спора в первую очередь затрагивает юридическую природу трудового спора [18, с. 7].

В настоящее время Трудовой кодекс РФ (принят 30 декабря 2001 г.) в статье 381 легально закрепляет понятие индивидуального трудового спора. Индивидуальный трудовой спор – неурегулированное разногласие между работодателем и работником по вопросам применения законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, трудового договора, о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров.

Индивидуальным трудовым спором также признается спор между работодателем и лицом, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим работодателем, а также лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с работодателем в случае отказа работодателя от заключения такого договора [19, ст. 381].

Тем самым Трудовой кодекс РФ подобным закреплением данного понятия как бы подвел итог длившимся долгие годы в науке дискуссиям по этому поводу.

Следует отметить, что Трудовой кодекс Республики Беларусь (принятый в 1999 году, вступивший в действие с 1 января 2000 г., с изменениями от 20 июля 2007 г.) не содержит отдельной статьи, определяющей понятие трудового спора. Глава 17 Трудового кодекса Республики Беларусь регулирует разрешение индивидуальных трудовых споров, т.е. показывает существование процедурных правоотношений при возникновении индивидуальных трудовых споров. Следовательно, Закон определяет процедуру регулирования индивидуального трудового спора, но не дает понятия «индивидуальный трудовой спор». Возникает вопрос, как можно регулировать (или разрешать) то, что не определено Законом? По мнению автора, следует внести дополнения в главу 17 Трудового кодекса Республики Беларусь, дополнив ее статьей по аналогии с Трудовым кодексом Российской Федерации – «Индивидуальный трудовой спор».

ЛИТЕРАТУРА

1. Микулин, А.А. Фабричная инспекция в России 1882–1906 гг. / А.А. Микулин. – Киев, 1906.
2. Митрохина, Н.В. Первые нормативные акты Советской власти о рассмотрении трудовых споров / Н.В. Митрохина // История государства и права. – 2000. – № 4.
3. Таль, Л.С. Очерки промышленного рабочего права / Л.С. Таль. – М.: Московское научное издательство, 1918.
4. Святловский, В. Обзор новейших успехов фабричной гигиены / В. Святловский. – Чернигов, 1892.
5. Озеров, И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы / И.Х. Озеров. – М., 1906.

6. Озеров, И.Х. Из жизни труда: сборник статей. Статьи по рабочему вопросу / И.Х. Озеров. – М.: Издание Д.С. Горшкова, 1904.
7. Соболев, А.И. Организация и идеологическая работа партии в трудовых коллективах / А.И. Соболев. – М.: Политиздат, 1969.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий из учреждений и за прогул без уважительной причины.
9. Кучкин, А.П. Организация партийной работы на социалистическом предприятии / А.П. Кучкин. – М.: Политиздат, 1950.
10. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – №4.
11. Караваев, В. Разрешение трудовых споров: комментарий / В. Караваев, Р. Кафтановская, Р. Лившиц. – М.: Госюриздат, 1960.
12. Голованова, Е.А. Трудовые споры в СССР. Порядок их рассмотрения. Ч. 1. / Е.А. Голованова. – Пермь, 1969.
13. Трудовое право: Энциклопедический словарь / под ред. С.А. Иванова. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
14. Ключев, Л.А. Трудовые споры / Л.А. Ключев, А.В. Маврин. – М.: Профиздат, 1978.
15. Смолярчук, В.И. Укрепление законности в трудовых отношениях и трудовые споры / В.И. Смолярчук // Советское государство и право. – 1970. – № 8.
16. Смолярчук, В.И. Законодательство о трудовых спорах / В.И. Смолярчук. – М., 1961.
17. Советское трудовое право / под ред. Б.К. Бегичева, А.Д. Зайкина. – М.: Юрид. лит., 1985.
18. Лушникова, М.В. Трудовые споры в СССР / М.В. Лушникова. – Ярославль, 1991.
19. Трудовой кодекс Российской Федерации. – М., 2006.

РАЗДЕЛ VI

|| ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

БЕЗОПАСНОСТЬ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

И. П. МАНКЕВИЧ

Развитие генной инженерии – новый источник возникновения экологической опасности. Исходя из этого, автор исследует международные нормы, проводит сравнительный анализ национальных основ правового регулирования безопасности генно-инженерной деятельности. Автор отмечает, что именно правовые нормы могут стать тем фактором, который, с одной стороны, стимулирует дальнейшее развитие генно-инженерной деятельности, с другой стороны – способствует минимизации возможных неблагоприятных последствий использования генно-инженерных организмов на человека и окружающую среду в целом.

Стремительное развитие генетической инженерии и широкое внедрение в практику ее достижений в последние десятилетия XX столетия вывели проблему обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности в число глобальных проблем современности. Развитие генной инженерии рассматривается как новый источник возникновения экологической опасности [1, с. 591].

Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» запрещает применение, разведение и использование растений, животных, не свойственных естественным экологическим системам, а также созданных искусственным путем без разработки мер по предотвращению их вредного воздействия на естественные экологические системы, получения положительных заключений соответствующих экспертиз или разрешений в соответствии с законодательством Республики Беларусь [2, ст. 49].

Практическое использование современных биотехнологий требует надлежащего правового регулирования этой достаточно новой сферы общественных отношений. При этом во внимание следует принимать не только прогрессивные последствия развития генетической инженерии (новые возможности лечения болезней, борьбы с голодом, защиты окружающей среды и др.), но и риски возможных вредных воздействий генно-инженерных организмов на здоровье, жизнь человека, состояние окружающей среды. Именно правовые нормы могут стать тем фактором, которые, с одной стороны, стимулируют дальнейшее развитие данного направления, с другой стороны – способствуют минимизации возможных неблагоприятных последствий использования генно-инженерных организмов на человека и окружающую среду в целом.

Впервые вопрос правового закрепления и регулирования генно-инженерной деятельности

был затронут на международном уровне в Конвенции о биологическом разнообразии, подписанной 5 июня 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по окружающей среде и устойчивому развитию (ратифицирована Республикой Беларусь 10 июля 1993 г.). Целью данной Конвенции является сохранение и устойчивое использование биотехнического разнообразия, совместное получение на равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов. Вопросы, имеющие отношение к генной инженерии, распределены Конвенцией по четырем основным группам: доступ к генетическим ресурсам; передача биотехнологий; распределение выгод, связанных с использованием генной инженерии; безопасность [3].

Для достижения безопасности в генно-инженерной деятельности Конвенция предлагает ряд специальных мер для принятия на национальном и международном уровнях. Каждая сторона должна по мере возможности применять средства регулирования, контроля или ограничения риска, связанного с использованием или выпуском «генетически измененных организмов, являющихся результатом генной инженерии, которые могут иметь вредные экологические последствия» [3].

В развитие положений Конвенции 29 января 2000 г. в Монреале (Канада) был подписан Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии – первый международный документ, регулирующий торговые отношения между странами в сфере генно-модифицированных организмов (ГМО) [4]. Цель Протокола заключается в содействии обеспечению надлежащего уровня защиты в области безопасной передачи, обработки и использования живых измененных организмов, являющихся результатом применения современной биотехнологии и способных оказать неблагоприятное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия, с учетом рисков для здоровья человека и с обращением особого внимания трансграничному перемещению. Присоединение к Картахенскому протоколу создает предпосылки для создания национальной системы биобезопасности, которая является важнейшим атрибутом эффективного и безопасного использования достижений современных биотехнологий, развития генетической инженерии как одного из наиболее перспективных научных направлений. Таким образом, мировое сообщество в ходе многолетних обсуждений разработало международные соглашения в области безопасности генно-инженерной деятельности. Наряду с Конвенцией о биологическом разнообразии и Картахенским протоколом в данной сфере действуют документы, принятые ЮНЭП, ВТО и другими международными организациями.

Система правового регулирования использования генно-модифицированных организмов, представленная специальными национальными

законами или руководствами и правилами, хорошо развита в США, Канаде, Австралии, Японии, Китае. Республика Беларусь входит в число стран, присоединившихся к Картахенскому протоколу в 2002 году. Республиканскими органами государственного управления, ответственными за выполнение Картахенского протокола по биобезопасности, определены: Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды – в части функций, связанных с высвобождением живых измененных организмов в окружающую среду; Министерство сельского хозяйства и продовольствия и Министерство здравоохранения – в части функций, связанных с использованием живых измененных организмов в хозяйственной деятельности. Ответственным за связь с Секретариатом Конвенции о биологическом разнообразии по вопросам биобезопасности определен Институт генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси, выполняющий функции Национального координационного центра биобезопасности [5].

Присоединившись к Картахенскому протоколу, Республика Беларусь взяла на себя обязанность разработать и создать национальную систему безопасности генно-инженерной деятельности, важнейшие положения которой нашли отражение в Законе Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» (2006 г.) [6]. Однако нормы Закона не распространяются на отношения, связанные с применением генетической инженерии к человеку, его органам и тканям, обращением с лекарственными средствами, продовольственным сырьем и пищевыми продуктами, кормами для животных, полученными из генно-инженерных организмов или их компонентов.

В Законе впервые раскрыто содержание важнейших понятий, которые имеют значение для правильного формирования и развития нормативной правовой базы в данной сфере отношений. Согласно ст. 1 Закона безопасность генно-инженерной деятельности – состояние защищенности, достигаемое посредством выполнения мер, направленных на предотвращение или снижение до безопасного уровня возможных вредных воздействий генно-инженерных организмов на здоровье человека и окружающую среду при осуществлении генно-инженерной деятельности [6].

Наравне с основными понятиями Закон раскрывает принципы обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности, определяет объекты и субъекты отношений в области безопасности генно-инженерной деятельности, устанавливает меры по обеспечению безопасности генно-инженерной деятельности, разграничивает деятельность при проведении работ с генно-инженерными организациями по уровням риска. Следует отметить, что в Законе закрепляется применение международной классификации, включающей четыре уровня риска генно-инженерной деятельности, которой придерживается

большинство стран мира [1, с. 592]. Достаточно подробно в Законе раскрыты вопросы организации и проведения государственной экспертизы безопасности генно-инженерных организмов, способы их хранения, транспортировки, обезвреживания. Статьи 22 и 23 Закона раскрывают содержание принципа доступа к информации в области безопасности генно-инженерной деятельности [6].

С целью более детального регулирования наиболее значимых вопросов в развитие Закона был принят ряд нормативных правовых актов, составляющих основу формирующейся национальной системы правового регулирования безопасности генно-инженерной деятельности: Положение о порядке проведения государственной экспертизы безопасности генно-инженерных организмов и примерных условиях договоров, заключаемых для ее проведения [7]; Положение об экспертном совете по безопасности генно-инженерных организмов [8]; Положение о порядке и условиях предоставления информации из информационного банка данных о генно-инженерных организмах [9]; Инструкция о порядке проведения оценки риска возможных вредных воздействий генно-инженерных организмов на окружающую среду [10].

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим осуществление работ с непатогенными генно-инженерными организмами, является постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 17 августа 2006 г. № 50 «О требованиях безопасности к замкнутым системам при осуществлении работ первого уровня риска генно-инженерной деятельности» [11]. Данный документ устанавливает определенные требования к помещениям, лабораториям, оборудованию, персоналу, организации работ, которые должны предотвратить несанкционированное высвобождение генно-инженерных организмов.

Порядок выдачи разрешений на высвобождение непатогенных генно-инженерных организмов в окружающую среду для проведения испытаний определен Советом Министров Республики Беларусь. Требования этого документа распространяются на любые генотипы генно-инженерных растений, созданные в Республике Беларусь и предназначенные для высвобождения в окружающую среду для проведения испытаний, а также на сорта генно-инженерных растений, завозимые в Республику Беларусь [12].

Одной из важнейших мер по обеспечению безопасности генно-инженерной деятельности, предусмотренных в законодательстве, является установление юридической ответственности [4, ст. 5]. Законом Республики Беларусь от 18 мая 2007 г. внесен ряд дополнений в административ-

ное и уголовное законодательство [13]. Статья 15.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях дополнена ответственностью за нарушение правил безопасности производства, хранения, использования, транспортировки, захоронения и иного обращения с генно-инженерными организмами. Аналогичные дополнения внесены в статью 278 УК, установившую ответственность за нарушение правил безопасности производства, хранения, использования, транспортировки и иного обращения с генно-инженерными организмами при наличии административной преюдиции.

Таким образом, международные договоры, к которым присоединилась Республика Беларусь, а также принятое в 2006 году специальное законодательство Республики Беларусь достаточно четко регламентируют вопросы обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности, начиная от создания генно-инженерных организмов до их официального допуска к использованию в хозяйственных целях и привлечения к ответственности лиц, виновных в неправомерных действиях с генно-инженерными организмами.

Однако представляется, что законодательство в сфере обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности нуждается в дальнейшем совершенствовании. В связи с этим можно выделить ряд направлений. Осуществление контроля и руководства деятельностью по обеспечению биобезопасности возложено сразу на три министерства. При этом потенциал Института генетики и цитологии НАН явно не исчерпывается возложенными на него функциями, что говорит о целесообразности передачи большинства функций в сфере управления генно-инженерной деятельностью именно этому учреждению, а за приведенными выше министерствами оставить лишь право контроля.

Рассматривая генно-инженерную деятельность как потенциально опасную для окружающей среды, представляется необходимым в целях государственного учета формирование реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих данный вид деятельности.

Открытым остается вопрос о сфере действия положений Закона «О безопасности генно-инженерной деятельности». Учитывая правила нормотворчества, вышеуказанный Закон должен содержать базовые положения о применении генетической инженерии к человеку, его органам и тканям, об обращении с лекарственными средствами, продовольственным сырьем и пищевыми продуктами, кормами для животных, полученными из генно-инженерных организмов или их компонентов, которые регулируются специальным законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крассов, О.И. Экологическое право: учебник / О.И. Крассов. – М.: Дело, 2001. – 768 с.
2. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь, 17 июля 2002 г., № 126-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 85. – 2/875.
3. Конвенция о биологическом разнообразии: Конвенция от 5.03.1992 // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 27. – ст. 347.
4. Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии: Протокол от 29.01.2000 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
5. О мерах по реализации положений Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 5 июня 2002 г., № 734 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 67. – 5/10573.
6. О безопасности генно-инженерной деятельности: Закон Республики Беларусь, 9 января 2006 г., № 96-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 9. – 2/1193.
7. Об утверждении положений о порядке проведения государственной экспертизы безопасности генно-инженерных организмов и примерных условиях договоров, заключаемых для ее проведения, и выдачи разрешений на высвобождение непатогенных генно-инженерных организмов в окружающую среду для проведения испытаний: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 8 сентября 2006 г., № 1160 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 151. – 5/22922.
8. Об утверждении Положения об экспертном совете по безопасности генно-инженерных организмов Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь: постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, 17 августа 2006 г., № 52 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 145. – 8/14954.
9. Об утверждении Положения о порядке и условиях предоставления информации из информационного банка данных о генно-инженерных организмах: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 15 сентября 2006 г., № 1222 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 151. – 5/22949.
10. Об утверждении Инструкции о порядке проведения оценки риска возможных вредных воздействий генно-инженерных организмов на окружающую среду: постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, 29 августа 2006 г., № 55 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 150. – 8/15002.
11. О требованиях безопасности к замкнутым системам при осуществлении работ первого уровня риска генно-инженерной деятельности: постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 17 августа 2006 г. № 50 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 144. – 8/14952.
12. Об утверждении Положения о порядке выдачи разрешений на ввоз, вывоз или транзит условно патогенных и патогенных генно-инженерных организмов: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 16 августа 2006 г., № 1049 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 131. – 5/22764.
13. О внесении дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам установления ответственности за нарушение законодательства о безопасности генно-инженерной деятельности: Закон Республики Беларусь, 18 мая 2007г., № 231-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 123. – 2/1328.

РАЗДЕЛ VII

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ РАСКРЫТИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

А. В. МАЛАХОВ

Комплексное исследование проблемы раскрытия умышленного причинения тяжких телесных повреждений предполагает применение исторического метода. В связи с этим освещается процесс развития теоретических и правовых основ раскрытия преступлений данного вида. Анализ источников свидетельствует, что научный поиск велся, как правило, в рамках исследований проблем борьбы с преступлениями против личности, а именно против жизни и здоровья граждан, в связи с чем исследования обозначенной проблемы носили недостаточно дифференцированный характер. В наибольшей степени разработаны уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты; вопросы применения сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности в целях раскрытия умышленных тяжких телесных повреждений исследованы недостаточно полно.

Становлению и развитию теоретических основ раскрытия умышленного причинения тяжких телесных повреждений (далее – тяжкие телесные повреждения) в современном уголовно-правовом толковании данного вида деяний предшествовал исторический опыт человечества по борьбе с ними и прежде всего социально обусловленная необходимость защиты человека от противоправных посягательств на его жизнь и здоровье.

Процесс накопления определенных теоретических представлений и практических рекомендаций по раскрытию тяжких телесных повреж-

дений неразрывно связан с периодом появления норм права, устанавливающих противоправность деяний данного вида.

Первым сводом законов древнерусского государства, содержащим нормы, устанавливающие противоправность деяний, посягающих на жизнь и здоровье человека, а также порядок розыска преступника и формы такого розыска, является Русская Правда.

Нормы указанного источника права предусматривали не только ответственность за телесные повреждения, но и содержали сведения об их характере (ст. 2–7) (синяки, кровоподтеки,

утрата руки, ноги) и возможных орудиях причинения телесных повреждений (ст. 3) (жердь, ладонь, чаша, рог и др.) [1, с. 47–53].

В соответствии с Русской Правдой основными формами розыска преступника были «заклич», «свод», «гонение следа». Перечисленные формы розыска применялись по всем противоправным деяниям независимо от их вида. Особенностью рассматриваемого периода является то, что розыск преступника осуществлялся заинтересованной стороной – потерпевшим или общиной, так как специальных государственных органов и должностных лиц, его осуществляющих, не было.

Немного позже изменения в процессе розыска преступника получили закрепление в Судебнике 1497 г. Розыск преступников возлагался на специальных должностных лиц – недельщиков. В указанном источнике права впервые ставилась задача проводить розыск не только в случаях, когда становилось известно о преступлении, но и для выявления лиц, совершающих преступления, в числе которых – душегубы (убийцы) [2, с. 34].

В качестве отличительной особенности рассматриваемого периода следует отметить тот факт, что уровень развития общества и правовых норм не позволял на законодательном уровне разграничить убийство и телесные повреждения, повлекшие смерть, в связи с чем дальнейшее закрепление розыск преступников, совершивших данные деяния, получил в рамках норм применительно к убийствам.

На рубеже XV–XVI веков розыск преступников, в том числе убийц, был возложен на «губные избы» и «разбойный приказ».

Впоследствии нормы, регламентирующие ответственность за убийство и телесные повреждения, а также совершенствующие сыскную работу, получили закрепление в Соборном уложении 1649 г., Воинском артикуле (1715 г.) и других правовых актах. Примечателен в этом плане период правления Петра I, сопровождавшийся созданием самостоятельных специализированных полицейских органов – регулярной полиции, а также формированием правовой базы, регламентирующей деятельность этих органов, в том числе в части установления и розыска преступников, совершивших убийства. Значительное внимание было уделено нормативному закреплению негласных приемов и методов розыска [2, с. 43–50; 3, с. 8–13].

С принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных ответственность за причинение телесных повреждений получила качественно иное закрепление. Уложение содержало ряд статей, имеющих непосредственное отношение к охране здоровья человека, а именно: «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью». Предусматривалось три разновидности телесных повреждений: увечья, раны и иные расстройства здоровья. Увечья подразделялись на тяжкие и менее тяжкие.

Вместе с тем указанное Уложение имело ряд недостатков, в связи с чем в 1903 г. была утверждена его новая редакция – Уголовное уложение, в котором в главе «О телесном повреждении и насилии над личностью» содержалась развернутая система преступлений против здоровья человека, которая отличалась логичностью и последовательностью, соответствовала высокому уровню развития судебной медицины и юриспруденции, а потому позволяла решать самые различные задачи на правоприменительном уровне [4, с. 68–72].

Во второй половине XIX – первой четверти XX века резкий рост уровня преступности серьезно осложнил криминогенную обстановку. Прирост телесных повреждений в канун XX века (в сравнении с 60–70-ми гг. XIX века) стал опережать рост населения в семь раз [5, с. 54], что обусловило необходимость не только активизации борьбы с преступлениями данного вида, но и совершенствования приемов и методов сыскной работы на основании обобщения и анализа накопленного опыта. В связи с этим представляет интерес Закон от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части», в соответствии с которым для производства розыска по делам общеуголовного характера были образованы сыскные отделения, и Инструкция чинам сыскных отделений (1910 г.), закрепившая основным принципом работы сыскных отделений принцип специализации (линейный). В соответствии с Инструкцией специализация осуществлялась «по главным родам преступлений», в связи с чем в первую очередь выделялась группа (аналог современной линии тяжких преступлений в подразделениях уголовного розыска), в которую входили убийства, тяжкие телесные повреждения, разбой [5, с. 65; 6, с. 45–47], что, несомненно, заслуживает положительной оценки как с позиций повышения эффективности борьбы с преступлениями данной группы, так и накопления и обобщения соответствующего эмпирического материала.

После Октябрьской революции сыскная полиция царской России прекратила свое существование, однако Временное правительство все же было вынуждено воспользоваться ее практическим опытом при организации новых органов милиции, а также при раскрытии преступлений, в том числе и тяжких телесных повреждений.

5 октября 1918 г. была утверждена Инструкция (Положение) об организации отдела уголовного розыска, в соответствии с которой в целях борьбы с общеуголовной преступностью учреждались отделения уголовного розыска, а для руководства их деятельностью – Центральное управление уголовного розыска (Центророзыск).

За сравнительно короткое время – первая половина 1919 г. – Центророзыск подготовил и направил на места несколько десятков нормативных актов по различным проблемам организации и деятельности подразделений уголовного розыска, в том числе по раскрытию преступлений против личности [5, с. 75, 76].

С середины 20-х гг. прошлого столетия возникла потребность вооружения сотрудников аппаратов уголовного розыска научными методами борьбы с преступностью, в связи с чем Центро-розыск приобрел в некоторой степени статус научного штаба и центра повышения профессиональной квалификации сотрудников уголовного розыска. Образованный в Центро-розыске кабинет судебно-уголовной экспертизы стал первым научно-техническим подразделением в органах правопорядка [5, с. 79]. Немного позже на его базе был создан научно-технический отдел.

Важное значение для развития и становления теоретических основ раскрытия преступлений, в том числе против личности, имели труды работавшего в то время начальником научно-технического отдела, а впоследствии известного ученого И.С.Потапова [7, с. 19–28]. Значительный вклад внес и его коллега И.Н.Якимов – автор книги «Практическое руководство к расследованию преступлений», в одной из частей которой содержались методические указания по расследованию преступлений против личности [8, с. 42, 43]. Заслуживает особого внимания работа этого ученого «Криминалистика. Уголовная тактика», одна из глав которой была посвящена деятельности «розыскных работников» по предупреждению и пресечению преступлений. Впервые данный вид деятельности рассматривался в оперативно-розыскном и криминалистическом аспектах [8, с. 46].

Вопросы, касающиеся понятия телесных повреждений, их классификации и разграничения от других смежных составов преступлений, рассматривались в работах известных юристов М.М.Гродзинского, А.А.Жижиленко, А.С.Никифорова, С.В.Познышева, Н.С.Таганцева, И.Л.Фойницкого и др.

В 1930–1940 гг., несмотря на развитие учебной базы – училищ, школ, курсов первоначального обучения и повышения профессионального мастерства сотрудников уголовного розыска и внедрение в практику борьбы с преступностью научных методов и технических средств, научные исследования проблем борьбы с преступностью значительного развития не получили, так как основные усилия органов правопорядка были направлены на укрепление тоталитарного режима. Накопленный к тому времени практический опыт обобщался преимущественно в ведомственных нормативных актах, циркулярах и других документах.

В послевоенные годы наряду с решением кардинальных народно-хозяйственных задач общегосударственное значение приобрели также проблемы борьбы с преступностью и особенно с тяжкими преступлениями, в том числе против жизни и здоровья граждан. В связи с этим с целью укрепления правопорядка в стране принимаются меры по подготовке кадров сотрудников уголовного розыска и совершенствованию их профессиональной подготовки, возобновляются научные исследования.

Проблема борьбы с тяжкими телесными повреждениями в указанный период времени привлекала внимание различных ученых и нашла отражение в трудах В.С.Бурдановой, А.П.Филиппова, Е.Н.Быстрякова, В.В.Козлова, Л.Д.Гаухмана, П.А.Дубовца, А.А.Пионтковского, О.С.Викторова и других. Указанными авторами рассматривались вопросы эффективности уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за причинение тяжких телесных повреждений и пути его совершенствования, а также проблемы повышения эффективности расследования уголовных дел по преступлениям данного вида.

Вопросы организации и тактики раскрытия тяжких телесных повреждений с использованием негласных сил, средств и методов наиболее активно начали исследоваться немного позже, после образования в 1956 г. кафедры оперативной работы в Высшей школе МВД СССР, а в научно-исследовательском институте милиции – отдела по обобщению практики оперативных аппаратов и исследованиям в данной области. Становлению и развитию взглядов на рассматриваемую проблему способствовали труды А.И.Алексеева, В.М.Атмажитова, В.Г.Боброва, Б.Е.Богданова, Д.В.Гребельского, И.А.Климова, А.Г.Лекаря, В.А.Лукашова, С.С.Овчинского, Г.К.Синилова, В.Г.Самойлова, Б.П.Смагоринского и других ученых, основные усилия которых в то время были сконцентрированы на разработке общей теории оперативно-розыскной деятельности, определении ее предмета и методологических основ [9, с. 163].

Вопросы совершенствования деятельности подразделений уголовного розыска по раскрытию преступлений против жизни и здоровья граждан активно рассматривались на семинарах и совещаниях практических сотрудников [10], находили свое отражение в ведомственных нормативных актах [11] и специальных программах [12; 13].

В 1975–1978 гг. в целях обобщения передового опыта и распространения теоретических представлений по проблеме борьбы с тяжкими телесными повреждениями было издано учебно-практическое пособие «Расследование преступлений против личности, порядка управления и общественной безопасности» [14], а также сборник научных трудов «Проблемы борьбы с преступлениями против личности и общественного порядка» [15]. Особый интерес в указанных изданиях представляют труды Г.Г.Зуйкова, А.М.Ларина, Г.М.Резника, М.А.Шостака.

Проблемы расследования тяжких телесных повреждений исследовал в указанный период времени и В.А.Ледащев [16]. В подготовленном автором учебном пособии внимание уделено телесным повреждениям, совершенным на почве бытовых отношений.

Отдельные вопросы раскрытия тяжких телесных повреждений, исследуемые с позиций теории ОРД, в 80-е гг. прошлого столетия были

освещены в публикациях, вошедших в сборник научных трудов «Деятельность подразделений органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию тяжких преступлений против личности» [17]. Один из авторов, А.С.Альжанов, обращал внимание на некоторые вопросы документирования преступных действий лиц, подозреваемых в тяжких преступлениях против личности. А.П.Дронов, Л.М.Репкин и В.Ф.Усенко поднимали проблему взаимодействия сотрудников уголовного розыска и следователей при раскрытии данного вида преступлений. С.Ж.Галиев акцентировал внимание на проблеме совершенствования оперативной разработки по тяжким преступлениям против личности. Г.Г.Куур рассматривал некоторые вопросы применения сил, средств и методов ОРД в отношении задержанных (арестованных) лиц, подозреваемых в причинении тяжких телесных повреждений.

Значительный вклад в разработку проблем совершенствования борьбы с тяжкими телесными повреждениями внесли Д.Н.Назарбаев, У.Д.Джураев – авторы учебного пособия «Предотвращение и раскрытие умышленных телесных повреждений» [18].

Немного позже, в 1986 г., У.Д.Джураев на диссертационном уровне исследовал вопросы совершенствования деятельности ОВД применительно к преступлениям данного вида и убийствам, совершенным по бытовым мотивам [19].

Проблема взаимосвязи потерпевшего и преступника, а также ее использования при раскрытии тяжких телесных повреждений исследовалась В.В.Вандышевым [20; 21]. Ученым рассматривались вопросы использования сведений о потерпевшем в ходе планирования работы по раскрытию преступления, при выдвижении следственных и оперативно-розыскных версий.

Предупреждению и раскрытию тяжких телесных повреждений посвящены отдельные работы В.А.Лукашова [22; 23, с. 90–99], С.С.Овчинского и К.М.Тарсукова [24, с. 86–110], в которых авторы рассматривают характеристику преступлений данного вида, а также некоторые организационно-тактические особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Необходимо также отметить, что в указанный период времени исследования проблем борьбы с тяжкими телесными повреждениями, в том числе на диссертационном уровне, занимались и ученые в области криминалистики. Способам сокрытия преступлений против жизни и здоровья посвящена кандидатская диссертация А.Г.Гельманова [25], проблемы расследования телесных повреждений исследовали М.Г. Матвеев [26], Р.С.Мана [27].

В 90-е гг. прошлого столетия вопросы борьбы с тяжкими телесными повреждениями нашли отражение в работах Г.А.Дымова, А.А.Закатова, С.А.Смирнова, Б.П.Смагоринского [28; 29], в которых рассматривались некоторые особенности раскрытия и расследования тяжких преступлений против личности. Особого внимания заслу-

живает изданное под редакцией А.В.Дулова и Н.И.Порубова пособие «Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти» [30].

Подводя итог становлению и развитию научных взглядов прошлого столетия на рассматриваемую проблему, необходимо отметить, что исследование вопросов борьбы с тяжкими телесными повреждениями в указанный период времени происходило, как правило, в рамках исследований преступлений против личности, а именно против жизни и здоровья граждан, в связи с чем исследования обозначенной нами проблемы носили недостаточно дифференцированный характер.

Полагаем, это вполне закономерно, так как тяжкие телесные повреждения, убийства и некоторые другие преступления против личности образуют так называемое «ядро» общеуголовной преступности. Вместе с тем, опираясь на анализ практической деятельности органов внутренних дел и, в частности, подразделений уголовного розыска, представляется, что в современных условиях назрела необходимость расчленения данного «ядра» на отдельные части (элементы) и их обособленного исследования в целях выработки научно обоснованных рекомендаций применительно к раскрытию конкретного вида преступлений и противодействия им на качественно новом уровне.

С началом нового тысячелетия, в условиях социальных и экономических преобразований, а также повышения профессионализма и организованности преступности проблема защиты жизни и здоровья граждан от противоправных посягательств приобрела особую актуальность, что предопределило необходимость совершенствования существующих форм и методов предупреждения и раскрытия преступлений данного вида, а также основные направления дальнейшего научного поиска.

Вопросы борьбы с тяжкими преступлениями против личности, в том числе и с тяжкими телесными повреждениями, исследуются учеными нашей страны и ближнего зарубежья как в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, так и криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности и других наук.

В рассматриваемом контексте значительный вклад в науку внесли Ю.М.Антонян, С.В.Бородин, И.И.Басецкий, А.И.Бородулин, Р.С.Белкин, А.В.Варданян, А.В.Дулов, А.Н.Ильяшенко, Л.Н.Калинкович, Д.А.Корецкий, А.В.Куликов, Ю.Ф.Кваша, В.А.Лукашов, В.П.Мамонов, Э.Ф.Побегайло, Н.И.Порубов, С.В.Расторопов, С.А.Рожков, Е.Г.Самовичев, Е.В.Филимонов, В.Б.Шабанов, В.П.Шиенок.

Вместе с тем анализ специальной и научной литературы свидетельствует, что на современном этапе теоретические представления по проблеме раскрытия тяжких телесных повреждений получили наибольшее развитие в трудах российских исследователей.

Применительно к исследованию вопросов применения негласных сил, средств и методов особого внимания заслуживает учебное пособие коллектива авторов в составе Е.Г.Самовичева, Е.В.Филимонова, А.В.Куликова «Организация оперативно-розыскной деятельности криминальной милиции территориальных органов внутренних дел по борьбе с убийствами и умышленным причинением вреда здоровью» [31], в котором рассматриваются отдельные организационно-тактические особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном и последующем этапах, а также монография А.В.Варданяна «Оперативно-розыскные меры по раскрытию тяжких преступлений против личности» [32]. В последней работе автором уделено внимание использованию методик построения психолого-криминалистического портрета преступника, а также особенностям раскрытия тяжких преступлений против личности в зависимости от мотива их совершения.

Актуальность проблем борьбы с тяжкими телесными повреждениями предопределила необходимость их дальнейшего исследования и с позиций криминалистики. Полагаем, в этом плане научные достижения ученых-криминалистов в последние годы значительно превосходят результаты соответствующих исследований в теории ОРД.

Подтверждение тому – защита в 2003–2006 гг. кандидатских диссертаций О.В.Беспечным [33], Л.А.Лях [34], Ф.А.Терещуком [35], А.В.Юровских [36], в которых рассматриваются различные аспекты расследования уголовных дел по факту причинения тяжких телесных повреждений, предлагаются научно обоснованные рекомендации по совершенствованию тактики производства отдельных следственных действий и расследования в целом.

Таким образом, систематизируя результаты ретроспективного анализа становления и развития научных взглядов по проблеме раскрытия тяжких телесных повреждений, можно заключить, что они образуют определенную теоретическую систему, положения которой в настоящее время используются в деятельности по предупреждению и раскрытию преступлений данного вида.

Вместе с тем вполне очевидно, что в наибольшей степени разработаны криминалистические, криминологические и уголовно-правовые аспекты обозначенной проблемы. Вопросы же применения сил, средств и методов ОРД в целях раскрытия тяжких телесных повреждений исследовались фрагментарно и недостаточно полно, а отдельные из них, которые с достаточной степенью уверенности могут быть отнесены нами к наиболее важным, в теории ОРД не затрагивались. Немаловажен и тот факт, что в современных условиях отдельные суждения теряют свою актуальность, а появляющиеся новые проблемные вопросы требуют своего научного и практического разрешения.

В связи с этим с учетом современного состояния теории и практики раскрытия подразделе-

ниями уголовного розыска тяжких телесных повреждений полагаем возможным в качестве перспективных направлений дальнейших научных исследований в теории ОРД выделить следующие:

разработка структуры и содержания оперативно-розыскной характеристики тяжких телесных повреждений;

выработка научно обоснованных рекомендаций по организации и тактике раскрытия тяжких телесных повреждений на первоначальном и последующем этапах;

определение специфических особенностей применения сил, средств и методов ОРД по факту тяжких телесных повреждений и выработка на их основе научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию практической деятельности подразделений уголовного розыска;

разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию тяжких телесных повреждений;

выработка научно обоснованных предложений, направленных на повышение эффективности деятельности подразделений уголовного розыска по раскрытию тяжких телесных повреждений, в том числе по совершенствованию информационного обеспечения.

Таким образом, на основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Со времен раннего средневековья посягательства на жизнь и здоровье человека относились к категории преступных. Существовавшие в древнерусском государстве нормы права закрепили в качестве самостоятельного преступного посягательства причинение телесных повреждений, что обуславливало необходимость установления и розыска лиц, их совершивших, а также явилось предпосылкой становления и развития специальных государственных органов, призванных вести борьбу с ними.

2. История практической деятельности правоохранительных органов свидетельствует, что борьба с тяжкими телесными повреждениями велась не только уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами, но и негласными приемами и методами. В связи с этим становлению и развитию научных взглядов на проблему раскрытия тяжких телесных повреждений в теории ОРД предшествовал длительный период практической деятельности уголовного сыска (впоследствии – розыска), в течение которого необходимые теоретические знания о применении негласных сил, средств и методов развивались на эмпирическом уровне, что создавало благоприятные условия для научных исследований.

3. Анализ специальной литературы свидетельствует, что в наибольшей степени разработаны криминалистические, криминологические

и уголовно-правовые аспекты проблемы борьбы с тяжкими телесными повреждениями. Вопросы же применения сил, средств и методов ОРД в целях раскрытия тяжких телесных повреждений исследовались фрагментарно и недостаточно полно, преимущественно в рамках исследований проблем раскрытия преступлений против личности в целом или против жизни и здоровья граждан, в связи с чем научное осмысление обо-

значенной нами проблемы носило недостаточно дифференцированный характер. Предложенные направления исследований являются, на наш взгляд, наиболее актуальными с позиции разрешения теоретико-прикладных проблем теории ОРД и требуют дальнейших научных изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
2. Федоров, А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / А.В. Федоров, А.В. Шахматов. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. – 338 с.
3. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 794 с.
4. Расторопов, С.В. Уголовное законодательство об ответственности за причинение вреда здоровью человека. Сравнительный анализ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовного уложения 1903 г. / С.В. Расторопов // Закон и право РФ. – 2004. – № 8. – С. 89.
5. Полубинский, В.И. Уголовный розыск в России: монография / В.И. Полубинский. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – 158 с.
6. Елинский, В.И. История уголовного сыска в России (X–начало XX в.): учеб. пособие / В.И. Елинский. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 79 с.
7. Белкин, Р.С. История советской криминалистики. Формирование частных криминалистических теорий (1940–е–1950–е годы): учеб. пособие / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М.: НИИРИО Акад. МВД СССР, 1983. – 78 с.
8. Белкин, Р.С. История советской криминалистики. Этап возникновения и становления науки (1917–1930–е годы): учеб. пособие / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М.: НИИРИО Акад. МВД СССР, 1982. – 71 с.
9. Шматов, М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук (по материалам органов внутренних дел): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / М.А. Шматов. – Волгоград, 2000. – 367 с.
10. Пути и формы дальнейшего совершенствования организационной работы аппаратов уголовного розыска по предотвращению и раскрытию умышленных убийств: материалы Всесоюз. совещания–семинара работников аппаратов уголовного розыска МВД–УВД, специализирующихся в работе по предотвращению и раскрытию умышленных убийств. – М., 1972. – 245 с.
11. По усилению борьбы с тяжкими преступлениями против жизни и здоровья граждан: Приказ МВД СССР, 29 июня 1979 г.
12. Программа деятельности органов внутренних дел по усилению борьбы с тяжкими преступлениями против жизни и здоровья граждан на 1979–1980 годы. – М.: МВД СССР, 1979. – 27 с.
13. Программа совершенствования деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений против жизни и здоровья граждан на почве семейных и бытовых отношений на 1982–1985 годы. – М.: МВД СССР, 1981. – 32 с.
14. Расследование преступлений против личности, порядка управления и общественной безопасности: учеб.-практ. пособие. – Киев: НИИРИО КВШ МВД СССР, 1975. – 207 с.
15. Проблемы борьбы с преступлениями против личности и общественного порядка: сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1978. – 147 с.
16. Ледащев, В.А. Расследование и предупреждение телесных повреждений, причиненных на почве бытовых отношений: учеб. пособие / В.А. Ледащев. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977. – 56 с.
17. Деятельность подразделений органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию тяжких преступлений против личности: сб. науч. тр. – Караганда, 1984. – 124 с.
18. Назарбаев, Д.Н. Предотвращение и раскрытие умышленных телесных повреждений: учеб. пособие / Д.Н. Назарбаев, У.Д. Джураев. – Ташкент: НИИРИО Ташкентской ВШ МВД СССР, 1981. – 56 с.
19. Джураев, У.Д. Совершенствование деятельности ОВД по предупреждению убийств и тяжких телесных повреждений, совершаемым по бытовым мотивам (по материалам ОВД Узбекской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / У.Д. Джураев. – М.: Акад. МВД СССР, 1986. – 19 с.

20. Вандышев, В.В. Реализация виктимологической характеристики причинения умышленных тяжких телесных повреждений при выдвигении версий / В.В. Вандышев // Предупреждение преступлений аппаратами уголовного розыска: сб. науч. тр. – Омск: ОВШМ МВД СССР, 1985. – 144 с.
21. Вандышев, В.В. Связь «жертва – преступник» и ее использование в раскрытии и расследовании умышленных тяжких телесных повреждений: учеб. пособие / В.В. Вандышев. – Л.: ЛВК МВД СССР, 1987. – 96 с.
22. Лукашов, В.А. Предупреждение и раскрытие умышленных убийств и тяжких телесных повреждений: лекция (для слушателей и курсантов учебных заведений МВД СССР) / В.А. Лукашов; МВД СССР, управление учеб. заведений и науч.-исслед. учреждений. – М., 1984. – 57 с.
23. Штейнбрик, Б.Я. Предупреждение и раскрытие преступлений аппаратами уголовного розыска: учеб. пособие / Б.Я. Штейнбрик, В.А. Лукашов. – М.: АМ МВД СССР, 1987. – 352 с.
24. Предупреждение и раскрытие преступлений аппаратами уголовного розыска: курс лекций. – М.: БЮЗШ МВД СССР, 1988. – 344 с.
25. Гельманов, А.Г. Сущность, криминалистическое значение и методы установления способа сокрытия преступлений против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Гельманов. – М.: Акад. МВД СССР, 1983. – 20 с.
26. Матвеев, М.Г. Расследование умышленного нанесения телесных повреждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.Г. Матвеев. – Свердловск, 1985. – 24 с.
27. Мана, Р.С. Расследование и предупреждение убийств и причинения тяжких телесных повреждений (по материалам НДРЙ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р.С. Мана. – М., 1985. – 24 с.
28. Дымов, Г.А. Организация оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями против личности: учеб. пособие / Г.А. Дымов, С.А. Смирнов. – М.: Акад. МВД СССР, 1990. – 8 с.
29. Особенности расследования тяжких преступлений (руководство для следователей) / под ред. Б.П. Смагоринского, А.А. Закатова. – Волгоград, 1995. – 22 с.
30. Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти: пособие для следователей / под ред. А.В. Дулова, Н.И. Порубова. – Минск: НИИ ПКК и СЭ, 1995. – 364 с.
31. Самовичев, Е.Г. Организация оперативно-розыскной деятельности криминальной милиции территориальных органов внутренних дел по борьбе с убийствами и умышленным причинением вреда здоровью: учеб. пособие / Е.Г. Самовичев, Е.В. Филимонов, А.В. Куликов. – Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2003. – 84 с.
32. Варданыан, А.В. Оперативно-розыскные меры по раскрытию тяжких преступлений против личности: монография / А.В. Варданыан. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – 100 с.
33. Беспечный, О.В. Теоретические и практические проблемы расследования преступлений, связанных с причинением вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.В. Беспечный. – Барнаул, 2003. – 241 с.
34. Лях, Л.А. Первоначальный этап расследования умышленного причинения тяжкого вреда здоровью опасного для жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л.А. Лях. – Краснодар, 2005. – 191 с.
35. Терещук, Ф.А. Особенности расследования насильственных преступлений с летальным исходом потерпевшего в больнице: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф.А. Терещук. – Владивосток, 2006. – 201 с.
36. Юровских, А.В. Расследование умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Юровских. – Сургут, 2005. – 249 с.

В. И. СТЕПАНЕНКО

Понятие «классификация» является межотраслевым институтом всего законодательства, а «классификация осужденных» в период исполнения наказания в виде лишения свободы – институтом уголовно-исполнительного права, который для достижения целей наказания позволяет проводить классификацию осужденных по различным основаниям.

Наиболее широкое применение в науке и практике нашла классификация осужденных по степени исправления исходя из позитивной и негативной направленности их поведения. Степень исправления рассматривается в качестве наиболее важного многоаспектного основания классификации осужденных, а поведение осужденного в период отбывания наказания – как основание для отнесения его к определенной группе, выделяемой в зависимости от степени исправления.

В связи с отсутствием единства мнений по вопросу соотношения понятий «дифференциация», «индивидуализация», «классификация» и «классифицирование», что служит поводом для дискуссии в науке уголовно-исполнительного права, считаем уместным начать решение данной проблемы с рассмотрения и определения указанных дефиниций.

В словарях русского языка и иностранных слов дается практически тождественное определение понятия «дифференцировать» как расчленять, различать отдельное, частное, выделять составляющие элементы при рассмотрении, изучении чего-либо [1, с. 209; 2, с. 136].

В Словаре иностранных слов приводится следующее определение понятия «индивидуализация»: выделение личности или особи по ее индивидуальным свойствам; принятие во внимание особенностей каждого индивидуума [2, с. 234].

Рассмотрение вопроса определения понятий «классификация осужденных» и «классифицирование», следуя логике исследования, необходимо начать с определения данных понятий в словарях, поскольку единый подход в теории уголовно-исполнительного права к определению данных понятий отсутствует.

Так, Словарь иностранных слов определяет эти понятия следующим образом: классификация – система соподчиненных понятий (классов, объектов, явлений) в какой-либо отрасли знания, составленная на основе учета общих признаков объектов и закономерных связей между ними; классификация позволяет ориентироваться в многообразии объектов и является источником знания о них; классифицирование – распределение тех или иных объектов по классам (отделам, разрядам) в зависимости от их общих признаков, фиксирующее закономерные связи

между классами объектов в единой системе данной отрасли знания [2, с. 281].

В Словаре русского языка С.И. Ожегова данные понятия толкуются следующим образом: классифицировать – распределять по группам, разрядам, классам; классификация – 1. (см. классифицировать); 2. система, по которой что-либо классифицировано [1, с. 224].

Как известно, слово «классификация» происходит от латинского *classis* – разряд, класс; то есть система соподчиненных понятий (классов, объектов, явлений) какой-либо области знания или деятельности человека, которая используется прежде всего как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов. Более высокой является научно обоснованная классификация, которая выражает систему законов или закономерностей, присутствующих отображенной в ней области действительности.

Можно выделить естественные классификации, основанием которых выступают существенные признаки объектов, и искусственные классификации, в которых используются второстепенные признаки, так называемые вспомогательные классификации.

Следовательно, классифицирование – это прежде всего деятельность по распределению тех или иных групп объектов по разрядам с учетом общих и частных признаков, отображающая и фиксирующая закономерную совокупность элементов между группами в единой системе конкретной отрасли знания.

Классификация может быть проведена по совокупности признаков или отдельным элементам (основаниям) между группами в отдельно взятой отрасли знания или ее части. Применительно к проводимому научному исследова-

нию – это классификация осужденных, ранее отбывавших лишение свободы. С одной стороны, осужденный как личность обладает совокупностью качеств и свойств, присущих конкретному индивиду (пол, возраст, образование и др.), то есть речь идет о социально-демографической характеристике личности осужденного. С другой стороны, наоборот, совокупностью иного характера свойств – уголовно-правовая характеристика (количество судимостей, характер преступления, срок наказания и др.); уголовно-исполнительная характеристика (отношение осужденного к уголовному наказанию, воспитательной работе, труду, его поведение, количество поощрений и взысканий и т.д.).

Так, Н.А.Стручков применительно к проблемам уголовно-исполнительного права следующим образом определял эти понятия и их соотношение: «...классификация, проводимая среди осужденных к лишению свободы, многоступенчата и динамична. Она предполагает далее, уже в процессе исполнения наказания и применения мер исправительно-трудового воздействия, изменение правового положения осужденных, микросреды, варьирование средств и методов воспитания. Поэтому, чтобы «дойти» до решения этих задач, необходимо в несколько этапов классифицировать осужденных с учетом объективно характеризующих их признаков» [3, с. 21, 22], что, в свою очередь, предполагает классификацию осужденных по различным основаниям.

Следовательно, «выполнение наказанием его социальной роли в области предупреждения преступности требует, как уже говорилось, дифференцированного воздействия на осужденных, ведущего в конечном счете к индивидуализации наказания при его назначении и исполнении» [3, с. 34]. Далее автор поясняет, что «индивидуализировать наказание в зависимости лишь от количественного элемента недостаточно. Для достижения цели наказания важно, чтобы раскрывалась и качественная его сторона» [3, с. 34].

Н.А.Стручков логически верно считает, что классификация «многоступенчатая» и «динамична». Думается, что «многоступенчатость» классификации предполагает определенную ее иерархию: вначале классификация осужденных при назначении наказания судом, затем наличие классификации осужденных при исполнении наказания в исправительных колониях. И в одном, и в другом случае суд и администрация исправительного учреждения руководствуются как общими критериями (пол, возраст, число судимостей и т.д.), так и частными (определение срока наказания в одном случае, в другом – применение мер поощрения или взыскания).

«Динамичность» классификации в процессе назначения и исполнения наказания заключается в возможном изменении правового положения осужденного в зависимости от его поведения. В этом и есть основное отличие «классификации» от «дифференциации» и «индивидуализации»,

что позволяет сделать вывод о самостоятельности каждого из этих понятий.

Вместе с тем В.А.Уткин отождествляет понятия «классификация» и «дифференциация». С одной стороны, «дифференциация (классификация) осужденных проводится также в пределах одного учреждения», а с другой стороны, он считает, что понятие «дифференциация» шире по объему понятия «классифицирование». Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания, по его мнению, лишь частично предполагают классификацию, а именно «как распределение их (осужденных) на относительно однородные группы». В то же время он выделяет «индивидуализацию» в самостоятельное понятие, означающее «изменение объема уголовно-правовой кары в зависимости от поведения осужденного» [4, с. 66, 67].

Примерно такую же позицию в решении вопроса исследуемых понятий занимает А.В.Бриллиантов. Исследуя понятия классификации и дифференциации, он приходит к выводу о том, что «указанные понятия (с учетом сказанного о классификации и классифицировании) являются синонимами. Действительно, классификация – это система однородных внутри себя, но различных по отношению друг к другу однородных групп, а дифференциация – это система различных между собой, но однородных внутри по определенным признакам групп. То есть, по существу, оба понятия означают одно и то же явление» [5, с. 9].

А.И.Зубков применительно к понятию «классификация» выделяет лишь классификационные группы осужденных, которые, с одной стороны, находятся между процессом дифференциации осужденных, осуществляемым на разных этапах и в зависимости от различных оснований: «с учетом возраста; состояния здоровья; наличия семьи; родственников; возможности досрочного (в любой форме) освобождения; наличия профессии и т.д.». С другой стороны, в процессе индивидуализации, по мнению А.И.Зубкова, изучаются личность осужденного, его основные характеристики в том числе, положительные и отрицательные качества [6, с. 17].

Мнение М.П.Мелентьева в понимании классификации, дифференциации и индивидуализации неоднозначно в том, что понятие «классификация осужденных» является содержанием норм уголовного права, а остальные два понятия относятся к уголовно-исполнительному праву: «Если классификация осужденных осуществляется на основании норм уголовного права, то дифференциация и индивидуализация исполнения наказания и средств исправления производится на основании норм уголовно-исполнительного права» [7, с. 41].

Кроме дифференциации и индивидуализации в период исполнения наказания имеет место и классификация осужденных по различным основаниям, связанным прежде всего с поведением осужденного в период отбывания наказания,

то есть, другими словами, сам М.П.Мелентьев признает наличие классификации и в уголовно-исполнительном праве: «Достижение цели исполнения наказания в виде лишения свободы во многом зависит от научно обоснованной классификации и дифференциации осужденных» [7, с. 717].

Наиболее четко проводит грань отличия классификации от дифференциации и индивидуализации И.В.Шмаров, рассматривая дифференциацию и индивидуализацию как самостоятельные принципы уголовно-исполнительного права: «Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания представляет собой отражение межотраслевых принципов отраслей законодательства, регулирующих борьбу с преступностью – дифференциации и индивидуализации ответственности и социальной справедливости» [8, с. 47].

В результате проведенного анализа научной литературы по вопросу соотношения понятий «классификация», «дифференциация» и «индивидуализация» можно сделать вывод, что понятие «классификация» является межотраслевым институтом всего законодательства, а «классификация осужденных» в период исполнения наказания – институтом уголовно-исполнительного права, который для достижения целей наказания позволяет проводить классификацию осужденных по различным основаниям (пол, возраст и т.д.) в соответствии с уголовно-правовой характеристикой осужденных.

Основной целью применения наказания и иных мер уголовной ответственности (ст. 7 УИК Республики Беларусь) является исправление осужденных. Следовательно, необходимо знать, в какой степени кто из них исправился и на какой стадии исправления находится. Наличие гибкой классификации по степени исправления позволило бы в процессе исполнения наказания рационально регулировать исправительное воздействие как на положительно, так и отрицательно характеризующихся осужденных. Более того, в зависимости от поведения осужденного можно было бы менять интенсивность уголовно-исполнительного воздействия до получения положительного результата – исправления осужденного.

Наиболее широкое применение в науке и практике нашла классификация осужденных по степени исправления исходя из позитивной и негативной направленности их поведения. У каждого осужденного в различной степени выражен свой стиль поведения, направленный в положительную или отрицательную сторону.

Степень исправления является наиболее важным многоаспектным основанием классификации осужденных, а поведение осужденного в период отбывания наказания определяет основания для отнесения его к определенной группе, выделяемой в зависимости от степени исправления.

Прежде всего необходимо определить основные требования к классификации осужденных по степени исправления. Она должна: носить на-

учно обоснованный характер; иметь единые критерии (основания); отвечать запросам практики исправительных учреждений; учитывать совокупность личностных свойств и качеств каждого осужденного или особенностей различных групп осужденных; использовать имеющиеся методики, существующие в других отраслях знаний.

Определяя требования к классификации осужденных по степени исправления, необходимо уделить большее внимание критериям (основаниям), позволяющим определять степень исправления, а следовательно, отнесение осужденного к той или иной группе. Многолетняя практика применения критериев исправления и научный анализ используемых в законе терминов позволяют не испытывать особых трудностей при отборе показателей, которые дают возможность судить о каждом из критериев исправления.

Под такими критериями следует понимать поведение осужденного в период отбывания наказания, отношение к другим членам общества и к самому обществу, к труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. Именно эти критерии являются обязательными при отнесении осужденных к любой степени исправления. Кроме того, есть ряд и других показателей, которые учитываются при оценке степени исправления конкретного осужденного, например, элементы социально-педагогической характеристики осужденных.

Поэтому в литературе было предложено деление всех показателей исправления на две группы, юридическое значение которых различно: обязательные и факультативные.

К числу обязательных предлагается «относить те, которые непосредственно характеризуют указанные в законе критерии – примерное поведение и честное отношение к труду (а в установленных случаях – и поведению)», к числу факультативных – все прочие [9, с. 72]. Оценивая это предложение, внесенное в 1981 году, следует отметить, что значения своего они не потеряли и в настоящее время, ибо наиболее полно характеризуют степень исправления осужденного. Конечно, в каждом конкретном случае с учетом личности осужденного значимость каждого из показателей меняется, но в целом руководствоваться этим предложением можно.

В Курсе лекций по уголовно-исполнительному праву В.А.Уткин дает определение понятия классификации осужденных следующим образом: «...это их разделение на относительно однородные группы в соответствии с избранными критериями и целями исполнения наказания. Посредством классификации достигается дифференциация осужденных, различных по социально-демографическим признакам, степени их общественной опасности, характеру и тяжести совершенных ими преступлений» [10, с. 10].

В.А.Уткин разделяет основания классификации на фактические и юридические. К юридиче-

ским автор относит законы и подзаконные нормативные акты, значительная часть которых предусмотрена в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Фактические основания традиционно подразделяются на социально-демографические, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные. Последние автор связывает в первую очередь с поведением осужденного в период отбывания наказания. Однако он не определяет, каким образом, исходя только из поведения осужденного в период отбывания наказания, его (осужденного) можно отнести к той или иной группе, принятой в науке и используемой на практике классификации осужденных по степени исправления.

Почти на протяжении трех десятилетий в науке уголовно-исполнительного права исследовалась проблема определения степени исправления осужденного в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Вместе с тем до настоящего времени продолжают существовать разные точки зрения по данной проблеме, что обусловило различные варианты ее решения.

Так, часть исследователей пыталась классифицировать по степени исправления только положительно характеризующихся осужденных, выделяя самостоятельные группы по различным критериям [11, с. 31, 38, 46]. Однако некоторые ученые в принципе возражали против классификации только положительно характеризующихся осужденных.

Например, М.П.Мелентьев и И.В.Шмаров отмечают, «что такая классификация не является полной. Она не учитывает осужденных, которые ведут себя отрицательно» [12, с. 43]. Известно, что в отношении не всех осужденных достигаются цели наказания. Поэтому данное определение не учитывает группы осужденных, характеризующихся отрицательно. Поведение осужденного в период отбывания наказания в виде лишения свободы может изменяться как в положительную, так и отрицательную сторону.

Вместе с тем, определяя интенсивность уголовно-исполнительного воздействия на конкретного осужденного в зависимости от его поведения, необходимо учитывать наличие ряда факторов, которые могут оказывать на него негативное влияние (отрицательное влияние со стороны злостных нарушителей, наличие длительного срока лишения свободы, потеря социально полезных связей: распад семьи, смерть близких родственников).

Следовательно, изменяется совокупность критериев оценки поведения осужденного как индивидуального показателя степени его исправления, что позволяет воздействовать уголовно-исполнительными средствами на его поведение в нужном направлении [13, с. 21].

Большинство исследователей предлагает такие системы классификаций по степени исправления, которые охватывают всех осужденных в зависимости от характера их поведения: как положительного, так и отрицательного.

В качестве примера приведем лишь некоторые из них.

И.М.Перков выделяет следующие группы осужденных: «1) трудноисправимые, 2) становящиеся на путь исправления, 3) вставшие на путь исправления, 4) твердо вставшие на путь исправления, 5) доказавшие свое исправление» [13, с. 26].

Ф.Р.Сундуrow выделяет следующие классификационные группы осужденных: а) доказавшие свое исправление; б) твердо вставшие на путь исправления; в) вставшие на путь исправления; г) не вставшие на путь исправления; д) злостные нарушители режима [14, с. 59].

О.И.Бажанов, предлагая классификацию осужденных «по признаку исправленности», отмечает, что «наличие такой классификации является обязательным условием для правильного и четкого функционирования всей рассматриваемой системы». Он ранжирует группы осужденных следующим образом: 1) осужденные, вставшие на путь исправления; 2) осужденные, твердо вставшие на путь исправления; 3) осужденные, доказавшие свое исправление; 4) нарушители режима; 5) злостные нарушители режима [15, с. 82–85].

А.В.Маслихин дает несколько иную классификацию осужденных: а) вставшие на путь исправления; б) твердо вставшие на путь исправления; в) примерным поведением и честным отношением к труду доказавшие свое исправление. Осужденные с отрицательной направленностью поведения тоже подразделяются на следующие типологические группы: а) нарушающие требования режима; б) злостно нарушающие требования режима или упорно не желающие встать на путь исправления [16, с. 74].

Как видим, большинство из указанных авторов в построении классификации осужденных по степени исправления исходят из положительной или отрицательной направленности их поведения.

Еще в 1969 году такой подход к классификации осужденных по степени исправления, исходя из направленности их поведения, рассматривали А.С.Михлин и А.А.Новиков. Они предложили всех отбывающих наказание осужденных разделить на четыре группы: положительно характеризующиеся: доказавшие свое исправление, вставшие на путь исправления; отрицательно характеризующиеся; не вставшие на путь исправления, злостные нарушители режима [17, с. 67].

Дальнейшая разработка классификации осужденных по степени исправления нашла свое отражение в науке уголовно-исполнительного права и практической деятельности пенитенциарных учреждений.

Проблема классификации осужденных по степени исправления актуальна, многоаспектна и сложна, но ее решение крайне необходимо для практики. Научно разработанная классификация осужденных по степени исправления будет способствовать качеству работы с осужденными в период отбывания наказания, а также с лицами, освобожденными от его отбывания, позитивно скажется на состоянии рецидивной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Юрид. лит., 1988. – 750 с.
2. Современный Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
3. Стручков, Н.А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особенной части / Н.А. Стручков. – М.: Юрид. лит., 1985. – 256 с.
4. Уткин, В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть / В.А. Уткин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 132 с.
5. Бриллиантов, А.В. Классификация осужденных в спецкомендатурах: учебное пособие / А.В. Бриллиантов. – М., 1992. – 72 с.
6. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. – М.: НОРМА, 1997. – 594 с.
7. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. – М.: Экспертное Бюро, 1997. – 976 с.
8. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. – М.: Юристъ, 2003. – 662 с.
9. Михлин, А.С. Оценка степени исправления осужденного / А.С. Михлин // Проблемы совершенствования законодательства, регулирующего исполнение наказания: сб. науч. тр. / ВНИИ МВД СССР. – М., 1981. – №58. – С. 72–81.
10. Уткин, В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Особенная часть / В.А. Уткин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 178 с.
11. Сизый, Л.Ф. Оценка степени исправления и перевоспитания осужденных / Л.Ф.Сизый, А.И. Васильев. – Рязань: Ряз. высш. шк. МВД СССР, 1986. – 85 с.
12. Шмаров, И.В. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях / И.В. Шмаров, М.П. Мелентьев. – Пермь, 1971. – 121 с.
13. Перков, И.М. Классификация осужденных к лишению свободы и распределению их по ИТУ: лекция / И.М. Перков. – Рязань, 1978. – 39 с.
14. Сундууров, Ф.Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей / Ф.Р. Сундууров. – Казань, 1976. – 158 с.
15. Бажанов, О.И. Прогрессивная система исполнения наказания / О.И. Бажанов. – Минск, 1981. – 167 с.
16. Исправительно-трудовое (уголовно-исполнительное) право: учебное пособие для учебных заведений МВД России / под ред. А.В. Маслихина. – Рязань, 1993. – 248 с.
17. Михлин, А.С. Критерии исправления / А.С. Михлин, А.А. Новиков // К новой жизни. – 1969. – № 5. – С. 67–75.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. И. ЯНКОВСКИЙ

Данная статья посвящена актуальной проблеме профилактики правонарушений несовершеннолетних. В работе рассмотрены факторы, влияющие на подростковую преступность в целом, а также становление системы профилактики правонарушений во времени – в царской России, советской Белоруссии и принимаемые меры в данном направлении в независимой Беларуси на современном этапе. Более подробно рассмотрены проблемы стратегии и тактики государства по борьбе с преступностью несовершеннолетних, которые не единожды меняли свою оценку и подходы: от жесткой и карательной до гуманной политики. Уделено внимание истории становления данного вида профессиональной деятельности, общим и специальным методам профилактики. Также выделены некоторые факторы, способствующие асоциальному поведению несовершеннолетних. Описан процесс формирования правосознания у подрастающего поколения.

Бесспорно, духовно-нравственное становление молодых людей оказывает существенное влияние на формирование их мировоззрения, ценностей, установок, идеалов. В статье затронута и данная тема.

Исследование открывает перспективу дальнейшей теоретической и практической разработки проблемы формирования правосознания, развития способностей, задатков и возможностей личности в процессе ее физического и духовного самосовершенствования.

Предупреждение преступности – одно из важнейших направлений деятельности государства. Непременное условие совершенствования борьбы с преступностью – это познание ее причин. Особое внимание в республике уделяется предупреждению преступности несовершеннолетних – контингента, от которого в значительной степени зависит как состояние преступности в целом, так и тенденции ее дальнейшего развития [9]. Необходимо отметить, что подростковая преступность представляет собой часть преступности в обществе, развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В то же время анализ должен быть направлен на выявление факторов и обстоятельств, значимых именно для преступности несовершеннолетних, позволяющих установить специфику и необходимые меры по ее предупреждению.

Первоочередной задачей в исследовании преступности несовершеннолетних является выявление факторов, оказывающих существенное влияние на формирование их личности и поведения. От того, как решается эта задача, в значительной мере зависит успешность мер по предупреждению данного вида преступности.

Результаты криминологических исследований последних лет со всей очевидностью свидетельствуют о высоком уровне подростковой преступности, а также о том, что большая часть преступлений совершается несовершеннолетними из неблагополучных либо неполных семей, подростками, занимающимися бродяжничеством, а также имеющими отклонения в психофизическом развитии. За последние годы значительно возросло количество подростков, злоупотребляющих спиртными напитками, токсическими и наркотическими веществами. Дети все чаще становятся жертвами преступлений, оказываются вовлеченными в противоправную деятельность.

В нашей республике практически четверть всего населения составляют дети. Будущее каждой нации и человечества в целом зависит от подрастающего поколения, поэтому любое общество с надеждой ожидает, что его дети вырастут достойными и ответственными гражданами, которые внесут весомый вклад в процветание страны.

Преступность и безнадзорность среди несовершеннолетних не являются новыми явлениями, возникшими в последние годы или десятилетия. В любом обществе были и есть молодые люди, поведение которых выходит за рамки закона. Безусловно, какие бы меры не принимало общество, искоренить такое социальное явление, как преступность, невозможно. Однако основная задача государства – свети к минимуму причины и условия, способствующие совершению человеком противоправного поступка.

Проблема воспитания подрастающего поколения стара как мир. К ней неоднократно обра-

щались З.А.Астемиров, Е.В.Болдырев, Н.И.Ветров, М.Н.Гернет, Ю.Б.Гербеев, З.Л.Индриков, Б.И.Куфаев, П.И.Люблинский, Г.М.Миньковский, Г.М.Свердлов, А.Я.Сухарев, Б.С.Утевский и др. Весьма объективны и глубоко проанализированы истоки образования системы государственных мер, направленных на борьбу с этим явлением, в монографиях Л.И.Беляевой, А.Г.Сапрунова, В.Д.Ермакова, Н.И.Крюковой, Э.Б.Мельниковой. Обстоятельно и многогранно показаны место и роль органов внутренних дел в эволюции системы профилактики правонарушений несовершеннолетних Г.И.Фильченковым.

Научные источники свидетельствуют, что формирование подходов к решению проблемы детской преступности, дифференциации ответственности и принятию мер к несовершеннолетним правонарушителям имеют глубокие исторические корни.

Первое исправительное заведение для несовершеннолетних правонарушителей на территории Российской империи было открыто в 1864 г. в Москве в домике, принадлежавшем Симоновскому монастырю.

Как следует из «Отчета о деятельности сыскного отделения Киевской городской полиции за 1906 год», из 220 несовершеннолетних, задержанных за совершение преступлений, 19 были «круглыми сиротами бесприютными», 85 – «полусироты бесприютные (дети домашней прислуги)», 28 – «дети нищих», 66 – «дети, бежавшие от родителей вследствие дурных наклонностей» и 20 – «дети арестантов». Кроме того, полицией были задержаны 112 несовершеннолетних «бродяг и праздношатающихся», а также 19 малолетних проституток.

Среди социальных причин подростковой преступности назывались пьянство, нищенство, бродяжничество, лень, страсть к приключениям, проституция. Основной же причиной преступности среди несовершеннолетних (как, впрочем, и сейчас) считалось «деморализующее влияние семьи» [11].

Несовершеннолетние преступники в Российской империи в отличие от европейских стран подвергались фактически тем же видам наказания, что и взрослые, а зачастую и содержались вместе.

Развитию системы оказания социальной помощи «трудным» детям способствовала разработка Закона «Об ответственности малолетних и несовершеннолетних». Основываясь на распространенном в тогдашнем обществе (абсолютно справедливом) мнении, что «зло легче предупредить, чем искоренить», он предусматривал следующие профилактические меры: 1. Просвещение. 2. Призрение бродячих бесприютных, сирот. 3. Пресечение деморализации крестьянского населения в городах. 4. Пресечение деморализации детей в семье. 5. Устранение детей из тюрем». Идя навстречу требованиям общественности, законодотворцы предусмотрели изменение характера и самой процедуры суда над несо-

вершеннолетними. Появление этого проекта высоко оценил VIII съезд представителей русских воспитательно-исправительных учреждений. «Особые суды для несовершеннолетних, – говорилось в решениях съезда, – ценное средство обеспечения более полного проведения воспитательно-исправительной работы». По закону 1897 г. исправительные приюты приобретали особое значение как формально единственная мера наказания за преступления, совершенные малолетними.

Изучение положительного опыта Западной Европы и США, потребности совершенствования судопроизводства и требования общественности привели в 1908 г. к созданию в Петербурге Комиссии по внедрению в городе особого суда для несовершеннолетних. В январе 1910 г. суд для несовершеннолетних был торжественно открыт в отдельном помещении. Общество патрона и Петербургский благотворительный тюремный комитет арендовали здание под общежитие на 100 мест для подростков, находящихся под судом и следствием.

В ведении суда находились дела о проступках несовершеннолетних и дела, где несовершеннолетний был объектом проступков (нанесение побоев, допущение к нищенству, разврату и т.д.). При суде состояло 5 штатных попечителей и еще 50 человек выполняли функции попечителей бесплатно. При поступлении дела в суд в их обязанности входили незамедлительный сбор сведений о ребенке, условиях его жизни и причинах проступка, участие в разборе дела и доклад судьбе. По сути дела, еще практически столетие назад в России была предпринята первая попытка создания ювенальной юстиции.

К 1913 г. особые детские суды открылись в Москве, Харькове и Варшаве. Делались попытки открыть их в Минске и Могилеве, но первая мировая война помешала этому. Подростков, совершивших преступления, помещали в специальные исправительные приюты.

Одной из основных проблем была малочисленность исправительных приютов и отсутствие мест в них. На практике ребенок, совершивший преступление, чаще оказывался в тюрьме. По данным за 1909 г. ^{3/} осужденных подростков содержались в тюрьмах. На всей огромной территории Российской империи существовало около 30 исправительных приютов, в то время как в Германии в тот период было 678 исправительно-воспитательных заведений данного типа.

Предпринимались попытки создать так называемые «особые помещения при тюрьмах или арестных домах для размещения несовершеннолетних преступников», но особого успеха они не имели. Практика далеко отстала от закона. Во всей России особые отделения для подростков имелись только в двух тюрьмах – Царскосельской и Московской. Зачастую подростки отбывали наказание вместе с взрослыми.

Благодаря стараниям Витебского губернского попечительного комитета о тюрьмах удалось от-

крыть отделение для малолетних арестантов на 37 человек в Витебском тюремном замке. В свободное от работы время (малолетние преступники трудились на тюремном огороде) священник тюремной церкви обучал арестантов грамоте и молитвам.

В обществе в то время активно пропагандировалась идея создания особых воспитательно-исправительных заведений для подростков, так как рецидив отмечался всего у 6–9 % выпускников исправительных приютов и колоний по сравнению с 96 % рецидива у отбывших наказание в тюрьме.

К концу XIX века во многих губернских городах были созданы воспитательно-исправительные приюты или колонии для несовершеннолетних, а некоторые имели общества исправительных приютов.

Первым в Беларуси было основано Могилевское общество исправительных и земледельческих колоний и приютов (1891 г.). Курировал его Министерство внутренних дел. По уставу общество должно было содействовать «нравственному исправлению несовершеннолетних лиц обоего пола, впавших в преступление и приговоренных судом к наказанию, приучая их вместе с тем к полезному труду». Однако, к сожалению, в связи с отсутствием должного опыта работы в данном направлении, общество очень быстро прекратило свое существование.

В 1909 г. была создана и успешно действовала Могилевская исправительная земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних. Число подростков, находившихся там, достигало 50 человек.

Аналогичную работу с беспризорными детьми проводило в Двинске Витебской губернии Общество призрения детей лиц, заключенных под стражу и бесприютных (1893 г.), 99% средств которого составляли пожертвования. Приюты для детей арестантов находились рядом с тюрьмами, с тем чтобы дети имели возможность регулярно видеться с родителями. До образования таких обществ и приютов дети арестованных жили в тех же тюремных камерах, что и родители, деля с ними не только скудный паек, но и на практике постигая жизнь и законы преступного мира.

В самом конце XIX века с помощью обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников были основаны исправительные колонии в Витебской (1896 г.) и Виленской (1898 г.) губерниях.

В обеих колониях проходили «нравственное исправление» несовершеннолетние с 11 до 16–18 лет, направленные туда по приговорам судов к наказанию «содержание под стражей». Исправление стремились проводить прежде всего на основе трудового воспитания и профессионального обучения. Попадали в колонии в основном за кражи и сбыт краденого (свыше 80 %), но были и осужденные за более тяжелые преступления.

72 % подростков, отбывавших наказание в исправительно-воспитательных заведениях, име-

ли «запоздалое» умственное и физическое развитие, 28 % – отягощенную наследственность, 50 % – были сиротами, 71,4 % – не умели читать и писать.

Порядки в колонии были строгими, но, по мнению большинства воспитанников, справедливые. По уставу их могли подвергнуть телесным наказаниям, что применялось крайне редко (например, за кражу). Провинившихся могли лишить права работать, что автоматически приводило к потере хоть и небольшого, но все же заработка.

Белорусские воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних, благотворительные союзы и общества, исходя из реальных условий и потребностей того времени, выработали вполне научные оперативные и превентивные меры борьбы с антиобщественными проявлениями, создали свою методику социальной работы с «трудными» детьми и подростками. Их деятельность давала стабильные положительные результаты в течение десятилетий. В Витебской, Могилевской и Виленской колониях работали лучшие педагогические кадры, был накоплен уникальный опыт, многое из которого применяется на практике и сегодня.

После революции Советская власть на первоначальном этапе государственного строительства отказалась от судебной юрисдикции по делам несовершеннолетних вовсе, образовав для рассмотрения такого рода дел соответствующие комиссии. Однако в 1920 г. Декретом от 4 марта было установлено, что дела о преступлениях несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет передаются в народный суд, если комиссия по делам несовершеннолетних пришла к выводу о невозможности применить к несовершеннолетним правонарушителям медико-воспитательные меры. Одновременно расширялась сеть названных комиссий. Согласно постановлению ЦИК и СНК БССР от 31 августа 1926 г. были образованы окружные комиссии по делам несовершеннолетних, которые действовали при окружных отделах народного образования. При Народном комиссариате просвещения БССР в целях централизации руководства этими комиссиями была образована Центральная комиссия по делам несовершеннолетних, сыгравшая немалую роль в борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних.

В годы тоталитарного режима постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» комиссии по делам несовершеннолетних были переданы в ведение общих судов с созданием специальных камер (участков) для рассмотрения дел подростков до 16 лет. Впрочем, и эти специальные составы народных судов существовали непродолжительное время, так как были упразднены Законом о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г., введившим унифицированные организационные формы судебной деятельности

страны. Это привело к отказу от специализации судей по рассматриваемой категории дел, резкому ухудшению качества судебного разбирательства, ослаблению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

В связи с ростом детской преступности в годы войны общесоюзным Наркоматом юстиции в 1943 г. были предприняты попытки восстановить названные камеры народных судов, однако они не увенчались успехом, и дела о преступлениях несовершеннолетних рассматривались по общим правилам судопроизводства. В 1960 г. во всех союзных республиках, в том числе и в БССР, были вновь восстановлены комиссии по делам несовершеннолетних, действующие до настоящего времени.

Долгие годы предложения о специализации судей по указанной категории дел и тем более о создании специализированных судов по делам несовершеннолетних не находили официальной поддержки в основном, как думается, из-за карательной направленности уголовной политики, а также опасения привлечь внимание к неблагополучию с детской преступностью. Только в 1989 г., когда началась «перестройка» и общество стало более открытым, а подростковая преступность продолжала расти, в общесоюзном законе – Основях законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве (ст. 23 ч. 3) – было предусмотрено, что законодательством союзных республик может быть установлено создание составов судов, специализированных для рассмотрения отдельных категорий дел, в том числе и дел о несовершеннолетних. Это оживило в какой-то мере научную мысль, и в 1990 г. в белорусской юридической литературе была высказана и обоснована идея о необходимости создания специализированных судов для рассмотрения дел в отношении подростков.

Эта идея нашла отражение в Концепции судебно-правовой реформы (1992 г.), а в 1993 г. Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» (ст. 31) прямо предусмотрел рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних специализированными судами.

Вышеназванные и принятые в последние годы другие документы важны среди обязательных и рекомендательных норм международного права. На их основе в отношении несовершеннолетних разработаны соответствующие нормы Гражданского, Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Беларусь, вступивших в силу в 1995–2001 гг.

Но специального кодекса, регламентирующего правоотношения, связанные с несовершеннолетними, нет. Однако жизненная потребность роста правовой культуры и знания основополагающих правоведческих норм в отношении несовершеннолетних бесспорны и роль в этом направлении белорусских ученых-криминологов, занимающихся этой проблемой, просто огромна.

Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних – система социаль-

ных, правовых и иных мер, которые направлены на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, совершению несовершеннолетними правонарушений или иных антиобщественных действий, и осуществляются в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

На современном этапе развития нашего государства все более возрастает ответственность личности перед обществом, повышается требовательность к организованности и дисциплине всех его членов. Данные положения нашли отражение в Конституции Республики Беларусь. «Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией».

Программная задача формирования нового человека непосредственно решается в процессе общественной и производственной жизни под воздействием всей системы воспитательной работы государственных и общественных организаций, в ходе глубочайших научно-технических, производственных, общественно-политических и культурных преобразований. Важное направление в решении этой задачи государство видит в воспитании молодежи, искоренении правонарушений в ее среде, борьбы с преступностью несовершеннолетних, как составной части охраны нравственного здоровья и развития подрастающего поколения.

Большое значение в координации деятельности республиканских органов государственного управления по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов имеет принятый 31 мая 2003 г. Закон Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в котором определены органы, учреждения и иные организации, осуществляющие профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также категории лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа.

Данный Закон и принятые в его развитие нормативные правовые акты в значительной мере укрепили законодательство, направленное на защиту прав и интересов детей.

Основу профилактической работы составляет формирование нравственной личности ребенка, для чего государство обязуется обеспечить максимально возможные условия. Именно таким образом государство стремится к предотвращению конфликта несовершеннолетних с законом на более ранней, предконфликтной стадии.

Государственные гарантии становления и развития будущих граждан реализуются по двум основным направлениям:

1) обеспечение социальных и экономических условий жизни несовершеннолетних;

2) предотвращение воздействия на несовершеннолетних негативных факторов, способствующих формированию их асоциального поведения.

По концепции Чарльза Кули, общепризнанной в современной социологии, основными силами, задействованными в процессе социализации, являются группы родства, соседства и ровесников, окружающих индивида с раннего детства. Основное назначение социализации – формирование в человеке «человеческой природы», выражающейся, по Кули, в симпатии, то есть чувствах любви, уважения, сочувствия к окружающим людям.

Точно так же, как ребенку для освоения языка необходимо постоянно «купаться» в океане человеческой речи, для восприятия азбуки и грамматики социального поведения ему требуется пребывать в потоках разнообразных жизненных образцов, ролей, знаков человеческого мира. Не виртуальных, а реальных потоках, где нет волшебных палочек и экранной легкости в преодолении препятствий. Ребенок должен постоянно ощущать сопротивление реального жизненного материала: видеть, что его поступок одобряется или осуждается, страдать и блаженствовать, переживать горе и радость... Без этого он не приобретет умения слышать и понимать других людей, сочувствовать им.

Азбуку и грамматику социального поведения невозможно объяснить, преподать как таблицу умножения или физический закон. Знания сами по себе не делают личности. Воспитание вообще не может осуществляться вне системы личностных, неформальных, доверительных отношений. Именно эти отношения поддерживают человека, воспитывают его и перевоспитывают, адаптируют к тем или иным условиям, формируют в нем установки и ценности. Для детей эти отношения необычайно важны и даже судьбоносны.

Процесс формирования первичных ценностных систем – вещь совершенно таинственная. В процессе воспитания есть какие-то моменты, непонятные и неведомые ни воспитателю, ни воспитуемому. Мы часто передаем ребенку совсем не то или не совсем то, что намеревались. В конечном счете воспитатель передает воспитуемому себя со всеми первичными ценностями, которые он сам когда-то получил такими же неисповедимыми путями от своих близких и которые довольно часто не осознает явно, хотя по мере возможности реализует всегда [8].

Эффективность процесса «передачи себя» воспитуемому в значительной мере зависит от повседневной психологической (эмоциональной, душевной) атмосферы, в которой находится ребенок. Кроме того, как мы отмечали выше, ему необходимы разнообразные жизненные образцы и роли взрослого мира, то есть контакты с близкими людьми разного пола и возраста. Это гораздо важнее для социализации ребенка, чем

образование, бытовые условия, достаток или бедность. Работники детских домов (точно так же, как и сотрудники воспитательных колоний) часто заявляют, что здесь их воспитанникам обеспечены условия, которых они в своей прежней жизни не имели. Но подавляющее большинство выпускников казенных приютов – люди с отклоняющимся поведением, среди них невероятно высока доля самоубийц и правонарушителей. Известен также феномен молодежных банд и группировок в городах, построенных на пустом месте (например, в Набережных Челнах, Россия), где были сконцентрированы люди одной возрастной группы, а семьи в лучшем случае состояли из родителей и детей, исключая бабушек и бабушек [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в стратегии и тактике государства по борьбе с преступностью несовершеннолетних не единожды менялись оценки и подходы, а жесткая карательная политика сменялась гуманистическими принципами. В результате только к началу XXI века в нашей стране сформулирована и получила законодательную основу идея построения эффективной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних после революции 1917 г. была упразднена и сформирована заново правящей партией применительно к новым политическим условиям на основе новых требований и подходов.

Использование ранее действующих форм и методов профилактики осуществлялось посредством различных подходов: от их полного отторжения до длительного использования отдельных из них.

Опыт профилактической работы советского государства, накопленный на различных этапах его развития и обусловленный конкретной социально-политической и экономической обстановкой, апробированные практикой формы и методы воспитательно-профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, беспризорными детьми и подростками содержали ряд важных положений, которые во многом впоследствии были утрачены. Это связано прежде всего с тем, что вся система профилактики, созданная в Беларуси после революции, строилась не на основе закона, а на основе партийных постановлений и решений. По этой причине советская система профилактики прекратила свое существование после того, как коммунистическая партия (общественная организация) перестала быть «руководящей и направляющей» силой государства. Таким образом, формирование эффективной современной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних возможно было лишь на основе специального законодательства.

Человечество, вступив в XXI век, особо озабочено решением проблем правовой и социальной защиты подрастающего поколения, поиском подходов, стратегий противодействий

беспризорности, наркомании и преступности среди несовершеннолетних. Проблемы эти актуальны для всего мирового сообщества, ищущего гуманно-нормативные меры по воздействию и профилактике преступности и воздействию на правонарушителей.

Несовершеннолетие – один из самых сложных периодов развития личности. Несмотря на относительную кратковременность, этот период практически определяет дальнейшую судьбу каждого человека, так как именно в подростковом возрасте преимущественно происходит завершение формирования характера и становление личности при активном влиянии социальной среды, ближайшего окружения и общества в целом.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, вероятнее всего надо исходить из того, что она представляет часть преступности в обществе и развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В связи с этим при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общекриминологические характеристики. В то же время анализ фактов надо направить на выявление факторов, обстоятельств, значимых именно для преступности несовершеннолетних, позволяющих установить ее специфику и необходимые меры воздействия.

Преступление – это социальное зло, а преступность несовершеннолетних – зло, увели-

ченное во много раз. И хотя процент осужденных судами несовершеннолетних в сравнении со взрослыми невелик, мириться с таким явлением, когда подростки совершают преступления, нельзя. Особенно это становится нетерпимым теперь, когда преобразование всех сторон бытия неизбежно и глубоко затрагивает вопросы культуры, духовной жизни. Нужно всеми силами бороться за каждого человека, чтобы никто не пропал для общества. В уголовном наказании заложена главная идея: исправить и перевоспитать несовершеннолетнего правонарушителя. Но ведь кто знает, каким он выйдет из воспитательно-трудовой колонии, станет ли на правильную дорогу. Вот почему необходимо вести активную предупредительную деятельность не только силами органов государственного принуждения, но и всей общественностью. Однако главная ответственность, конечно, лежит на семье. Смогли ли родители сделать для подростка дом родным или он бежит из него подальше от пьяного угара? А там, на улице, кто окажется с ним рядом, под чье влияние он попадет? Поэтому обществу нужно, чтобы семья была крепкой, здоровой, а родители занимались воспитанием детей не от случая к случаю, а каждодневно выполняли свой гражданский долг, были примером для дочерей и сыновей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедулина, Г.Ф., Григорьев, А.Д., Прочакова, И.И. Социально-педагогическая коррекция девиантного поведения подростка: Метод. пособие. – Мн., 2001.
2. Воспитание трудного ребенка: Дети с девиантным поведением: учеб.-метод. пособие / Под ред. М.И.Рожкова. – М.: ВЛАДОС, 2001.
3. Лунеев, В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика Российской академии наук В.Н. Кудрявцева – М.: НОРМА, 1997.
4. Майерс, Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.
5. Тарас, А.Е. Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних. – Минск: Нар. асвета, 1982.
6. Трудные судьбы подростков – кто виноват? – М.: Юрид. лит., 1991.
7. Пискарев, В.А., Белоус, А.Н., Чергинев, Н.И. Профилактика правонарушений. – Минск, 1978.
8. Методические рекомендации по вопросам профилактики правонарушений несовершеннолетних. – Минск, 1985.
9. Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. – М., 1996.
10. Момов, В. Человек, мораль, воспитание (Теоретико-методологические проблемы). – М., 1975.
11. Методические рекомендации по профилактике правонарушений несовершеннолетних – Министерство внутренних дел Республики Беларусь Минск: Полиграфич. центр МВД, 2007.

РАЗДЕЛ VIII

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА. ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯВШИХ РАССЛЕДОВАНИЕ КРАЖ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ ПОСЛЕ РАСПАДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

О.И.ЛЕВШУК

В статье дан анализ истории формирования органов, которые проводили расследование уголовных дел о хищениях частной собственности на объектах железнодорожного транспорта в разные периоды. Автором подробно, с приведением примеров, рассмотрена их деятельность по раскрытию и расследованию краж, обозначены недостатки, имевшие место в следственной работе. Акцентировано внимание на отсутствии до сих пор необходимой литературы по расследованию, подчеркнута необходимость удовлетворения потребностей практических работников в формировании научно-методических основ расследования краж имущества граждан на железнодорожном транспорте.

Упразднение жандармской железнодорожной полиции с приходом советской власти в 1917 году привело к ухудшению оперативной обстановки, росту краж частной собственности пассажиров на железных дорогах. Выход из сложившейся ситуации виделся в создании рабоче-крестьянской железнодорожной милиции, переданной в ведение Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (далее НКВД). На нее возлагалось выполнение общих и специальных функций с учетом специфики территории обслуживания. К последним относились борьба с

кражами на станциях и в пути, с хищением железнодорожного имущества, надзор за очисткою пути и уборкою подвижного состава, охрана порядка при массовом скоплении людей на вокзалах и в поездах и т.д.

Свержение царского режима породило реформирование судебно-следственной системы, распределение следственных функций между различными структурными образованиями. По Декрету о суде № 1 местные судьи единолично вели следствие, однако некоторые процессуальные решения они не могли принять без участия

суда. Например, постановления о задержании, предании обвиняемого суду подтверждались постановлением местного суда. При городских или губернских Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создавались следственные комиссии, которые расследовали дела о мародерстве, хищениях, саботаже и прочих преступлениях. Образование следственных комиссий окружных судов и подсудность им дел предусматривались Декретами о суде № 2 и № 3. Одновременно НКВД и Народный комиссариат юстиции (далее – НКЮ) предоставили право милиции вести дознание по уголовным делам, производить розыск под руководством и по указанию народных судей и следственных комиссий, выполнять их поручения по задержанию и доставлению подозреваемых, обвиняемых, проведению следственных действий для пресечения сокрытия следов преступления. Губернские и уездные отделы железнодорожной милиции боролись с хищениями имущества пассажиров, расследование которых в основном велось в форме дознания следователями уголовного розыска.

После упразднения железнодорожной милиции в 1921 году транспортные отделы органов государственной безопасности, территориальные органы милиции вели борьбу с совершаемыми на объектах железнодорожного транспорта преступлениями и расследовали их, используя возможности оперативно-розыскной работы и ведя переписку о розыске украденных вещей посредством телеграмм и телефонограмм.

Впервые принятый в 1922 году Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК) упразднил в уголовном розыске должности следователей, а УПК 1923 года предоставил право ведения предварительного расследования народным следователям, старшим следователям губернских судов, следователям по важнейшим делам при Народном комиссариате юстиции и Верховном суде, следователям военных и военно-транспортных трибуналов. К органам дознания относились органы милиции и уголовного розыска, государственного политического управления и иные органы. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, циркуляры НКЮ определяли деятельность следователей, которые осуществляли надзор за производством дознания по каждому уголовному делу, давая при этом указания, подлежащие обязательному исполнению. Осуществление розыска не входило в их компетенцию, так как розыскные функции «всегда искажали задачи следствия по проверке доказательств, сводя роль следователя на положение розыскного агента и превращая его самого в свидетеля, подлежащего допросу по этому делу» [1, с. 22]. Розыск скрывшегося обвиняемого осуществлял следователь через органы уголовного розыска путем подачи розыскной статьи с указанием данных преступника, обстоятельств совершения общественно опасного деяния. Такие статьи подлежали пуб-

ликации для оповещения местного населения. При этом следователь не мог приостановить производство по делу. Лишь в результате безуспешного розыска он представлял в суд дело для решения вопроса о его дальнейшем движении, извещая об этом прокурора.

При вызове для допроса в качестве свидетелей служащих железнодорожных станций и агентов следователи руководствовались циркуляром НКЮ № 84 от 26 апреля 1923 года, в котором предписывалось проводить допросы обозначенной категории граждан по месту их жительства, не вызывая тем самым какие-либо затруднения в функционировании транспорта. Время допроса этих свидетелей согласовывалось с соответствующим ведомственным органом, в подчинении которого они находились [1]. НКЮ осуждалась практика проведения повторных допросов свидетелей, проживавших на значительном расстоянии от места нахождения следователя или органа дознания, а особенно допрос тех лиц, чьи показания являлись несущественными для дела.

Работники милиции при приеме заявлений о кражах требовали, чтобы потерпевшие указывали стоимость похищенного имущества, оценивая каждую вещь в отдельности. В случае раскрытия преступления полностью или частично исчислялась процентная сумма в пользу милиции. Этот факт отражался в препроводительной бумаге, направляемой в суд вместе со следственным материалом. Если украденные вещи возвращались их собственнику милицией, то причитающаяся за раскрытие сумма взималась при передаче вещей потерпевшему с выдачей соответствующей квитанции. В спорных случаях при рассмотрении дела в судебном порядке такая сумма взыскивалась в пользу милиции с потерпевшего, когда похищенные вещи ему возвращались. Учет денежных средств, полученных в пользу милиции за раскрытие, велся в специальной книге, а сами деньги сдавались в уездуправление [2, с. 8].

Согласно Положению о прокурорском надзоре, утвержденному постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК) 28 мая 1922 года, в составе НКЮ учреждалась Государственная прокуратура, которая осуществляла надзор за деятельностью следственных органов дознания по раскрытию преступлений и работой Государственного политического управления.

На железных дорогах в местах, где отсутствовала общая прокуратура либо были изъяты из ведения губернского прокурора транспортные учреждения, существовали военные прокуратуры при военно-транспортных Революционных Трибуналах. Прокуроры возбуждали судебные преследования по поступающим заявлениям, жалобам либо по собственной инициативе; надзирали за органами дознания и предварительного следствия, давая им указания и разъяснения по вопросам, связанным с расследованием уголовных дел; утверждали обвинительные заклю-

чения следователей по делам, по которым предварительное следствие было обязательно; составляли обвинительный акт, постановление о прекращении дела при несогласии с заключением следователя с последующим направлением их в суд для окончательного утверждения; проверяли законность содержания лиц под стражей. До образования НКЮ надзор на железнодорожном транспорте осуществляли территориальные прокуратуры.

Лица прокурорского надзора неоднократно выражали недовольство качеством проводимого милицией дознания. Незнание работниками милиции норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, низкий уровень их развития и нахождение в рядах милиции лиц с криминальным прошлым или опороченных в процессе их прежней службы, оставление без рассмотрения заявлений о совершенных преступлениях, случаи злоупотребления полномочиями при расследовании, попустительство и сокрытие дел – недостатки, имевшие место в работе органов милиции [3, с. 34].

На железнодорожном транспорте дознание вели линейные уполномоченные ТО ОГПУ либо их помощники. Для органов Объединенного Государственного Политического Управления постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 года устанавливался особый порядок принятия мер пресечения, проведения обысков и выемок, предъявления обвинения лицам, причастным к хищениям на железных дорогах. Аресты, обыски и выемки проводились по специальному постановлению ГПУ или политических отделов за подписью их председателя либо по особым ордерам. В отношении лиц, застигнутых на месте преступления, разрешалось их проведение без специальных документов, но с последующим санкционированием в течение 48 часов примененных мер пресечения. В течение двух недель со дня ареста предъявлялось обвинение, а не позднее двухмесячного срока арестованный освобождался из-под стражи либо продлевался срок ареста и направлялось дело в суд. Уголовные дела передавали помощнику прокурора Линейного транспортного суда при НКЮ БССР для направления в железнодорожный линейный суд БССР. Копии постановления о передаче дела передавались начальнику ОДТО ОГПУ и прокурору линейного железнодорожного суда. По окончании расследования дела составлялась справка, в которой указывались свидетели по делу, обвиняемое в краже лицо [1, с. 41, 42].

Реорганизация транспортных отделов органов государственной безопасности в 1937 году привела к образованию отдела железнодорожной милиции в составе ГУРКМ НКВД СССР, в подчинении которого находились отделы железнодорожной милиции в местах расположения управлений железных дорог. На них возлагалось обеспечение правопорядка, ведение борьбы с бандитизмом, грабежами, кражами, хищениями социалистической собственности и иными со-

вершаемыми на объектах железнодорожного транспорта преступлениями и расследование дел [4].

В это время практиковался сокращенный порядок расследования дел. НКВД СССР выражал недовольство качеством следственной работы, отражая недостатки в ведомственных документах. Следователи нарушали сроки предварительного расследования, небрежно оформляли материалы дела, проводили массовые аресты без достаточных на то оснований. Со стороны прокурорских работников не принималось никаких мер к повышению уровня ведения следствия. Они только регистрировали и штамповали следственные материалы.

Идея советской власти создать в стране новую судебную-следственную систему, существенно отличавшуюся от той, которая существовала в Российской империи, прежде всего качеством расследования дел, не была реализована. Различные структурные образования, наделенные следственными функциями, даже не пытались решить поставленных перед ними задач, а отсутствие надзора за их деятельностью лишь способствовало допущению следственными органами грубых нарушений законодательства. Руководство НКВД и НКЮ понимали, что нужно немедленно предпринять действенные меры по улучшению следственной работы. Обязательства по обеспечению законности, возлагаемые на следователей, были перечислены в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» № 81 от 17 ноября 1938 года, но и они в полном объеме не выполнялись.

В годы Великой Отечественной войны оперативная обстановка на железнодорожном транспорте в Белоруссии была сложной, увеличился рост преступности, в частности, резко возросло количество краж личного имущества пассажиров в пути следования, на станциях. Работа железнодорожной милиции протекала в усиленном режиме. На всех железных дорогах Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 года вводилось военное положение. Военные прокуратуры Белорусской и Брест-Литовской железных дорог расследовали дела о хищениях частной собственности в максимально короткие сроки и направляли их в Военные трибуналы железных дорог для рассмотрения по законам военного времени. По распоряжению военного командования подлежали уничтожению оперативные и следственные дела на оккупированной немцами территории. В послевоенный период названные прокуратуры продолжали действовать на территории БССР, однако слово «военные» в 1948 году исключалось из их названия.

В 1947 году транспортная милиция Белоруссии вошла в состав Министерства государственной безопасности СССР (далее – МГБ), а в управлениях охраны МГБ на Белорусской, Брест-Литовской, Западной железных дорогах

имелись следственные и уголовно-розыскные отделы. В основном по кражам проводилось дознание в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом 1923 года, практически не отличавшееся по форме от предварительного следствия. Несмотря на сложность обстановки, вызванной валом преступлений, работники милиции быстро реагировали на совершавшиеся хищения имущества пассажиров, раскрывая их по горячим следам. Так, обратившиеся в Барановичский ОВДТ потерпевшие подозревали в краже чемодана девушку по имени Ирина, ехавшую с ними в одном купе, сошедшую с поезда на железнодорожном вокзале г. Барановичи. Сотрудники Барановичского ОВДТ немедленно отправились на попутной машине для преследования автобуса, в котором, по их предположению, могла ехать подозреваемая. Догнав автобус, они обнаружили ехавшую в нем разыскиваемую девушку, у которой при себе находился украденный чемодан [5, с. 128].

После объединения в 1953 году МГБ СССР с МВД в МВД СССР на Белорусской железной дороге образовано Дорожно-транспортное управление МВД СССР, в состав которого чуть позже вошел Дорожный отдел милиции, включавший в себя следственное отделение со штатом шесть сотрудников, а на местах создавались линейные отделы, отделения, пункты и посты милиции. Основы уголовного судопроизводства 1958 года предоставили право ведения предварительного следствия следователям прокуратуры, органов внутренних дел, государственной безопасности.

Высокий уровень раскрытия и расследования многоэпизодичных дел о хищениях частной собственности свидетельствовал о профессионализме следователей. Так, А.А.Коссовский, работавший с 1957 года и по 1958 год старшим следователем линейного отдела на станции Орша, а с августа 1958 года в г. Минске следователем оргинспекторского отделения Дорожного отдела, вспомнил дело по обвинению Дуброва – вора-гастролера, который, приобретя военную форму старшего лейтенанта в целях конспирации, садился в поезда и обворовывал пассажиров, пользуясь их халатностью и доверием. В качестве жертв он выбирал в основном военнослужащих, возвращавшихся из Восточной Германии в Советский Союз. Благодаря согласованности и слаженности действий органов следствия и дознания совершенные Дубровым преступления были раскрыты [5, с. 105].

Необоснованные действия самих транспортных прокуроров приводили порой к неизгладимым последствиям. Произведенной Главной транспортной прокуратурой проверкой было установлено, что 4 августа 1955 года сотрудники линейного отдела милиции станции Москва-Белорусская Калининской железной дороги представили надзирающему прокурору И.Е.Слуцкину материалы о задержании В.М.Блинова, ранее судимого, совершившего хищение из цеха машиностроительного завода «Сантехмонтаж»

листов кровельного железа, а также 21 июля 1955 года – личных вещей у путевого обходчика на сумму 2500 рублей. Прокурор отказал в аресте задержанного, который, воспользовавшись ситуацией, продолжил свою преступную деятельность, находясь на свободе [6, с. 8].

При возмещении обвиняемыми ущерба или задержании их с похищенным следователи милиции и прокуратуры иногда не принимали меры к наложению ареста на имущество, которое могло быть конфисковано по приговору суда. Обращение Прокуратуры СССР ко всем транспортным прокуратурам призывало не допускать проявления безынициативности со стороны следователей милиции и прокурорских работников при выявлении имущества, находившегося в распоряжении обвиняемого и членов его семьи до и после совершения кражи, местонахождения собственности преступника во время расследования дела. Имели место случаи, когда описанное имущество, подлежащее аресту, оставлялось обвиняемому либо его родственникам. При составлении описи следователи не всегда оценивали изымаемое имущество и указывали его индивидуальные признаки, в том числе не проверяли в сберегательных кассах вклады обвиняемого.

Наиболее квалифицированные и имеющие практический опыт следователи органов прокуратуры проводили предварительное следствие по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.

По официальным данным Дорожного отдела милиции за 7 месяцев 1957 года следователями и прокурорами окончено 11 дел по кражам личной собственности. Но раскрываемость их составляла всего 82 %, что признавалось худшим результатом по сравнению с раскрытием разбоев и хищений грузов. Анализ материалов милиции, по которым отказано в возбуждении уголовного дела, показал, что точного учета заявлений о совершенных преступлениях не велось, отказы были надуманны и формальны. Так, 17 апреля 1957 года начальнику милиции станции Осиповичи поступило заявление главного бухгалтера республиканской психоневрологической больницы Алешкина А.Н. о том, что при возвращении из служебной командировки в поезде № 88 у него похитили 800 рублей и паспорт. Не получив ответа на первое заявление, Алешкин повторно обратился по данному факту, после чего старший следователь милиции Мостович вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, мотивируя его тем, что потерпевший не знает, в каком месте у него украли вышеназванные вещи, и никого конкретно не подозревает. Между тем Алешкин показал, что, когда он выходил покурить, пиджак оставил в купе, где ехал только один пассажир, приметы которого он описал подробно. Однако его показания следователь не принял во внимание [7, с. 4,8,9]. Такие случаи были не единичны.

Кроме того, работники милиции поздно выезжали на места происшествий, поверхностно и без применения научно-технических средств производили осмотр, не используя при этом служебно-розыскных собак. Формальное выполнение следственных действий вызывало волокиту, осложняло сбор доказательств, вело к необоснованному прекращению дел. Так, 31 апреля 1957 года прокурор участка Николаев утвердил вынесенное следователем милиции станицы Минск Дубовским постановление о прекращении дела по обвинению Краснова и Гайдукова, пойманных проводницей вагона с похищенными у пассажира Ковалевой вещами. Такое принятое решение было мотивировано «недостаточностью» доказательств вины подозреваемых [7, с. 18].

В 1959 году качество работы следственных органов возросло. В справке Белорусской транспортной прокуратуры от 4 июля 1959 года отмечено, что за первое полугодие 1959 года прекращено только одно уголовное дело по хищению личного имущества. Всеми следователями выполняются требования статьи 27 Основ уголовного судопроизводства (1958 года) «Обязанность разъяснения и обеспечения прав участвующим в деле лицам». Взаимоотношения между следователями, прокурорами и органами милиции носят деловой характер. Указания следователей выполняются органами милиции в полном объеме [8, с. 4].

В 1959 году Дорожный отдел милиции стал подчиняться МВД БССР. Принятый в 1960 году УПК РСФСР предоставил право ведения предварительного следствия только следователям органов прокуратуры и государственной безопасности. Однако органы прокуратуры оказались настолько перегружены, что фактически милицией по многим преступлениям проводилось дознание, материалы которого передавались в прокуратуру. Выход из сложившейся ситуации виделся в издании Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 6 апреля 1963 года, которым предоставлялось право производства следствия органам охраны общественного порядка наряду с органами прокуратуры и государственной безопасности. На Белорусской железной дороге действовало Следственное управление, начальником которого являлся И.В.Шукан. Вопросы возбуждения уголовного дела о краже имущества пассажиров либо отказе в его возбуждении, проведения следственных действий согласовывались с начальником следственного отделения либо старшим следователем группы. Надзор за деятельностью работников следственного отделения осуществлял начальник Следственного управления отдела милиции на Белорусской железной дороге.

Большая часть следователей УООП не имела высшего юридического образования. Низкая производительность труда, отсутствие целеустремленности – черты, которые были присущи им. Обучение в высших юридических учебных заведениях данных сотрудников не решило ряд

проблем, а только усугубило состояние следственной работы: нарушился из-за учебы нормальный рабочий ритм, создалась нагрузка, сказавшаяся на сроках и качестве расследования [9, с. 32].

МВД БССР, УВД облисполкомов и Мингорисполкома, выполняя постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1965 года «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка», ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 24 февраля 1966 года «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка Республики Беларусь», стали принимать меры по обеспечению следственных подразделений квалифицированными специалистами. Количество следователей с высшим юридическим образованием увеличилось в 1968 году по сравнению с 1966 годом на 16,3 % и составило 62,3 %. Вместе с тем существовала проблема в обеспечении следователей не только жильем, но и в создании условий, необходимых для их работы. Об этом свидетельствуют следующие примеры. В одном кабинете работали по 2–4 следователя, а следственная группа на железнодорожной станции Брест в количестве двух человек размещалась в затемненном кабинете общей площадью 6 квадратных метров [10, с. 22].

К концу 70-х годов был создан Следственный отдел МВД БССР на транспорте, работники которого вели дела о преступлениях, совершаемых на железнодорожных станциях, вокзалах, в поездах, в том числе несовершеннолетними.

Ввиду усложнения оперативной обстановки следственные подразделения на железнодорожном транспорте были укреплены. Меры по улучшению контроля за раскрытием и расследованием преступлений, обоснованностью приостановления и прекращения уголовных дел следователями и работниками дознания органов внутренних дел отражались в ведомственных нормативных актах, в соответствии с которыми прекращенные дела в обязательном порядке направлялись следователями транспортной милиции в следственные отделы и аппараты БУВДТ для проверки обоснованности принятого решения. При согласии с таким решением прекращенные дела передавались в информационный центр для сдачи в архив. По приостановленным уголовным делам в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и сокрытием обвиняемого от следствия составлялись справки, подлежащие хранению в секретариате СО БУВДТ. В случае невыполнения этих требований проводилось служебное разбирательство. Также предлагалось усилить прокурорский надзор и ведомственный контроль за деятельностью следственных органов, уделить внимание повышению профессионального уровня подготовки следователей транспортной милиции.

Рост преступности на железнодорожном транспорте пришелся на 80-е годы XX века, когда участились случаи хищений вещей у пассажиров в пути следования поездов, на станциях, что вызвало тревогу у населения. Этому способствовали следующие факторы: провоз безбилетных пассажиров, среди которых были преступники-гастролеры, ненадлежащая организация борьбы с пьянством. Все эти положения нашли отражение в приказе Прокуратуры БССР № 12 от 22 августа 1989 года [11]. В целях снижения количества данного вида преступлений, совершаемых в основном несовершеннолетними и лицами в состоянии алкогольного опьянения, руководством милиции были немедленно приняты меры по предупреждению краж, отражаемые в ведомственных актах.

Проверки работы органов следствия и дознания транспортной милиции по раскрытию и расследованию преступлений показали, что уровень профессионализма отдельных следователей и дознавателей низкий; надзор, осуществляемый прокуратурами, носил лишь формальный характер; имели место случаи несвоевременного возбуждения уголовных дел, что влияло на их раскрытие; в ходе осмотров мест преступлений следы и вещественные доказательства не изымались, а порой даже фотосъемка их не производилась; между следователями и оперативными подразделениями не налаживалось взаимодействие на досудебных стадиях, причем совместно составляемые планы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по делам не реализовывались на практике; работа по раскрытию преступления в основном велась в течение 3–4 дней после его совершения [11, с. 20].

70–80-е годы XX века ознаменовались появлением научно-методической литературы, предназначенной для сотрудников транспортной милиции, доступ к которой был ограничен. Это были работы Н.Н.Баранова, А.П.Гуляева, Е.А.Ермакова, А.А.Жижко, В.П.Иванова, В.И.Сысова, преимущественно издаваемые в г. Москве, которые коснулись, главным образом, деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел на транспорте по раскрытию и борьбе с кражами личного имущества пассажиров [12; 13; 14; 15]. И только научные труды А.Ф.Облакова, Е.М.Чеботарева дали наиболее полную картину производства следствия по рассматриваемому виду преступлений [16; 17]. К сожалению, аналогичная по содержанию отечественная литература в этот период отсутствовала, что, безусловно, сказывалось на производстве следствия.

Снижения количества хищений на железнодорожном транспорте не произошло и после распада СССР. Повышение качества ведения предварительного расследования – основная задача, которая стояла перед руководством не только следственных подразделений, но и транспортной милиции в целом. Налаживание тесного взаимодействия между следователями и оперативными работниками, контакта с администрацией Белорусской железной дороги, местным

населением, обеспечение научной организации труда следователей, например опубликование для следственных работников бюллетеней Следственного комитета МВД Республики Беларусь, содержащих методические рекомендации по раскрытию, расследованию краж, позволили в какой-то мере решить поставленную задачу.

Состояние следственной работы сегодня требует детального исследования вопросов исполнения поручений о выдаче преступников, проведении следственных действий по уголовным делам о кражах в соответствии с международными договорами; материально-технического обеспечения деятельности следователей; совершенствования методических рекомендаций по раскрытию и расследованию хищений частной собственности; принятия действенных мер по борьбе с данными преступлениями с учетом опыта работы правоохранительных органов за рубежом.

Исторический анализ деятельности органов, проводивших расследование хищений личного имущества граждан на объектах железнодорожного транспорта, показал, что пришедшая на смену царскому режиму власть Советов коренным образом хотела изменить судебно-следственную систему, которая в целом должна была существенно отличаться от прежней. Акцент делался на формировании органов, которым предоставлялось право ведения дел о кражах, а также урегулировании их деятельности. Передача следственных функций от одних органов к другим структурным образованиям свидетельствовала о попытке законодателя повысить качество расследования. Руководство НКВД и НКЮ также стремилось к этому, отражая в своих ведомственных нормативных документах недостатки, имевшие место в следственной практике, и действенные меры по их устранению. Они также давали разъяснения по ведению следствия и дознания. Вместе с тем постоянное изменение и дополнение норм УПК свидетельствовало о его несовершенстве, что, безусловно, сказывалось на процессе расследования.

Существенных изменений в следственной работе не произошло и в годы Великой Отечественной войны, когда количество краж личного имущества пассажиров резко увеличилось, а их расследование проводилось поверхностно в максимально короткие сроки. Раскрываемость этих преступлений имела низкий уровень.

Заметное улучшение работы органов следствия и дознания наблюдалось в 60-е годы XX века, когда следователи Дорожного отдела милиции профессионально расследовали многоэпизодичные дела о хищениях частной собственности граждан, соблюдая действовавшее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, налаживали взаимоотношения с работниками милиции, прокурорами. Однако последние часто соглашались с незаконным прекращением дел о кражах либо с отказом в их возбуждении, не вникая в суть дела, способствуя тем самым формальному ведению следствия отдельными следователями.

Значительный рост краж личного имущества на станциях, в поездах пришелся на 70–80-е годы. Этот факт породил издание ведомственных документов МВД СССР с указанием в них лишь мер по борьбе с данным видом преступлений. Впервые вышедшая в свет в это время специальная научно-методическая литература в основном коснулась вопросов раскрытия рассматриваемого вида преступлений, нежели их расследования.

Особенности функционирования органов предварительного расследования транспорт-

ной милиции Республики Беларусь в современных условиях, процессуальные аспекты их деятельности при расследовании уголовных дел о кражах до сих пор не изучены, в то время как практики испытывают потребность в совершенствовании давно устаревших рекомендаций по производству следствия по рассматриваемой категории дел, что требует сегодня формирования научно-методических основ расследования краж личного имущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов, В. Производство дознаний и предварительных следствий. В вопросах и ответах: практ. пособие и комментарий к УПК / ред. Н.В. Крыленко. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 205 с.
2. Управление Игуменской уездной рабоче-крестьянской советской милиции гор. Игумен (1919–1923) // Государственный архив Минской области. – Фонд 403. – Оп. 1. – Д. 352.
3. Сборник приказов милиции Республики Беларусь // Сборники приказов Главного управления рабоче-крестьянской милиции РСФСР за 1922–1923 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 35. – Оп. 1. – Д. 311.
4. Станкевич, П.И. Управление органами внутренних дел на транспорте: учеб. пособие / П.И. Станкевич [и др.]; под общ. ред. П.И. Станкевича. – Минск: Академия МВД Респ. Беларусь, 2005. – 208 с.
5. Транспортная милиция. История и современность / сост. В.С. Филимоненко. – Минск: ООО «ФУ Аниформ», 2004. – 210 с.
6. Белорусская транспортная прокуратура (1948–1960 годы) // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1237. – Оп. 1. – Д. 65.
7. Белорусская транспортная прокуратура (1948–1960 годы) // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1237. – Оп. 1. – Д. 83.
8. Белорусская транспортная прокуратура (1948–1960 годы) // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1237. – Оп. 1. – Д. 118.
9. Переписка с УООП, ГАИ и отделом пожарной охраны УООП по вопросам охраны общественного порядка, перерегистрации автомашин и мер противопожарной безопасности (начато 25.09.1968 г., окончено 26.11.1968 г.) // Государственный архив Минской области. – Фонд 2. – Оп. 9. – Д. 729.
10. Переписка с Советом Министров БССР, МВД БССР и райисполкомами по вопросам юстиции и Управления внутренних дел облисполкома (начато 10.01.1969 г., окончено 24.12.1969 г.) // Государственный архив Минской области. – Фонд 2. – Оп. 9. – Д. 888.
11. 25 лет Белорусской транспортной прокуратуре (1980–2005) / ред. коллегия В.В. Алекаев [и др.]. – Минск, 2005. – 119 с.
12. Баранов, Н.Н. Применение личного сыска младшими инспекторами уголовного розыска транспортной милиции в борьбе с преступными посягательствами на личное имущество / Н.Н. Баранов [и др.]; под общ. ред. А.П. Фокина. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1978. – 68 с. – (ДСП).
13. Жижко, А.А. Органы внутренних дел на транспорте и особенности управления ими: лекция / А.А. Жижко. – М.: Академия МВД СССР, 1987. – 39 с. – (секретно).
14. Гуляев, А.П. Предупреждение и раскрытие краж личного имущества граждан на железнодорожном транспорте / А.П. Гуляев, Е.А. Ермаков, Е.А. Краенский. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. – 88 с. – (секретно).
15. Иванов, В.П. Методы борьбы с кражами из автоматических камер хранения / В.П. Иванов // Сборник МВД СССР. – М., 1984. – №1. – С. 65–68.
16. Облаков, А.Ф. Организация и тактика раскрытия и расследования краж личного имущества на железнодорожном транспорте: учеб. пособие / А.Ф. Облаков. – Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1986. – 96 с.
17. Чеботарев, Е.М. Обстановка совершения краж личного имущества пассажиров и некоторые типовые следственные версии / Е.М. Чеботарев // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов / ред. коллегия: В.И. Жулев [и др.]; ВНИИ МВД СССР. – М., 1991. – С. 83–88.

О ФОРМИРОВАНИИ ТИПОВЫХ МЕТОДИК ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. П. ОРЕХОВА

В статье обосновывается необходимость формирования типовых методик экспертного исследования, определяются источники, принципы формирования типовых методик, уровень апробации и утверждения разработанных положений.

Вопрос формирования единых типовых методик экспертного исследования является на сегодняшний день актуальным. Это связано, в первую очередь, с проблемами, возникающими при производстве повторных экспертиз и при оценке органами уголовного преследования, судом и сторонами по делу заключений экспертов в случае расхождения выводов первичной и повторной экспертиз. Исследование вопросов, связанных с формированием единых типовых методик экспертных исследований, представляет на сегодняшний день интерес не только для белорусских авторов, но и для ученых других стран (России, Украины и др.).

Впервые вопрос о необходимости выделения частных методик как вида был поднят в 70-е годы прошлого столетия А.И.Винбергом и А.Р.Шляховым [3, с. 91; 18, с. 99–100]. В дальнейшем этот вид методик был назван типовым [5, с. 62; 11, с. 256; 15, с. 585; 19, с. 222].

Типовая методика – методика, в которой выражен наиболее обобщенный опыт решения типовой, то есть наиболее часто встречающейся в практике, экспертной задачи при производстве определенного вида или подвида (в случае, если тот или иной вид экспертизы предполагает деление на подвиды) экспертных исследований.

Необходимость формирования типовых методик экспертного исследования обуславливается, во-первых, возможностью сократить сроки производства экспертиз за счет использования экспертом уже имеющихся научно обоснованных и апробированных методик экспертного исследования. Во-вторых, использование типовых методик обеспечивает формирование единообразного подхода к решению типовых задач, что, в свою очередь, способствует сокращению экспертных ошибок. В-третьих, типовые методики являются опорным материалом при решении нетривиальных экспертных задач. Это проявляется в том, что эксперт, осуществляя поиск ответов на такого рода задания, может использовать некоторые положения разработанной типовой методики. В-четвертых, типовые методики – это хороший материал для обучения молодых экспертов. В-пятых, наличие типовых методик облегчит

работу органов уголовного преследования, суда и сторон по делу при оценке заключений эксперта.

Вопросы формирования типовых методик экспертного исследования мало разработаны как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Проблемам формирования методик в целом посвящены работы М.Е.Бондарь [1], Р.С.Белкина, Т.В.Аверьяновой [11, с. 256–258], А.И.Усова [17, с. 60–63] и др.

В настоящее время типовые методики разрабатываются в каждом экспертном учреждении только для служебного пользования в рамках данного учреждения. Методик, предназначенных для использования всеми экспертами одной специальности при исследовании одних и тех же объектов, немного. В основном это методики, утвержденные Межведомственным научно-методическим советом в области судебной экспертизы при Межведомственной комиссии по вопросам судебно-экспертной деятельности при Совете Безопасности Республики Беларусь или приказами руководителей соответствующих министерств и ведомств. Например, методика определения стоимости транспортного средства на вторичном рынке утверждена заместителем Министра транспорта и коммуникаций Республики Беларусь [7], методика определения износа частей транспортного средства также утверждена заместителем Министра транспорта и коммуникаций Республики Беларусь [6].

Как показывает практика изучения заключений экспертиз, проведенных повторно в экспертном учреждении, в котором первичная экспертиза не проводилась, изменение выводов в большинстве случаев связано с применением разных методик. Использование при производстве экспертизы различных методик выражается в основном в применении разных методов исследования; в исследовании неодинакового количества сравнительных образцов; в применении разных приемов и способов исследования; в неполноте проведенного при производстве первичной экспертизы исследования и др. Встречаются также случаи, когда эксперты при производстве первичной и повторной экспертиз руко-

водствовались различными техническими нормативными правовыми актами (СТБ, ГОСТы и т.д.). Вышесказанное еще раз подтверждает необходимость разработки единых для всех экспертов одной специальности типовых методик экспертного исследования.

Вопрос разработки типовых методик экспертного исследования непосредственно связан с определением источников, принципов формирования такого вида методик, с установлением уровня апробации и утверждения разработанных положений.

Источник – это то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь [14, с. 253].

Впервые вопрос об источниках формирования методик экспертного исследования целостно был изучен М.Е.Бондарь [1, с. 6].

К источникам формирования типовых методик экспертного исследования относятся наука и практика. Исходя из того, что в судебной экспертизе используется комплекс знаний разных наук, источником формирования типовых методик является не только разрабатываемая в настоящее время наука о судебной экспертизе, но и научные знания, полученные и непосредственно используемые в иных науках (в физике, химии, математике, биологии и т.д.). Следует согласиться с М.Е.Бондарь [1, с. 14], что на формирование методик, в особенности на формирование методик криминалистической экспертизы, несомненно оказывает воздействие криминалистика. Это воздействие проявляется различным образом. Во-первых, совершенствование криминалистической техники влечет за собой и разработку новых методик экспертного исследования, повышение эффективности существующих. Однако, с другой стороны, несовершенство, неэффективность существующих методик вызывает необходимость использования современных научно-технических достижений. Во-вторых, существует двусторонняя связь судебной экспертизы с общей теорией криминалистики. Положения теории идентификации, учения о методах и задачах исследования, концепции о связях взаимодействия и познавательной структуре и другие являются базой для разработки экспертных методик, которые, в свою очередь, дают эмпирический материал для развития этих учений [1, с. 14, 15]. Заимствование знаний из смежных наук происходит в рамках интеграционных процессов в науке.

Практика является источником формирования типовых методик экспертного исследования в различных ее формах: экспертная, судебно-следственная, практика иных областей человеческой деятельности, в которых осуществляется движение потенциальных объектов судебной экспертизы, то есть тех предметов, которые могут попасть в орбиту экспертного исследования [1, с. 15]. Анализ практической деятельности позволяет выявить проблемные моменты производства экспертиз, оценки заключений эксперта органами уголовного преследования, судом и сторонами по делу.

В переводе с латинского «принцип» означает «основа», «первоначало». Принцип – это основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, науки и т.п. [14, с. 584].

При формулировании принципов формирования типовых методик экспертного исследования следует учитывать как требования, вытекающие непосредственно из производства экспертизы, так и требования, выводимые из смежных наук, в особенности процессуально-правовых, поскольку судебная экспертиза в первую очередь направлена на создание одного из источников (средств) доказывания.

В качестве принципов формирования типовых методик экспертного исследования можно выделить следующие:

1. Принцип законности – универсальный принцип, означающий соблюдение законов, положение, при котором общественная жизнь и деятельность обеспечивается законами [14, с. 204]. Законность – важнейшая правовая категория юридической науки и практики, а ее уровень и состояние служат главными критериями оценки правовой жизни общества и граждан [13, с. 5].

Принцип законности относительно разработки типовых методик, полагаем, означает, что, если в законодательстве имеется какое-либо положение, которое непосредственно касается проводимого исследования, эксперт должен использовать именно эту норму, а не подобные положения, содержащиеся в научных изданиях. Например, при производстве судебно-экономической экспертизы следует использовать термины в таком понимании, в каком это указано в Законе Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» [8]. Это требование, полагаем, надлежит распространять и на использование технических нормативных правовых актов. Технические нормативные правовые акты – технические регламенты, технические кодексы установившейся практики, стандарты, в том числе государственные стандарты Республики Беларусь, стандарты организаций, технические условия, авиационные правила, зоогигиенические, ветеринарные, ветеринарно-санитарные нормы и правила, санитарные нормы, правила и гигиенические нормативы, нормы и правила пожарной безопасности, государственные классификаторы технико-экономической информации, формы государственных статистических наблюдений и указания по их заполнению, методики по формированию и расчету статистических показателей, инструкции по организации и проведению несплошных (выборочных) государственных статистических наблюдений, утвержденные (введенные в действие) в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь (абзац 26 ст. 1 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [9]). Конституционный Суд отмечает, что технические нормативные правовые акты, принимаемые республиканскими государственными органами и должностными лицами, также обязательны для

исполнения гражданами и юридическими лицами на всей территории Республики Беларусь (п. 9 Решения Конституционного Суда Республики Беларусь «О технических нормативных правовых актах» [10]).

Исходя из вышесказанного, типовая методика экспертного исследования должна ориентировать эксперта на применение положений, утвержденных в законодательстве, и использование тех или иных технических нормативных правовых актов.

2. Принцип уважения чести и достоинства личности. Особенно это касается экспертиз, объектом исследования которых являются люди. Сущность этого принципа заключается в том, что в типовой методике должны содержаться только такие методы, приемы и средства производства экспертизы, которые не унижают честь, не умаляют достоинство, не создают опасность для жизни и здоровья людей.

3. Принцип процессуальной экономии связан с тем, что от сроков производства экспертизы зависят и сроки производства предварительного расследования и рассмотрения дел в суде. Иными словами, при разработке типовой методике следует учитывать такой параметр, как время, необходимое для проведения исследования.

4. Принцип объективной истины. Понятие истины означает соответствие выводов (суждений, представлений) объективной действительности [18, с. 117]. Это достигается тем, что в типовой методике должны содержаться положения, направляющие эксперта на всестороннее, полное, объективное исследование предоставленных ему материалов.

5. Принцип научности тесно связан с принципом объективной истины. Указанный принцип подразумевает, что в типовой методике должны найти отражение такие научные положения и данные, которые доказаны теоретически и проверены практикой, достоверность их не должна вызывать сомнения [2, с. 110].

6. Принцип стандартизации. Полагаем, следует согласиться с мнением Р.С.Белкина и Т.В.Аверьяновой, что актуальной задачей в области каждого рода экспертизы является каталогизация (систематизация) методик по видам и подвидам экспертных исследований. Для ее разработки необходима предварительная разработка стандартизированной формы изложения, чего до сих пор на практике подготовки методик нет [11, с. 258]. Соответствие стандарту предполагает наличие определенной структуры, конкретных элементов типовой методике экспертного исследования.

Л.Н.Козлова, Т.В.Устоянцев в методических рекомендациях «Основные требования, предъявляемые к методическим материалам в СЭУ МЮ СССР» указали, что в описании методики должны всегда находить отражение:

1) задачи, решаемые с помощью данной методики (намечаемая цель в определенных условиях существования объекта);

2) краткая характеристика объектов исследования;

3) система (совокупность) свойств (признаков), которые необходимо выявить для решения стоящей перед экспертом задачи;

4) правила отбора образцов и подготовки их для анализа;

5) система средств выявления признаков (методы, приемы, технические средства, реактивы и т.п.), их технические характеристики, последовательность и условия применения, цель применения (указание на выявляемый признак). При наличии альтернативы в выборе средств дается характеристика каждого из них. При использовании инструментальных и аналитических методов приводятся их аналитические характеристики (рабочая область, чувствительность, воспроизводимость), а для математических и кибернетических методов – алгоритм, программа;

6) форма документирования хода анализа и его результатов;

7) методы и технические средства обработки результатов;

8) интерпретация и оценка полученных данных, необходимые для принятия решения;

9) источники дополнительной информации для оценки полученных данных (при наличии или отсутствии сравнительных материалов, представляемых лицом, назначившим экспертизу);

10) сравнение данной методики с другими, применяемыми в тех же целях, с точки зрения обеспечения сохранности исследуемого объекта, объема выявленных признаков, воспроизводимости результатов, наглядности, экспрессности, доступности, экономичности и др. [4, с. 4, 5].

Р.С.Белкин и Т.В.Аверьянова указывают, что в структуре типовой экспертной методики можно различить следующие элементы или составные части:

- указание на типичные для данного вида экспертизы объекты. Обычно оно содержится в названии: «Методика исследования подписей» или «Методика исследования частей распила». Иногда в названии отражается указание на экспертную задачу, например «Методика установления автора документа»;
- указание на возможности методики и ее надежность;
- указание на методы и средства исследования;
- предписания, касающиеся последовательности использования методов и средств;
- предписания, относящиеся к условиям и процедурам применения методов, средств и методики;
- описание возможных результатов применения методов и средств и характеристики этих результатов в аспекте экспертной задачи [11, с. 257, 258].

Структура типовой методике экспертного исследования, предложенная Р.С.Белкиным и

Т.В.Аверьяновой, представляется более целесообразной. Однако полагаем, что указание на имеющиеся технические нормативные правовые акты и иные положения законодательства, которые эксперт должен использовать при производстве экспертизы, также следует отразить в типовой методике. Это позволит сократить количество повторных экспертиз, по которым эксперты приходят к неодинаковым выводам в связи с применением положений разных технических нормативных правовых актов.

Типовая методика экспертного исследования должна пройти апробацию. Предложения о необходимости проверки, апробации и внедрении в экспертную практику новых методик на межведомственном уровне было высказано впервые А.Х.Тригуловой [16, с. 22]. Автор указала, что апробация новых методик экспертного исследования в качестве необходимого элемента включает их оценку с точки зрения таких критериев, как эффективность, сложность, допустимость, безопасность и экономичность [16, с. 22].

В рамках действующей в настоящее время в Российской Федерации Системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы к методикам экспертного исследования предъявляется требование соответствия их таким характеристикам, как достоверность получаемых результатов, воспроизводимость, допустимость применения в судопроизводстве [12, с. 69].

Достоверность получаемых результатов предполагает:

- правильность выбора и использования примененных методов исследования, позволяющих получить результаты в соответствии с целями методики;

- правильность использования соответствующих эмпирических предпосылок и научного понятийного аппарата;

- соответствие полученных результатов апробации методики заданному назначению методики [12, с. 69].

Воспроизводимость предполагает сопоставимость результатов, полученных при выполнении методик различными исполнителями [12, с. 69].

Допустимость применения в судопроизводстве означает выполнение процессуальных требований (применение определенной процедуры осмотра, диагностирования и пр.) при использовании экспертной методики для установления каких-либо фактов и обстоятельств, являющихся доказательством по делу в соответствующем виде судопроизводства [12, с. 69].

Представляется, что типовые методики экспертного исследования должны обладать такими основными характеристиками, как допустимость применения в судопроизводстве, достоверность полученных результатов, воспроиз-

димось, научность, безопасность, экономичность. Указанные критерии вытекают из вышеперечисленных принципов формирования типовых методик экспертного исследования.

Вопрос, кем и на каком уровне должны быть утверждены разработанные методики экспертного исследования, до настоящего времени так и не решен. В Российской Федерации на данный момент введена Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы [12, с. 64–71] (в том числе и методик экспертного исследования), направленная на реализацию единого научно-методического подхода в судебной экспертизе, повышение компетентности не только государственных судебных экспертов, но и иных лиц, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле и участвующих в судопроизводстве [17, с. 63]. Руководящим органом в этой Системе и органом по сертификации является Государственное учреждение Российской Федерации центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации [12, с. 66].

Основываясь на нашем видении принципа законности относительно формирования типовых методик экспертного исследования, полагаем, что типовая методика должна утверждаться не на законодательном уровне, а специально созданным для этого органом или межведомственным советом. Такой подход, во-первых, обеспечит возможность в нетривиальных ситуациях не использовать при производстве экспертизы положения типовой методики. Однако представляется, что в таком случае эксперт обязан будет разъяснить в самом заключении причины неприменения типовой методики и указать, на основании каких научно обоснованных утверждений он проводил исследование. Во-вторых, научно-технический прогресс, безусловно, влечет за собой изменения потребностей судебной экспертизы. Полагаем, что утверждение типовых методик не на законодательном уровне обеспечит необходимую быстроту и эффективность внесения в них изменений и дополнений.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что необходимость формирования типовых методик экспертного исследования вызвана потребностями практики как экспертной, так и судебно-следственной. Методики должны разрабатываться на основании единых принципов, что, в свою очередь, обеспечит их соответствие таким основным характеристикам, как допустимость применения в судопроизводстве, достоверность полученных результатов, воспроизводимость, научность, безопасность, экономичность. Каждая типовая методика должна пройти апробацию и утверждаться специально созданным для этого органом или межведомственным советом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь, М.Е. Экспертная методика как одна из основных категорий общей теории и практики судебной экспертизы: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.Е. Бондарь; ВНИИСЭ МЮ РСФСР. – М.: ВНИИСЭ МЮ РСФСР, 1991. – 22 с.
2. Бородин, С.В. Вопросы теории и практики судебной экспертизы / С.В. Бородин, А.Я. Палиашвили; под ред. Д.С. Карева. – М.: Юрид. лит., 1963. – 180 с.
3. Винберг, А.И. Общая характеристика методов экспертного исследования / А.И. Винберг, А.Р. Шляхов // Общее учение о методах судебной экспертизы: сб. науч. трудов / ВНИИСЭ МЮ СССР; редкол.: А.И. Винберг [и др.]. – М., 1977. – Вып. 28. – С. 54–93.
4. Козлова, Л.Н. Основные требования, предъявляемые к методическим материалам в СЭУ МЮ СССР: методич. рекомендации / Л.Н. Козлова, Т.В. Устоянцев. – М.: НИИСЭ, 1986. – 10 с.
5. Майлис, Н.П. Введение в судебную экспертизу / Н.П. Майлис. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. – 112 с.
6. Методика определения износа частей транспортного средства. – Минск, 2003. – 11 с.
7. Методика определения стоимости транспортного средства на вторичном рынке. – Минск, 2003. – 13 с.
8. О бухгалтерском учете и отчетности: Закон Респ. Беларусь, 18 окт. 1994 г., № 3321-ХП; в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.12.2007 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
9. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.05.2007 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
10. О технических нормативных правовых актах: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 4 окт. 2006 г., № Р-196/2006 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
11. Основы судебной экспертизы. Курс общей теории: методич. пособие для экспертов, следователей и судей / И.А. Алиев [и др.]; под ред. М.Н. Ростова. – Ч. 1. – М., 1997. – 431 с.
12. Правила функционирования Системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. – 2006. – № 1. – С. 64–75.
13. Петрова, И.Г. Принцип законности в арбитражном судопроизводстве / И.Г. Петрова // Юридический мир. – 2006. – № 3. – С. 5–8.
14. Словарь русского языка / С.И. Ожегов [и др.]; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – М.: Мир и образование, 2003. – 896 с.
15. Смирнова, С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы / С.А. Смирнова. – СПб.: Питер, 2004. – 875 с.
16. Тригулова, А.Х. Экспертное исследование как процесс познания: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Х. Тригулова; Харьк. юрид. ин-т. – Харьков, 1987. – 22 с.
17. Усов, А.И. Перспективы развития Системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы / А.И. Усов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2006. – № 1. – С. 60–63.
18. Шляхов, А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А.Р. Шляхов. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
19. Энциклопедия судебной экспертизы / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. – М.: Юристъ, 1999. – 552 с.

ЗАРОЖДЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ЭКСПЕРТА И ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В.Ю.ОСТАНИН

В статье дается исторический анализ зарождения, становления и развития институтов эксперта и экспертизы в уголовном процессе Беларуси начиная с IX в. Автор приводит постатейный анализ таких памятников права, как «Русская правда» (IX в.), Псковская судная грамота (1467 г.), Судебник Ивана IV (1550 г.), Статут Великого Княжества Литовского (1588 г.), Свод законов уголовных (1832 г.) и др. Изучение исторических памятников права позволило проследить эволюцию вышеназванных правовых институтов и сформулировать соответствующие выводы.

История формирования института эксперта в уголовном процессе Республики Беларусь достаточно сложна и длительна. Для правильного понимания данного явления необходимо заглянуть в далекое прошлое, постепенно исследовать этапы его зарождения, становления и развития. Такой исторический анализ позволит понять сущность данного института, пройти путь от предпосылок его возникновения до современного научного трактования, что, несомненно, имеет огромное значение для дальнейшего совершенствования взглядов на роль и значение эксперта в уголовном процессе.

Становление в государственно-организованном обществе самого уголовного процесса и судопроизводства как его составляющей неразрывно связано с достижениями научно-технического прогресса, требовавшими от лиц, осуществляющих правосудие, широкого спектра знаний в науках, ремеслах и искусстве, и как результат – появление в уголовном процессе института сведущих лиц, прообраза современного института эксперта.

«Сведущие люди (лица)» означает «знающие». Целесообразно использовать именно этот термин, так как для славянских стран, в частности для Беларуси, данное понятие наиболее приемлемо, оно издавна употреблялось в уголовно-процессуальном законодательстве России для обозначения лиц, обладающих специальными знаниями и навыками в науке, искусстве и ремесле, которые проводили судебные экспертизы, участвовали в осмотрах, освидетельствованиях, допрашивались для разъяснения научных положений, имеющих значение для дела. Под специальными подразумеваются знания, не являющиеся общеизвестными, аккумулированными в житейском обществе каждого способного разумно действовать человека, при этом в данном смысле каждое научное знание – специальное.

Становление и развитие института эксперта напрямую связаны с развитием российского госу-

дарственно-правового строя. Древнерусское право возникло одновременно с появлением древнерусского государства в последней четверти IX в. Среди сохранившихся со времен Древней Руси правовых документов наиболее известен свод древнерусского права – «Русская правда».

Проведя постатейный анализ «Русской правды», можно сделать вывод о том, что институт сведущих лиц зародился гораздо раньше, чем был регламентирован в законодательных актах. Так, проанализировав ст. 29 «Русской правды» «Если придет избитый до крови человек», можно сделать вывод о том, что роль сведущих лиц в данном случае выполняли сами участники княжеского суда, которые формально осматривали (освидетельствовали) тело потерпевшего на наличие пятен крови, синяков, то есть видимых телесных повреждений [1, с. 14]. Удостоверение наличия телесных повреждений проводилось на бытовательском, поверхностном уровне, не требующем обладания специальными знаниями в области медицины. Осмотр потерпевшего, проведенный участниками княжеского суда, принимался судом в качестве самостоятельного свидетельства совершенного преступления и не требовал дополнительных доказательств, таких, например, как свидетельские показания, что в сравнении с современным правом являлось примитивной формой доказательств, поскольку обстоятельство получения телесных повреждений не изучалось всесторонне, а лишь подтверждался сам факт наличия их на теле. Суд не изучал такие вопросы, как давность возникновения телесных повреждений, механизм их образования и т.д., так что можно предположить, что такой формализм в оценке доказательств мог привести к вынесению необоснованных судебных решений.

Другие статьи «Русской правды» также закрепляют нормы, предусматривающие лишь непосредственное восприятие наружных следов преступления, отобразившихся на теле потер-

певшего. Так, например, ст. 67 «О бороде» и ст. 68 «О зубе» Пространной редакции «Русской правды» требовали лишь подтверждения того, что телесное повреждение действительно имело место. При изучении указанных повреждений в качестве сведущих лиц также выступали члены княжеского суда.

Уже в ранних памятниках древнерусского права указывались способы борьбы с подделками. Так, например, Псковская судная грамота 1467 г. в целях предупреждения подлога требовала при совершении какой-либо сделки обращаться к княжескому писцу, который свидетельствовал сделку и выступал, таким образом, гарантом подлинности документа [1, с. 25]. Необходимость в охране документов от травлений, выскабливаний, частичного уничтожения текста возникла вскоре после развития письменности на Руси, но так как кроме визуального осмотра изучаемого объекта сведущие люди никакой методикой в выявлении подделок не владели, то законодательство видело возможность борьбы с подделками путем создания различных формальных условий, обязательных при составлении документа. Так, Судебник Ивана IV, датированный 1550 г., указывал на обязанность дьяков в судах изготавливать копии судебных решений и хранить отдельно на случай оспаривания [2]. Правосудие нуждалось в людях, способных выявлять различные способы подделок, а так как самыми осведомленными в области письма и составления документов являлись церковные дьяки и подьячие, то именно они и стали первыми привлекаемыми в процесс участниками, не имеющими прямого отношения к делу, в качестве сведущих лиц.

В XVI в. в России при рассмотрении спорных судебных дел проводилось исследование документов для установления их подлинности путем сравнения почерков и подписей. О первом известном случае исследования почерка рассказал известный профессор И.Ф.Крылов. Оно проводилось в 1508 г. по судебному делу о покупке Даниилом Давидом Кемскими у Федора Кемского вотчины Кадобое и сельца Гридинское с деревнями. Когда Федор умер, его жена Анна Кемская отказалась передать купленные деревни покупателям, которые обратились в суд. В подтверждение состоявшейся сделки они представили купчую, написанную собственноручно Федором Кемским. Защитник интересов Анны Кемской заявил, что купчая является подделкой и написана не рукой покойного Федора. Как доказательство этого он предъявил судьям в качестве образца запись, сделанную рукой Федора Кемского. В целях разрешения возникшего спорного вопроса в суд вызвали для допроса послухов (свидетелей сделки), подписавших купчую. У одного из них оказался документ, составленный Федором. По решению судей дьяками было произведено сравнение почерков спорной купчей и представленных рукописных образцов. После сравнения всех представленных образцов

дьяки признали все купчие написанными одной рукой – рукой Федора. Об этом доложили Великому князю Василию Ивановичу, который постановил отдать села и деревни в соответствии с купчими новым собственникам, а Анну приказал обвинить в подделке [3, с. 6]. Несмотря на то что данное разбирательство происходило по гражданской сделке, в нем присутствуют элементы почерковедческой экспертизы, хотя и проводимой еще на довольно примитивном, визуальном уровне, но специально уполномоченными на то лицами – дьяками, сведущими в письменности. Задолго до законодательной регламентации при рассмотрении в суде дел (как известно, законодательство не делило гражданский и уголовный процессы почти до XVIII в.), обычно касающихся долговых займов, договоров купли-продажи, наследования и т.д., именно сведущими лицами (как правило, дьяками и подьячими) проводились осмотры документов в целях установления их подлинности, а также исследовались почерки и подписи. Характерно, что уже в тот период отбирались образцы почерка «для примеру». Никакой методики проведения сравнительного анализа в то время не существовало и лица, проводившие исследование, по его окончании выражали лишь свое субъективное мнение о сходстве либо различии почерков на представленных документах.

И.Ф.Крылов описывает один из первых известных случаев производства судебно-медицинской экспертизы, относящийся к 1535 г., когда врач Феофил по поручению правительницы Елены произвел освидетельствование удельного князя Андрея Старицкого по поводу подозрения его в притворной болезни.

Обращение к помощи сведущих людей в XVI в. носило эпизодический характер. Суды прибегали к их помощи в тех случаях, когда в исходе того или иного дела были заинтересованы представители господствующих классов.

Сведущие люди привлекались для производства осмотров и освидетельствований (например, освидетельствования лекарями для определения пригодности тех или иных лиц к военной или другой государственной службе с последующим отчетом об этом в устной (на опросе) или в письменной форме). Но это направление деятельности сведущих лиц, развившееся позже в экспертизу, только зарождалось, так как в XVI в. экспертиза не была регламентирована законом, а осуществлялась в отдельных случаях по указанию главы верховной власти (по царскому указу) и не получила какого-либо заметного отделения от других форм участия сведущих людей в следственных и судебных действиях.

Несмотря на существенные недоработки в регламентации использования специальных знаний, процессуальная практика всегда шла на шаг впереди законодателя, стремясь поставить на службу правосудию научный потенциал общества, поэтому наиболее верно считать, что институты эксперта и экспертизы зародились в

России уже в XVI в. Однако в раннем государстве специальные знания сведущих лиц имели значение лишь в тех случаях, когда знаний и накопленного жизненного опыта лиц, ведущих уголовный процесс, в той или иной сфере было недостаточно. Нельзя говорить о том, что их роль была важной, скорее она носила второстепенный, чаще информативный характер.

В Беларуси процесс становления института сведущих людей в XVI в. можно проанализировать по нормам Статутов Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) в редакциях 1529, 1566 и 1588 г. Эти источники права заняли одно из основных мест в истории феодального права не только Беларуси, Литвы и Украины, но и всей Европы.

Статут ВКЛ 1529 г. стал первым в Европе сводом законов, в котором были затронуты многие отрасли права, в том числе и уголовно-процессуальная. Целесообразно рассматривать положения всех трех Статутов на основании третьего – Статута ВКЛ 1588 г., так как он разрабатывался на тезисах двух предшествующих и включил в себя основополагающие нормы предыдущих источников.

Новшеством, регламентированным в Статуте 1588 г., было то, что его нормы уже предусматривали участие конкретного знающего лица в уголовном процессе. Таким лицом был возный (в Статуте 1529 г. – виж). Возным являлось должностное лицо в местных поветовых судах, наделенное правом проведения осмотра (освидетельствования). Заключение о проведенных действиях должно было в срок не более двух недель быть зарегистрированным во «врядовых» книгах с кратким изложением. По результатам своих действий возный должен был составлять соответствующий документ, акт осмотра (освидетельствования) – квит, заверенный печатями возного и подписью участвующих лиц. Однако возный не единственное лицо, которое было наделено правом проведения осмотров (освидетельствований). Проводить указанные действия могли также соседи пострадавшего, урядники и другие заслуживающие доверия лица, которые впоследствии должны были подтвердить в суде ранее увиденное. Потерпевший также мог заосвидетельствовать уряду следы насилия на своем теле (ст. 2 разд. 11).

Следует отметить, что нормы Статута ВКЛ 1588 г. подразумевали более широкий круг участвующих в процессе сведущих людей, чем регламентировали. Так, ст. 16 разд. 1 признает преступлением подделку государственных документов, печатей, подписей, а ст. 17 разд. 1 предусматривает такой вид преступления, как фальшивомонетничество. Так как законодательство регламентировало такие виды преступлений, должны были существовать и лица, обладающие столь специфическими знаниями. Деятельность данных лиц не была регламентирована и не определяла порядка проводимых исследований; однако учитывая, что данные виды

преступлений требуют достаточно сложных форм доказывания, можно сказать, что исследования, проводимые в данной области сведущими людьми, напоминали действия современных экспертов при проведении экспертизы.

В XVII в. в России шло активное становление и развитие законодательства, однако ни в одном принимаемом законодательном акте еще не была регламентирована необходимость обращения к помощи сведущих лиц. На практике дела в данном вопросе обстояли иначе.

Осмотры документов в целях установления их подлинности и исследования почерков сведущими людьми (дьяками и подьячими) производились по гражданским делам еще в XVI в., а вот по уголовным делам осмотры документов с использованием специальных знаний стали проводиться с 1649 г., когда Соборное уложение признало подлог документов преступлением [4, с. 13]. Соборное уложение в гл. IV не только признавало подлог документов преступлением, но и называло различные способы подделок.

Выявление подделок документов, печатей, монет, сплавов металлов и сейчас требует использования специальных знаний в области физики, трасологии, технической экспертизы документов, исследования почерка, поэтому возникает уверенность в том, что к тому времени уже существовали целые системы проверки подлинности документов и выявления фальшивок и лица, осуществляющие данные проверки.

По мнению профессора И.Ф.Крылова, первая судебно-медицинская экспертиза, проведенная исключительно в целях уголовного судопроизводства, состоялась в 1649 г. Лекарь Елизар Лорант обратился к боярину Морозову с устной челобитной на замочного дела мастера Видима Гамса. По словам Лоранта, он встретил Гамса на Покровке и тот «уча лево, Елизаря, лаять матерны и всякою неподобною лаею и бил ево палкаю неведомо за што». Лорант в связи с полученными побоями просил его осмотреть «и про то сыскать». После осмотра эксперты сделали заключение, что «бит по спине, на правом боку вспухло исинево знать» [5].

Участие сведущих лиц в медицинском освидетельствовании в XVI в. оговаривалось царским указом, однако эти мероприятия уже могли проводиться, например, для установления характера телесных повреждений [4, с. 4]. Так, И.Ф.Крылов в своих исследованиях приводит пример о том, как в апреле 1669 г. царским Аптекарским приказом было предписано освидетельствование стрельца Савки Сушевского и установление, «чем он увечен и великого государя службу служить ему мочно-ль или не мочно...». Освидетельствование проводил лекарь Иван Альбанус, который и дал заключение, что «у него правая рука из плеча вышиблена и не владеет».

Встречались случаи освидетельствования и в связи с обвинениями во врачебных ошибках. Н.П.Загоскин приводит случай расследования, связанный с неправильным употреблением ле-

карств. Он интересен тем, что при этом описаны такие способы использования знаний сведущих лиц, как получение справки и допросы докторов и лекарей о порядке употребления лекарства [6, с. 65, 66].

В науке бытует мнение о том, что первым из известных законодательных актов, которым вводилась регламентация проведения судебной экспертизы признанными сведущими людьми, можно считать Указ «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения...», изданный 6 марта 1699 г., который устанавливал, что экспертизу производить («руки свидетельствовать») могут сведущие лица – только приказные дьяки и подьячие; были определены и объекты исследования (крепостные акты). Данный Указ законодательно закрепил порядок проведения исследования документов сведущими людьми. Однако, как заметил В.Н.Махов, в данном документе речь еще идет о деятельности сведущих лиц по исследованию спорных документов только в гражданском судопроизводстве [7].

Некоторое расширение законодательной регламентации использования специальных знаний произошло во время царствования Петра I. К примеру, «Артикул воинский купно с процессом, надлежащим судящим» 1715 г. (по некоторым данным – 1716 г.). Этот документ включал статьи не только о воинских и политических преступлениях, но и об уголовных. Так арт. 154–0 гл. 19 «О смертном убийстве» при назначении наказания за убийство предусматривал устанавливать по делам об убийствах причину смерти и ради этого требовал от лекарей, производящих вскрытие, проводить исследования, в результате которых последние могли установить причину смерти, то они же должны были письменно и под присягой подтвердить в суде [8]. Видно, как усложняется порядок расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенствуется система исследования телесных повреждений, проходя путь от простой констатации смерти либо наличия телесных повреждений до проведения судебно-медицинской экспертизы, использующей в качестве методики исследования вскрытие трупов с целью решения вопроса о выяснении причин смерти посредством выявления телесных повреждений, не явных для визуального осмотра тела и установления причинной связи («от битья ли смерть приключилась...») между полученными телесными увечьями и смертью. Для данных исследований стали привлекаться лица, обладающие специальными знаниями в области медицины, – лекари, причем, так как смерть могла наступать через отравление, в качестве сведущих лиц могли выступать и фармацевты, разбиравшиеся в ядах и лекарствах. Как видно, знания сведущих лиц и их заключения в очень узких областях науки начинают приобретать значение для полного и всестороннего изучения исследуемого явления.

Причем начинает формироваться стройная система участия сведущих лиц во всех случаях наступления смерти, уже не носящая эпизодического характера.

Следующим значительным шагом в становлении института сведущих людей можно считать систематизацию российского законодательства, проведенную при Николае I, приведшую к созданию свода законов уголовных 1832 г., который в 1840 г. начал действовать и на территории современной Беларуси. Именно этим документом в уголовный процесс вводится такое единое понятие, как «сведущие люди». Причем законодательством предусмотрено, что кроме должностных лиц городской и земской полиции осмотр (освидетельствование) могли проводить и иные, указанные в законе лица, такие как сельские старосты и другие должностные лица, частично выполняющие полицейские функции. Сама деятельность сведущих лиц при этом рассматривалась как средство деятельности суда, т.е. выступала как непосредственный источник убеждения судьи. Также считалось, что мнение сведущих людей вполне «заменяет мнение судьи или следователя, который призывает их на помощь» [9]. Характерным для данного памятника права является то, что ст. 197 (кн. 2 т. 15 свода законов Российской империи 1832 г. «О судоустройстве по преступлениям») уже прямо признает показания сведущих людей в качестве самостоятельных доказательств по уголовным делам. В итоге решение суда становилось результатом деятельности не только суда, но и эксперта.

Из ст. 212 свода законов уголовных следует, что если точное узнавание встречающегося в деле обстоятельства предполагает особые сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле, то надлежит истребовать о том показание и мнение сведущих людей сообразно с правилами, изложенными в главе об исследовании происшествий и осмотре. Сам же осмотр проводился по правилам, предписанным в книге Устава врачебного, разработанного на основании Указа от 18 декабря 1828 г., основные положения которого и вошли в Устав врачебный, включенный в Свод законов Российской империи 1832 г.

Статья 79 свода законов уголовных регламентировала правила осмотра мертвых, где говорилось, что осмотр должен проводиться по формальному требованию следователя, в котором необходимо указать предмет исследования, место и время с указанием лиц, которые должны участвовать в осмотре, и цели. При этом врачам ставились ясные и конкретные вопросы, на которые должны были быть получены ответы. Также Устав врачебный уже четко регламентировал тот документ, в котором должно быть изложено заключение сведущих людей – «акт осмотра тела, свидетельство, есть обстоятельный ответ на сделанный следователем вопрос относительно всего того, что оказалось и открылось при осмотре мертвого тела и от чего смерть по-

следовала...». Свидетельство должно было состоять из четырех частей: 1) введение, 2) историческая часть, 3) мнения, 4) заключения. По результатам же обычного осмотра (освидетельствования) оформлялся акт (журнал). Все обнаруженные в ходе осмотра (освидетельствования) предметы должны быть «...занумерованы, тщательно уложены, если можно, запечатаны и приобщены к делу с точною описью» (ст. 74). Таким образом, хотя в Своде законов уголовных речь еще и идет о заключениях сведущих лиц в таких формах, как показания, мнения и свидетельства, мы уже наблюдаем их схожесть с заключением эксперта в современном его понимании.

Ведущая роль в Своде законов уголовных все же отдавалась судебно-медицинской экспертизе. Доказательственная сила экспертизы определялась лишь в отношении судебно-медицинского исследования. В соответствии со ст. 1042 совершенным доказательством признавалось заключение врачей, полученное в установленном порядке.

Это не означает, что судебно-медицинская экспертиза была единственной проводимой экспертизой. Указом 1828 г. введена правовая регламентация химико-судебных исследований: когда имеется подозрение в отравлении, химическое исследование всех подозрительных веществ и употребление противодействующих средств для открытия ядов должны производиться врачебным управлением, врачами и фармацевтами по правилам науки и подробным направлениям медицинского совета Министерства внутренних дел. Это предполагало особый порядок сбора, опечатывания и хранения всех изъятых веществ. Как видно, существенно расширяется круг обязанностей сведущих лиц, определяются действия, относящиеся непосредственно к их компетенции. При этом действия сведущих лиц перестают носить произвольный характер, перед ними ставятся конкретные задачи с конкретно поставленными вопросами. Постепенно сведущие лица обретают черты самостоятельных участников уголовного процесса, что способствует объективности и всесторонности изучаемого явления.

Существенным упущением рассматриваемого законодательного акта было то, что детально оговаривались лишь действия врачей относительно осмотра трупов, действия же иных сведущих людей не регламентировались, хотя органы следствия и суд могли привлекать людей, сведущих в самых разных областях, в зависимости от нужд следствия. Достижением же законодателя явилось то, что появилось разграничение понятий осмотра и судебно-медицинской экспертизы.

С 1864 г. начался следующий этап в формировании института сведущих людей, что было связано с утверждением 20 ноября 1864 г. Судебных уставов, известных под названием «Уставы императора Александра II». В состав названных уставов вошли Учреждения судебных установлений, Устав гражданского судопроиз-

водства, Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС) и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Уставом уголовного судопроизводства был отменен формальный подход к оценке доказательств. Устав в своих положениях во многом продолжил и развил систему использования сведущих людей, регламентированную в Своде законов уголовных 1832 г. Несмотря на то что в Уставе еще не было терминов «эксперт» и «экспертиза», можно увидеть предпосылки к зарождению этих понятий.

Так, ст. 325 раздела 2 Устава предусматривала, что сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии». В отличие от предыдущих законодательных актов Устав уголовного судопроизводства определил и расширил круг лиц, которых можно считать сведущими. Так ст. 326 Устава определила: «В качестве сведущих людей могут быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность». Ст. 335 предусматривала, что оценка имущества производится либо ценщиками, или через сторонних лиц.

Судебные уставы предоставляли экспертам право самостоятельного проведения следственных действий, например, осмотра или освидетельствования (ст.ст. 325, 331 УУС).

На изучаемом историческом этапе в уголовном процессе появился так называемый альтернативный эксперт, а именно в случае отказа суда вызвать конкретное лицо в качестве эксперта сторонам предоставлялось право его пригласить за свой счет (ст.ст. 578, 557, 576 УУС).

Сведущие люди проводили исследование и представляли свои мнения и заключения по вопросам, определенным следователем или судом. Закон открывал для этой категории участников уголовного процесса возможность проявления инициативы, устанавливая, что эксперты «не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины» (ст. 333). Устав не давал прямого определения экспертизы как доказательства, но это вытекало из смысла закона, поскольку заключения экспертов должны были проверяться и оцениваться судом. Эксперты подвергались допросу сторон, присяжных и судей. По требованию сторон или присяжных заседателей или по собственному усмотрению суд мог назначить новое освидетельствование или испытание через избранных им или указанных сторонами экспертов (ст.ст. 692, 695). Устав не давал следователю права окончательной оценки акта экспертизы; следователь не имел права отвергнуть заключение экспертов, если он считал его неправильным, не при-

бега к другой экспертизе (ст. 345). Несмотря на то что институт экспертизы еще только формировался, как видно из ст. 334 гл. 4, уже существовал прообраз повторной экспертизы, проводимой другими сведущими людьми. Скорее всего, данное обстоятельство было вызвано тем, что не было процессуально закрепленной формы заключения сведущих лиц, из-за чего часто могли возникать сомнения в достоверности и обоснованности заключений. Статья же 338 повторяет положения Свода законов уголовных и указывает на необходимость в некоторых случаях участия в осмотре трупа нескольких врачей, соответственно, в данном положении виден прототип комиссионной судебно-медицинской экспертизы.

Требования к лицам, привлекаемым в уголовном судопроизводстве в качестве экспертов в соответствии с положениями Устава уголовного судопроизводства, были следующие:

- эти лица должны были быть незаинтересованными в исходе дела;
- мнения и суждения экспертов должны были быть объективными;
- эксперты должны были «иметь все качества достоверного свидетеля» (ст. 327).

Сведущие люди не могли избираться из лиц, участвующих в деле или состоящих по делу свидетелями, судьями или присяжными заседателями (ст. 693)

До принятия Устава уголовного судопроизводства сведущее лицо, производившее исследование, многими учеными, такими как Шавров, отождествлялось со свидетелем. Л.Е.Владимиров писал: «Имея весьма мало защитников в теории, данная позиция чаще всего встречалась на практике и оказывала весьма неблагоприятное влияние как на пользование экспертизой, так и на правильную оценку ее достоинства и значения» [10].

В связи с этим небезынтересной будет выдержка из публичной лекции, прочитанной в октябре 1860 г. в Императорском Санкт-Петербургском университете В.Д.Спасовичем. Излагая в лекции сущность доказательств, он, в частности, говорил: «Когда при исследовании факта преступления возникнут такие вопросы, которых решение требует особых технических познаний в науке, искусстве, ремесле, то суд уголовный по своей некомпетентности к решению этих вопросов прибегает к техникам, людям сведущим, требует от них мнения, ... заставляет учителей чистописания или секретарей решить, рукой ли подсудимого написан подложный акт, заставляет медиков решить, живым ли родился ребенок, которого труп отыскан, произошла ли смерть от раны и т.п. ...Эксперты не свидетели, они только поверщики сомнительного факта ...В случае сомнения на счет правильности суждения экспертов, правосудие может прибегнуть к другим экспертам, более сведущим в этом деле» [11, с. 29].

А.И.Винберг писал, что в науке уголовного процесса второй половины XIX – начала XX в. широкое распространение имели теории, соглас-

но которым заключение эксперта отождествлялось с приговором суда, а эксперт уподоблялся «научному судье», либо эксперту отводилась роль свидетеля или помощника судьи» [12, с. 66].

На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Первоначально эксперты и специалисты назывались сведущими, знающими лицами, т.е. обладающими специальными знаниями и навыками в науке, искусстве и ремесле, которые проводили судебные экспертизы, участвовали в осмотрах, освидетельствованиях, допрашивались для разъяснения научных положений, имеющих значение для дела.

2. В своде древнерусского права «Русская правда» понятие сведущих людей и их участие в уголовном процессе еще не регламентировано. Обращение к помощи сведущих людей в XVI в. носило эпизодический характер, суды прибегали к их помощи в тех случаях, когда в исходе того или иного дела были заинтересованы представители господствующих классов.

3. В Беларуси Статут 1588 г. регламентировал участие конкретного знающего лица в уголовном процессе. Таким лицом был возный, т.е. должностное лицо в местных поветовых судах, наделенное правом проведения осмотра (освидетельствования). По результатам своих действий возный должен был составлять соответствующий документ, акт осмотра (освидетельствования) – квит, заверенный печатями возного и подписью участвующих лиц.

4. Следующий шаг в становлении института сведущих людей – систематизация российского законодательства, проведенная при Николае I, приведшая к созданию Свода законов уголовных 1832 г., который в 1840 г. начал действовать и на территории Беларуси. Данным документом в уголовный процесс вводится такое единое понятие, как «сведущие люди». Сама деятельность сведущих лиц при этом рассматривалась как средство деятельности суда, т.е. выступала как непосредственный источник убеждения судьи. Также считалось, что мнение сведущих людей вполне «заменяет мнение судьи или следователя, который призывает их на помощь». Расширяется круг обязанностей сведущих лиц, определяются действия, относящиеся непосредственно к их компетенции. Действия сведущих лиц перестают носить произвольный характер, перед ними ставятся конкретные задачи с конкретными вопросами.

5. С 1864 г. начался следующий этап в формировании института сведущих людей, что было связано с утверждением 20 ноября 1864 г. Судебных уставов. Несмотря на то что в Уставе еще не было терминов «эксперт» и «экспертиза», прослеживаются предпосылки к зарождению этих понятий. До принятия Устава уголовного судопроизводства сведущее лицо отождествлялось со свидетелем, однако анализ Устава уголовного судопроизводства 1864 г. показывает, что было уже определено различие между сведущим лицом и свидетелем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Тихонова, О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1990. – 480 с.
2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.
3. Россинская, Е.Р. Профессия – эксперт / Е.Р. Россинская. – М.: Юристъ, 1999. – С. 6–17.
4. Никифоров, В.Н. Экспертиза в советском уголовном процессе / В.Н. Никифоров. – М.: РИО ВЮА, 1947. – С. 13–17.
5. Крылов, И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе / И.Ф. Крылов. – СПб., 1963.
6. Густев, Л.И. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг. / Л.И. Густев. – М.: Юрид. лит., 1955. – С. 65–66.
7. Махов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография / В.Н. Махов. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.
8. Памятники русского права. – М., 1961. – Вып. 8. – 355 с.
9. Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого составленный. – СПб.: Питер, 1913. – Ст. 1026, 1027, 1029, 1033, 1034, 1038, 1047.
10. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула: Афтограф, 2000. – С. 255.
11. Спасович, В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 29.
12. Винберг, А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы / А.И. Винберг. – М.: Юрид. лит., 1949. – С. 66.

Д. В. ПЕРЕВАЛОВ

В статье рассматривается проблема раскрытия сущности явлений правовой действительности. В качестве одного из решений данной проблемы предлагается использование такой методологической конструкции, как юридическая характеристика. Подвергаются разработке элементы, составляющие юридическую характеристику, а также их взаимосвязи. Определяется значение юридической характеристики в исследовании правовых явлений.

В исследовании различных явлений правовой действительности большое значение придается их юридической характеристике. Практически все правовые явления, которые подвергаются изучению в рамках научных исследований, рассматриваются с точки зрения их основных юридических свойств, роли и места в правовой материи.

Вместе с тем такая категория, как «юридическая характеристика», разработке с точки зрения правовой науки подвергалась фрагментарно. Комплексный подход при этом не использовался. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть проблему юридической характеристики явлений правовой действительности с позиции сложившихся теоретико-правовых подходов.

Юридическую характеристику явлений правовой действительности (в широком смысле) можно определить как систему взаимосвязанных обобщенных данных о наиболее типичных свойствах различных объектов реальной действительности, основанную на закономерностях юридической науки и практики реализации правовых норм.

В качестве основных составных частей юридической характеристики можно выделить следующие элементы:

- а) правовая природа явления;
- б) внешние юридически значимые признаки явления, отражающие особенности его выражения вовне.

Как представляется, юридическая характеристика любого явления будет раскрываться через его правовую природу. Эта категория, по определению С.С. Алексеева, является юридической характеристикой явления, выражающей его специфику, место и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой [1, с. 227]. Следует согласиться с мнением Ю.В.Баулина, что уяснение правовой природы понятий предполагает определение того, к какому миру явлений они принадлежат, каковы их строение, поэлементный состав, связи

и отношения, в чем заключается их роль в праве, какое их место в системе юридических категорий и понятий [2, с. 51]. Основываясь на изложенных подходах, можно констатировать, что правовая природа также является юридической характеристикой явления, но в узком смысле она отражает его юридическую сущность.

Раскрытие правовой природы любого явления напрямую связано с определением его понятия. Это обусловлено тем, что понятие, под которым традиционно понимается логическая форма мышления, отражающая определенное множество (класс) предметов или явлений действительности в общих для них существенных признаках [3, с. 26], представляет собой абстрактное, отвлеченное от конкретного предмета или явления обобщение определенного множества однородных объектов, характеристика которого распространяется на каждый объект этого класса. Исследователи рассматривают понятие как целостную совокупность суждений об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных особенностях этого объекта [4, с. 457].

Сущность – это главное, основное, определяющее в предмете, это существенные свойства, связи, противоречия и тенденции развития объекта, а явление – это внешнее обнаружение сущности, форма его проявления [5, с. 281]. Юридический характер сущности явления приобретает, когда такой объект попадает в сферу правового регулирования и должен функционировать в соответствии с определенными правовыми закономерностями. Поэтому выявление признаков, присущих исследуемому явлению и обусловленных правовыми закономерностями, позволит сформулировать его понятие, отражающее юридическую сущность такого объекта. Аналогичным образом к раскрытию сущности явлений подходят и другие исследователи, которые, в частности, осуществляют разработку проблем в теории оперативно-розыскной деятельности [6, с. 7–10].

Теоретическая ценность такого понятия состоит в том, что оно позволяет увязать воедино все аспекты любого многогранного и сложного явления правовой действительности. Его практическая значимость выражается в том, что наличие научно обоснованных положений, раскрывающих сущность и форму объекта, обуславливает системную и последовательную реализацию юридических норм, его регламентирующих. Понятия играют существенную роль в правовой науке и в праве. Т.В.Кашанина констатирует, что понятия обеспечивают единообразное понимание права и в своей массе являются общими положениями для всех правовых институтов, субинститутов или групп институтов, придают праву целостность, последовательность, нерасторжимость его содержания [7, с. 43].

Выделение существенных свойств правового явления, обособление его от схожих объектов позволяют осуществить целостное и системное познание сферы его проявления, начиная от осознания понятийного аппарата, правовой природы и видовых особенностей объекта, переходя к уяснению системного характера исследуемого феномена. А.С.Пиголкин и Е.М.Сморгунова, в частности, рассматривая определение дефиниций в нормативных правовых актах, отмечают, что у нормативных дефиниций есть существенные особенности, главная из которых состоит в том, что законодатель дает юридическому термину одно-единственное определение, включая в него все существенные, с его точки зрения, признаки, т.е. такие, которые носят регулирующий характер, имеют правовое значение [8, с. 129].

При этом существенные признаки явления, имеющие правовое значение, необходимо выделять, основываясь на сложившихся в теории права подходах, положениях действующих нормативных правовых актов, а также практики реализации юридических норм. В дальнейшем необходимо раскрыть каждый признак и показать его правовое значение, которое, как правило, отражает характер тех юридически значимых последствий, которые могут наступить при функционировании объекта в правовой реальности.

Рассмотрим с этой точки зрения, например, оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). В Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) установлено, что это одно из государственно-правовых средств защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, осуществляется гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то указанным законом, в пределах их компетенции (ст. 1) [9]. Исследователи указывают, что законодательное определение ОРД позволяет выделить признаки, выражающие сущность этой деятельности [10, с. 25, 26]:

– ОРД является разновидностью официальной государственной деятельности;

– субъектами ОРД являются только оперативные подразделения государственных органов, уполномоченных законом на ее осуществление;

– деятельность субъектов ОРД ограничена их полномочиями;

– содержание ОРД составляет проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ);

– ОРД осуществляется как гласно, так и негласно;

– ОРД имеет законодательно определенное целевое назначение: защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Теоретико-правовые подходы дают основания относить ОРД к одному из видов юридической деятельности. В действующих правовых предписаниях закреплены все существенные признаки ОРД. Практика применения юридических норм показывает, что ОРД осуществляется в рамках самостоятельного юридического процесса.

Раскрывая, например, негласный характер ОРД, можно определить, что в этом случае такая деятельность осуществляется с сокрытием факта проведения ОРМ и ведомственной принадлежности сотрудников к органам, уполномоченным на осуществление ОРД. Это влечет за собой определенные юридические последствия. В частности, сотрудники обязаны соблюдать правила конспирации при проведении ОРД (п. 5 ст. 8 Закона об ОРД).

В связи с этим можно констатировать, что указанные признаки позволяют определить специфику ОРД, ее место и функции среди схожих правовых явлений, таких, например, как контрразведывательная деятельность (далее – КРД), уголовный или административный процесс. В частности, разграничение ОРД и других видов юридической практики будет проходить по субъектам, цели и некоторым другим признакам. На это обращают внимание исследователи, когда разграничивают ОРД и КРД [11, с. 16; 12, с. 42, 43]. Вместе с тем и ОРД, и КРД, и уголовный и административный процессы будут иметь и общие признаки более высокого порядка, которые объединяют их в класс однородных явлений. Эти признаки указывают на то, что данные явления правовой действительности представляют собой разновидности юридической деятельности.

Внешние юридически значимые признаки явления правовой действительности будут характеризовать его форму и проявляться в зависимости от его правовой природы. В частности, все явления правовой действительности С.С.Алексеев разделяет на четыре группы [1, с. 227, 228]:

1) субстанциональные – нормы, права и обязанности, индивидуальные предписания, правоположения, санкции юридической ответственности, меры защиты и др.;

2) явления юридической формы – нормативные и индивидуальные акты, иные формы;

3) явления правовой деятельности – правотворчество, правоприменение, толкование;

4) явления субъективной стороны правовой действительности – правосознание, правовая культура, наука права.

Представляется, что в данном случае определены все варианты внешнего выражения имеющегося многообразия правовых явлений. Любой объект, находящийся в сфере правового регулирования, может быть отнесен к одной из указанных выше групп.

ОРД, соответственно, будет относиться к объектам третьей группы и являться разновидностью правоприменительной, юридической деятельности. При этом форма ОРД будет носить ярко выраженный процессуальный характер.

Изложенное позволяет обоснованно утверждать, что фактически правовая природа выражает содержание (сущность) любого объекта правовой реальности, а внешние юридически значимые признаки – его форму (явление). Раскрытие правовой природы позволит четко определить роль и место явления правовой действительности в системе схожих явлений, а определение его формы даст возможность сконструировать правовые нормы, которые будут направлены на его регламентацию.

Наглядно это можно продемонстрировать на примере раскрытия юридической характеристики ОРМ.

Исчерпывающий перечень ОРМ определен в ст. 11 Закона об ОРД. Однако нормативная дефиниция таких мероприятий в действующих законодательных актах отсутствует. Вместе с тем практика реализации юридических норм, регламентирующих порядок проведения ОРМ, показывает, что они представляют собой совокупность определенных действий. Эти действия в настоящее время носят непроцессуальный характер, поскольку процессуальными нормами они не регламентируются, а определяются только положениями Закона об ОРД.

Анализ ст.ст. 1, 4, 9 и 11 указанного Закона показывает, что ОРМ могут проводиться как гласно, так и негласно (негласный характер был раскрыт ранее). Осуществлять ОРМ могут только уполномоченные физические и юридические лица (сотрудники соответствующих государственных органов) (ч. 7 ст. 11 Закона об ОРД). По смыслу ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД ОРМ проводятся для решения задач ОРД.

Таким образом, выделенные существенные черты ОРМ позволяют сформулировать определение, которое будет отражать их правовую природу. ОРМ – это совокупность непроцессуальных действий, предусмотренных в Законе об ОРД, которые осуществляются гласно и негласно сотрудниками государственных органов, уполномоченных на осуществление ОРД, для решения задач ОРД.

Вовне ОРМ выражаются в виде определенных поведенческих актов, которые будут иметь объективные и субъективные элементы. Исследователи, изучающие правомерную челове-

скую деятельность, обосновывают именно такую ее методологическую модель, в которой в состав правомерного поведения включается четыре взаимосвязанных компонента: объект, субъект, субъективная и объективная стороны [13, с. 83]. С этой же теоретико-правовой точки зрения подходят к составу ОРМ и ученые в теории ОРД [14, с. 306].

Такой подход позволяет констатировать, что порядок производства ОРМ требует процессуального регулирования, который бы предусматривал не только основания и условия их проведения, но и виды документов, отражающие процесс осуществления таких мероприятий и полученные при этом результаты. В правовых нормах также должно найти свое закрепление понятие ОРМ.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Юридическая характеристика правовых явлений (в широком смысле) будет представлять собой систему взаимосвязанных обобщенных данных о наиболее типичных свойствах различных объектов реальной действительности, основанную на закономерностях юридической науки и практики реализации правовых норм. Основными элементами юридической характеристики будут являться: а) правовая природа явления; б) внешние юридически значимые признаки явления, отражающие особенности его выражения вовне.

2. Разработка правовой природы любого явления напрямую связана с определением его понятия, которое формируется на основе выделенных существенных признаков, присущих объектам правовой действительности. Признаки выделяются, основываясь на сложившихся в теории права подходах, положениях действующих нормативных правовых актов, а также практики реализации юридических норм раскрытия. Каждый признак должен быть раскрыт и показано его правовое значение, которое, как правило, отражает характер тех юридически значимых последствий, которые могут наступить при функционировании объекта в правовой реальности.

3. Внешние юридически значимые признаки явления правовой действительности будут характеризовать его форму и проявляться в зависимости от его правовой природы. Все объекты правовой реальности могут быть отнесены к одной из четырех групп в зависимости от характера внешнего проявления.

4. Правовая природа выражает содержание (сущность) любого объекта правовой действительности, а внешние юридически значимые признаки – его форму (явление). Поэтому раскрытие правовой природы позволит четко определить роль и место явления правовой действительности в системе схожих явлений, а определение его формы даст возможность сконструировать правовые нормы, которые будут направлены на его регламентацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 288 с.
2. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Харьков: Основа, 1991. – 360 с.
3. Тер-Акопов, А.А. Юридическая логика: учеб. пособие / А.А. Тер-Акопов. – М.: ИКФ Омега-Л, 2002. – 256 с.
4. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1976. – 580 с.
5. Спиркин, А.Г. Философия: учебник / А.Г. Спиркин. – 2-е изд. – М.: Гадарика, 2006. – 736 с.
6. Чечётин, А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография / А.Е. Чечётин. – М.: Издат. дом Шумиловой И.И., 2006. – 180 с.
7. Кашанина, Т.В. Правовые понятия как средство выражения содержания права / Т.В. Кашанина // Советское государство и право. – 1981. – № 1. – С. 36–43.
8. Язык закона / Боголюбов С.А. [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990. – 192 с.
9. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 289-З; в ред. Законов Респ. Беларусь от 16.06.2000 г., 09.08.2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 57. – 2/64; 2000. – № 59. – 2/175; 2004. – № 126. – 2/1063; 2007. – № 4. – 2/1292.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / О.А. Вагин [и др.]. – М.: Норма, 2006. – 448 с.
11. Шумилов, А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов / А.Ю. Шумилов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Издат. дом Шумиловой И.И., 2007. – 375 с.
12. Землянов, В.М. Своя контрразведка: практич. пособие / В.М. Землянов; под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2002. – 416 с.
13. Кудрявцев, В.Н. Закон. Поступок. Ответственность / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1986. – 448 с.
14. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / О.А. Вагин [и др.]; под ред. К.К. Горяинова [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 794 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОРГАНИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

И.Н.РАЧКОВ

Рассматриваются особенности организации деятельности правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с транзитом наркотических средств по территории нескольких государств. Предлагается для использования в практической деятельности комплекс мероприятий, направленных на выявление и изобличение участников организованных преступных сообществ, противоправными действиями которых создаются нелегальные каналы контрабандного ввоза наркотических средств и психотропных веществ в Республику Беларусь.

Важной составной частью международной преступности являются преступления международного характера, предусмотренные как соответствующими конвенциями, так и внутренними (национальными) уголовными законами. Наиболее опасными и распространенными являются: международный терроризм во всех его проявлениях; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ; незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ; незаконная миграция, работорговля, торговля женщинами и детьми; преступления в сфере высоких технологий; коррупционные преступления, связанные с контрабандой, незаконным перемещением капиталов, их легализацией («отмыванием»), незаконным экспортом-импортом стратегического сырья и материалов [1, с. 34, 35].

Группировки, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков, нередко включающие в себя представителей нескольких государств, проводят совместные преступные акции во многих сферах преступного бизнеса, представляющего международную опасность, в силу чего практически всем государствам причиняется существенный экономический ущерб. Основная часть доходов от незаконного оборота наркотиков используется не только для расширения экономической базы преступных формирований внутри страны, но и легализуется за рубежом, чтобы вернуться в оборот под видом «законных» денежных средств. Преступные сообщества стремятся перевести полученные в результате теневого предпринимательства капиталы в различные страны, используя для этого банки и финансовые учреждения, расположенные в том числе и в оффшорных зонах [2, с. 17, 18].

В настоящее время серьезную опасность представляют появившиеся признаки перехода наркобизнеса от организации по «национальному признаку» к интеграции различных «национальных» наркокартелей. [3, с. 30] На укрепление позиций отечественного наркобизнеса оказывает влияние и такой немаловажный фактор, как интернационализация этой преступной деятельности, вызванная интеграцией финансовых и товарных рынков. Силами правопорядка многих государств отмечается криминальная активность электронной торговли наркотиками: заключаются договоры о наркосделках, назначаются явки и т.д. [4, с. 32, 33].

В системе правоохранительных органов до настоящего времени отсутствуют общие подходы, определяющие тактику организации борьбы с наркобизнесом в международном масштабе. И причиной тому является концентрация усилий в основном на выявлении мелких сбытчиков наркотических средств. Тогда как необходима разработка правоприменительной тактики борьбы с наркомафией, что гораздо шире, чем методика расследования преступлений линии НОН [3, с. 32].

На территорию Республики Беларусь наркотические средства и психотропные вещества поступают со всех прилегающих государств. Метадон завозится с территории Российской Федерации и Польши; маковая соломка – с территории Украины; героин – с Российской Федерации; кокаин, амфетамин (метамфетамин) – с территории Польши и Литвы; МДМА – с территории Литвы. Марихуана, лекарственные средства, содержащие психотропные вещества, поступают из Украины.

Стратегические операции, проводимые по линии борьбы с наркобизнесом и контрабандой наркотиков, предполагают организацию работы

на данном направлении в рамках всей системы правоохранительных органов. В рамках межведомственного и международного взаимодействия стратегические операции могут иметь оперативно-профилактический характер («Канал», «Периметр») либо целевую направленность (противодействие африканским, азиатским наркоструктурам на территории СНГ, пр.) [5, с. 100].

Правовой основой для проведения операции «Канал» являются межправительственные (межведомственные) соглашения, заключенные с различными странами в области борьбы с наркопреступностью [6, с. 27].

В настоящее время между МВД Республики Беларусь и Федеральной службой Российской Федерации заключены соглашения от 22 ноября 1999 г. и 20 мая 2005 г., предусматривающие обмен представляющей взаимный интерес оперативно-розыскной, справочной, криминалистической и иной информацией относительно совершаемых, подготавливаемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и причастных к ним лиц. Кроме того, планирование и осуществление скоординированных мероприятий и операций, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, включая в необходимых случаях проведение контролируемых поставок. Данные соглашения не затрагивают вопросы выдачи и правовой помощи по уголовным делам.

Аналогичные соглашения заключены между правительствами государств – участников содружества независимых государств, а также между Министерствами внутренних дел Республики Беларусь и Итальянской Республики, Объединенных Арабских Эмиратов, Турецкой Республикой, Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики, между Правительствами Республики Беларусь и Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Словацкой Республики, Исламской Республики Иран. С Правительствами Литовской Республики, Республики Польша, Федеративной Республики Германии, Чешской Республики имеются заключенные соглашения о таможенном сотрудничестве в борьбе с контрабандой наркотиков [7].

Непосредственным основанием для проведения операции «Канал» является совместный план ее проведения с зарубежными странами [6, с. 27]. Этот план должен предусматривать правильное сочетание возможностей оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Для его выполнения должны создаваться группы совместного расследования, что предусмотрено ст. 20 Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 8 ноября 2001 г., а также ст. 19 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснацио-

нальной организованной преступности, ст. 63 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной странами – участницами СНГ 7 октября 2002 г. в Кишиневе [8, с. 196, 197].

Планирование совместных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий должно проводиться при широком использовании основных положений ситуационного подхода [9, с. 49].

Анализ судебной и следственной практики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, показывает, что для эффективной борьбы с данным видом противоправных деяний необходимо создание ситуаций, при которых действия лиц, совершающих незаконный сбыт, транспортировку, пересылку наркотиков, осуществлялись под контролем сотрудников правоохранительных органов.

Для пресечения деятельности преступных сообществ, участвующих в организации международного наркобизнеса и контрабандного ввоза наркотических средств на территорию Республики Беларусь, требуется:

1) проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий на территории отдельного государства с целью выявления лиц, реализующих наркотические средства (психотропные вещества) в определенной местности (районе), а также взаимодействующих с ними субъектов, занимающихся распространением наркотиков по территории государства;

2) установление связей распространителей с субъектами, осуществляющими ввоз наркотических средств на территорию Республики Беларусь, выполняемых последними ролей; фиксация их последующих преступных действий, связанных со сбытом наркотиков распространителям и ввозом наркотиков на территорию государства;

3) в рамках международного сотрудничества – установление лиц, поставляющих данным субъектам подлежащие контрабандному ввозу на территорию Республики Беларусь наркотические средства; выявление системы финансирования приобретаемых на территории зарубежных государств наркотических средств; проведение комплексов мероприятий сотрудниками правоохранительных органов взаимодействующих государств в отношении установленных поставщиков наркотиков, в целях выявления и изобличения всех членов образуемого ими криминального сообщества, посредством проведения «агентурных операций» [10, с. 137–141]; установление способов осуществления контрабанды наркотиков [10, с. 133–136; 11];

4) проведение международных контролируемых поставок с целью отслеживания маршрутов

движения перемещаемых наркотических средств, выявления лиц, участвующих в их транзите;

5) задержание членов преступного формирования, участвующих в организации ввоза наркотических средств на территорию государства, а также лиц, выполняющих роль курьеров, после передачи последними членам данной группировки ввезенных наркотических средств;

6) изъятие наркотических средств в результате проведения осмотров автомобилей, личного обыска задержанных лиц;

7) поиск наркотических средств в результате проведения обысков по месту жительства задержанных, в иных ранее установленных местах хранения наркотиков;

8) установление особенностей преступной деятельности курьеров и контрабандистов в результате проведения их допросов;

9) проведение повторных (дополнительных) допросов данных субъектов, с использованием предоставленных следствию материалов оперативно-розыскной деятельности;

10) устранение противоречий в показаниях задержанных лиц в результате проведения между ними очных ставок;

11) по задержанию субъектов, осуществляющих ввоз наркотических средств в страну, являющуюся конечным пунктом их назначения, проводятся мероприятия по задержанию субъектов наркобизнеса, причастных к системе незаконного транзита наркотических средств, выявленных в результате проведения международной контролируемой поставки, а также иных оперативно-розыскных мероприятий. С учетом особенностей системы финансирования международных поставок наркотических средств в ходе дальнейшего расследования доказываемся уча-

стие установленных субъектов в незаконном транзите наркотиков в составе тех или иных видов преступных сообществ. Вина указанных лиц будет устанавливаться посредством получения необходимых доказательств в результате их первоначальных допросов, проведения обысков их жилищ, принадлежащих им транспортных средств, изъятия необходимой информации из используемых ими средств мобильной связи, компьютерных систем, повторных допросов с использованием предоставленных следствию материалов оперативно-розыскной деятельности, приобщения к материалам расследуемых дел сведений о движении денежных средств по банковским счетам, связанных с финансированием незаконных поставок наркотических средств, проведением очных ставок между членами выявленных криминальных формирований.

Из вышеизложенного следуют выводы:

1) посредством установления субъектов незаконного наркобизнеса, занимающихся контрабандным ввозом наркотиков на территорию государства, создаются условия для проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, позволяющих выявлять и изобличать взаимодействующих с ними членов преступных сообществ, занимающихся незаконным транзитом наркотических средств по территории зарубежных государств;

2) для эффективного раскрытия и расследования незаконного оборота наркотических средств, совершаемого на территории нескольких государств, требуется знание закономерно-стей системы данного вида противоправных деяний, а также укрепление международного сотрудничества в целях создания благоприятных условий для борьбы с международным наркобизнесом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цепелев, В.Ф. Борьба с международной преступностью как объект сотрудничества государств / В.Ф. Цепелев // Преступность в России: причины и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – С. 34–35.

2. Майдыков, А.Ф. О некоторых направлениях борьбы с преступностью в современных условиях / А.Ф. Майдыков // Преступность в России: причины и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – С. 16–19.

3. Гасанов, К.К. Наркоситуация: состояние, проблемы и перспективы (по данным северо-западного федерального округа Российской Федерации) / К.К. Гасанов, В.Ю. Рыбников // Предупреждение преступлений в федеральных округах России: сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. – С. 24–32.

4. Жданова, Е.В. Наркобизнес – глобальная угроза безопасности Российской Федерации / Е.В. Жданова, Т.В. Прокофьева // Проблемы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом: сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – С. 28–34.

5. Прохоров, Д.А. Использование термина «специальная операция» применительно к формам борьбы с международным наркобизнесом / Д.А. Прохоров // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: тезисы докладов междуна-

родной научно-практической конференции. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2008. – С. 100–101.

6. Галахов, С.С. Роль органов внутренних дел в системе профилактики наркомании и предупреждения правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (особенности работы с несовершеннолетними): учебное пособие / С.С. Галахов, Г.Н. Драган, Л.В. Кондратюк. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – 56 с.

7. Международные договоры [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск.

8. Матвейчев, Ю.А. Совместная следственно-оперативная группа как форма международного сотрудничества при расследовании преступлений: Проблемы правового регулирования деятельности / Ю.А. Матвейчев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: тезисы докладов международной научно-практической конференции. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2008. – С. 196–198.

9. Волчецкая, Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учебное пособие / Т.С. Волчецкая. – Калининград: Изд-во КГУ, 2001.

10. Верещагин, В.А. Предупреждение, выявление и расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных на территориях нескольких государств – участников СНГ: учебно-методическое пособие / В.А. Верещагин, М.Ю. Воронин, Г.Н. Драган. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – 157 с.

11. Организация деятельности органов внутренних дел по обнаружению наркотических средств, перевозимых внутриполостным способом: методические рекомендации. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – 26 с.

ИМЕЮТСЯ ЛИ ОСНОВАНИЯ ПОДОЗРЕВАТЬ?

С.В.РЫБАК

Рассматривается проблема законодательной регламентации оснований возникновения подозрения. Действующий уголовно-процессуальный закон, употребляя термин «подозрение» более двух десятков раз, в том числе и для регулирования правоотношений, возникающих в рамках таких институтов, как задержание и реабилитация, не определяет грань между возникновением подозрения и его отсутствием, то есть не регламентирует достаточную совокупность сведений, при наличии которых можно будет считать, что у органа уголовного преследования возникло обоснованное предположение о совершении тем или иным лицом уголовно-наказуемого деяния. Анализ содержания ст. 108 УПК приводит к выводу об отождествлении законодателем оснований задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления с предпосылками зарождения самого подозрения. В связи с этим автором предлагается формулировка оснований возникновения подозрения.

Демократизация общества и становление правового государства предполагают усиление гарантий прав и законных интересов личности. Особое значение это положение приобретает в сфере уголовно-процессуальной деятельности, которая в силу объективной необходимости немислима без вторжения в личную жизнь граждан и применения к ним государственного принуждения. Участником уголовного процесса, который, как правило, первым подвергается мерам процессуального принуждения, является подозреваемый.

Законодатель наделил орган уголовного преследования правом определять момент появления подозреваемого по собственному усмотрению, предусмотрев для этого возможность принятия соответствующих процессуальных решений, регламентированных ст. 40 УПК. Но произвольная и бесконтрольная реализация данного права может повлечь за собой существенное злоупотребление участием подозреваемого в уголовном процессе: необоснованное придание лицу указанного статуса или необоснованное лишение его такового. Во избежание подобного негативного явления, по нашему мнению, в УПК необходимо четко и однозначно закрепить понятие подозрения как материального основания появления подозреваемого.

Действующий уголовно-процессуальный закон не определяет грань между возникновением подозрения и его отсутствием, то есть не регламентирует достаточную совокупность сведений, при наличии которых можно будет считать, что у органа уголовного преследования возникло обоснованное подозрение о совершении конкретным лицом уголовно-наказуемого деяния, не называет исходных позиций, с которых в деле возникает подозрение.

Смысловой анализ содержания ст. 108 УПК наводит на мысль об отождествлении законодателем оснований возникновения подозрения с основаниями задержания. Действительно, исходя из анализа синтаксической конструкции выражения «если имеются другие достаточные основания подозревать в совершении преступления...», употребляемого в п. 4 ч. 1 ст. 108 УПК, можно предположить, что речь в пп. 1–3 этой же статьи также идет об основаниях возникновения подозрения. С другой стороны, ч. 2–4 ст. 108 УПК ссылаются на указанную выше норму как регламентирующую основания задержания. Следовательно, законодатель не проводит грани между предпосылками возникновения подозрения и задержания. Касаясь рассматриваемой проблемы, еще в середине 30-х годов XX века И. Байрон отмечал, что подозрение и задержание – это хотя и органически взаимосвязанные, но все же абсолютно разные атрибуты уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 91–93]. Наиболее точную аргументацию этой точки зрения приводит Н.А. Козловский, который справедливо отмечает, что подозрение преследует цель обозначить с определенной степенью вероятности причастность лица к совершению преступления и на этом основании вовлечь данное лицо в качестве подозреваемого в производство по уголовному делу с предоставлением ему для этого предусмотренных законом прав и возложением на него соответствующих обязанностей. Задержание, по мнению ученого, «подчинено обеспечению надлежащего поведения лиц, подозреваемых в совершении преступлений, в интересах судьбы уголовного дела» [2, с. 107, 108]. Процессуалист одним из первых открыто ставит вопрос о том, что для возникновения подозрения и за-

держания должны быть разные основания, обращая внимание на отождествление их законодателем. Не учитывать этого обстоятельства – значит «путем подмены названных понятий оправдывать возможный риск усиления репрессивного характера деятельности правоохранительных органов» [2, с. 108].

В связи с этим трудно назвать редакцию ст. 108 УПК Республики Беларусь безупречной. Материальные основания задержания, впрочем как и иных мер процессуального принуждения, несмотря на предпринятую законодателем попытку (ст.ст. 108, 128), реально в УПК отражения не нашли. Вместе с тем в ст. 117 УПК приводится исчерпывающий перечень оснований применения мер пресечения. Исходя из общетеоретического понимания государственного принуждения и отраслевого назначения данного института, думается, что материальные основания применения любой меры процессуального принуждения должны формулироваться аналогичным образом. Отличаться друг от друга они могут лишь по степени достоверности сведений, необходимых для их применения. Так, применение любой меры пресечения должно основываться на совокупности фактических данных, свидетельствующих о том, что лицо воспрепятствует производству по делу. Чем строже мера принуждения, тем большей достоверностью эти сведения должны обладать. Меры пресечения наиболее существенно ограничивают права граждан, поэтому для их применения фактические данные обличаются в форму доказательств, характеризующихся более высоким уровнем истинности знаний (доказательствами являются фактические данные, собранные, проверенные и оцененные в установленном УПК порядке). Наряду с этим, материальным основанием задержания должно являться наличие достаточных данных, указывающих на то, что подозреваемый может скрыться от органа уголовного преследования; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызову органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора. В любом случае мера процессуального принуждения должна носить производный, вторичный характер по отношению к подозрению и не может его порождать. Последнее, в свою очередь, является обязательным условием для ее применения.

Что касается оснований возникновения подозрения, думается, что формулировать их необходимо, отталкиваясь от содержания пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК, так как именно в них законодатель перечислил случаи, в которых можно говорить о возникновении обоснованного предположения о совершении конкретным лицом престу-

пления. Оно не является предпосылкой для задержания, а лишь порождает подозрение как условие задержания, для проведения которого дополнительно необходимы данные, указывающие на возможность лица воспрепятствовать производству по материалам и уголовному делу перечисленными выше способами. К аналогичному выводу позволяют прийти также результаты этимологического и лингвистического анализа термина «подозрение». Таким образом, попытаемся путем теоретического исследования положений пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК, внесения в них с учетом особенностей отечественного законодательства ряда изменений и дополнений ориентировать их содержание на создание перечня оснований возникновения подозрения.

Нетрудно заметить, что при формулировании оснований для задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, в пп. 1–3 ч. 1 ст. 108 УПК употребляется термин «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». В то же время в п. 4 ст. 108 УПК, где речь уже ведется о подозрении, законодателем используется категория «преступление». Аналогичная ситуация встречается и в самом названии ст. 108 УПК: «Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления». Таким образом, в тех нормах УПК, где говорится исключительно о подозрении, употребляется понятие «преступление». Вряд ли это можно назвать неточностью. Скорее в уголовно-процессуальном законе умышленно применен именно этот термин. Очевидно, что понятие «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» как по субъекту его совершения, так и по содержанию шире «преступления». К примеру, лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, не является субъектом преступления. Его действия направлены на совершение предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. (Не может совершить преступление и лицо, о котором идет речь в ч. 1 ст. 442 УПК, так как оно также не является субъектом преступления. Помимо этого, ряд статей особенной части УК предусматривает наличие специального субъекта. Если же лицо не относится к таковому, то правильнее говорить о совершении им общественно опасного деяния, предусмотренного УК, а не преступления). Законодатель вынужден пользоваться этим термином, дабы включить указанную категорию лиц в перечень объектов задержания. Не может идти речи о преступлении и в тех случаях, когда в действиях лица отсутствует признак виновности, что не мешает говорить о совершении им общественно опасного деяния, предусмотренного УК. Что касается подозрения, то для его возникновения не имеет значения, является ли это лицо субъектом преступления в уголовно-правовом смысле. В ряде случаев подозрение возникает внезапно (в 117 из 300 уголовных дел, что составило 39 %). Так, при обнару-

жении лица на месте происшествия у органа уголовного преследования уже возникает обоснованное подозрение о совершении лицом преступления. В связи с тем, что подозрение – это субъективное предположение, на его внезапное возникновение никак не повлияет тот факт, является ли лицо субъектом преступления. Это обстоятельство будет учитываться при принятии последующих решений: о возбуждении уголовного дела, о применении к лицу меры пресечения и т.д. С другой стороны, нередки ситуации, в которых подозрение возникает уже в процессе расследования уголовного дела, когда в отношении лица собрана информация о его возрасте и вменяемости. В зависимости от ее содержания следователь, дознаватель подозревает его уже конкретно в совершении либо преступления, либо общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Какой же термин использовать законодателю при обращении к понятию «подозрение», чтобы он соответствовал всем ситуациям? С целью исключения необходимости закрепления альтернативы (преступление или предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние) в нормах, содержащих указание на подозрение, представляется рациональным употребление в них конструкции «деяние, содержащее признаки преступления».

Учитывая высказанное предложение, перейдем непосредственно к анализу содержания п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК, который изложен следующим образом: «если лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения».

Смысловое содержание словосочетания «при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния» не вызывает спорных толкований. Как правило, здесь имеется в виду факт обнаружения лица на месте происшествия в момент его совершения.

«Непосредственно после совершения общественно опасного деяния» означает, что подозрение возникло в результате обнаружения лица на месте происшествия, при попытке покинуть данное место или в ходе преследования сразу после того, как произошло преступное посягательство (преступление окончено; выполнены действия по приготовлению к совершению преступления; состоялось покушение на его совершение). Здесь важно то, что к моменту обнаружения деяния, содержащего признаки преступления, противоправные действия были уже завершены либо лицо «хотя и отказалось от достижения общественно опасного результата, но успело совершить действия, которые образуют состав преступления» [3, с. 40]. Трудно не согласиться с тем, что в спорных ситуациях реальность признака «непосредственности» будет оцениваться самим субъектом возникновения подозрения.

Формулируя рассматриваемую нами норму, законодатель употребляет термин «застигнут», при этом не уточняя значение, которое вложено

в данное понятие. В толковых словарях указанное понятие разъясняется практически однообразно. Так, В.И. Даль определяет названный термин следующим образом: «Застигать кого, где; захватить, застичь, найти нечаянно, исплощить с умыслу или случайно» [4, с. 640]. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова трактуют исследуемое понятие, как «внезапно захватить, застать» [5, с. 220]. Т.Ф. Ефремова и С.А. Кузнецов характеризуют происхождение термина «застигнут» от глагола «застигать», обозначающего процесс внезапного, неожиданного обнаружения кого-либо где-либо в каком-либо положении, состоянии [6, с. 527; 7, с. 347].

В быденном понимании слово «застигнут» подчеркивает внезапность обнаружения кого-либо за совершением каких-либо действий или в определенном месте. На основании приведенного анализа довольно спорным является момент использования термина «застигнут» к случаям захвата лица непосредственно после совершения деяния, содержащего признаки преступления. По нашему мнению, в данной ситуации более логично было бы употребить слово «обнаружено».

Таким образом, можно предложить следующую формулировку первого основания возникновения подозрения: «Когда лицо застигнуто при совершении деяния, содержащего признаки преступления, или обнаружено непосредственно после его совершения».

Пункт 2 ч. 1 ст. 108 УПК предоставляет право осуществить задержание в том случае, когда очевидцы преступления, в том числе и лицо, пострадавшее от преступления, прямо указали на данное лицо как на совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние или захватили его в порядке, предусмотренном ст. 109 УПК.

Очевидцы – это лица, которые в момент совершения преступления находились на месте происшествия или недалеко от него и лично наблюдали за происходящими событиями. Законодателем не случайно в исследуемой норме употребляются термины «очевидец» и «лицо, пострадавшее от совершения преступления», чем подчеркивается возможность возникновения исследуемого основания и до возбуждения уголовного дела, то есть до приобретения очевидцами процессуальных статусов свидетелей, потерпевших и т.д. Здесь же следует обратить внимание на то, что лицо, пострадавшее от преступления, в нашем случае фактически является очевидцем, но умышленно обособлено законодателем с помощью словосочетания «в том числе и». Как нам представляется, сделано это было с целью подчеркнуть наличие у пострадавшего от преступления личной заинтересованности в скорейшем обнаружении преступника, что может повлиять на объективность предоставляемой им информации. При формулировании аналогичного основания возникновения подозрения нам видится необоснованным акцентирование внима-

ния на пострадавшем, так как личная мотивация может присутствовать и у других очевидцев, не являющихся пострадавшими, а также информация может быть искажена любым очевидцем в силу неверного восприятия обстоятельств преступления и примет преступника (испуг, физическое воздействие со стороны лица, совершившего преступление, неблагоприятные условия восприятия и т.д.).

Термин «указать» включает в себя как устные заявления очевидцев (до возбуждения уголовного дела), так и показания свидетелей и потерпевших (после приобретения данными участниками соответствующих процессуальных статусов). Указание может иметь форму визуального распознавания объекта, а также конкретизации его анкетных данных.

В исследуемой норме категория «очевидцы» применяется во множественном числе. По нашему мнению, обоснованность «указания» в этом случае зависит не от количества очевидцев, а от конкретности, убедительности и достоверности сообщенной информации. На практике не редки ситуации, когда один очевидец располагает столь убедительными сведениями, что их можно считать достаточными для возникновения обоснованного подозрения.

Согласно закону очевидцы должны прямо указать на лицо, совершившее преступление. Прямое указание означает исключение вероятных или предположительных заявлений, которые в данном случае не будут основанием для возникновения подозрения. Примером последних может служить описание общих примет лица, совершившего преступление.

Таким образом, второе основание возникновения подозрения представляется целесообразным сформулировать в следующем виде: «Когда очевидцы (очевидец) прямо указали на данное лицо как на совершившее деяние, содержащее признаки преступления».

Пункт 3 ч. 1 ст. 108 УПК в качестве одного из оснований задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления регламентирует ситуацию, когда «на этом лице, при нем, на его одежде или других используемых им вещах, в его жилище, иных используемых им помещениях, на рабочем месте или транспортном средстве обнаружены явные следы, указывающие на его причастность к совершению предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния».

Определение того, насколько следы являются явными, относится к субъективной оценке следователя, дознавателя. В ряде случаев необходимо проведение экспертизы для признания следов преступления «явными», и только заключение эксперта может служить основанием для возникновения подозрения. Зачастую явные следы не видны «невооруженным глазом», а могут быть обнаружены лишь с помощью технических средств. В теории под явными следами принято считать такие следы, происхождение

которых не вызывает сомнения в их связи с преступлением, а также которые указывают на взаимосвязь между конкретным лицом и фактом совершения преступления. Относимость обнаруженных следов к преступному деянию должна выясняться на основе оценки совокупности всех данных, содержащихся в деле или материалах проверки. Требование о явности следов предполагает, в первую очередь, отсутствие реальных объяснений об их происхождении лицом, у которого они обнаружены. К явным следам следует отнести похищенные предметы, орудия преступления, наркотические средства, телесные повреждения, следы борьбы, следы крови, спермы и различных выделений человеческого организма, помеченные установленным образом сотрудниками милиции предметы и т.п.

Обнаружить следы преступления «на лице» означает установить их наличие на теле, что достигается с помощью освидетельствования. Помимо того, на теле могут быть спрятаны предметы или вещества, имеющие прямое отношение к совершению преступления. Употребляя термин «при нем», законодатель предполагает обнаружение предметов в одежде, в руках, во рту, внутри тела (в желудке, горле и т.д.), в волосах, в обуви. В свою очередь, «на одежде и других используемых вещах» означает отыскание следов преступления при наружном визуальном обследовании одежды и других вещей. В УПК нет определения «вещи». В данном случае необходимо обратиться к гражданскому праву. По мнению авторов комментария к Гражданскому кодексу, вещами являются «предметы материальной и духовной культуры и предметы, созданные самой природой» [8, с. 276].

В п. 6 ст. 6 УПК содержится определение понятия жилище. Не вызывает сложности в осмыслении и термин «иные используемые помещения». Вместе с тем явные следы могут быть обнаружены и в помещениях, которые ни титульным владельцем, ни иным лицом не используются. В этом случае факт обнаружения следов преступления можно отнести к другим данным, указывающим на причастность владельца или собственника к его совершению и которые могут породить обоснованное подозрение лишь в совокупности с иными фактами. В то же время следует обратить внимание на то, что подозрение о причастности к совершению деяния, содержащего признаки преступления, возникает как в отношении лица, эксплуатирующего помещение, в котором обнаружены явные следы, так и в отношении его законного владельца (или собственника), а также иных лиц, имеющих туда доступ. Обоснованным оно будет лишь в том случае, когда явные следы указывают на конкретного гражданина.

В некоторой степени дискуссионным является употребление в исследуемой норме термина «рабочее место». Трудовой кодекс Республики Беларусь определяет его как «место постоянного

или временного пребывания работника в процессе трудовой деятельности» [9, ст. 31]. Разъясняя данную норму, авторы комментария к трудовому кодексу уточняют, что непосредственно на этом месте работник должен выполнять свои трудовые обязанности. К примеру, рабочим местом может являться участок производственной площади, оснащенный необходимым оборудованием, офис, торговый зал, их часть и т.д. [10, с. 144]. Однако стоит учитывать, что в некоторых случаях рабочее место вообще трудно определить (почтальон, разнорабочий, дворник, строитель и т.п.). Поэтому в таких ситуациях, по нашему мнению, не совсем уместно говорить об обнаружении следов преступления на рабочем месте. В то же время помещение, где осуществляется лицом трудовая деятельность, включается в упомянутое понятие «иные используемые помещения», так как оно используется для работы. Границы данного помещения могут иметь четкое материальное очертание (стены, забор), а также быть обозначены условно (рабочий станок в цеху, стол в кабинете и т.д.). Трудовая деятельность также может осуществляться частично. Например, преподаватель помимо работы на своем месте в кабинете проводит занятия в аудиториях и лекционных залах, посещает библиотеки, участвует в научных конференциях, семинарах. Однако большую часть времени все же проводит в кабинете за рабочим столом, что и позволяет говорить о нем как о «рабочем месте». Существенную роль в определении рабочего места играет место нахождения предметов и средств труда. В приведенном выше примере к ним относятся письменные принадлежности, печатная машинка, персональный компьютер и т.д. Таким образом, в контексте исследуемой нормы «рабочее место» представляет собой условно ограниченное пространство, на котором осуществляется основная трудовая деятельность лица и находятся необходимые для этого средства и предметы труда.

Определенные сложности возникают и при осмыслении словосочетания «следы на транспортном средстве». По-видимому, законодатель включает в это понятие все следы, обнаруженные в пределах транспортного средства: внутри его или на нем, которое находится во владении или пользовании лица, но не связано с его трудовой деятельностью. Для профессионального водителя автомобиль будет являться рабочим местом. Более того, транспортное средство в гражданско-правовом понимании является движимым имуществом и в контексте исследуемой нормы полностью охватывается понятием «используемые или принадлежащие вещи». Поэтому выделять транспортное средство среди других используемых лицом или принадлежащих этому лицу вещей, даже если речь ведется о месте обнаружения явных следов, представляется неоправданным.

Казалось бы, исследуемое основание возникновения подозрения, с учетом проведенного анализа его составляющих, можно сформулировать

в следующем виде: «Когда на лице, при нем, на его одежде, используемых или принадлежащих ему вещах, в его жилище, законном владении или иных используемых им помещениях, а также на рабочем месте обнаружены явные следы, указывающие на его причастность к совершению деяния, содержащего признаки преступления». Однако после глубокого теоретического осмысления всех возможных ситуаций, связанных с рассматриваемым основанием, можно поставить под сомнение необходимость конкретизации места обнаружения явных следов. Да и сама попытка охватить в УПК все случаи возникновения подозрения способом их перечисления видится трудновыполнимой. По нашему мнению, акцент в данной норме необходимо сделать именно на явности этих следов, указывающих на причастность конкретного лица к совершению деяния, содержащего признаки преступления. Формулировку основания следует предоставить в общем виде, без уточнения конкретного места обнаружения явных следов. В результате этого будут учтены практически все возможные ситуации, порождающие обоснованное подозрение.

Таким образом, представляется возможным предложить следующую редакцию рассматриваемого основания возникновения подозрения: «Когда при производстве следственных и других процессуальных действий обнаружены явные следы, свидетельствующие о совершении конкретным лицом деяния, содержащего признаки преступления».

Пункт 4 ч. 1 ст. 108 УПК в качестве основания задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления называет наличие других достаточных оснований подозревать лицо в совершении преступления.

Очевидно, что в уголовно-процессуальном законе невозможно учесть и привести весь исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении деяния, содержащего признаки преступления определенным лицом. УПК может регламентировать лишь наиболее весомые, значимые из них. Гарантии законности и обоснованности возникновения подозрения заключаются не в исчерпывающем перечне его оснований, а в четком определении их содержания, в которое входят фактические данные об обстоятельствах общественно опасного деяния и лице, его совершившем. Поэтому представляется необходимым предусмотреть одним из оснований возникновения подозрения наличие иных фактических данных о совершении конкретным лицом деяния, содержащего признаки преступления. Эти данные должны свидетельствовать о фактах, которые в отдельности по сравнению с описанными выше (основания 1–3) не столь убедительно указывают на совершение лицом деяния, содержащего признаки преступления, но их достаточная совокупность позволяет обоснованно подозревать

в этом конкретного гражданина. Примером таких фактов может служить обнаружение на месте происшествия предметов, принадлежащих лицу, данные осмотра места происшествия, указывающие на совершение преступного деяния определенным лицом, показания одного из соучастников, оперативно-розыскные данные, показания лица, не являющегося очевидцем (свидетеля или потерпевшего), совпадение примет лица с теми, на которые указали потерпевший или свидетели, явка лица с повинной, материалы ревизий, инвентаризаций, попытка уничтожить или скрыть следы деяния, содержащего признаки преступления (орудие, предмет и т.д.), сведения, почерпнутые из писем и заявлений граждан, сообщений общественных организаций и т.д. Количество элементов в совокупности данных об определенных фактах. Слово «иные» в предлагаемой конструкции подчеркивает их различие по содержанию с теми, которые порождают возникновение подозрения по изложенным выше трем основаниям.

Изложенное позволяет сформулировать следующее основание возникновения подозрения: «Когда имеется совокупность иных фактиче-

ских данных, указывающих на совершение конкретным лицом деяния, содержащего признаки преступления».

Таким образом, решая вопрос о наличии либо отсутствии достаточных данных, дающих возможность обоснованно подозревать лицо в совершении деяния, содержащего признаки преступления, представляется необходимым законодательно сформулировать основания возникновения подозрения в следующем виде:

- когда лицо застигнуто при совершении деяния, содержащего признаки преступления или обнаружено непосредственно после его совершения;
- когда очевидцы (очевидец) прямо указали на данное лицо как на совершившее деяние, содержащее признаки преступления;
- когда при производстве следственных и других процессуальных действий обнаружены явные следы, свидетельствующие о совершении конкретным лицом деяния, содержащего признаки преступления;
- когда имеется совокупность иных фактических данных, указывающих на совершение конкретным лицом деяния, содержащего признаки преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрон, И. Допрос подозреваемого / И. Байрон // Сов. юстиция. – 1936. – № 6. – С. 17.
2. Козловский, Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.А. Козловский. – Свердловск, 1989. – 166 с.
3. Мельников, В.Ю. Задержание подозреваемого в уголовном процессе / В.Ю. Мельников // Закон и право. – 2003. – № 8. – С. 40–44.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – Москва: Рус. яз., 1989. – Т. 1. – 699 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толковый словообразовательный: Свыше 136000 словар. ст., ок. 25000 семант. единиц: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Рус. яз., 2000. – Т. 1. – 1209 с.
7. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь с комментарием и обзором практики хозяйственных судов / под общ. ред. В.С. Каменкова. – Минск: Дикта, 2004. – 1136 с.
9. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 3 ноября 2006 г. – Минск: Амалфея, 2006. – 269 с.
10. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. Г.А. Василевича. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2005. – 1136 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА ЖИЛИЩА И ИНОГО ЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ

Ю. П. ШКАПЛЕРОВ

Рассматриваются проблемные вопросы регламентации осмотра жилища и иного законного владения в уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь. В целях совершенствования законодательства проводится анализ правовых положений, касающихся осмотра жилища и иного законного владения, содержащихся в УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации, анализируются точки зрения различных авторов на исследуемую проблему. На основе проведенного анализа законодательства, а также логических умозаключений приведены предложения по совершенствованию положений белорусского уголовно-процессуального закона, регламентирующих проведение осмотра жилища и иного законного владения.

«Мой дом – моя крепость». Издавна это определение ассоциировалось с невозможностью доступа в жилище посторонних без разрешения лиц, в нем проживающих. Уже в Киевской Руси неприкосновенность жилища охранялась законом. Так, ст. 17 Краткой редакции Русской Правды содержала правило, согласно которому холопа, совершившего преступление и скрывшегося после этого в доме своего господина, не могли принудительно вывести оттуда, если хозяин возражал против этого [1, с. 48].

В настоящее время в важнейших международных правовых актах – Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, Международном пакте о социально-экономических правах 1966 года, а также Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 года – особо выделено право на неприкосновенность жилища, означающее, что никто не должен подвергаться произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность жилища. В соответствии со ст. 29 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует каждому гражданину право на неприкосновенность жилища и иных законных владений. Никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли [2].

Однако мало одного декларирования в законе права на неприкосновенность жилища. Для того чтобы данное право соблюдалось, необходим механизм, обеспечивающий его выполнение. В связи с этим представляют интерес вопросы обеспечения неприкосновенности жилища и иного законного владения в ходе проведения осмотра при расследовании уголовных дел.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 года [3] (далее – УПК) впервые закрепил порядок проведения осмотра жилища и иного законного владения. До настоящего времени в Беларуси публикации по данному вопросу отсутствуют. В Российской Федерации, уголовно-процессуальный закон которой содержит в том числе и нормы, регламентирующие порядок осмотра жилища, также нет диссертационных исследований и монографий по рассматриваемой теме. Но в то же время ряд российских ученых и практических работников, таких как В. Белоусов [4], Н. Власенко [5], Н. Лопаткина [6], А. Соловьев [7], А. М. Феоктистов [8; 9], рассматривали данный вопрос в научных публикациях.

Согласно п. 6 ст. 6 УПК жилищем является помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, дача, садовый домик и т.п.), а также те его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо для удовлетворения иных потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые и т.п.). Пункт 7 ст. 6 УПК содержит законодательное определение понятия «законное владение», под которым подразумеваются объекты владения собственника или иного правомерного владения, к которым относятся помещения, принадлежащие физическим лицам и не являющиеся жилищем, земельные участки и т.д.

Непосредственно регламентации порядка проведения осмотра жилища и иного законного владения посвящены ч. 7 и 8 ст. 204 УПК.

В соответствии с ч. 7 ст. 204 УПК в случае проведения осмотра жилища и иного законного владения необходимо получение согласия собст-

венника или проживающих в жилище совершеннолетних лиц. Когда же собственник либо лицо, проживающее в жилище, возражает против проведения следственного действия, последнее осуществляется по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя. Если жилище или иное законное владение является местом происшествия либо хранения орудий преступления, других предметов со следами преступления, а также веществ и предметов, за хранение которых предусмотрена уголовная ответственность, и его осмотр не терпит отлагательства, то он может быть проведен по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре.

В соответствии с ч. 8 ст. 205 УПК при осмотре жилища и иного законного владения должно быть обеспечено присутствие проживающего в нем совершеннолетнего лица. В случае невозможности его присутствия приглашаются представители организации, осуществляющей эксплуатацию жилищного фонда, или местного исполнительного и распорядительного органа. При невозможности обеспечить присутствие указанных лиц в проведении осмотра жилища или иного законного владения, которое является местом происшествия либо хранения орудий преступления, других предметов со следами преступления, допускается проведение осмотра без участия этих лиц.

Под проживающими в жилище в смысле ч. 7 ст. 204 УПК понимаются совершеннолетние лица, постоянно или временно проживающие в подлежащем осмотру жилом помещении, независимо от факта их регистрации в жилище [5, с. 26]. При этом в законе не указывается правомерность проживания. В таких случаях все равно необходимо получать согласие на проведение рассматриваемого следственного действия у лиц, проживающих в подобных помещениях. Сомнительной представляется ситуация, когда следователь, дознаватель, столкнувшись с необходимостью осмотра самовольно построенного дома, не проведут его по правилам осмотра жилища. Целесообразно согласиться с Н. Лопаткиной, которая отмечает: «... право на неприкосновенность жилища и право на жилище нетождественны. Первое – самостоятельно и не является производным второго» [6, с. 51].

Под совершеннолетним понимается лицо, достигшее к моменту проведения следственного действия восемнадцатилетнего возраста.

Не совсем понятно, необходимо получать согласие на проведение осмотра жилища у всех проживающих в нем лиц или нет. Буквальное толкование рассматриваемой нормы приводит к мысли о том, что согласие нужно спрашивать у всех жильцов. Но как быть в том случае, если некоторых из них по месту проживания нет? Правильным видится подход, когда следователь или дознаватель получают согласие у тех лиц,

которые на момент осмотра находятся в жилище, так как получить согласие всех жильцов иногда бывает невозможно. По такому пути идет и следственная практика. Так, в ходе написания данной работы были проанкетированы 380 сотрудников, работающих в различных территориальных подразделениях предварительного расследования МВД Республики Беларусь. При ответе на вопрос: «Чье согласие Вы запрашиваете на проведение осмотра жилища и иного законного владения?» мнения следователей и дознавателей распределились следующим образом:

1) всех собственников вне зависимости от того, находятся они в момент начала следственного действия в жилище и ином законном владении или нет, – 6 %;

2) всех совершеннолетних лиц, проживающих в жилище или ином законном владении, вне зависимости от того, находятся они в момент начала следственного действия в жилище и ином законном владении или нет, – 4 %;

3) у одного или нескольких указанных лиц, находящихся в жилище или ином законном владении на момент проведения осмотра, – 90 %.

В этой связи представляется целесообразным дополнить первое предложение ч. 7 ст. 204 УПК после слов «проживающих в нем совершеннолетних лиц» словами «, присутствующих в нем на момент проведения следственного действия».

Возможны ситуации, когда некоторые лица, проживающие в жилище, дали согласие на проведение его осмотра, а часть – отказалась от производства следственного действия. Думается, что в подобных случаях следователь, дознаватель обязаны выносить постановление о проведении осмотра жилища и иного законного владения. Представляет интерес практика проведения осмотра жилища в США, где собственник вправе давать согласие на проведение осмотра на любых условиях: разрешить осмотр первого этажа и не разрешить второго и т.п. Видится, что такой подход приемлем применительно к отечественному уголовному производству. В случаях, когда собственники возражают против осмотра части жилища и иного законного владения, следователю, органу дознания необходимо вынести соответствующее постановление и провести следственное действие [5, с. 26]. Похожая ситуация возникает, когда лица, сначала давшие согласие на проведение осмотра жилища и иного законного владения, во время следственного действия заявили, что возражают против дальнейшего его осуществления. В данном случае следователю или органу дознания также нужно выносить постановление о проведении осмотра жилища и иного законного владения. В практических подразделениях ОВД в таких ситуациях продолжают проводить осмотр без вынесения соответствующего постановления 12 % опрошенных сотрудников, прекращают проведение следственного действия для вынесе-

ния постановления о проведении осмотра и санкционирования его у прокурора 9 %, выносят постановление о проведении осмотра с дальнейшим уведомлением об этом надзирающего прокурора 75 % следователей и дознавателей, 4 % респондентов указали, что с подобными случаями не сталкивались, либо выбирали один из предложенных вариантов в зависимости от ситуации.

Согласно ч. 5 ст. 37 УПК постановление дознавателя о проведении осмотра жилища должно быть утверждено начальником органа дознания. Как указывалось выше, в случаях, не терпящих отлагательства, рассматриваемое следственное действие может быть проведено без санкции прокурора с последующим его уведомлением в течение 24 часов. Но закон ничего не говорит о том, как поступать дознавателю в ситуации, когда существует необходимость оперативного осмотра жилища и иного законного владения, а постановление начальником не утверждено. Налицо пробел в законодательстве, который требует разрешения. Однако для решения этой проблемы необходимо проведение комплексного исследования процессуального статуса органа дознания и дознавателя, что выходит за рамки проблемного поля данной публикации.

В соответствии с п. 13 ч. 5 ст. 34 УПК прокурор «...санкционирует *производство осмотра жилища*» (курсив авт. – Ю.Ш.), то есть в указанной норме речь идет только о санкционировании проведения осмотра жилища и не говорится об ином законном владении. Как указывалось ранее, понятия «жилище» и «иное законное владение» не являются составными частями одного термина. То есть использование законодателем в одном случае только понятия «жилище», а в другом – «жилище и иное законное владение» является спорным, так как положения уголовно-процессуального закона, регламентирующие проведение рассматриваемого вида осмотра, должны корреспондировать. В связи с этим следует вспомнить, что теорией права к юридической терминологии предъявляются такие требования, как точность формулировок, не допускающая их двоякого понимания и толкования, единство терминологии и четкая взаимосвязь понятий [10, с. 358, 359]. Изложенное свидетельствует о несоответствии между п. 13 ч. 5 ст. 34 и ч. 7 ст. 204 УПК. С учетом того, что п. 13 ч. 5 ст. 34 УПК противоречит ст. 29 Конституции и ст. 204 УПК, в него целесообразно внести изменения, дополнив после слов «осмотра жилища» словами «и иного законного владения».

Аналогичных изменений требует и ч. 5 ст. 37 УПК, содержащая указание о необходимости утверждения начальником органа дознания постановления дознавателя о производстве *осмотра жилища* (курсив авт. – Ю.Ш.). Обоснование этого тезиса аналогично обоснованию необходимости внесения изменений в ст. 34, так как ст. 204 говорит о санкционировании прокурором или его заместителем постановления сле-

дователя и органа дознания. Сказанное свидетельствует о необходимости дополнения п. 13 ч. 5 ст. 34 и ч. 5 ст. 37 УПК после слов «осмотра жилища» словами «и иного законного владения».

Согласно ч. 2 ст. 173 УПК до возбуждения уголовного дела могут быть проведены осмотр места происшествия, трупа, местности. Буквальное толкование данной нормы приводит к мысли о том, что жилище и иное законное владение до возбуждения уголовного дела осматривать недопустимо. Однако как быть в том случае, если жилище является местом происшествия или его частью? Следует ли получать согласие собственника либо лиц, в нем проживающих, на проведение этого следственного действия? Закон не дает точных ответов на эти вопросы. Данный законодательный пробел приводит к тому, что следователи и дознаватели в настоящее время проводят этот вид осмотра до возбуждения уголовного дела, но его результаты оформляют по-разному. Так, 59 % опрошенных сотрудников подразделений предварительного расследования ОВД по результатам осмотра жилища и иного законного владения до возбуждения уголовного дела составляют протокол осмотра места происшествия, а 41 % – протокол осмотра жилища и иного законного владения. Наиболее характерными являются результаты анкетирования следователей и дознавателей г. Минска (125 человек) и Могилевской области (127 человек), изложенные в приведенной таблице.

**Распределение ответов на вопрос:
«Протокол какого следственного действия
Вы составляете при проведении осмотра
жилища до возбуждения уголовного дела?»
сотрудников предварительного расследования
г. Минска и Могилевской области**

	г. Минск	Могилевская область
Протокол осмотра жилища и иного законного владения	32%	70%
Протокол осмотра места происшествия	68%	30%

Более того, п. 6.1 Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений, иной информации об исчезновении лиц и организации их розыска, утвержденной совместным постановлением МВД Республики Беларусь и Прокуратуры Республики Беларусь от 28 августа 2003 г. № 205/16, обязывает работника специализированного подразделения дознания ОВД «...незамедлительно после получения заявления, сообщения и иной информации об исчезновении лица *...провести осмотр жилища* (курсив авт. – Ю.Ш.), места пребывания ... разыскиваемого лица...» [11], что еще больше дезорганизует правоприменителя.

Думается, что оформление результатов осмотра места происшествия протоколом осмотра жилища и иного законного владения процессу-

ально неправильно. Сопоставление ч. 2 ст. 173 УПК, с одной стороны, и ч. 7, 8 ст. 204 УПК, с другой, приводит к мысли о том, что результаты такого следственного действия необходимо оформлять протоколом осмотра места происшествия, так как ст. 173 указывает на проведение именно этого вида осмотра. В то же время в ч. 7 и 8 ст. 204 УПК дважды повторяется фраза: «если жилище и иное законное владение являются местом происшествия». Проводить же такой осмотр нужно с соблюдением требований ч. 7 и 8 ст. 204 УПК.

Однако спорной остается возможность проведения осмотра места происшествия в жилище и ином законном владении в рамках проверки заявления или сообщения о преступлении в случае отсутствия согласия собственников или проживающих в жилище лиц. Подобная проблема существует и в российском уголовно-процессуальном праве, в связи с чем А.Феоктисов предлагает разрешить ее путем внесения в ст. 5 УПК Российской Федерации в число понятий, содержащихся в Кодексе, дополнения в виде нового пункта, включающего дефиницию места происшествия, которое он определяет как участок местности, жилое или нежилое помещение, транспортное средство, воздушное, морское или речное судно, в пределах или на территории которого произошло происшествие, подлежащее расследованию [8, с. 15].

Изложенная точка зрения в большей части представляется правильной, однако данное определение не в полной мере соответствует белорусскому уголовно-процессуальному закону. Так, с учетом ст. 203 УПК в определении А. Феоктисова слова «жилое или нежилое помещение» целесообразно заменить словами «помещение, жилище и иное законное владение», так как УПК Республики Беларусь не содержит таких понятий, как «жилое помещение» и «нежилое помещение».

В данной формулировке дискуссионным видится использование словосочетания «подлежащее расследованию». В соответствии с ч. 1 ст. 183 УПК предварительное расследование производится только после возбуждения уголовного дела. Похожая норма содержится в ч. 1 ст. 156 УПК Российской Федерации: «Предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем следователь, дознаватель, орган дознания выносит соответствующее постановление» [12]. Учитывая, что по результатам осмотра не всегда выносятся постановления о возбуждении уголовного дела и производится предварительное расследование, применение в рассматриваемом определении словосочетания «подлежащее расследованию» видится не вполне обоснованным. Более правильно представляется использование словосочетания «производство по материалам и уголовному делу», так как оно соотносится со всеми стадиями уголовного процесса, на которых может осуществляться осмотр. В подтверждение

изложенной точки зрения стоит сослаться на п. 31 ст. 6 УПК следующего содержания: «производство по материалам и уголовному делу:

производство по материалам – совокупность процессуальных действий и процессуальных решений, совершаемых и выносимых при принятии и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении и ускоренном производстве;

производство по уголовному делу – совокупность процессуальных действий и процессуальных решений, совершаемых и выносимых по конкретному уголовному делу».

Для более объективной формулировки определения места происшествия необходимо проанализировать дефиниции иных авторов. П.В.Мытник определяет место происшествия как участок местности или помещение, где непосредственно произошло событие, подлежащее следственному осмотру [13, с. 15]. Приведенная формулировка видится спорной по следующим основаниям:

- местом происшествия кроме местности и помещения может быть и транспортное средство. Примером служит хищение имущества из самолета, факт которого был обнаружен за многие километры от фактического места совершения преступления;
- дискуссионным представляется использование термина «событие». В толковом словаре С.И.Ожегова под событием понимается «...то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [14, с. 740]. В то же время происшествие определяется как событие, нарушившее обычный ход вещей [14, с. 611]. Таким образом использование термина «происшествие» в данном случае видится более правильным, так как понятие «событие» является общим по отношению к специальному термину «происшествие»;
- кроме того, некоторые части приведенного определения не совсем соотносятся друг с другом. Вызывает сомнение фраза «...произошло событие, подлежащее следственному осмотру». Очевидно, что следственному осмотру могут быть подвергнуты какие-либо объекты, появившиеся либо претерпевшие изменения в результате произошедшего события. Само же событие как идеальную категорию в рамках осмотра места происшествия, да и других видов осмотра исследовать невозможно.

Несколько иную дефиницию места происшествия формулируют российские авторы Ю.В.Гаврилин, А.В.Победкин и В.Н.Яшин: «Местом происшествия является местность, помещение (в том числе жилище), где произошло какое-либо событие, имеющее значение для уголовного дела» [15, с. 22]. Представляется, что у приведенного определения есть те же положительные и отрицательные стороны, которые относятся к рассмотренным выше формулировкам места происшествия.

Руководствуясь изложенным, целесообразно дополнить ст. 6 УПК пунктом 14¹ следующего содержания: «14¹) место происшествия – участок местности, помещение, жилище и иное законное владение, транспортное средство, воздушное, морское или речное судно, в пределах или на территории которого произошло происшествие, имеющее значение для производства по материалам и уголовному делу».

Это дополнение позволит более четко конкретизировать нормы уголовно-процессуального закона, касающиеся проведения осмотра места происшествия, включив в категорию «место происшествия» жилище и иное законное владение, осмотр которых в рамках проверки заявлений и сообщений о преступлениях УПК регламентирует не в полной мере.

Подводя итог вышеизложенному, видится необходимым внести в УПК следующие изменения:

- дополнить ст. 6 УПК пунктом 14¹ следующего содержания: «14¹) место происшествия –

участок местности, помещение, жилище и иное законное владение, транспортное средство, воздушное, морское или речное судно, в пределах или на территории которого произошло происшествие, имеющее значение для производства по материалам и уголовному делу»;

- дополнить п. 13 ч. 5 ст. 34 УПК и ч. 5 ст. 37 УПК после слов «осмотра жилища» словами «и иного законного владения»;
- дополнить первое предложение ч. 7 ст. 204 УПК после слов «проживающих в нем совершеннолетних лиц» словами «, присутствующих в нем на момент проведения следственного действия».

Внесение данных изменений и дополнений в УПК устранил многие существующие проблемы, связанные с проведением осмотра жилища и иного законного владения, что положительно скажется на процессе расследования в целом, а также будет способствовать усилению гарантий прав и законных интересов граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская Правда // Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси / В.Л. Янин [и др.]. – С. 64–73.

2. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 7 янв. 2007 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

4. Белоусов, В. Осмотр места происшествия в жилище и осмотр жилища / В. Белоусов // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 70–72.

5. Власенко, Н. Осмотр жилища / Н. Власенко, А. Иванов // Законность. – 2004. – № 11. – С. 25–27.

6. Лопаткина, Н. Реализация принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве / Н. Лопаткина // Российская юстиция. – 2002. – № 11. – С. 51–52.

7. Соловьев, А. Обеспечение обоснованности проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства / А. Соловьев // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 103–104.

8. Феоктистов, А.М. Осмотр места происшествия: уголовно-процессуальные проблемы / А.М. Феоктистов // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 4. – С. 14–17.

9. Феоктистов, А.М. Положения УПК об осмотре / А.М. Феоктистов // Законность. – 2007. – № 7. – С. 48–49.

10. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: учебник. / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2006. – 656 с.

11. Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений, иной информации об исчезновении лиц и организации их розыска: утв. постановлением МВД Республики Беларусь и Прокуратурой Республики Беларусь № 205/16 28.08.2003: текст по состоянию на 20 фев. 2007 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г.: текст по состоянию на 20 фев. 2008 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2008.

13. Мытник, П.В. Следственные действия: учеб. пособие / П.В. Мытник; под ред. И.И. Басецкого. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 111 с.
14. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
15. Гаврилин, Ю.В. Следственные действия: учеб. пособие / Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. – 187 с.

РАЗДЕЛ IX

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ (ООН) И РЕГИОНАЛЬНОЙ (СНГ) СИСТЕМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

К. В. АКИМЕНКО

В статье исследуются вопросы формирования и развития универсальной (ООН) и региональной (СНГ) систем защиты прав и свобод человека и роль Республики Беларусь в этой области. Анализируются вопросы принятия первых международных документов в области защиты прав человека.

В статье обосновывается целесообразность создания в рамках СНГ Межгосударственного Суда СНГ по правам человека, который бы функционировал в качестве постоянно действующего органа Содружества, решения которого обладали бы обязательной юрисдикцией для государств – участников СНГ, а также дается определение понятию «имплементация норм международного права гражданских прав и свобод человека в законодательство Республики Беларусь».

Автором делается аргументированный вывод о том, что Республика Беларусь как самостоятельный субъект международного права предпринимает все необходимые меры, направленные на то, чтобы ее нормативные правовые акты, регламентирующие защиту прав человека, соответствовали взятым ею международным обязательствам.

Становление и развитие концепции прав и свобод человека на национальном уровне привело к созданию в середине XX в. первых международно-правовых документов, направленных на защиту прав личности, а также комплексному воздействию норм международного права на национальную систему защиты прав человека в государствах – участниках ООН, включая и Республику Беларусь.

Развитие международных стандартов в области защиты прав личности, их взаимодействие с национальным правом Республики Беларусь определяется интернационализацией общественной жизни. Взаимозависимость и единство мира требуют, чтобы национальные политико-правовые системы в области защиты прав человека строились как части единого глобального механизма и были способны взаимодейст-

воват друг с другом и системой международных отношений в целом.

Важнейшим этапом в становлении принципа уважения прав и свобод человека явилось принятие Устава ООН 26 июня 1945 г. [1].

Профессор И.И.Басецкий отмечает, что, испытав за историю своего развития многочисленные проблемы, пережив внутренние конфликты, региональные и мировые войны с огромными лишениями, страданиями и человеческими жертвами, народы разных стран, их интеллектуальная элита, ученые и государственные деятели стали искать средства самосохранения, нравственные и правовые способы цивилизованного устройства человеческого общежития [2, с. 33]. Эти обстоятельства и привели государства к созданию главной международной организации в области обеспечения международного мира и безопасности, защиты прав и свобод человека – Организации Объединенных Наций.

Устав ООН стал первым в истории международных отношений многосторонним договором, который заложил основы широкого сотрудничества между государствами в деле поощрения и развития уважения к правам и свободам человека.

Как отмечал профессор В.А.Карташкин, уже в процессе разработки и принятия Устава ООН выявился разный подход государств к проблеме прав и свобод человека. Первоначально в предварительных предложениях относительно создания всеобщей международной организации по поддержанию международного мира и безопасности, принятых на конференции в Думбартон-Оксе в сентябре 1944 г., не содержалось указания на поощрение и развитие уважения к правам и свободам человека как на одну из главных целей создаваемой организации. В п. 3 гл. 1 предварительных соглашений, явившихся основой для принятия Устава ООН 1945 г., в качестве цели Организации указывалось «осуществление международного сотрудничества в разрешении международных экономических, социальных и других гуманитарных проблем» [3, с. 22].

СССР, руководствуясь нормами Конституции 1936 г., настаивал на включение в Устав ООН целого ряда прав и свобод, доминирующими из которых были социально-экономические права. Делегации ряда западных стран считали, что перечень основных прав человека должен быть разработан позднее и включен в Хартию прав человека. Ряд стран не могли согласиться на включение в Устав ООН социально-экономических прав, так как не считали нужным закреплять их в своем национальном законодательстве и признавали в качестве прав человека только гражданские и политические.

В результате достигнутого компромисса по инициативе советской делегации, поддержанной США, Великобританией и Китаем, была предложена поправка к п. 3 ст. 1 Устава ООН, согласно которой одной из целей Организации является «осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономи-

ческого, социального, культурного и гуманитарного характера, в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

Таким образом, Устав ООН впервые возложил на государства юридическое обязательство соблюдать основные права и свободы человека, не допуская при этом какой-либо дискриминации.

В 1946 г. в рамках ООН была создана Комиссия по правам человека, мандатом которой являлась разработка международной декларации или конвенции по вопросам прав человека.

Для подготовки декларации была создана временная рабочая группа, в состав которой вошли Э.Рузвельт, французский профессор Р.Кассен, философ Ш.Малик. Уже на второй сессии Комиссии по правам человека, проходившей в декабре 1947 г., был представлен практически законченный проект декларации, подготовленный Р.Кассеном [4, с. 7].

10 декабря 1948 г. на 183-м пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН Всеобщая декларация прав человека была принята абсолютным большинством голосов. Из 56 государств, принимавших участие в голосовании, 48 проголосовали «за», 0 – «против» и 8 воздержались. Среди них были: Белорусская ССР, Польша, Саудовская Аравия, СССР, Украинская ССР, Чехословакия, Югославия и Южно-Африканский Союз [4, с. 9].

Позиция социалистических государств, в том числе и Белорусской ССР, при голосовании объяснялась тем, что не нашли поддержки их предложения по включению в текст Всеобщей Декларации прав человека право наций на самоопределение, защиту национальных меньшинств, а также запрещение фашистской идеологии.

Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1948 г., глава советской делегации министр иностранных дел СССР А.Я.Вышинский дал Всеобщей декларации прав человека крайне негативную оценку, заявив, что «документ неудовлетворителен, недоработан и не в состоянии достигнуть той цели, которой призван служить» [5].

Как представляется, позиция СССР и Белорусской ССР при голосовании определялась не только положениями Конституции СССР 1936 г. и основными законодательными актами страны, но и классовым подходом к решению обсуждаемых проблем: СССР стремился продемонстрировать преимущества социалистического строя и предостеречь развивающиеся страны от капиталистического пути развития.

Следует также отметить, что в настоящее время большинство государств рассматривает Всеобщую декларацию прав человека как документ, содержащий обычные нормы международного права, которые приобрели характер *ius cogens*. Данное понимание Всеобщей декларации прав человека имеет важное значение в связи с тем, что ряд государств (Индонезия, Китай, Куба, Пакистан, Саудовская Аравия и др.) не

являются участниками Международных пактов по правам человека 1966 г. и могут руководствоваться лишь положениями Всеобщей декларации прав человека.

Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. [6] была принята и провозглашена в резолюции 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства». Она представляет собой хорошо структурированный правовой документ, состоящий из преамбулы и 30 статей, в которых впервые на международном уровне устанавливались основополагающие права и свободы личности.

Заместитель Министра иностранных дел Республики Беларусь В.А.Гайсенюк отмечает, что «многие положения Всеобщей декларации прав человека все еще остаются декларативными. Тем не менее она послужила отправной точкой для разработки и принятия многих международных документов по правам человека» [7, с. 5].

После одобрения Всеобщей декларации прав человека государствам предстояло создать единый Международный пакт о правах человека, который содержал бы юридические обязательства государств – членов ООН по проведению в жизнь положений Всеобщей декларации прав человека. К созданию Международного пакта Комиссия по правам человека ООН приступила в 1947 г., и эта работа продолжалась почти 20 лет.

Генеральная Ассамблея ООН постоянно уделяла внимание разработке Международного пакта. В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН постановила, что Комиссия по правам человека ООН должна в «своей работе осуществлять приоритет составлению проекта Пакта о правах человека» [8, с. 55]. В дальнейшем, в 1950–1963 гг., Генеральная Ассамблея ООН неоднократно возвращалась к этому вопросу и принимала особые решения. Однако работа над Международным пактом все же затягивалась. Причиной этому явилось официальное заявление правительства США об отказе подписать и ратифицировать пакт.

В ходе подготовки Декларации 1948 г. американские представители неоднократно заявляли, что Соединенные Штаты выступают против каких-либо международных документов договорного характера [9, с. 136]. Эти заявления связывались, конечно же, с непризнанием правительством США второго поколения прав человека – экономических, социальных и культурных. Подобной же позиции придерживались в ООН делегации других западных стран.

Американский юрист Дж.Грин в своей монографии, посвященной созданию пактов по правам человека, отмечал, что «Соединенные Штаты, старейшие члены Британского содружества, а также западноевропейские страны настаивали на том, чтобы рассматриваемый Пакт о правах человека был ограничен гражданскими и политическими правами, которые являются общепризнанными во всем мире. Они рассматривали Пакт в качестве минимума, содержащего наи-

меньшее количество прав, которые большинство правительств уже соблюдает» [10, с. 38].

Советская делегация требовала, чтобы будущий пакт включал развернутые статьи как о гражданских и политических, так и о социально-экономических правах [11, с. 137].

В связи с угрозой срыва дальнейшей разработки единого пакта по правам человека и острыми дискуссиями в Комиссии по правам человека ООН по данному вопросу представители США и Великобритании предложили вместо одного создать два пакта. В один из них, по их мнению, нужно включить только политические и гражданские права и свободы, а в другой – экономические, социальные права и права в области культуры.

На наш взгляд, разработка проектов пактов и их юридическое содержание показали, что международное сотрудничество государств с различным общественным строем стало вполне возможно, а существовавшие различия в социально-экономических системах государств – членов ООН не смогли явиться препятствием к такому сотрудничеству.

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [12] в своих статьях детально конкретизирует гражданские и политические права и свободы личности. В качестве механизма контроля за соблюдением положений Пакта на его базе функционирует Комитет по правам человека, состоящий из восемнадцати членов (ст. 28), который выполняет три функции: функцию рассмотрения периодических докладов государств о принятых ими мерах по претворению в жизнь прав, установленных в Пакте (ст. 40); функцию рассмотрения сообщений государства о том, что другое государство не выполняет своих обязательств по Пакту (ст. 41); функцию рассмотрения индивидуальных сообщений лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте (ст.ст. 1–7 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г.).

К примеру, при рассмотрении четвертого периодического доклада в Комитете по правам человека еще в 1997 г. [13] Республике Беларусь был высказан целый ряд замечаний и предложений по совершенствованию национального законодательства, которые, к сожалению, остались не в полной мере реализованными. Комитет по правам человека рекомендовал государству ограничить применение смертной казни за наиболее серьезные преступления, установленные п. 2 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 144).

Применительно к защите прав заключенных Комитет по правам человека рекомендовал государству предпринять шаги для улучшения условий заключения, включая приговоренных к смертной казни, принимая во внимание Мини-

мальные стандартные правила обращения с заключенными 1984 г. (п. 147).

Проанализировав проблему отсутствия института альтернативной гражданской службы, Комитет по правам человека рекомендовал государству принять закон об освобождении от обязательного прохождения воинской службы по убеждению и предоставить гражданам право на альтернативную службу (п. 152).

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. [14] конкретизирует по сравнению с положениями Всеобщей декларации прав человека экономические, социальные и культурные права личности. Однако механизм контроля за соблюдением его положений существенным образом отличается от контрольного механизма, действующего на базе Международного пакта о гражданских и политических правах.

Профессор Г.А.Василевич отмечает, что Республика Беларусь в 1966 г. подписала, а в 1973 г. ратифицировала два важнейших Международных пакта – о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах. По его мнению, давно назрела потребность в подготовке фундаментального труда в форме комментария к названным Пактам, который будет иметь не только теоретическое, но и практическое значение. Это будет реальным вкладом белорусских ученых-обществоведов и специалистов в становление правового государства, в утверждение прав и свобод каждого человека и гражданина с учетом международных стандартов [15, с. 61].

Представляется, что данное предложение профессора Г.А.Василевича является весьма аргументированным и требующим практической реализации в Республике Беларусь.

Особо следует также отметить, что при разработке международных документов в области защиты прав человека в рамках ООН значительная роль принадлежала Белорусской ССР. В связи с этим профессор Ю.П.Бровка отмечает, что представители БССР проделали значительную работу, направленную на превращение ООН в подлинный инструмент мира и международного сотрудничества.

Белорусские делегаты участвовали в работе всех очередных и чрезвычайных сессий Генеральной Ассамблеи как на пленарных заседаниях, так и в отдельных комитетах и комиссиях. Они внесли ощутимый вклад в решение многих серьезных международных проблем.

Белорусская ССР избиралась членом Экономического и Социального Совета, членом Исполкома Международного детского фонда. Ее представители неоднократно включались в различные комиссии, создававшиеся главными органами ООН, – комиссии по экономике и занятости, по транспорту, по правам человека, по правам женщин и др. [16, с. 147].

Полагаем, что именно благодаря активному участию делегаций СССР и Белорусской ССР в

рамках ООН, последовательному отстаиванию ими своих позиций и были созданы прогрессивные международно-правовые документы, направленные на защиту прав и свобод человека.

Образование 8 декабря 1991 г. Содружества Независимых Государств, обострение международных конфликтов на территории бывшего СССР, резкое падение жизненного уровня населения бывших советских республик актуализировало необходимость более тесного сотрудничества государств – участников СНГ, в том числе и Республики Беларусь, в области защиты прав человека.

Одним из основных документов, призванных регламентировать и обеспечивать защиту прав личности в рамках СНГ, а также контролировать деятельность государств – участников Содружества в данной области, явилась Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. [17], принятая на саммите глав государств – участников СНГ, которая установила права человека, аналогичные тем, что закреплялись во Всеобщей декларации прав человека.

Однако еще до принятия вышеуказанной Конвенции решением Совета глав государств СНГ было утверждено Положение о Комиссии по правам человека от 24 сентября 1993 г. [18].

В соответствии с ч. 2 данного Положения каждое государство – участник СНГ имеет право направлять другому государству-участнику письменные запросы по вопросам, связанным с нарушением прав человека другим государством – участником СНГ. Если вопрос не решен государствами, он может быть передан в Комиссию, которая имеет право обратиться к заинтересованным сторонам с просьбой предоставить информацию по данному делу. Если вопрос, переданный в Комиссию, не решен к удовлетворению сторон, она может с их согласия образовать специальную подкомиссию из числа представителей любой из сторон. По завершении рассмотрения вопроса подкомиссия представляет Комиссии заключение для направления его заинтересованным государствам. Вместе с тем данное заключение не имеет для спорящих государств обязательной юридической силы.

Согласно ч. 3 Положения о Комиссии по правам человека она также имеет право рассматривать индивидуальные и коллективные обращения любых лиц и неправительственных организаций по вопросам, связанным с нарушениями прав человека любым государством – участником СНГ. При изучении данных вопросов Комиссия может заслушивать на своих сессиях заявителей, обращения которых рассматриваются, или их представителей. На этом функции Комиссии исчерпываются. Комиссия не выносит какого-либо решения, юридически обязательного для государства – участника СНГ, чьи действия обжалуются. Таким образом, Комиссия по правам человека СНГ является лишь консультативным органом Содружества, при-

званным наблюдать за выполнением обязательств по правам человека, взятых на себя государствами – участниками СНГ.

На наш взгляд, в целях повышения эффективности механизма защиты прав человека в рамках Содружества необходимо создать Межгосударственный Суд СНГ по правам человека, который бы функционировал в качестве постоянно действующего органа Содружества, решения которого обладали бы обязательной юрисдикцией для государств – участников СНГ.

Межгосударственный Суд СНГ по правам человека мог бы стать аналогом Комитета по правам человека или Европейского Суда по правам человека с аналогичным применяемым правом. Его следовало бы наделить функцией рассмотрения периодических докладов государств – участников СНГ о выполнении ими взятых на себя обязательств в соответствии с положениями Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека и функцией рассмотрения индивидуальных заявлений физических лиц государств – участников СНГ о невыполнении взятых государствами обязательств согласно нормам Конвенции.

Представляется, что создание такого обязательного для государств эффективно функционирующего механизма защиты прав человека в рамках СНГ способствовало бы повышению уровня правовой защищенности граждан государств – участников Содружества, которые могли бы воспользоваться системой защиты своих прав не только на универсальном международном уровне или в рамках Совета Европы, но и на основе существующих договоров СНГ.

Эффективность деятельности механизма защиты прав человека на международном уровне, включая и СНГ, во многом зависит от его реализации в национальное законодательство, представляющий собой процесс, когда соответствующие субъекты, которым адресована норма, действуют в согласии с ее положениями. Белорусский исследователь В.Ю.Калугин справедливо полагает, что «нередко требуются дополнительные правовые и организационные меры со стороны государств для всестороннего и полного осуществления норм международного права. Процесс реализации международного права включает непосредственную фактическую деятельность (соответствующую требованиям норм) по достижению социального значимого результата, правового и организационного обеспечения этой деятельности» [19, с.216].

Важнейшей формой реализации норм международного права в области защиты прав человека является имплементация, то есть «осуществление, исполнение государствами международно-правовых стандартов» [20, с. 177].

Российский профессор международного права Ю.М.Колосов под имплементацией понимает

фактическое выполнение международного обязательства на территории государства всеми органами и лицами, находящимися под его юрисдикцией [21, с. 9].

Полностью соглашаясь с данным определением, полагаем, что термин «имплементация», применяемый к защите прав личности, охватывает более широкие аспекты, нежели просто трансформацию. В связи с этим считаем, что под имплементацией норм международного права прав и свобод человека в законодательство Республики Беларусь следует понимать правовую и организационную деятельность органов государственной власти Республики Беларусь, предпринимаемую ими на внутригосударственном уровне самостоятельно или на международном уровне совместно с другими государствами либо в рамках международных организаций в целях всестороннего, своевременного и полного воплощения в законодательство Республики Беларусь норм в области защиты прав личности, принятых государством в соответствии с его международно-правовыми обязательствами.

Республика Беларусь как самостоятельный субъект международного права предпринимает все необходимые меры, направленные на то, чтобы ее нормативные правовые акты, регламентирующие защиту прав человека, соответствовали взятым ею международным обязательствам. Одним из ярких примеров этого может служить раздел II действующей Конституции «Личность, общество, государство», в ст.ст. 24–51 которого закреплены права и свободы личности, аналогичные тем, которые были провозглашены во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

СССР и Белорусская ССР принимали активное участие в разработке первых международных документов в области защиты прав и свобод человека – Устава ООН 1945 г., Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а также международных пактов 1966 г. Эти государства внесли особый вклад в формирование и развитие международной системы защиты прав личности. После прекращения существования СССР Республика Беларусь явилась одним из инициаторов принятия Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.

Создание и функционирование международных соглашений в области защиты прав человека оказывает существенное воздействие и на национальную правовую систему Республики Беларусь. Вместе с тем современное международное право со значительной полнотой определяет содержание важнейших положений конституционного права Республики Беларусь – норм о правах человека. Роль международного права в этом процессе находит все более основательное признание в конституционном праве государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав Организации Объединенных Наций, 26 июня 1945 г. // Действующее международное право: сб. междунар. договоров: в 3 т. / сост. : Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независимого юрид. ин-та, 1997. – Т. 1. – С. 7–33.
2. Басецкий, И.И. Право и глобальные проблемы / И.И. Басецкий // Юстиция Беларуси. – 2003. – № 4. – С. 33–36.
3. Карташкин, В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В.А. Карташкин; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – М., 1995. – 136 с.
4. Павлова, Л.В. Современная концепция прав и свобод человека и ее трактовка Всеобщей декларации прав человека 1948 г. / Л.В. Павлова // Бел. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1998. – № 5. – С. 5–14.
5. Вышинский, А.Я. О проекте Декларации прав человека [Речь А.Я. Вышинского на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 дек. 1948 г.] / А.Я. Вышинский // Правда. – 1948. – 14 дек. – С. 3.
6. Всеобщая декларация прав человека, 10 дек. 1948 г. // Действующее международное право: сб. междунар. договоров: в 3 т. / сост. : Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независимого юрид. ин-та, 1997. – Т. 2. – С. 5–10.
7. Гайсенюк, В.А. Права человека заканчиваются там, где начинаются права другого / В.А. Гайсенюк // Сов. Белоруссия. – 2006. – 13 дек. – С. 5.
8. Мовчан, А.П. Права человека и международные отношения / А.П. Мовчан. – М.: Наука, 1982. – 144 с.
9. Остапенко, Г.С. Борьба СССР в ООН за социально-экономические права в 1945–1947 гг. / Г.С. Остапенко. – М.: Наука, 1981. – 280 с.
10. Green, J.F. The United Nations and human rights / J.F. Green. – Washington: Brookings P. Inst., 1956. – 194 p.
11. Мовчан, А.П. Международная защита прав человека / А.П. Мовчан. – М.: Юрид. лит., 1958. – 168 с.
12. Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 дек. 1966 г. // Действующее международное право: сб. междунар. договоров: в 3 т. / сост. : Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независимого юрид. ин-та, 1997. – Т. 2. – С. 21–39.
13. Четвертый периодический доклад Республики Беларусь в Комитете по правам человека, 30 окт. 1997 г. // ООН, Генеральная Ассамблея, 50-я сес. Официальные отчеты. Доп. № 40 (A 53/40). Доклад Комитета по правам человека: в 2 т. – Нью-Йорк, 1998. – Т. 1. – С. 29–38.
14. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 16 дек. 1966 г. // Действующее международное право: сб. междунар. договоров: в 3 т. / сост. : Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независимого юрид. ин-та, 1997. – Т. 1. – С. 11–21.
15. Василевич, Г.А. Проблемы непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан в Республике Беларусь / Г.А. Василевич // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 1998. – № 4. – С. 57–63.
16. Бровка, Ю.П. Международная правосубъектность БССР / Ю.П. Бровка. – Минск: «Наука и техника», 1967. – 164 с.
17. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека [Совершено г. Минск, 26 мая 1995 г.] // Содружество. – 1995. – № 2. – С. 30–42.
18. Положение о Комиссии по правам человека СНГ: утв. решением Совета глав государств СНГ, 24 сент. 1993 г. // Содружество. – 1993. – № 4. – С. 35–40.
19. Калугин, В.Ю. Имплементация норм международного гуманитарного права / В.Ю. Калугин // Международное гуманитарное право: учеб. / под общ. ред. В.Ю. Калугина. – Минск: Тесей, 1999. – Гл. 6. – С. 212–242.
20. Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров; под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1997. – 526 с.
21. Колосов, Ю.М. Понятие современного международного права / Ю.М. Колосов // Международное право: учеб. / под общ. ред.: Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. – М.: Междунар. отношения, 2000. – Гл. 1. – С. 7–16.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ГРАЖДАНСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СВЯЗИ С ПРАВОПРЕЕМСТВОМ ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Т.Н. МИХАЛЕВА

На протяжении нескольких последних столетий государства европейского региона неоднократно претерпевали преобразования, сопряженные с территориальными изменениями. Как следствие, перед населением этих стран вставали проблемы приобретения гражданства государства-преемника или сохранения гражданства государства-предшественника. События конца XX века – так называемой «последней», четвертой волны правопреемства – особенно остро отразились на вопросах гражданства. Все это не могло не вызвать обеспокоенность региональных организаций как с точки зрения защиты прав и интересов индивидов, так и в связи с решением сопутствующих таким ситуациям проблем – незаконной миграции, беженцев, массового безгражданства. Результатом активной деятельности европейских межправительственных организаций в данной сфере за последние 15 лет стало проведение исследований, конференций и разработка ряда международно-правовых актов. Уникальный в своем роде процесс кодификации таких сложных вопросов, как правопреемство в сфере гражданства, традиционно относящейся к исключительной компетенции государства, требует детального и внимательного анализа. Современная ситуация на Балканах, Кипре, в ряде европейских государств, где обострены сепаратистские настроения, еще раз подтверждает актуальность проблематики.

Цель настоящей статьи – проанализировать кодификационный процесс в рамках европейских региональных организаций по вопросам гражданства в связи с правопреемством государств, дать общую сравнительную характеристику международно-правовых актов, разработанных в их рамках.

Примечательно, что кодификация вопросов, касающихся гражданства физических лиц в связи с правопреемством государств, в рамках европейских региональных организаций происходила параллельно и взаимосвязано, с разработкой и принятием актов как рекомендательного, так и обязательного характера.

Правовое регулирование вопросов гражданства физических лиц в связи с правопреемством государств в рамках ОБСЕ

В рамках Соперничания (Организации) по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ) тема гражданства в связи с правопреемством государств неоднократно затрагивалась в ходе принятия общих деклараций по ситуации развития европейского региона. Так, уже в 1992 году при принятии Хельсинского документа «Вызов времени перемен» [1] (далее – Хельсинский акт) государства-участники подтвердили признание положения, провозглашенного в

статье 15 Всемирной декларации прав человека, – о праве каждого на гражданство и запрете произвольного лишения гражданства, и подчеркнули свое намерение принимать «меры, соответствующие конституционному устройству их стран, с тем чтобы число лиц без гражданства не увеличивалось» (пункты 55, 56 главы VI «Человеческое измерение»). В документе также было заявлено о необходимости продолжить обсуждение этих вопросов в рамках СБСЕ (пункт 57 главы VI).

В 1995 году была принята Оттавская декларация Парламентской Ассамблеи ОБСЕ (далее – Оттавская декларация). В главе третьей «Демократия, права человека и гуманитарные вопросы» этого акта подтверждается обязательство не увеличивать случаи безгражданства в соответствии с Хельсинским актом (пункт 31) и принимать во внимание согласие затрагиваемых лиц при предоставлении/утрате гражданства (пункт 32), а также утверждается, что «при смене суверенитета все лица, имеющие подлинную и эффективную связь с новым государством, должны приобретать гражданство этого государства» (пункт 34) [2]. Полагаем, что данное положение требует более детального анализа.

Ratione personae формулировка параграфа объемна, поскольку включает в себя не только граждан или постоянно проживающих на затра-

гиваемой территории лиц, но и всех лиц, имеющих подлинную и эффективную связь с этой территорией. Обращает на себя внимание и употребление термина «смена суверенитета», а не «правопреемство». Первое понятие несколько шире по количеству охватываемых ситуаций. Например, является оправданным применение данного термина в ситуации, связанной со статусом прибалтийских стран после распада СССР. Однако такая формула предоставления гражданства охватывает не всех возможных субъектов: при буквальном толковании понятия «новое государство» страны, которые позиционируются как «восстановившие» свою независимость, все же не входят в эту категорию.

Несмотря на то что и Хельсинский акт и Оттавская декларация носят лишь рекомендательный характер, факт их принятия подтверждает формирование обычных норм, касающихся встречных обязательств государств в сфере гражданства. В связи с этим важно, что в рамках ОБСЕ существует специальный орган, который осуществляет контроль за решением государствами вопросов гражданства в связи с правопреемством, в частности за решением проблем безгражданства в Латвии, Эстонии, – Верховный комиссар по делам национальных меньшинств.

Регламентацией и разработкой различных аспектов гражданства физических лиц в связи с правопреемством государств в рамках и под эгидой Совета Европы занимаются несколько органов. Комитет экспертов по гражданству Совета Европы – единственный европейский коллегиальный орган межправительственного уровня, специализирующийся в вопросах гражданства. В своей деятельности он подотчетен Комитету по правовым вопросам и правам человека Совета Европы, который также уделяет внимание вопросам гражданства. Комитет министров Совета Европы в рамках своих полномочий вправе рассматривать вопросы в данной сфере. Так, в 1996 году Комитетом министров были приняты Принципы по законодательству в области гражданства в Боснии и Герцеговине [3]. В этом документе были подчеркнуты необходимость избежания безгражданства и приобретение гражданства заинтересованными лицами только в соответствии с их волеизъявлением.

Венецианская комиссия «За демократию через право» (далее – Венецианская комиссия) – консультативный орган Совета Европы, созданный в 1990 году на основании частичного соглашения, преобразованного в последующем в расширенное соглашение [4]. Об этой комиссии следует сказать несколько подробнее в силу специфики ее статуса и ее вклада в исследование теоретических и практических аспектов правопреемства государств в отношении гражданства. Статус Венецианской комиссии определяется ее уставом, согласно которому государства – не члены Совета Европы могут быть полноправными участниками данной комиссии [5]. Члены комиссии – независимые эксперты, признанные

специалисты в области конституционного строительства, права (судьи конституционных и верховных национальных судов, парламентов государств-участников и т.п.), выступающие в личном качестве и назначаемые государствами сроком на 4 года. На сегодняшний день все государства – члены Совета Европы являются участниками Венецианской комиссии. Кроме того, в состав данной комиссии входят Кыргызстан, Чили, Республика Корея, Черногория, Израиль, Марокко, Тунис. Беларусь является ассоциированным членом комиссии, Аргентина, Канада, Ватикан, Япония, Казахстан, Мексика, США, Уругвай имеют статус наблюдателей. Еврокомиссия, ЮАР, Палестинская автономия имеют специальный статус сотрудничающих членов Венецианской комиссии [6].

Роль Венецианской комиссии в решении вопросов гражданства при правопреемстве государств неоднократно подчеркивалась при разработке Европейской конвенции по гражданству 1997 года, Европейской конвенции об избежании безгражданства в связи с правопреемством государств 2006 года, проекта статей по вопросам гражданства физических лиц в связи с правопреемством государств Комиссии международного права Организации Объединенных Наций 1999 года.

В 1996 году Венецианской комиссией в сфере гражданства и правопреемства был разработан целый ряд документов рекомендательного характера:

– Декларация о принципах, правилах и рекомендациях касательно вопроса гражданства физических и юридических лиц при правопреемстве государств – CDL-NAT (96)3 от 04.04.1996 г. (доклад греческого эксперта Константина Экономидеса) (далее – Доклад) [7];

– Руководство для действий государств в сфере гражданства и правопреемства – CDL-NAT(96)1rev от 23.04.1996 г. (далее – Руководство) [8];

– Декларация о последствиях правопреемства государств в отношении гражданства физических лиц от 14.09.1996 г., принятая совместно с докладом о последствиях правопреемства в отношении гражданства (далее – Декларация) [9].

Данные документы существенно отличаются по содержанию, несмотря на то, что они разрабатывались и принимались Венецианской комиссией приблизительно в одно время.

Прежде всего, в Руководстве нет определения правопреемства государств, в Докладе и в Декларации понятие правопреемства дается в его традиционном виде – «смена одного государства другим в несении ответственности за международные отношения на территории».

Во всех трех документах указывается на отнесение вопросов гражданства к внутренней компетенции государств. Вместе с тем в преамбуле Доклада и в пункте 2 статьи 1 Декларации пределы юрисдикции государства в вопросах гражданства установлены традиционным «соот-

ветствием нормам международного права». В Руководстве содержится более детальная формулировка, согласно которой хотя «ответственность за вопросы гражданства ложится на государства, вовлеченные в правопреемство», они «должны уважать принципы международного права и, в частности, права человека каждого заинтересованного лица, гарантированные международно-правовыми актами». Таким образом, одно и то же по сути положение изложено с различным акцентом на «автономность» воли государства в решении этих вопросов. Во втором случае, безусловно, очевидна если не решающая роль международного права в этой сфере, то, по крайней мере, значительно более высокая степень ограничения внутренней компетенции государств международным правом.

В целом следует отметить, что Декларация логически и структурно более выдержана и является результатом многочисленных попыток рассмотрения и регламентации проблемы правопреемства по вопросам гражданства. Ряд положений не был учтен в Докладе и (или) в Руководстве и нашел отражение только в Декларации. С другой стороны, как уже отмечалось выше, некоторые положения этих актов более прогрессивны, и было бы полезно их включение в Декларацию.

Структурно Декларация разделена на 5 частей, не поименованных, но обособленных тематически, каждая из которых состоит из нескольких статей. Часть I касается определений и общих правил поведения государства в ситуации правопреемства в сфере гражданства. В Части II перечислены принципы: о праве каждого заинтересованного лица на гражданство, избежание безгражданства, уважение воли заинтересованного лица. Часть III определяет критерии предоставления гражданства (основной из которых – постоянное место жительства на затрагиваемой территории) и косвенно – процедуры предоставления гражданства для тех или иных категорий граждан. Часть IV посвящена вопросам избежания (статьи 10, 12) и сокращения безгражданства (статья 11). В Части V внимание сосредоточено на оптации и праве выбора гражданства заинтересованными лицами (условиях и критериях предоставления права выбора, времени осуществления оптации).

Европейская Конвенция о гражданстве была принята в 1997 году (далее – Конвенция 1997 года) и вступила в силу в соответствии со статьей 27 в 2000 году. Она является обязательным и наиболее полным из существующих региональных соглашений в области гражданства [10, с. 33]. Конвенция 1997 года была открыта для подписания государствами – членами Совета Европы и государствами, не являющимися ее членами, но участвовавшими в ее разработке. После вступления в силу данной Конвенции к ней по предложению Комитета министров Совета Европы может присоединиться любое государство. На сегодняшний день участниками дан-

ной конвенции являются 16 государств – членов Совета Европы, еще 12 государств – членов Совета Европы подписали ее, но не выполнили внутригосударственные процедуры, необходимые для вступления в силу [11].

Конвенция 1997 года содержит отдельную главу (глава 6), которая посвящена вопросам правопреемства и гражданства. В данной Конвенции дано определение правопреемства, ставшее традиционным для международного публичного права. В Конвенции 1997 года установлены общеправовые и институциональные принципы, в соответствии с которыми следует решать вопросы гражданства в ситуации правопреемства. К первой категории принципов относятся принципы верховенства права и недискриминации, уважения и соблюдения прав человека. Они включают в себя, в частности, следующее: баланс интересов государства и личности (вертикальный баланс интересов при правопреемстве), информированность затрагиваемых лиц о содержании и последствиях закона (как показывает практика, зачастую заинтересованные лица не успевают воспользоваться правом на получение гражданства из-за незнания процедуры его получения или вообще о существовании самой нормы), принятие любого решения в отношении гражданства на основе закона, исключая его произвольное толкование и дискриминацию. К общеправовым принципам относятся, например, принцип избежания и сокращения безгражданства, принцип эффективности связи лица с территорией при определении принадлежности к гражданству и проч. Специальные принципы в Конвенции 1997 года прямо не указаны, но из содержания главы 6 и иных связанных с нею положений данного акта можно сделать вывод о формировании, например, следующих принципов: на основании статьи 16 и пункта 3 статьи 18 – принцип согласованности действий предшественника(ов) и преемника(ов) в вопросах порядка утраты и приобретения гражданства; на основании статьи 20 и принимая во внимание общеправовой принцип уважения прав человека – принцип минимальных стандартов для лиц, не приобретших статуса граждан затрагиваемого государства; на основании статьи 18 и институционального принципа избежания безгражданства – принцип кумулятивности оснований предоставления гражданства в ситуации правопреемства. Так, пункт 2 статьи 18 Конвенции 1997 года устанавливает по крайней мере 4 возможных критерия предоставления гражданства при правопреемстве, а именно: наличие подлинной и эффективной связи соответствующего лица с данным государством, место постоянного проживания соответствующего лица в момент правопреемства государств, волю соответствующего лица, территориальное происхождение соответствующего лица.

Европейская Конвенция об избежании безгражданства в связи с правопреемством государств (далее – Конвенция 2006 года) была открыта к подписанию 19 мая 2006 г. и пока не вступила в

силу [12]. На сегодняшний день 2 государства – члена Совета Европы подписали и ратифицировали данный договор (Молдова и Норвегия), 2 государства – члена Совета Европы (Украина и Черногория) подписали, но еще не выполнили внутригосударственные процедуры, необходимые для вступления в силу [13]. Таким образом, после того как еще одно государство – член Совета Европы выполнит необходимые внутригосударственные процедуры, Конвенция 2006 года вступит в силу в соответствии со статьей 18 данного договора.

Принятие Конвенции 2006 года было вызвано тем, что Конвенция 1997 года содержала лишь общие принципы в отношении безгражданства (п. b ст. 4, п. 4g ст. 6, п. 3 ст. 7, п. 1 ст. 8) и единственный специальный принцип, изложенный в ст. 18 (избежание безгражданства в ситуациях правопреимства). Долгое время, начиная с 1999 года, разрабатывался проект документа подобного рода, причем изначально речь шла не об отдельной конвенции, а о дополнительном протоколе к Конвенции 1997 года. Конвенция 2006 года базируется на главе 6 Конвенции 1997 года (п. 3 пояснительного доклада к Конвенции) [14], но содержит специальные, более четкие правила распределения ответственности за избежание безгражданства между государством-предшественником и государством-преемником. Ряд положений являются новыми, более того новаторскими, не содержатся ни в одном из документов Совета Европы, касавшихся безгражданства и правопреимства, принятых до 2006 года, и значительно меняют подход ко многим из позиций в отношении безгражданства в целом, не только в ситуации правопреимства. Вместе с тем сфера действия Конвенции ограничена только в отношении избежания и сокращения безгражданства при правопреимстве государств и не касается критериев и порядка предоставления гражданства в этих случаях.

Среди новых положений следует отметить данную в Пояснительном докладе трактовку ситуаций, при которых осуществляется правопреимство, в частности, в пункте 7 Пояснительного доклада указывается, что «государства вправе также применять положения настоящей конвенции в силу аналогии, к ситуациям, которые они не признают, на основании данного определения, в качестве правопреимства государств» [14]. Очевидно, что такое, пусть и диспозитивное, замечание свидетельствует, во-первых, о признании наличия таких ситуаций, которые мы не можем в силу сложившихся правовых квалификаций отнести к ситуациям правопреимства, но их последствия могут и должны быть таковыми, как если бы это были ситуации правопреимства, то есть ситуации квазиправопреимства, или условного правопреимства. Во-вторых, это говорит о складывающейся концепции разумности оценки фактических обстоятельств и соразмерности

правовой квалификации ситуации и ее правовых последствий. В-третьих, мы можем сделать вывод о том, что в такой ситуации может быть применен метод аналогии права.

В Конвенции 2006 года устанавливаются:

- право на гражданство (ст. 2), соответствующее пониманию его в смысле статьи 15 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, включающее в себя среди прочего и право на сохранение гражданства, что особенно важно для предотвращения безгражданства в ситуации правопреимства;

- правила недискриминации в решении вопросов гражданства (ст. 4), которые коррелируют с положениями ст. 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и протокола № 12 к указанной конвенции.

Помимо установленных общих правил и принципов предотвращения безгражданства (ст. 3) Конвенцией установлены категории лиц, в отношении которых распространяется обязанность затрагиваемых государств предоставить гражданство (ст. 5). Это бывшие граждане государства-предшественника, которые стали или могут стать апатридами в результате правопреимства и которые относятся либо к категории обычно проживающих в момент правопреимства на затрагиваемой территории лиц (разработчики сохранили традиционную концепцию «население следует за территорией»), либо к категории лиц, имеющих «соответствующую связь» с государством. Понятие «соответствующая связь» подразумевает как минимум три группы лиц:

- лиц, достаточно долго проживавших до момента правопреимства на территории, но не подпадающих в первую категорию;

- потомков (первого и более поколений) лиц, подпадающих под действие конвенции;

- супругов лиц, подпадающих под действие конвенции. Перечень является открытым, и заинтересованные государства вправе сами решать, что еще может быть расценено как «соответствующая связь».

Критерии достаточно лояльны, однако в Конвенции не указано, каким образом государства должны выполнить такую свою обязанность – путем индивидуального (коллективного) волеизъявления затрагиваемых лиц или путем автоматического предоставления гражданства. Конвенция 2006 года не затрагивает и вопросов предоставления гражданства лицам, уже бывшим к моменту правопреимства апатридами.

Ответственность государства-предшественника ограничивается лишь тем кругом лиц, которые не приобрели гражданства государства-преемника (ст. 6) или гражданства любого третьего государства и заключается в запрете для государства-предшественника лишать своего гражданства таких лиц.

Весьма важным представляется включение статьи 8 в текст Конвенции 2006 года. Положения этой статьи касаются предоставления доку-

зательств достаточности оснований для получения гражданства. Ввиду трагичности многих ситуаций правопреемства, сопряженности их с конфликтами и нестабильностью вероятной является утрата полностью или частично необходимых документов, тем более, что такие документы могут относиться к периоду не только правопреемства как такового, но и предшествовавшему этой ситуации. Поэтому есть основания принимать в качестве достаточного доказательства наличие независимых свидетельских показаний, отдельных фактов или документов, свидетельствующих в пользу лица.

Очевидно, что вышеперечисленные положения не покрывают всех возможных ситуаций возникновения безгражданства в результате правопреемства, например случаи распада государства, когда момент правопреемства, а также критерии предоставления гражданства между преемниками не согласованы, или случаи, когда какое-либо из затрагиваемых государств не является участником конвенции. В таких ситуациях для достижения цели Конвенции может быть применима ст. 9, предлагающая государствам обеспечить таким лицам приобретение гражданства в упрощенном порядке.

Среди прочих важных моментов следует отметить следующие: принцип *jus soli* (принцип почвы) в отношении гражданства детей, рожденных при правопреемстве государств; возможность оговорки о ретроактивности положений конвенции. Несмотря на то что положения этой Конвенции можно расценивать как *lex specialis*, в Конвенции напрямую сказано о возможности применения положений обеих конвенций государствами-участниками.

Важную роль при разработке и принятии европейских актов, регламентирующих вопросы гражданства, сыграли плановые конференции по вопросам гражданства, проводимые Советом Европы с привлечением лучших специалистов в области государственного управления, национального и международного права, при участии представителей иных европейских региональных организаций.

Примером таких конференций может служить конференция «Тенденции и развитие национального и международного права по вопросам гражданства», состоявшаяся в октябре 1999 года. Докладчиком по вопросам правопреемства и гражданства являлся Зд.Галицкий, известный польский юрист-международник, член Комиссии международного права ООН, участник

Рабочей группы Комитета экспертов по гражданству Совета Европы [15]. Обсуждались также и другие вопросы гражданства, позитивное решение которых важно в ситуации правопреемства. Так, были представлены доклады о необходимости сокращения и избежания безгражданства, соблюдения баланса интересов индивидов и государств, о роли и применении международных актов в сфере гражданства и проч.

Конференция «Задачи в области гражданства, стоящие перед национальным и международным правом в начале третьего тысячелетия» состоялась в 2001 году, в ходе нее многие из докладчиков касались вопросов правопреемства по вопросам гражданства. Так, доклады в этой области были представлены латвийским юристом Инетой Зимеле («Гражданство и права человека в контексте правопреемства государств» [16]) и председателем Комитета по гражданству Роландом Шерером («Вопросы безгражданства: необходимость принятия дополнений к Европейской конвенции 1997 года» [16]).

Таким образом, европейские региональные организации достаточно активно разрабатывают вопросы гражданства при правопреемстве государств, и в этом направлении достигнуты значительные успехи. Наряду с восприятием традиционных подходов в решении этих вопросов государства – члены организаций и независимые эксперты в области международного права привносят в эту область новые тенденции и формулируют прогрессивные и вместе с тем рациональные правила, которые могли бы быть эффективно использованы государствами в ситуации правопреемства. Значительную роль в этом процессе сыграло стремление максимально обобщить практику государств (не только европейских), тем самым предоставив возможность заинтересованным государствам апеллировать при необходимости не только к принятым обязательным и декларативным международно-правовым актам, но и к обычным нормам международного права в этой области. С учетом событий в европейском регионе и в мире результаты работы, проделанной целым рядом организаций, их органов и комиссий, государствами и отдельными докладчиками по вопросам гражданства в связи с правопреемством государств, будут востребованы и применимы если не как международно-правовая норма, обязательная для исполнения, то в качестве ценного руководства к действию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хельсинский документ 1992 года: Вызов времени перемен // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.osce.org/documents/mcs/1992/07/4046_ru.pdf. – Дата доступа: 05.08.2008.
2. Ottawa Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly // Organization on Security and Cooperation in Europe [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.osce.org/documents/pa/1995/07/171_en.pdf. – Date of access: 05.08.2008.
3. Principles on citizenship legislation concerning the parties to the peace agreements on Bosnia and Herzegovina // Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co-operation/foreigners_and_citizens/nationality/documents/legal_instruments/Principles%20on%20citizenship%20peace%20agreements%20Bosnia.pdf. – Date of access: 05.08.2008.
4. Венецианская комиссия. Общие сведения // Венецианская комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/site/main/Presentation_RUS.asp?MenuL=RUS. – Дата доступа: 05.08.2008.
5. Устав Европейской комиссии за демократию через право: Резолюция Res (2003) о принятии пересмотренного Устава Европейской Комиссии за демократию через право 21.02.2002 // Венецианская комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/site/main/statute_RUS.asp. – Дата доступа: 05.08.2008.
6. Members of the Venice Commission // Venice Commission [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.venice.coe.int/site/dynamics/N_Members_ef.asp?L=E&MenuL=E. – Date of access: 05.08.2008.
7. Declaration on the Principles, Rules and Recommendations concerning the question of the Nationality of Individuals and Legal Persons in State Succession // Venice Commission [Electronic resource]. – Mode of access: [http://www.venice.coe.int/docs/1996/CDL-NAT\(1996\)003-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1996/CDL-NAT(1996)003-e.asp). – Date of access: 05.08.2008.
8. Guidelines for State Practice in the Field of Nationality and State Succession // Venice Commission [Electronic resource]. – Mode of access: [http://www.venice.coe.int/docs/1996/CDL-NAT\(1996\)001rev-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1996/CDL-NAT(1996)001rev-e.asp). – Date of access: 05.08.2008.
9. Declaration on the Consequences of State Succession for the Nationality of Natural Persons / Venice Commission [Electronic resource]. – Mode of access: [http://www.venice.coe.int/docs/1997/CDL-INF\(1997\)001-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1997/CDL-INF(1997)001-e.asp). – Date of access: 05.08.2008.
10. Shaerer R. The Council of Europe and the Reduction of State Succession. // Refugee Survey Quarterly. 2006. Vol. 25 # 3. – p.p. 33-39
11. Европейская конвенция о гражданстве СДСЕ №: 166. Таблица подписей и ратификаций // Conventions of Council of Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=166&CM=8&DF=8/5/2008&CL=RUS>. – Дата доступа: 05.08.2008.
12. Council of Europe Convention on the avoidance of statelessness in relation to State succession // Conventions of Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/200.htm>. – Date of access: 05.08.2008.
13. Council of Europe Convention on the avoidance of statelessness in relation to State succession. Table of Signatures and Ratifications // Conventions of Council of Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=200&CM=8&DF=8/6/2008&CL=RUS>. – Дата доступа: 05.08.2008.
14. Council of Europe Convention on the avoidance of statelessness in relation to State succession. Explanatory Report // Conventions of Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Reports/Html/200.htm>. – Date of access: 05.08.2008.
15. 1st European Conference on Nationality: Trends and Developments in National and International Law on Nationality. Proceedings / Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access: [http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co-operation/foreigners_and_citizens/nationality/conferences/Conference%201%20\(1999\)Proceedings.pdf](http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co-operation/foreigners_and_citizens/nationality/conferences/Conference%201%20(1999)Proceedings.pdf). – Date of access: 05.08.2008.
16. 2nd European Conference on Nationality: Challenges to National and International Law on Nationality at the Beginning of the New Millenium. Proceedings // Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access: [http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co-operation/foreigners_and_citizens/nationality/conferences/Conference%202%20\(2001\)Proceedings.pdf](http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co-operation/foreigners_and_citizens/nationality/conferences/Conference%202%20(2001)Proceedings.pdf). – Date of access: 05.08.2008.

РАЗДЕЛ X

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ

СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ (ГРАЖДАНСКИХ) ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л.Я.РЖЕУЦКИЙ

Статья посвящена рассмотрению вопросов эффективной работы системы защиты личных (гражданских) прав и свобод человека в области информационных технологий. Определены некоторые структурные элементы, входящие в международный механизм защиты личных (гражданских) прав и свобод человека. Обозначено виртуальное место указанных элементов в информационной среде. Отмечено, что получаемый аналитический материал информационных порталов не стал основой международной политики и почвой для нормотворческой деятельности во внутригосударственной политике.

Рассмотрены структурные элементы правового регулирования защиты личных (гражданских) прав и свобод граждан в области информационных технологий в Республике Беларусь. Обусловлен главный структурный элемент правового регулирования защиты личных (гражданских) прав и свобод граждан в области информационных технологий. Им может стать институт Уполномоченного по правам человека, которого в Республике Беларусь пока нет.

Автор приходит к выводу: согласованная деятельность указанных структурных элементов правового регулирования в области информационных технологий станет основной частью международного механизма, органично интегрированного в общую систему защиты личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина.

В XXI веке важнейшим условием существования государств и выживания самого человека признана эффективная работа системы защиты личных (гражданских) прав и свобод человека. Также XXI век характеризуется стремительным развитием информационных технологий,

которые, безусловно, воздействуют на указанные права и свободы.

Началом формирования и постоянного совершенствования *международного механизма защиты личных (гражданских) прав и свобод граждан* принято считать принятие Всеобщей

декларации прав человека ООН. С принятием указанной Декларации ООН разработала всеобъемлющую стратегию, направленную на реализацию целей в области прав человека, установленных в Уставе ООН.

В середине XX века возникла острая необходимость создания механизма международной защиты в области прав человека. Причины указаны в преамбуле Всеобщей декларации прав человека:

– пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества;

– «стремлением людей» является создание такого мира (общества), где люди «будут иметь свободу слова и свободу убеждений и будут свободны от страха и нужды»;

– права человека должны иметь надежную правовую защиту («обеспечиваться законом»), чтобы «человек не был вынужден прибегать к восстанию в качестве последнего средства против тирании и угнетения»;

– Устав ООН накладывает обязанности на государства «содействовать в сотрудничестве с ООН всеобщему уважению и соблюдению прав и свобод человека». «Огромное значение для выполнения этой обязанности» имеет «всеобщее понимание характера этих прав и свобод», что достигается регламентацией в универсальном международном документе;

– закрепление прав и свобод в едином документе создаст условия для просвещения и образования в области прав человека, содействуя, таким образом, их уважению, принятию национальных и международных мер для их «всеобщего и эффективного признания и осуществления» [1, с. 14].

В современном международном праве личные (гражданские) права и свободы человека составляют обширный блок. Обозначим лишь перечень прав и свобод человека, регламентирующих вопросы личной жизни, свободы и неприкосновенности личности. Так, во Всеобщей декларации прав человека содержится перечень прав и свобод: право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3); запрещение рабства (ст. 4); запрещение пыток, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказаний (ст. 5); признание за каждым гражданином его правосубъектности (ст. 6); право на равную защиту закона и защиту от какой-либо дискриминации (ст. 7); право на эффективное восстановление в правах (ст. 8); право на защиту от произвольного ареста, задержания или изгнания (ст. 9); право на независимый и беспристрастный суд (ст. 10); презумпция невиновности и отсутствие обратной силы законов (с. 11); право не подвергаться произвольному вмешательству в личную и семейную жизнь (ст. 12); право свободного передвижения и выбора места жительства (ст. 13); право на гражданство (ст. 15); право на семью (ст. 16); право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18); право на свободу убежде-

ний и на свободное выражение их (ст. 19) [1, с. 15–17].

В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года разграничиваются личные (гражданские) и политические права и свободы, в категорию гражданских прав и свобод включены: ст. 6 (право на жизнь), ст. 7 (запрещение пыток, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказаний), ст. 8 (запрещение рабства), ст. 9 (право на свободу и личную неприкосновенность), ст. 10 (право на гуманное обращение и уважение достоинства), ст. 12 (право на свободу передвижения и выбор места жительства), ст. 14 (презумпция невиновности), ст. 16 (право на признание правосубъектности), ст. 17 (право на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в личную жизнь и семейную жизнь, произвольного или незаконного посягательства на неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции, незаконного посягательства на честь и репутацию), ст. 18 (право на свободу мысли, совести и религии) [1, с. 32–53].

Включены в категорию личных (гражданских) прав и свобод аналогично Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года, согласно Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Американской конвенции о правах человека 1969 года, Африканской Хартии прав человека и народов 1981 года следующие права и свободы: право на признание правосубъектности; право на жизнь; запрещение пыток, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказаний; право на свободу и личную неприкосновенность; право на гуманное обращение и уважение достоинства; свобода передвижения и выбор места жительства; презумпция невиновности; право на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в личную жизнь и семейную жизнь, произвольного или незаконного посягательства на неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции, незаконного посягательства на честь и репутацию; свобода мысли, совести и религии и др.

Необходимо отметить, что в Уставе ООН не используется такой термин, как «защита прав человека», а лишь «поощрение и развитие уважения к ним». Также Устав ООН не дает Организации Объединенных Наций право на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства. Однако Уставу ООН принадлежит важнейшая роль в создании правовой базы для осуществления нормотворческой деятельности с точной фиксацией предмета регулирования: а) основные права человека, б) достоинство и ценность человеческой личности, в) борьба с дискриминацией (равенство прав мужчин и женщин, национальных меньшинств).

Нормотворческая деятельность представляет собой свод международных норм и стандартов, охватывающих каждую область человеческой

деятельности, в том числе и деятельность по созданию и функционированию механизма международной защиты в области личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина.

Исследованию международных норм и стандартов в области личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина посвящена докторская диссертация Исмаилова Б.И., защищенная в 2007 году [2].

Обозначим некоторые структурные элементы, входящие в международный механизм защиты личных (гражданских) прав и свобод человека, обозначив виртуальное место указанных элементов в информационной среде:

международные:

Генеральная Ассамблея ООН:

<http://www.un.org/russian/ga/>;

– Совет по правам человека:

<http://www.un.org/russian/news/focus.asp?focusID=21>;

– Комиссия по положению женщин Экономического и Социального Совета ООН:

<http://www.un.org/womenwatch/daw/csw/>;

– Комитет информации:

<http://www.un.org/russian/ga/coi/>;

– Верховный комиссар ООН по правам человека:

<http://www.un.org/russian/hr/issues/>;

– Международный суд ООН:

<http://www.un.org/russian/icj/index.htm>;

– Департамент общественной информации ООН (департаменты Секретариата ООН):

<http://www.un.org/russian/basic/depts.htm>;

– Программа развития ООН:

<http://www.un.org/russian/>;

– Фонд ООН в области народонаселения:

<http://www.un.org/russian/>;

– Детский фонд ООН:

<http://www.unicef.org/russia/ru/index.html>;

– Всемирная организация здравоохранения:

<http://www.who.int/ru/>;

региональные:

– Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ): <http://www.osce.org/>;

– Совет Европы:

<http://www.coe.int/DefaultRU.asp>;

– Европейский суд по правам человека:

http://www.coe.int/T/R/Human_Rights_Court/;

– Комиссар Совета Европы по правам человека:

<http://www.coe.int/t/r/commissionerhr/>;

неправительственные:

– Международная амнистия:

<http://www.amnesty.org.ru/pages/index-rus>;

– Международный Комитет Красного Креста и Красного Полумесяца: <http://www.icrc.org/rus>;

– Международное общество прав человека: <http://www.palitra.net/suspended.page/?lid=1505> (имеет ряд региональных представительств, например в Рунете обозначено 575 сайтов).

В русифицированном сегменте Интернета представлено к рассмотрению более 13 200 сайтов, определяющих проблемы деятельности международных организаций по защите личных

(гражданских) прав и свобод человека и гражданина. Существуют международные документы, определяющие пути регулирования общественных и внутригосударственных отношений в различных информационных сферах деятельности. В связи с этим интерес вызывает Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации, открытая к подписанию государствам 23 ноября 2001 г. в Будапеште, где главная задача «нацелена на защиту общества от преступности в сфере компьютерной информации, в том числе путем принятия соответствующих законодательных актов и укрепления международного сотрудничества»; выражается озабоченность переменами, вызванными внедрением цифровых технологий, объединением и продолжающейся глобализацией компьютерных сетей»; высказано предположение, «что компьютерные сети и электронная информация могут также использоваться для совершения уголовных преступлений и что доказательства совершения таких правонарушений могут храниться в этих сетях и передаваться по ним»; высказана «необходимость сотрудничества между государствами и частным сектором в борьбе против преступности в сфере компьютерной информации и необходимость защиты законных интересов в сфере использования и развития информационных технологий» [3], которая пока не ратифицирована многими государствами СНГ.

Посредством информационных технологий можно получить информацию о деятельности международных организаций по защите личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина. Однако получаемый аналитический материал указанных информационных порталов пока не приобрел характера международной политики и не стал почвой для нормотворческой деятельности во внутригосударственной политике.

Рассмотрим структурные элементы правового регулирования защиты личных (гражданских) прав и свобод граждан в области информационных технологий в Республике Беларусь.

14 ноября 2005 г. законодательно закреплены Основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь [4]. В рамках исследуемой темы в данном Законе можно выделить следующие направления:

– в числе принципов внутренней политики Республики Беларусь (ст. 1):

стабильность конституционного строя;

гарантия конституционных прав и свобод граждан;

– в числе стратегических целей внутренней политики Республики Беларусь (ст. 2):

обеспечение прав и свобод человека и гарантии их реализации;

– в числе основных задач внутренней политики Республики Беларусь (ст. 3):

обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, общественных и государственных интересов;

обеспечение права граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации в соответствии с законодательством Республики Беларусь;

– в числе принципов внешней политики Республики Беларусь (ст. 23):

соразмерность внешнеполитических целей политико-дипломатическому, экономическому, оборонному, научно-техническому, интеллектуальному потенциалу государства, обеспечение их реализации для укрепления международных позиций Республики Беларусь и ее международного авторитета;

– в числе стратегических целей внешней политики Республики Беларусь (ст. 24):

защита прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и государственных интересов;

– в числе основных задач внешней политики Республики Беларусь (ст. 25):

равноправная интеграция Республики Беларусь в мировое политическое, экономическое, научное, культурное и информационное пространство;

обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь за границей.

Республика Беларусь является участником практически всех основных международных договоров по правам человека, и практически все международные, неправительственные и общественные организации структурно представлены во Всемирной сети, а также в Байнете.

Информация о деятельности органов ООН по правам человека в Республике Беларусь представлена на сайте Представительства: <http://www.un.minsk.by/hr/>, а также на сайте Управления Верховного комиссара ООН по правам человека: <http://www.unhchr.ch/>. Освещает деятельность указанного Представительства издание «Бюллетень ООН. Представительство ООН в Республике Беларусь», которое также представлено как интернет-издание: <http://un.by/ru/bulletin/>.

Главные структурные элементы ООН в Республике Беларусь представлены на сайте: www.un.by. Отмечается весомая деятельность следующих подразделений ООН в Республике Беларусь, которые представлены в Байнете:

– Программа развития ООН (ПРООН) в Беларуси;

– Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси;

– Детский фонд ООН (Юнисеф) в Беларуси;

– Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в Беларуси;

– Департамент общественной информации в Беларуси и т.д.

Республика Беларусь последовательно выступает в ООН с различными инициативами, способствующими разрешению насущных международных проблем и реализации своих национальных интересов, в том числе принимает ак-

тивное участие в работе Комитета Организации Объединенных Наций по информации, а также в обсуждении информационных вопросов, рассматриваемых в ходе сессий Генеральной Ассамблеи ООН, которые непосредственно влияют на реализацию личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина. В их числе:

– укрепление информационно-коммуникационной составляющей деятельности ООН и расширение информационных потоков между Организацией и ее государствами-членами;

– определение позиции Республики Беларусь по деятельности каналов ООН, по которым должна распространяться только объективная и непредвзятая информация;

– утверждение об информационном сопровождении деятельности главных органов ООН и т.д. [5].

Соблюдение и регулирование личных (гражданских) прав и свобод человека – одна из основных задач органов власти и общественных организаций Республики Беларусь. Указанные структуры широко представлены в Интернете. Основными информационными порталами (сайтами), где виртуальные обращения граждан рассматриваются как реальные, являются:

– официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь: <http://www.president.gov.by>;

– сайт Конституционного Суда Республики Беларусь: www.ncpi.gov.by/ConstSud/rus;

– официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: <http://www.prokuratura.gov.by>;

– сайт Министерства юстиции Республики Беларусь: <http://www.minjust.by>;

– сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь: www.house.gov.by;

– сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь: <http://www.mintrud.gov.by>;

– сайты других министерств и ведомств, органов власти.

В числе общественных организаций, основная задача которых – защита личных (гражданских) прав и свобод граждан, имеющих свою «официальную прописку» в Интернете, можно назвать общественное объединение «Центр по правам человека», которое оказывает безвозмездную помощь гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам и лицам без гражданства в реализации прав, гарантированных Конституцией Республики Беларусь, Всеобщей декларацией прав человека и иными международными пактами, договорами и соглашениями, ратифицированными Республикой Беларусь; проводит мониторинг действующего законодательства Республики Беларусь в области прав человека; принимает активное участие в разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства Республики Беларусь и альтернативных проектов конкретных нормативных актов, относящихся к защите гражданских прав и свобод; организует семинары, конференции, лекции, выставки, семинары, благотворительные акции и иные мероприятия (интер-

нет-сайт: <http://www.belarushumanrights.org/>). Но для 21 волонтера, которые являются высококвалифицированными специалистами в области права и образования, этот объем работы весьма значителен.

Также среди других общественных объединений, защищающих личные (гражданские) права и свободы граждан, активно использующих информационные технологии, которые можно найти в Байнете (<http://all.by/0502.html>), а также на сайте информационного портала общественных организаций Беларуси (<http://www.ngo.by/ru>), нужно отметить: общественную организацию «Белорусский зеленый крест» (<http://www.greencross.by>); ресурсный сайт по правам ребенка (<http://www.childrenrights.net>); Белорусский детский фонд (<http://www.bcf.by/>); международное общественное благотворительное объединение «РЕКА ЖИЗНИ» (<http://www.rekajizni.by.ru>); общественное объединение «Семь.Я» (<http://sem-ya.iatp.by>); Ассоциацию многодетных родителей (<http://www.belfirms.com>); сайт Казачества Республики Беларусь (<http://www.belkazak.narod.ru>); общественное объединение «Белорусский суворовско-нахимовский союз» (<http://users.cosmostv.by/cadet>); Белорусский фонд социальной защиты бывших военнослужащих (<http://fszbv.iatp.by>) и некоторые другие. Но среди всех общественных объединений Республики Беларусь непосредственно защитой личных (гражданских) прав и свобод граждан занимается лишь 1,17 процента (с учетом организационной структуры) и 3,14 процента (без учета организационной структуры) от всех общественных объединений. Причем подавляющее большинство общественных организаций находится в Минске и Минской области: 59,25 и 5,27 процента соответственно. По данным компьютерной базы данных БРОО «Объединенный путь», содержащей сведения более чем о 2800 общественных объединениях, e-mail имеют только 15,77 процента общественных объединений Республики Беларусь [6].

Также главным структурным элементом правового регулирования защиты личных (гражданских) прав и свобод граждан в области информационных технологий может стать институт Уполномоченного по правам человека, которого в Республике Беларусь пока нет. «Работа с гражданами была бы еще эффективней, если бы в систему был включен институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмана), который бы объединял усилия еще и международных объединений и национальных неправительственных организаций в области прав человека», — заявил Ю.Кулаковский, председатель Комиссии по правам человека и национальным отношениям Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [7].

Структуры омбудсманов существуют в более чем 120 странах мира, и во многих из них действуют как национальные, так и региональные институты, функционируют они в рамках законода-

тельной и исполнительной ветвей власти. В связи с этим, используя информационные технологии, наверное, необходимо изучить опыт наших соседей, в частности материалы официального сайта Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (<http://www.ombudsmanrf.ru>), интернет-страницы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (<http://www.politika.su/gos/upch.html>), материалы официального сайта Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека (<http://www.ombudsman.kiev.ua/>) и другие, для осуществления деятельности института Уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь — национального органа, создаваемого законодательным органом власти и подотчетного ему, с необходимым информационным ресурсом, например <http://www.ombudsman.gov.by>.

Защитой прав и свобод человека в Республике Беларусь пытаются заниматься некоторые неправительственные и общественные организации, политические партии, физические и юридические лица, преследующие прежде всего политические цели, в их числе «Белорусский Хельсинский комитет», «Хартия'97» и другие, поэтому в данной статье их деятельность в качестве структурного элемента правового регулирования защиты личных (гражданских) прав и свобод граждан в области информационных технологий не рассматривается.

В рамках Государственной программы информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь» к 2010 году будут в полном объеме выполнены приоритетные работы, которые существенно повлияют на реализацию личных (гражданских) прав и свобод граждан Республики Беларусь; в их числе:

- формирование базовых информационных ресурсов: основы регистра населения Республики Беларусь, развитие регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, регистра недвижимого имущества;
- интеграция информационных ресурсов, имеющих государственное значение, в единую информационную систему;
- обеспечение доступа к информационным ресурсам со стороны физических и юридических лиц, включая решение вопросов информационной безопасности.

Базовым общесистемным проектом программы является проект по созданию общегосударственной автоматизированной информационной системы. Основной задачей создания автоматизированной информационной системы является разработка и внедрение комплекса программно-технических средств для интеграции и взаимодействия существующих и разрабатываемых информационных систем и информационных ресурсов государственных органов, предоставление доступа к ним заинтересованных и оказание на этой основе государственных услуг гражданам и организациям [8].

В настоящее время в нашей стране появляются инициативы по преобразованию информационного пространства в правовое поле. В их числе инициатива по созданию ответственных интернет-издателей, что после принятия соответствующего нормативного правового акта будет способствовать реальной защите прав и свобод граждан [9].

Таким образом, согласованная деятельность указанных структурных элементов правового регулирования в области информационных технологий станет единым звеном международного механизма, органично интегрированным в общую систему защиты личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная защита прав и свобод человека: сб. документов // Юридическая литература / сост. Г.М. Мелков. – Москва, 1990. – 661 с.
2. Исмаилов, Б.И. Международные стандарты в области личных прав и свобод человека и национальное законодательство Республики Узбекистан: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Б.И. Исмаилов. – Ташкент, 2007. – 344 с.
3. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sbtechnology.ru/?topic=law>. – Дата доступа: 14.05.2008.
4. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 24.11.2005. – 2/1157.
5. Инициативы Беларуси в ООН // Сайт Министерства иностранных дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/images/print/logo.gif>. – Дата доступа: 28.04.2008.
6. Информация // Информационный портал общественных объединений Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ngo.by/ru/data/fb6841bd68209b38.html>. – Дата доступа: 18.05.2008.
7. Почему в Беларуси нет уполномоченного по правам человека // Аргументы и факты. – 2008. – № 18. – С. 39.
8. Основные направления развития информатизации в Республике Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа: <http://pravo.by/showtext.asp?1209544358512>. – Дата доступа: 30.04.2008.
9. Ассоциацию ответственных Интернет-издателей необходимо создать в Беларуси // БелТа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/showtext.asp?1209477092119>. – Дата доступа: 16.04.2008.

ДЕТСКИЙ ПРАВОВОЙ САЙТ – УНИКАЛЬНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ В ОБЛАСТИ ПРАВА

А. Н. ГАВРИШ, Л. В. ФИНЬКЕВИЧ

Статья рассказывает о предпосылках и процессе создания уникального интернет-ресурса для детей – Детского правового сайта. Авторы также акцентируют внимание читателей на значимости данного ресурса в свете обеспечения правовой грамотности детей и подростков, воспитания у них уважительного отношения к праву.

Процесс построения в Республике Беларусь демократического социального правового государства требует формирования у граждан соответствующего уровня правовой культуры. Необходимыми условиями достижения должного уровня правовой культуры являются формирование у подрастающего поколения правосознания, соответствующего нравственно-культурным ценностям и традициям белорусского общества, обеспечение базового уровня правовых знаний.

Информация о правах должна быть доступна каждому ребенку. В эпоху информационных технологий самым доступным средством получения информации является Интернет, который дети осваивают быстрее взрослых. Разобраться в серьезных правовых вопросах маленьким гражданам поможет новый информационно-правовой ресурс.

Создание Национальным центром правовой информации Республики Беларусь Детского правового сайта является как нельзя более своевременным откликом на назревшую проблему дефицита правовой информации и ее доступности для детей в эпоху глобальной информатизации. Идея создания такого ресурса в глобальной компьютерной сети Интернет была инициирована Заместителем Главы Администрации Президента Республики Беларусь Петкевич Н.В.

С целью реализации этой идеи распоряжением Главы Администрации Президента Республики Беларусь от 19 марта 2007 г. № 32ра была создана рабочая группа для координации разработки Детского правового сайта. В ее состав вошли представители Администрации Президента Республики Беларусь, Министерства образования, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, Министерства культуры, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, юридического факультета Белорусского государственного университета, Государственного центра безопасности информации при

Президенте Республики Беларусь, республиканского унитарного предприятия «Издательство «Пачатковая школа» и Национального центра правовой информации Республики Беларусь. Рабочей группой была выработана концепция по созданию сайта, а специалисты Национального центра правовой информации Республики Беларусь воплощают ее в жизнь.

Этот уникальный информационный продукт, которому нет аналогов, заполнит образовавшийся вакуум в отечественных информационных ресурсах по данной проблематике. Материалы сайта в полной мере позволяют детям получить знания о правомерном поведении в различных жизненных обстоятельствах, разобраться в сложных и конфликтных ситуациях.

Несомненным достоинством сайта является его игровая часть, состоящая из ситуаций, решение которых позволяет приобрести правовые знания по конкретной теме. Игра предполагает пошаговое «юридическое образование» и формирование правомерного поведения участника игры. Принцип интерактивности обеспечивает устойчивость интереса к игре, формирует позитивную мотивацию правильного выбора, получения дополнительных юридических знаний. Разработчики сайта ориентировались на стремление детей к позитивной оценке их достижений, поэтому в качестве награды предусмотрены не только баллы, но и приобретение друзей, что опосредованно влияет на формирование осознания ценности дружеских отношений с другими людьми. Игровые сценарии, объединенные в общий сюжет, являются типичными, актуальными для детской аудитории. Важно, что ребенок имеет возможность вариативности выбора решения проблемы, благодаря чему он может упражняться в разных моделях поведения и увидеть их результат, ведь в реальной жизни подобное экспериментирование чаще всего рискованно и недопустимо. Дети получают возможность расширить свою картину мира за счет

формирования положительного отношения к праву и должного поведения в обществе.

Игра как основной структурный элемент сайта интересна тем, что в ней нет фиксированного финала. С точки зрения психологии восприятия это означает, что имеет место так называемый «эффект Шахерезады», то есть незавершенности, которая пробуждает интерес и стремление продолжать игровое действие. Более того, предполагается и постоянное обогащение игровой части сайта актуальными сюжетами, содержание которых будут составлять и те ситуации затруднения социального взаимодействия, о которых напишут сами пользователи в вопросах и отзывах. И, безусловно, это дает возможность ее дальнейшего развития не только для новых игроков, но и для игроков, уже добившихся определенного результата. Такой подход позволит поддерживать интерес пользователей и привлекать новых посетителей сайта.

При разработке сайта учтен разный и чаще всего недостаточный уровень правовых знаний пользователей. Для того чтобы ребенок мог выиграть и попасть в первые строчки таблицы рейтинга, предусмотрено обращение к информационной части сайта «Библиотека», которая состоит из следующих тематических разделов:

«Новости» – содержит информацию в области права и о событиях, связанных с процессом воспитания и образования;

«Юридическая азбука» – дает определения и пояснения наиболее распространенных юридических терминов и понятий; содержит афоризмы и пословицы о праве, законности, морали и нравственности, «мудрые мысли» на латинском языке, крылатые выражения по теме государства и права, произведения мировой художественной литературы о праве, рекомендуемую литературу о праве; рассказывает об образе ребенка в искусстве;

«Правовые лабиринты» – раздел, в котором рассказывается о том, что такое право, законодательство Республики Беларусь, права ребенка, представлены материалы о Конституции Республики Беларусь. Кроме этого в разделе размещена информация о роли правовых актов в деятельности государства и жизни людей; о возникновении и формировании права, о соотношении права и закона, права и морали; об общих принципах права.

Представленный в данном разделе информационный массив о законодательстве Республики Беларусь расширяет спектр правовых знаний пользователей, помогает в выборе правильных вариантов ответов в ходе решения юридических ситуаций, содержащихся в игровой части Детского правового сайта.

Не менее интересны и познавательны материалы, касающиеся личной безопасности, изучения правил дорожного движения, правового

регулирования вопросов досуга, разнообразная справочная информация;

«Путешествие в прошлое» – дает представление о происхождении белорусской нации и государственности, истории права Беларуси. В разделе размещена информация об исторических памятниках права, об известных исторических личностях, о правах детей в разных странах в хронологическом аспекте и многое другое;

«Наше государство – Республика Беларусь» – содержит информацию о государственном устройстве Республики Беларусь, органах государственной власти и управления, государственных символах, наградах и героях страны;

Раздел **«Белорусское государство и право в фотографиях, рисунках и песнях»** – это целая галерея фотографий, видеоролики и музыка, посвященные белорусской государственности, административно-территориальным единицам и государственным символам Республики Беларусь (государственный герб, государственный флаг, государственный гимн).

Значительный объем материала составляет информация о художественных, архитектурных и музыкальных шедеврах Беларуси, знакомство с которыми способствует эстетическому развитию личности.

В целом структура информационной части сайта «Библиотека» представлена в виде списка названий указанных разделов, размещенных на главной странице этой части. На каждой странице раздела присутствует форма обратной связи «Задать вопрос по данной статье», которая предоставит пользователям возможность задать интересующий вопрос, а также просмотреть ответы на часто задаваемые вопросы других посетителей.

Следует отметить полноту и разнообразие тематических разделов «Библиотеки», достаточно высокий уровень оформления предоставляемой информации, юридическую точность и доступность всех текстов для восприятия детьми. Данная часть сайта представляет большой интерес не только для детей, но и для взрослых.

Пользователь также имеет возможность распечатать любой материал информационной части.

Динамичность созданного информационного ресурса предусматривает дальнейшее его развитие и совершенствование: расширение, дополнение, уточнение структуры информационной части и содержания ее разделов.

Особый интерес представляет раздел **«Конкурсы и викторины»**, в котором закрепляются приобретенные знания в новом аспекте. Данный раздел предназначен для размещения информации о проводимых в Республике Беларусь детских конкурсах, викторинах, олимпиадах. Предусматривается, что пользователям будет предоставлена возможность присылать свои рисунки, фотографии для размещения на сайте с последующим составлением рейтинга работ.

В рамках дальнейших работ планируется разработка программного обеспечения для реализации настраиваемых кроссвордов и виртуальных викторин.

Важно, что в части **«Вопросы и ответы»** предусмотрена возможность получения обратной связи с пользователями, что поможет сделать посещение сайта более интересным и популярным среди не только детей, но и взрослых.

Следует отметить, что целевая направленность проекта не ограничивается детской аудиторией. Полезную информацию здесь найдут родители, учителя и воспитатели, преподаватели правовых дисциплин, юристы. Так, например, в разделе Библиотеки «Правовые лабиринты» размещен банк данных «Я и Закон», который создан Национальным центром правовой информации на основе Эталонного банка данных правовой информации и включает тексты правовых актов, определяющих права несовершеннолетних в гражданско-правовой и трудовой сферах, их конституционные обязанности, молодежную политику в Республике Беларусь. К слову сказать, этот банк данных является электронным приложением к книге «Я – гражданин Республики Беларусь». Правовые акты в банке данных сгруппированы по тематическим

разделам и по видам в их действующей редакции.

Детский правовой сайт позволит качественно повысить общий образовательный уровень детей, получить основы юридических знаний, необходимых для формирования их личной правовой культуры, а также предоставит доступ к правовой информации в понятной для них форме.

Создание и функционирование этого информационного ресурса призвано решать задачи по формированию правовой культуры личности в современном обществе, повышению у детей и молодежи уровня правового образования и правосознания, развитию навыков работы с современными информационными технологиями.

С созданием Детского правового сайта в Республике Беларусь сформирована правовая интернет-система, охватывающая сферу правовых интересов как взрослых, так и детей. Наравне с Национальным правовым Интернет-порталом Республики Беларусь (www.pravo.by) Детский правовой сайт (www.mir.pravo.by) будет интегрирован в комплекс информационно-правовых ресурсов, направленных на получение знаний о праве, а также на предупреждение отклоняющегося поведения детей, профилактику правонарушений и преступлений в подростковой и молодежной среде.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Д. ОРЫНБЕКОВА

В статье приведены основные этапы правовой информатизации в Казахстане, освещены вопросы деятельности Республиканского центра правовой информации.

Информатизация во всех сферах деятельности общества является составной частью идущих в Казахстане преобразований, целью которых является дальнейшее совершенствование государственного устройства, развитие экономики и в конечном счете вхождение в число конкурентоспособных государств мира.

В жизни казахстанского общества появились качественно новые общественные связи и отношения, требующие правового регулирования что называется с нуля.

Правовая информация – особый вид информации, который лежит в основе нормального функционирования общества, в фундаменте его экономической и политической жизни. Отсутствие, неполнота или неточность правовой информации влекут моральные и материальные потери, несопоставимые с затратами на ее сбор, обработку и распространение. Недостаточная правовая информированность вызывает разбалансированность экономики, деформирует правосознание граждан, повышает уровень преступности, существенно осложняет переход к правовому государству и рыночной экономике.

История развития правовой информатизации в Казахстане берет свое начало с 90-х годов прошлого века. В этот период с целью переноса на магнитные носители текстов законодательных актов в Министерстве юстиции Казахской ССР создан специальный отдел «Республиканская автоматизированная система правовой информации», который позже Указом Президента Республики Казахстан был реорганизован в самостоятельное государственное учреждение «Республиканский центр правовой информации». В 1995 году специалистами РЦПИ разработано собственное программное обеспечение, позволяющее работать в операционной среде Windows. РЦПИ – автор и разработчик первой в Казахстане компьютерной базы данных по законодательству, а с 1999 года – первой в Казахстане базы данных на государственном языке.

Сегодня РЦПИ – это республиканское государственное предприятие с развитой сетью филиалов во всех областных центрах Казахстана. На момент создания Республиканского центра

правовой информации его штат состоял из 10 специалистов. Сегодня штатная численность РЦПИ – 121 единица: это юристы, инженеры-программисты и системщики, филологи. Многие наши специалисты имеют по два высших образования; филологи и технические специалисты за время работы в РЦПИ получили дипломы юристов. По сути дела, все специалисты РЦПИ – это новое поколение юристов – юристов-информационщиков. Потребность в таких специалистах растет с каждым годом. Не исключено, что в недалеком будущем потребуются введение соответствующей специализации в юридических вузах.

Основными направлениями деятельности Республиканского центра правовой информации являются:

обеспечение ведения Государственного реестра нормативных правовых актов Республики Казахстан;

формирование банка данных национального законодательства;

организация распространения правовой информации.

Институт Государственного реестра нормативных правовых актов государства появился относительно недавно – в 1997 году. Он представляет собой единую систему государственного учета нормативных правовых актов Республики Казахстан, содержащую реквизиты нормативных правовых актов и другие сведения информационно-справочного характера об этих актах.

На сегодняшний день Госреестр содержит более 38 тысяч реестровых записей, обновляется в режиме он-лайн. С 2006 года в Госреестр включаются нормативные правовые акты местных органов власти всех уровней. Сегодня Госреестр НПА размещен в Интернете со свободным доступом и является самостоятельным модулем портала электронного правительства Казахстана.

База данных «Закон» Республиканского центра правовой информации представляет собой систематизированное собрание законодательства Республики Казахстан в электронном

виде. В настоящее время содержит более 67 тысяч нормативных правовых и иных актов, принятых с 1990 года по настоящее время. Это новая модель информационно-поисковой компьютерной системы, позволяющая работать одновременно с текстом нормативного акта на государственном и русском языках. Сегодня аналогов двуязычной базы данных «Закон» в Казахстане нет.

Создание электронного банка данных правовой информации, разработка программного обеспечения и технологий, которые позволяют поддерживать его в актуальном состоянии и ежедневно обновлять этот банк данных с использованием электронной почты и Интернета, – яркий пример успешного симбиоза юридической и компьютерной мысли.

База данных включает три блока: «Зан», «Закон», «Незарегистрированные»; оснащена терминологическими словарями, ситуационным поиском. Программно-технологический комплекс БД «Закон» постоянно совершенствуется.

Информация, предоставляемая Республиканским центром правовой информации, прочно вошла в жизнь государства. БД «Закон» используют в своей работе все государственные органы, включая территориальные подразделения, в том числе успешно осуществляется правовая информатизация судебной системы, органов прокуратуры, Министерства финансов и др.

Проводниками политики РЦПИ непосредственно на местах стали созданные в 1995–1996 годах во всех областных центрах, городах Алматы и Семипалатинске его филиалы – региональные центры правовой информации.

Они осуществляют на соответствующей территории распространение правовой информации, обеспечивают ею организации и предприятия всех форм собственности, участвуют в создании сети публичных центров правовой инфор-

мации, являются активными пропагандистами правовых знаний, ведут в областных печатных изданиях рубрики «Новое в законодательстве», «Территория закона», «Обзор НПА», круглые столы на телевидении.

Необходимо отметить, что правовая информатизация в Казахстане развивается в условиях конкурентной среды, что, несомненно, является стимулирующим фактором поступательного развития. Республиканский центр правовой информации Министерства юстиции занимает лидирующие позиции на рынке информационно-правовых услуг благодаря грамотному менеджменту и качеству предоставляемых услуг. В отчете экспертов Всемирного банка реконструкции и развития БД «Закон» указана как «высокопрофессиональный продукт».

Стратегией индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы определено, что государственная политика в области информационных технологий должна быть направлена на обеспечение универсального доступа к научной, правовой информации населения, хозяйствующих субъектов, общественных организаций и органов государственного управления Республики Казахстан. Стремительно набирает популярность у населения «электронное правительство», портал которого оснащен информацией как общего, так и специального пользования. В связи с этим и ближайшие цели РЦПИ:

создание свободного доступа населения к правовой информации;

для приближения БД «Закон» к пользователям на местах – расширение сети филиалов, создание представительств в районных центрах;

создание в Казахстане эталонного электронного банка правовой информации.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ СЕМИНАР «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕНТРОВ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ ГРАЖДАН»: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

О. Н. КАЦЕВИЧ

Статья посвящена итогам проведенного Национальным центром правовой информации Республики Беларусь совместно с Министерством культуры Республики Беларусь республиканского семинара по вопросам деятельности публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан.

В качестве основной характеристики негативных и массовых явлений современного состояния правовой культуры следует рассматривать такое явление, как правовой конформизм, который характеризуется пассивным отношением к правовым ценностям и, в частности, к позитивному праву. Законодательство в этом случае воспринимается человеком как чуждая, внешняя сила. При этом в позитивном праве человек не видит реальной возможности реализовать и в случае необходимости защитить свои права и законные интересы. Как следствие, в обыденном правосознании существует своего рода неопределенность по отношению к ценностному содержанию правовых явлений.

По этой причине важным и ключевым моментом в развитии правовой культуры является реализация системы мер по комплексному обеспечению граждан полной и актуальной официальной правовой информацией, а также по их правовому просвещению, повышению юридической грамотности населения.

Уровень правового просвещения граждан во многом определяется условиями, системой обеспечения широкого доступа граждан к национальному законодательству и именно государство в лице Национального центра правовой информации Республики Беларусь взяло на себя ответственность за создание данной системы.

Основным звеном данной системы стали пункты свободного доступа граждан к официальной правовой информации – публичные центры правовой информации (ПЦПИ), которые с момента их создания трансформировались в универсальные источники правовых знаний для населения, охватив возможности предоставления правовой информации не только на электронных носителях и в виде печатных периодических изданий, но и путем организации интерактивных семинаров по актуальным правовым темам, бесед, игр и турниров, организации тематических выставок, бесплатных юридических

консультаций и лекций адвокатов для населения по наиболее актуальным вопросам.

По этой причине данной проблематике был посвящен очередной республиканский семинар «Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан», который был проведен 19–20 июня 2008 г. на базе государственного учреждения культуры «Центральная городская библиотека им. Ф.Скорины» в городе Полоцке. Организаторами семинара выступили Национальный центр правовой информации Республики Беларусь и Министерство культуры Республики Беларусь.

Представителям высших органов государственной власти, управлений культуры и юстиции облисполкомов, областных библиотек и систем публичных библиотек районов для обсуждения был предложен вопрос о совершенствовании деятельности ПЦПИ по правовому просвещению граждан, в ходе семинара были заслушаны 15 докладчиков. Актуальность предложенной к рассмотрению темы обусловлена целями развития и совершенствования государственной системы распространения правовой информации в Республике Беларусь, обеспечения конституционного права граждан на получение достоверной, полной и актуальной правовой информации.

Согласно статистике, приведенной в докладе «Библиотеки сети Министерства культуры Республики Беларусь как публичные центры правовой информации (2005–2007 гг.)» заведующего сектором мониторинга и координации библиотек НИО библиотековедения Национальной библиотеки Беларуси Рынкевич О.А., в сравнении с 2005 годом количество таких мероприятий возросло на 46,2 % и на 1 января 2008 г. составило 1049 мероприятий, участие в которых приняли 16 689 человек. Областными библиотеками были проведены 25 мероприятий, в которых приняло участие 184 человека, ЦБС – 1024 мероприятия.

И эта трансформация была обусловлена тем, что, как отметил заместитель **Министра культуры Республики Беларусь Кураш В.И.** в своем докладе **«Роль государственных публичных библиотек в правовом просвещении граждан»**, «сегодня уже недостаточно только предоставлять правовую информацию, необходимо повышать правовое просвещение, правовую культуру населения. Уроки информационной грамотности и библиотечно-библиографические уроки стали популярными во всех библиотеках республики. Они включают обязательный элемент знакомства и обучения пользователей самостоятельной работе с правовыми БД и с этой целью библиотечные сотрудники используют как наглядные, так и массовые формы работы». Кураш отмечает важность проводимых для более эффективного информирования пользователей в библиотеках области информационных выставок, уголков правовой информации, где в тематических папках собраны юридические консультации и советы по актуальным темам (например, «Новое в предпринимательстве», «Знай свои потребительские права», «Жилье: субсидии, льготы, кредитование» и др). Так, в библиотеках Ганцевичской РЦБС созданы центры социально-бытовой информации, которые постоянно пополняются документами социально-правового содержания, в Барановичской РЦБС составлен перспективный план комплектования правовой литературой, недели и дни правовых знаний проходят в библиотеках Ивановской, Барановичской, Дрогичинской, Кобринской РЦБС.

Деятельность ПЦПИ постоянно совершенствуется не только в данном направлении. Этому способствуют проводимые республиканские семинары. В своем докладе **директор Национального центра правовой информации Республики Беларусь Кравцов О.Э.** акцентирует внимание участников семинара на разрешении проблемных вопросов, отмеченных участниками в рамках прошлого семинара: «За прошедший год Национальным центром правовой информации Республики Беларусь значительно расширен перечень распространяемых банков данных правовой информации. Так, сформированы банки данных «Свод законов Республики Беларусь», «Одно окно», «Труд и профсоюзное движение», «Сборник технических кодексов устоявшейся практики в области охраны окружающей среды». С использованием новой внедренной в НЦПИ технологии формирования тематических банков данных правовой информации сформирован банк данных «Я и Закон».

Кроме того, докладчиком отмечена активизация издательской деятельности НЦПИ. В течение прошедшего периода издано более 20 наименований непериодических печатных изданий правовой тематики. Вместе с этим НЦПИ кардинально изменил тематику публикуемых материалов в научно-практическом журнале «Проблемы правовой информатизации». Теперь данный журнал называется «Право.by». В нем пуб-

ликуются материалы диссертационных исследований, научные статьи, материалы практического характера, освещающие актуальные вопросы теории и практики юридической деятельности по всем отраслям права, а также вопросам организации работы публичных центров правовой информации. Данное издание будет полезным при подготовке в ПЦПИ тематических мероприятий с пользователями библиотек.

Заслуживает внимания и доклад **заместителя директора Национальной библиотеки Беларуси Долгополовой Е.Е.**, в котором нашел отражение вопрос функционирования центра научно-методического обеспечения деятельности ПЦПИ на базе Национальной библиотеки Беларуси. Ведь в настоящее время можно говорить об отсутствии целостной системы организационно-методологического обеспечения деятельности ПЦПИ как таковой, что не позволяет должным образом своевременно и комплексно реагировать на различные ситуации, возникающие в повседневной деятельности центров. Долгополова считает, что успешное развитие ПЦПИ возможно только при постоянном взаимодействии центров, обмене опытом работы и информационными ресурсами, анализе результатов, координации деятельности. Реализовать данное требование при неудовлетворительных каналах связи и слабом техническом оснащении библиотек очень сложно. Докладчик выделяет проблему подключения ПЦПИ к сети Интернет. Это обеспечивает своевременную актуализацию эталонного банка данных НЦПИ «Эталон». Сейчас обновление чаще всего происходит раз в квартал (81 библиотека) или раз в месяц (84), реже – еженедельно (62). На сегодняшний день только 63 % ПЦПИ имеют выход в Интернет. Пользоваться электронной почтой могут 57 % центров. Проблемы с выходом в Интернет не позволяют библиотекам в полной мере использовать общедоступные сетевые правовые ресурсы, в частности – белорусский правовой портал, на основе которого можно выполнять самые сложные запросы правовой тематики. А также выходить на портал НББ, где содержится значительный объем полезной информации.

Практически все выступающие затрагивали проблему технического оснащения центров современными компьютерами, модемами, сканерами и иной техникой. Сегодня информационные технологии развиваются ускоренными темпами. Поэтому если несколько лет тому назад НЦПИ осуществлял в основном обновление эталонного банка данных правовой информации посредством предоставления компакт-дисков пользователям, то в настоящее время все шире используются возможности сети Интернет, что гораздо дешевле и практичнее.

Кроме того, анализ выступлений позволил выделить еще ряд проблем в совершенствовании деятельности ПЦПИ: отсутствие достаточного количества печатной продукции НЦПИ в библиотеках, недостаточное информирование

граждан о деятельности ПЦПИ в том или ином регионе, в том числе сложности, возникающие у граждан, непосредственно посещающих ПЦПИ, с ориентацией в самом здании (отсутствие табличек, указателей на определенный зал или отдел), необходимость активного участия региональных центров в процессах создания новых ПЦПИ в агрогородках, оказание помощи при организации юридических консультаций по правовой тематике в ПЦПИ, решение кадрового вопроса.

Указанные проблемные вопросы деятельности ПЦПИ, а также перспективы развития их сети с учетом мероприятий по правовому просвещению граждан, осуществляемых государственными органами, позволяют констатировать необходимость создания в Республике Беларусь действительно действующей единой согласованной системы правового просвещения. Представляется, что данная система может быть создана только при условии тесного взаимодействия всех государственных органов как на республи-

канском, так и на местном уровнях, определения скоординированных направлений совместной деятельности и четкой их реализации.

Созданная сеть ПЦПИ позволяет максимально использовать возможности именно публичных библиотек по обеспечению доступа всех граждан непосредственно к правовой информации, гарантировать оперативность и полноту ее предоставления и пользоваться достаточно высоким спросом у населения.

Обеспечивая доступ не только пользователям библиотек, но и населению республики в целом к информационным правовым ресурсам, ПЦПИ публичных библиотек системы Министерства культуры содействуют созданию условий для правового просвещения и повышения правовой культуры общества. Сегодня они прочно заняли свою нишу в многофункциональной сбалансированной системе информационно-правового обеспечения населения, основанной на использовании универсального информационно-правового продукта.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

республиканского семинара «Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан»

*(г. Полоцк, 19–20 июня 2008 г.,
государственное учреждение культуры «Центральная
городская библиотека им. Ф.Скорины»)*

Участники республиканского семинара «Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан»,

проведенного Национальным центром правовой информации Республики Беларусь совместно с Министерством культуры Республики Беларусь,

при содействии Витебского областного и Полоцкого городского исполнительных комитетов,

а также при участии представителей Администрации Президента Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, местных органов государственной власти, Национальной библиотеки Беларуси и представителей библиотечной системы,

заслушав и обсудив доклады выступивших,

ОТМЕТИЛИ:

1. Важное значение деятельности публичных центров правовой информации по предоставлению доступа к официальной информации о законодательстве Республики Беларусь как неотъемлемой составляющей правового просвещения граждан, развития правовой культуры в обществе.

2. Целесообразность разработки и принятия нормативного правового акта, регулирующего порядок и условия предоставления гражданам официальной правовой информации о законодательстве Республики Беларусь.

3. Необходимость разработки комплексной государственной программы развития правового просвещения и правовой помощи в Республике Беларусь с целью формирования и дальнейшего совершенствования единой системы информационно-правового обеспечения граждан, а также активизации деятельности Министерства юстиции Республики Беларусь по организации и проведению работниками органов юстиции в публичных центрах правовой информации образовательных мероприятий по правовому просвещению граждан (лекций, семинаров, выступлений).

4. Заинтересованность в более тесном информационном взаимодействии с местными органами государственной власти, а также региональными центрами правовой информации, их информировании о планах по проведению в библиотеках мероприятий по правовому просвещению граждан.

5. Необходимость организации на базе учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» на постоянной основе обучения специалистов публичных центров правовой информации работе с информационно-правовыми ресурсами Национального центра правовой информации Республики Беларусь с привлечением специалистов этого Центра и Национальной библиотеки Беларуси.

6. Необходимость активизации работы по расширению сети публичных центров правовой информации, а также созданию пунктов доступа к правовой информации в детских библиотеках, учрежде-

ниях образования, учреждениях пенитенциарной системы, в том числе для несовершеннолетних, учитывая значимость проведения мероприятий по правовому просвещению и образованию подрастающего поколения.

7. Необходимость проведения мониторинга потребностей публичных библиотек в доукомплектовании изданиями правовой тематики, в том числе официальными и научно-практическими, а также значительного расширения ассортимента изданий для детей по правовой тематике.

8. Необходимость освещения в научно-практическом журнале «Право.by» вопросов, связанных с развитием научных подходов в организации деятельности публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан, а также его популяризации через сеть публичных библиотек.

9. Целесообразность разработки, формирования и ведения в каждом центре собственных фактографических и проблемно-ориентированных баз данных по правовой тематике.

10. Необходимость обращения внимания работников библиотек на недопущение распространения правовой информации через публичные центры правовой информации юридическим лицам.

11. Целесообразность оптимизации типовых штатов централизованных библиотечных систем, предусмотрев наличие в них должностей и структурных подразделений публичных центров правовой информации.

12. Целесообразность создания единой формы информационной вывески, обозначающей место расположения публичного центра правовой информации, а также размещение в публичных центрах правовой информации информационных стендов о государственной системе правовой информации.

13. Необходимость оптимизации формы государственной статистической отчетности, отражающей результаты деятельности публичных центров правовой информации, а также включения ее основных показателей в форму государственной статистической отчетности 6-НК «Работа массовых библиотек».

14. Необходимость в целенаправленном бюджетном финансировании приобретения библиотеками официальной и эталонной правовой информации в электронной и печатной формах, а также в совершенствовании материально-технического обеспечения их деятельности, в том числе обеспечении всех публичных центров правовой информации возможностью доступа к глобальной компьютерной сети Интернет с целью проведения обновлений банков данных правовой информации, а также обеспечения доступа пользователей к Национальному правовому Интернет-порталу Республики Беларусь, сайтам Президента Республики Беларусь, НЦПИ, Детскому правовому сайту и иным сайтам государственных органов.

15. Целесообразность проведения ежегодного республиканского конкурса «Библиотека – центр правовой информации».

РЕШИЛИ:

Национальному центру правовой информации Республики Беларусь и Министерству культуры Республики Беларусь с учетом указанных выше приоритетных направлений развития публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан выработать совместный план мероприятий по их реализации, а также подготовить методические рекомендации по условиям приобретения информационно-правовых ресурсов Национального центра правовой информации Республики Беларусь в электронной и печатной формах.

«ПРАВО ГОЛОСА» – ИНТЕРАКТИВНАЯ РУБРИКА НА WWW.PRAVO.BY

Н.Н.РАДИВАНОВИЧ

Статья освещает проведенные на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь опросы: их тематику, мнения респондентов.

Одной из интерактивных рубрик Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь (далее – портал), основного государственного информационного ресурса сети Интернет в области права и правовой информатизации, является рубрика «Право голоса». Она предназначена для проведения опросов среди посетителей портала.

В последнее время тематика проводимых опросов была связана с деятельностью Национального центра правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) и информационно-правовыми продуктами, созданными и сопровождаемыми НЦПИ. Так, респонденты в рамках проведения опроса высказали свое мнение о чаще всего используемых рубриках портала. Исходя из результатов опроса можно отметить, что посетители на портале ищут (и находят) в первую очередь правовую информацию (тексты правовых актов) в разделах «Эталонный банк данных» и «Национальный реестр» (рис. 1). Суммарно данные разделы отметили более 50 % респондентов.

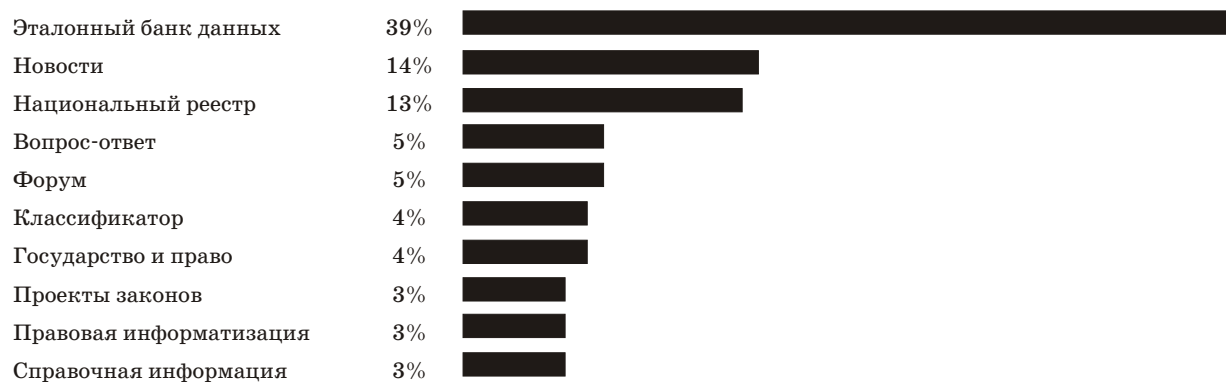
Одним из основных информационных продуктов НЦПИ является эталонный банк данных

правовой информации, распространяемый в виде информационно-поисковой системы ЭТАЛОН. ИПС ЭТАЛОН широко используется в государственных органах и организациях, коммерческих структурах. Проведенный опрос показал необходимость проведения обучения по работе с системой – 67 % от числа участвовавших в опросе и работающих с системой (рис. 2).

Рассматривая справочные правовые системы в целом, необходимо отметить, что пользователи считают наиболее важным при их использовании оперативное обновление (36 %) и наличие комментариев законодательства (28 %) (рис. 3).

Перед НЦПИ, который является центральным государственным научно-практическим учреждением в области компьютерного накопления, хранения, систематизации и предоставления в пользование эталонной правовой информации, поставлены задачи, направленные на постоянное развитие и совершенствование государственной системы правовой информации Республики Беларусь. Проведенный на портале опрос свидетельствует, что наиболее важными направлениями деятельности НЦПИ, по мнению респондентов, являются ведение эталонного

Какой рубрикой портала вы пользуетесь чаще всего? (279 ответов)

За каждую из других 7 рубрик портала проголосовало менее 3 %.

Рис. 1

Хотели бы Вы пройти обучение по работе с системой ЭТАЛОН?

Рис. 2

Что для Вас является наиболее важным при использовании справочной правовой системы? (260 ответов)

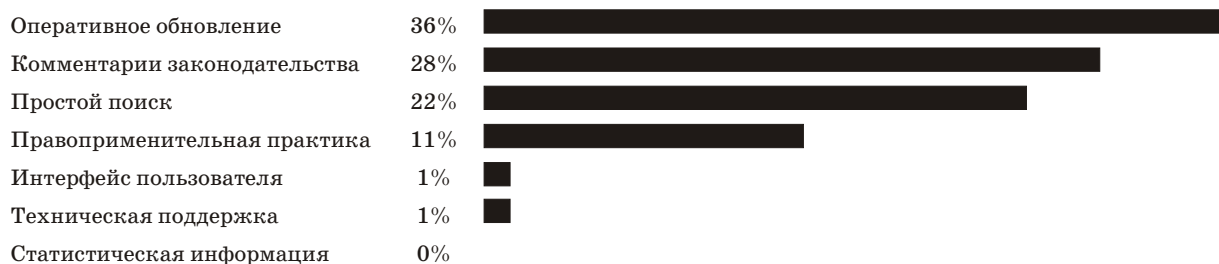

Рис. 3

Какое из направлений деятельности НЦПИ является наиболее важным по Вашему мнению? (199 ответов)

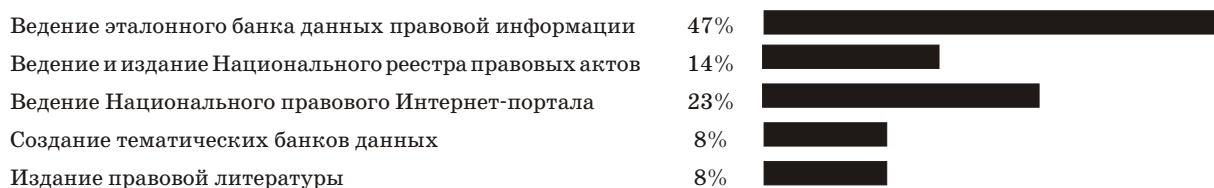

Рис. 4

банка данных правовой информации – 47 %, ведение портала – 23 %, а также ведение и издание Национального реестра правовых актов – 14 % (рис. 4).

НЦПИ приглашает читателей журнала принимать участие в опросах, проводимых на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь – www.pravo.by.

РАЗДЕЛ XI

|| ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.А.КИБАК

В статье рассматриваются важные аспекты практики применения психологического воздействия в законотворческой деятельности депутатским корпусом страны. Дается краткий обзор основных направлений психологического воздействия, рассматриваемых и исследованных в работах отечественных и зарубежных ученых-психологов. Предлагаются специальные приемы и правила психологического воздействия, необходимые депутату при принятии законопроектов и законодательных решений. Показываются психологические особенности воздействия в законотворческом процессе. Подчеркивается необходимость учета и использования психологических принципов воздействия в законотворчестве. Дается классификация психологического воздействия по различным основаниям: характеру воздействия; направленности воздействия; форме осуществления; технической оснащенности. Обозначены специфические проблемы воздействия в законотворческой деятельности, используемые депутатами. Раскрывается сфера применения психологического воздействия в законодательной деятельности.

Феномен психологического воздействия изучался представителями разных наук, но в то же время (помимо научного) активно использовались религиозные и эзотерические знания для осуществления самих воздействий. Такова была высокая значимость задач управления, связанных с необходимостью осуществлять постоянное влияние на людей. Арсенал методов психологического воздействия постоянно пополнялся, анализировался, апробировался, но применялся главным образом в политических целях. Воздействие политических событий последних лет на развитие права и законодательства крайне

противоречиво [1, с. 57]. В целом оно должно быть оценено как положительное.

Анализ содержания работ Г.М.Андреевой, А.А.Бодалева, А.А.Деркача, Е.Л.Доценко, И.А.Зимней, С.Г.Кара-Мурзы, А.Г.Ковалева, Г.А.Ковалева, А.В.Кириченко, А.Н.Леонтьева, В.Б.Ольшанского, А.Ю.Панасюка, Б.Д.Парьгина, А.В.Петровского, К.К.Платонова, Б.Ф.Поршнева, А.У.Хараша, Ю.А.Шерковина, В.П.Шейнова, а также трудов С.Аша, Р.Бейлза, Т.Клауса, Р.Кратчфилда, Дж.Морено, Т.Парсона и других позволяет говорить о серьезных наработках в исследовании данной проблемы. Однако, несмотря

на определенные успехи в этой области, приходится констатировать, что проблема целенаправленного психологического воздействия, оставаясь одной из самых главных, является наименее разработанной в психологии права. Указанные авторы хотя и затрагивают общие, методологические вопросы, но в основном рассматривают более узкие проблемы, включая разработку различных направлений психологического воздействия, и делают попытки выхода на уровень частных технологий применения целенаправленного психологического воздействия в профессиональной деятельности, но не затрагивая законотворческую деятельность. В парламентской жизни депутату приходится часто сталкиваться с ситуациями, когда требуется воздействовать на другого человека. Владение соответствующими психотехнологиями влияния делает работу депутатов значительно более продуктивной. На это указывал в своей работе В.П.Шейнов [8, с. 448].

На уровне законотворческой практики вопрос грамотного использования психологического арсенала влияния на избирателей напрямую связан с эффективностью парламентской деятельности. «Популярность политика и эффективность его политической деятельности прямо зависят от умений применять на практике методы психологических воздействий» [2, с. 4]. Современные методы воздействия на избирателей, как показывает А.М.Цуладзе [7, с. 7], открывают дорогу различным манипуляциям общественным сознанием. А.В.Кириченко считает, что психологическое, в том числе акмеологическое, воздействие является функциональным средством в реализации целей и задач политической деятельности [4, с. 30]. В современной политике на Западе одной из важнейших фигур стал эксперт, который убеждает общество в благотворности или опасности того или иного решения [3, с. 260]. Провести четкую границу между допустимыми рекламными трюками и манипулятивными методами практически невозможно. В значительной мере она определяется психолого-правовой культурой, а также зрелостью избирателей.

Нельзя не учитывать того воздействия, которое оказывается сегодня на законотворческий процесс постоянными комиссиями и депутатскими группами Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее – Палата представителей), руководителями (депутатами) политических партий. По существу, они решают судьбу рассматриваемого Палатой представителей законопроекта и поправок к нему. Исход голосования во многом предопределяется принадлежностью голосующих депутатов к той или иной депутатской группе. Поэтому, хотя фракционная деятельность сама по себе остается за рамками процедурных правил, установленных Регламентом, ее нельзя не учитывать при анализе функционирования и совершенствования законотворческого механизма. Следует признать достаточно большую роль в принятии законопроектов Палатой представителей, и это явление в определенном смысле поло-

жительное. Имея в своем составе представителей депутатских групп и председателей постоянных комиссий, Совет Палаты представителей аккумулирует общее мнение, способствует принятию согласованного законодательного решения.

Закон запрещает депутатам применять какое бы то ни было психологическое насилие, давать невыполнимые обещания избирателям и прибегать к иным незаконным мерам. Депутату при целеустремленном осуществлении психологического воздействия надо иметь представление об изменениях в сознании субъекта права законодательной деятельности (далее – субъекта права), а также избирателей, которые должны произойти. Как вызвать необходимые изменения, каковы возможности применяемых им воздействий, как они соотносятся с его правами и правами гражданина. Чтобы так поступать, депутату нужна незаурядная профессионально-психологическая подготовленность. Без этого психологическое воздействие может оказаться неэффективным и привести далеко не к тем ожидаемым социально полезным результатам, на которые депутат рассчитывал с принятием проекта закона.

Психологические воздействия классифицируются по различным основаниям. Так, по характеру воздействия различают простое воздействие и сложное. Простое связано с реализацией детального плана последовательных действий, реализуемых в процессе обсуждения проекта закона либо общения депутата (консультация, психологическая экспертиза законопроекта и пр.). Сложное состоит из ряда простых, оно является средством или способом достижения стратегической цели. Например, для депутата – это принятие законопроекта: убеждение коллег-депутатов, субъекта права в необходимости принятия законопроекта в той или иной редакции, предлагаемой субъектом права.

По направленности воздействия оно может быть индивидуальным или социально-психологическим. Индивидуальное направлено на конкретного депутата, социальное – на депутатский корпус, депутатскую группу, постоянные комиссии. Например, деятельность имиджмейкера в законодательном органе связана как раз с оказанием социально-психологического воздействия на общественное мнение. Для определения направленности воздействия следует учитывать следующие характеристики [9, с. 7]: кем принимаются решения по данному вопросу; кто скорее всего сможет поддержать позицию организации и не сделает этого; на кого следует воздействовать в качестве целевой аудитории, чтобы наилучшим способом продвинуть позиции организации.

Соответственно происходит определение лидеров мнения, чтобы облегчить проблемы воздействия на публику: к кому обращаются члены группы за советом по данному вопросу; кому поверит публика по этому вопросу; у кого наилучший кредит доверия для выдвижения вашей по-

зиции по данной проблеме; кто наиболее предрасположен по отношению к вашей позиции.

Еще одним направлением в этой сфере становятся «public affairs», которые, как считает Питер Грин, являются наиболее растущей областью наряду с менеджментом кризиса и отношениями с инвесторами [10, с. 126]. При этом Британия не имеет формальной структуры, сходной с лоббированием в США, хотя функции этого рода выполняются. Кто трудится на этой ниве? «Обычно нанимаются люди с личным и прямым знанием работы, парламента и государственных служб и, как правило, бывшие члены парламента или сотрудники политических партий. Сюда может также быть включено определенное число сегодняшних членов парламента с оплатой как «консультантов» или «неисполнительных директоров». Депутаты парламента должны продекларировать свои коммерческие интересы, но сделав это, они могут действовать совершенно открыто в пользу клиентов» [10, с. 127].

Форма осуществления психологического воздействия может быть открытой, закрытой и комбинированной. Открытая форма подразумевает обращение непосредственно к уровню сознания. Закрытая связана с использованием приемов, воздействующих на сферу подсознания (косвенное внушение, нейролингвистическое программирование, гипноз и др.) Комбинированная форма сочетает в себе обе предыдущие. Комбинированная форма требует высокой психологической подготовленности депутата, тщательной методической проработки либо привлечения специалиста из психологической службы.

Сфера применения психологического воздействия в законодательной деятельности, его использование субъектами права (депутатами) совсем не изучены. Каждый из этих видов парламентского труда, помимо общих требований к осуществлению психологического воздействия, имеет и специфические, связанные с конкретными условиями законодательной деятельности, которые диктуют свои методы, приемы и техники воздействия, характер и направленность, формы и оснащенность. Общим для всех будет только необходимость соблюдения принципов применения воздействия. Фактически есть три основных принципа:

- принцип законности, требующий, чтобы оказываемое психологическое воздействие соответствовало Конституции Республики Беларусь, действующему законодательству, международным правовым актам и другим документам. Депутат, оказывающий воздействие, должен осознавать, что он несет полную ответственность за его результаты;
- принцип научности, предполагающий, что все применяемые в законотворческой деятельности методы, приемы воздействия на личность научно обоснованы и должны пройти необходимую апробацию. Депутат, применяющий их, получил необходимую подготов-

ку, контролирует процесс их использования, отслеживает обратную связь;

- принцип целесообразности, указывающий, что воздействие должно отвечать намеченной цели, быть адекватным психическому состоянию депутата, подвергающегося воздействию, не быть недостаточным или чрезмерным, не превращаться в психическое давление и принуждение.

Использование приема создания условий является обязательной задачей для установления момента истины по законопроектам. Поэтому первое правило – постоянное поддержание своей внутренней установки на установление истины и реализацию принципа социальной справедливости. Для депутата не может быть «желательных» или «нежелательных» заключений и обоснований по законопроекту, удовлетворяющих его только потому, что они совпадают с его ожиданиями, предположениями или версиями. Светлана Светова [6, с. 14] логично разграничивает прямые и непрямые приемы воздействия. Прямые приемы включают следующее: частные встречи с законодателями; проведение исследований и подготовку презентаций перед законодателями; присутствие и выступления на слушаниях; предоставление профессиональных советов, помощь в подготовке законопроектов; приглашение законодателей на разного рода встречи; внесение денег на избирательные кампании [5].

Непрямые методы воздействия включают в себя влияние общественности, опросы населения, привлечение избирателей, объединение разных групп, имеющих общие интересы в данном законе. Общая закономерность такова, что люди с четкими интересами легче объединяются в группы, в результате они пытаются проводить свою политику, чтобы получить выигрыш. При этом они перекладывают негатив на население вообще, которое, не имея при этом таких четких объединяющих интересов, не может выступить как единое целое и защитить свои интересы. Дело в том, что серьезная представленность организованных интересов и союзов в правительственной системе служит гарантом того, что при любых резких политических сменах не произойдет подобного же отклонения в производственной сфере, поскольку оно будет максимально притушено благодаря рассматриваемой системе.

Используются и другие правила, описанные в соответствующем приеме, например:

правило установления зависимости принятия законопроекта от особенностей личности воспринимавшего (депутата). Существует закономерная зависимость восприятия от жизненного и парламентского опыта, пола, возраста, уровня развития интеллекта и др. Личностный характер восприятия означает, что они всегда индивидуализированы, т.е. момент истины выражен в них со своеобразием;

правило установления зависимости принятия законопроекта и законодательного решения от

личностных характеристик. Симпатии и антипатии депутатов сильно отражаются на принятии законопроекта. С большой легкостью принимаются отрицательные факты и оценки в отношении неприятных субъектам права проектов законов и зачастую отвергаются, не воспринимаются отрицательные стороны в законопроектах;

правило установления зависимости принятия законопроекта от психического состояния воспринимавшего (депутата). Волнение, риск, растерянность и другие психические состояния депутата существенно отражаются на качестве восприятия и последующего принятия законопроекта. Не случайно говорят: «у страха глаза велики». Значимые законопроекты («О бюджете», «О коррупции» и др.) и законодательные решения для общества воспринимаются вообще иначе, чем типичные, будничные, более эмоционально. Они лучше запоминаются, но сопряжены с искажениями из-за необычности, индивидуальности их понимания и отношения к ним.

Значительную долю информации, необходимой для законотворческой деятельности, депутат получает от участия в общественных и парламентских слушаниях, конференциях, семинарах, симпозиумах, а также от своих избирателей – во время приема граждан, встреч в трудовых коллективах и т.п. Практически без этой информации никакое законодательное решение невозможно.

Имеются данные, что значительная часть пробелов, коллизий в законопроектах обусловлена неумением депутата получать, находить, оценивать и использовать информацию от субъектов права, участников законотворческого процесса и избирателей.

Одним из условий совершенствования всей законотворческой деятельности с получаемой информацией и овладения умением пользоваться ею выступает комплексный учет психологических факторов, характеризующих различия психологии участников законотворческого процесса, избирателей, их мотивы и цели в общении, особенности формирования сообщений, обоснований, заключений по законопроекту и др. Особенно важна и психологически сложна задача установления истинности заключений по законопроектам, т.е. неточной, неполной, искаженной, ошибочной информации. Искажения могут быть продуктом заведомой лжи и результатом добросовестного заблуждения. Чаще в обоснованиях и заключениях содержатся моменты истины и моменты ошибочности. Обоснования по законопроекту могут содержать элементы добродушного заблуждения и ошибки в виде, например, преувеличения (или, напротив, преуменьшения) реальных вводимых правовых норм; изменения и дополнения реальных правовых норм другими, смещения их по времени или переноса в другие статьи; ошибочного отождест-

вления и усмотрения сходства различных норм в законопроектах и др.

Необходимо учитывать прием учета влияния на принятие проекта закона факторов, присутствующих в встрече депутата с субъектом права. При встрече происходит воспроизведение информации, которая сохранилась в памяти депутата. Информация на этой стадии может сокращаться, увеличиваться, обедняться, видоизменяться, искажаться. Депутату необходимо руководствоваться следующими правилами:

- при встрече с субъектом права исключать возможное неблагоприятное влияние на формирование его информации. Такое влияние могут оказать особенности обстановки, поведение, атмосфера общения. Так, обычно неблагоприятно сказываются неуравновешенность, раздражительность, оскорбительный тон, безразличное выражение лица и др.;
- слушать не только слова, но и человека, стремиться понять его и действительные события, стоящие за словами. К примеру, выслушав доклад, содоклад либо выступление по законопроекту, депутат имеет определенную возможность сразу отсекал часть незначимой информации, что достигается: выявлением причин и условий, которые психологически влияют на формирование решения и оценкой того, как они могли влиять на полученную информацию; сопоставлением выступлений депутатов с его интересами, особенностями его личности; постановкой дополнительных, уточняющих вопросов, требующих от докладчика и содокладчика конкретизации и детализации сообщения по законопроекту и др.;

выявлять погрешности в проекте закона в ходе его получения, помогать в этом субъекту права.

Таким образом, неразработанность проблем психологического воздействия в законотворческой деятельности на теоретическом уровне, с одной стороны, и острая необходимость в парламентской практике, с другой, обусловили необходимость ее исследования. Настоящая статья, разумеется, не претендует на исчерпывающее освещение теоретических проблем психологического воздействия в законотворческой деятельности. Изложенное показывает, что содержательная направленность создания законопроектов – дело творческое, и как любой творческий процесс предполагает серьезное и ответственное к себе отношение, требует накопления определенных знаний, в том числе познаний в сфере психологического воздействия в законотворческой деятельности, овладения искусством использования этих знаний депутатами для формирования гуманных белорусскому обществу законов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов, О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование / О.А. Гаврилов. – М., 1993.
2. Зызыкин, В.Г. Психологическое воздействие в деловом общении / В.Г. Зызыкин. – М., 1998.
3. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
4. Кириченко, А.В. Современные психологические технологии влияния на личность в профессиональных целях / А.В. Кириченко; науч. ред. А.А. Деркач. – М.: Тесей, 2003.
5. Комсомольская правда. – 1997. – 12 февр.
6. Светова, С. Лобізм як процес / С. Светова // Вісник програми сприяння парламентам України. – 1996.
7. Цуладзе, А.М. Формирование имиджа политика в России / А.М. Цуладзе. – М.: Книжный дом «Университет», 1999.
8. Шейнов, В.П. Психотехнология влияния / В.П. Шейнов. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005.
9. Green, P. Winning PR tactics / P. Green. – London, 1994.
10. White, J. Strategic communications management. Making Public relations work / J. White, L. Mazur. – Wokingham etc., 1995.
11. Seite, F.P. The practice of public relations / F.P. Seite. – New York etc., 1992.

SUMMARY

K. AKIMENKO

INTERNATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF FORMING AND DEVELOPMENT OF UNIVERSAL (UN) AND REGIONAL (CIS) SYSTEMS OF PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS OF PERSON

The article considers the questions of forming and development of universal and regional (CIS) systems of protection of rights and freedoms of person and the role of the Republic of Belarus in this field. There are analyzed the questions of adopting the first international documents in the field of protection of human rights.

The author grounds the advisability of creation within the frameworks of the CIS of the Interstate Court of the CIS on Human Rights which would function as a permanently acting body of the Commonwealth, the decisions of which would have obligatory jurisdiction for the member states of the CIS, and also the author gives the definition of the notion «implementation of the norms of international law in the sphere of civil rights and freedoms of man into the legislation of the Republic of Belarus».

The author makes a reasoned conclusion that the Republic of Belarus as an independent subject of international law takes all necessary measures directed to that its normative legal acts regulating protection of human rights to correspond to international obligations of the country. One of the bright examples of this can be the section II of the Constitution in force «Individual, Society, State» in the articles 24-51 of which there are set the rights and freedoms of individual which are analogous to those declared in the Universal Declaration of Human Rights of 1948.

The USSR and Belarusian SSR took active part in elaboration of the first international documents in the field of protection of human rights and freedoms – the UN Charter of 1945, the Universal Declaration of Human Rights of 1948 and also international pacts of 1966. These states have made a particular contribution to forming and development of international system of protection of individual's rights. After disintegration of the USSR the Republic of Belarus has become one of the initiators of adopting the CIS Convention on Human Rights and Basic Freedoms of 1995.

J. AMELCHENYA

ON PROPERTY RIGHTS CERTIFIED BY SECURITIES

The article analyzes normative legal acts by means of which there are regulated property rights as the object of civil rights at considering the category «paperless securities». There have been studied scientific views and approaches to the definition of security, property right, the procedure of registration of securities rights, peculiarities of transferring the rights under the civil contract, peculiarities of transfer (way of transferring the rights under security), grounds of which were given by the Russian civilist M.M. Agarkov. Main theses of the article can be the base of conception of security as economic and legal category, form of fixation of the rights under security. The author grounds the statement that paperless security falls into the category of special property right for the purpose of unified approach to defining its legal title (right of ownership or possession).

O. CHUPRIS

CONCEPTUAL PROBLEMS OF LEGISLATION ON STATE SERVICE IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND WAYS OF ITS IMPROVEMENT

The article considers conceptual problems of legislation on state service in the Republic of Belarus connected with the lack of single system regulation of all kinds of state service. Solution of this problem is seen in such kind of systematization of legislation as codification.

A. GAVRISH, L. FINKEVICH

CHILDREN'S LEGAL WEB-SITE – A UNIQUE INFORMATION PRODUCT IN THE FIELD OF LAW

The article considers prerequisites and the process of creation of the unique Internet resource for children – Children's Legal Web-site. The authors also accentuate the attention of the readers on the importance of this resource in the light of ensuring legal competence of children and teenagers, cultivating respectful attitude to the law in them.

A. GONCHAROV

ORGANIZING-LEGAL FORMS OF BUSINESS ACTIVITY AT REALIZATION INNOVATION PROJECTS

Author briefly reviews specific characteristics of organizing-legal forms of innovation parties. Today the legal regulation in innovation sphere is quickly changed and has special requirements. From analysis of acting legislation of the Republic Belarus and the other states is seen that commercial organizations in innovate activity can be created in any organizing-legal form.

This gives the more possibilities to investors, but on the other hand requires from corresponding state organs more clear and mobile legal regulation. It appears that any mobile changes in society and state must have flexible legal form. The state and subjects of innovate activity have to find the compromise in creation of corresponding organizing-legal forms, which would promote decision of concrete objectives. It is obvious that background of experience in different spheres of activity speaks of need of the weighted approach in legal regulation of subjects activity and practicability of one or another legal form.

O. GRISHKEVICH

THE PROBLEMS OF THE REALIZATION OF THE EURASIAN ECONOMIC COMMUNITY LEGAL ACTS

Some problems of the realization of the Eurasian Economic Community legal acts are considered in the article. Thus, the examination of the Community constituent documents and its bodies subject jurisdiction allows to conclude, that the EurAsEC has no supranational powers at the contemporary stage of the integration development. The EurAsEC legal base in the sphere of the Organization legal acts realization was examined as well. Corresponding documents are devoted to a greater extent to the regulation of the certain legal acts working out and adoption procedure. As a rule, the procedure of these acts realization is not usually prescribed in detail or it has general or reference character.

The forming of the Community legal acts unified system with a determination of their types, legal effect, hierarchy and their correlation and interaction with the national legal acts of the member states will promote to the effective realization of the EurAsEC legal acts. The working out of the documents regulating directly the procedure of the EurAsEC separate legal acts realization plays an important role as well.

D. IVANOVA

INDUSTRIAL PROPERTY DEFENCE ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The proper exercise of civil rights without effective system of their defense is impossible. The absence of the uniform legal control of defense of the group of rights of any legal institute has detrimental effect on the law enforcement. On the base of this thesis author considers some of the mainframe problems of industrial property defense according to the legislation of the Republic of Belarus. Holders of defense right and basic methods of rights protection are analyzed. Presence of gaps and legal control shortcomings are determined. The changes and additions to the existing legislation of the Republic of Belarus are proposed.

O. KATSEVICH

REPUBLICAN SEMINAR «THE ACTIVITY OF PUBLIC CENTERS OF LEGAL INFORMATION ON LEGAL EDUCATION OF THE CITIZENS»: MAIN OUTCOMES

The article considers the outcomes of the republican seminar on the issues of the activity of public centers of legal information on legal education of the citizens, which was held by the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus together with the Ministry of Culture of the Republic of Belarus

I. KIBAK

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INFLUENCING IN PARLIAMENT ACTIVITY

The article considers important aspects of practice of application of psychological influencing in law-making activity by the deputy corps of the country. There is given a brief review of basic directions of psychological influencing being considered and investigated in the works of native and foreign scientists-psychologists. There are proposed special methods and rules of psychological influencing being necessary for the deputy at adopting draft laws and legislative decisions. Psychological peculiarities of influencing in law-making process are shown. The necessity of taking into account and using of psychological principles of influencing in law-making is stressed. There is given the classification of psychological influencing on different grounds: character of influencing; direction of influence; form of realization; technical equipment. There are marked specific psychological problems of influencing in law-making activity being used by the deputies. The sphere of application of psychological influencing in law-making activity is shown.

A. KOKHANSKAYA

ON CERTAIN ISSUES OF INTERPRETATIVE ACTIVITY OF SPECIALIZED CONSTITUTIONAL REVIEW BODIES

The present paper dwells upon some topical issues of interpretative activity of specialized constitutional review bodies (such as spheres of interpretative activity, study of object and subject of specialized constitutional review, etc.).

Also, this study explores different criteria used by the bodies of constitutional review to determine logical and other connections between the interpreted norm and the «model» norm, which together form the object of specialized constitutional review. The author tried to supplement general and theoretical approach with an analysis of the complex terms (among them, «conformity»; «legality»; «validity», etc.)

This study also describes and analyses the influence of interpretative activity of specialized constitutional review bodies on due functioning of legal mechanism of human rights protection.

E. KULIEV

SYSTEMATIZATION OF LEGISLATION: ITS NOTION AND KINDS

The article describes main kinds of systematization of legislation, notion of systematization of legislation is given.

O. LEVSHUK

HISTORICAL ANALYSIS OF ACTIVITY OF THE AGENCIES, RESPONSIBLE FOR THE INVESTIGATION OF THEFTS OF PERSONAL PROPERTY ON RAILWAY AFTER THE DESINTEGRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE

The analysis of the history of creation of agencies responsible for the investigation of thefts of personal property on the objects of railway transport in different periods of time is given. The author thoroughly examines the activity directed at solution and investigation of thefts, gives the examples, shows the drawbacks in investigatory work. The attention is drawn to the fact that still there is no necessary literature concerning investigation; the necessity of satisfying the needs of practicing specialists in formation of scientific and methodological grounds of investigation of thefts of personal property on railway transport is underlined.

A. MALAKHOV

GENESIS OF SCIENTIFIC VIEWS ON THE PROBLEM OF SOLUTION OF INTENTIONAL INFLICTION OF SEVERE PHYSICAL INJURIES

Complex research of the problem of solution of intentional infliction of severe physical injuries presupposes the application of the historical method. Thereupon the process of development of theoretical and practical fundamentals of solution of such crimes is studied. The analysis of different sources shows that scientific search was generally conducted in the framework of investigation of problems of combating crimes against a person, and mainly, against the life and the health of citizens. As a result these studies were of insufficient differentiated character. Criminal and legal, criminological and criminalistic aspects are studied more thoroughly, and issues of application of forces, means and methods of detective activity for the purpose of solution of international severe physical injuries are less examined.

I. MANKEVICH

SAFETY OF GENE-ENGINEERING ACTIVITY: BASICS OF LEGAL REGULATION

Development of gene engineering is a new source of ecological danger arising. Accordingly, the author investigates international norms, carries out a comparative analysis of national basics of legal regulation of the safety of gene-engineering activity. The author notes that it is legal norms which can become the factor which, on the one hand, stimulates subsequent development of gene-engineering activity, and, on the other hand, – promotes minimization of influencing of possible negative consequences of using gene-engineering organisms on a man and environment as a whole.

T. MIKHALIOVA

REGULATION OF NATIONALITY OF INDIVIDUALS IN RELATION TO STATE SUCCESSION IN THE FRAMES OF EUROPEAN REGIONAL ORGANIZATIONS

European states have been undergone transformations connected with territorial changes during last several centuries. Consequently, population of the countries faced the problem of acquisition of nationality of the successor state or retention of nationality of the predecessor state. The developments of the end of XX century (so called «the latest» forth wave of succession) have affected the questions of nationality particularly strongly. It should have given rise to concerns of regional organizations both in the view of protection of the rights and interests of individuals and in relation to tackling the problems of illegal migration, refugees, and mass statelessness, which are concomitant to the situation of state succession. The

results of the activity of European intergovernmental organizations in the sphere for the last 15 years are carrying out research, holding conferences and elaboration of the range of international instruments. The process of codification of such complex issues as state succession in the sphere of nationality, which has traditionally been within domestic jurisdiction, is unique and needs to be analyzed in details. The current situation in Balkans, Cyprus, a range of European states, where separatist views are tense, proves urgency of the issue.

K. OREKHOVA

ABOUT FORMING OF STANDARD EXPERTS METHODS

In the article the author substantiates the necessity of forming of standard experts methods, discusses sources and principles of forming of standard experts methods and considers the problems of approbation and approval of them.

D. ORYNBEKOVA

SOME ASPECTS OF LEGAL INFORMATIZATION IN KAZAKHSTAN

The author considers basic stages of legal informatization in Kazakhstan, issues of the activity of the Republican Center of Legal Information are covered.

V. OSTANIN

RIGHTS AND DUTIES OF A CHIEF OF A FORENSIC INSTITUTION

Procedural position and organizational powers of a chief of a forensic institution are considered in the article. Peculiarities of his or her interrelationship with participants of criminal procedure by the appointment and execution of examinations are analyzed. The author draws a grounded conclusion concerning the existing gaps in the law on criminal procedure of the Republic of Belarus in this field and concerning the necessity of perfecting legal regulation of the activity of a chief of a forensic institution. In the opinion of the investigator organizational rights and duties of a chief of a forensic institution should be stipulated in the departmental Instruction on the organization of the activity of forensic units of law-enforcement agencies of the Republic of Belarus while the procedural powers should be stipulated in the Code of criminal procedure of the Republic of Belarus.

D. PEREVALOV

THE LEGAL CHARACTER OF LAW ISSUES

The article touches upon the problem of revelation the essence of law validity issues. One of this problem solutions is based on such methodological structure as legal character. The major character elements and their interrelations are being developed. The role of legal character in law issues analysis and studies is being determined.

D. PETROCHENKOV

THE ENTERPRISE (THE HISTORICAL-LEGAL ANALYSIS)

The enterprise as legal concept has started to be shown with the beginning of technical revolution and development of industrial activity. For this time many approaches to definition of legal forms of the enterprise were offered.

Present article is devoted to research of historical stages of development of impressions about the enterprise as object of legal regulation from the beginning of 18 centuries up to now. The author on the basis of the rather-legal and historical analysis looks after genesis of development of impressions about the enterprise, various approaches to understanding of legal essence of the enterprise at various historical stages are investigated.

In the given research theoretical views and the legislation on the enterprise are considered with enough details, separate positions are commented, their critical analysis is done, probable directions of perfection of the legislation in the given area are offered.

N. PILIPENKO

THE PROBLEMS OF SOLUTION OF INDIVIDUAL LABOUR DISPUTES: THE HISTORY AND THE PRESENT

The article considers the problems of creation and activity of commissions on considering individual labour disputes between employees and employers.

The author studies the works of famous Russian scientists, having laid the foundation of the definition of the notion "individual labour dispute", such as A.A.Mikulin, L.S.Tal', N.V.Mitrohina, I.H.Ozerov, etc. There are analyzed the works of the scientists of the beginning 1900's and the works of modern scientists of the CIS countries and Belarus.

The author scientifically grounds existing problems in the legislation in effect on considering individual labour disputes and makes proposals on changing and adding of labour legislation in effect.

The author makes proposal by analogy with the Labour Code of the Russian Federation to provide legal definition "individual labour dispute" in the Labour Code of the Republic of Belarus.

I. RACHKOV

LEGAL COOPERATION IN ORGANIZATION OF UNCOVERING AND INVESTIGATING OF ILLEGAL TRAFFIC OF NARCOTIC DRUGS

There are considered the peculiarities of organization of activity of law-enforcement bodies on uncovering and investigating of crimes connected with transit of narcotic drugs in the territory of several states. For using in practical activity there is proposed the complex of measures directed to revealing and exposing of participants of organized criminal communities by unlawful acts of which there are created illegal channels of contraband importation of narcotic drugs and psychotropic substances into the Republic of Belarus.

N. RADIVANOVICH

«YOUR VOTE» – INTERACTIVE SECTION ON WWW.PRAVO.BY

The article covers the polls having been carried out on the National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus: their themes, opinions of respondents.

S. RYBAK

ARE THERE ANY GROUNDS TO SUSPECT?

The problem of legislative regulation of the grounds for suspicion is viewed. In the modern Law of Criminal Procedure the term «suspicion» is used for more than twenty times, also for regulation of legal relationships, but it doesn't determine the verge between occurrence of suspicion and its absence, i.e. it doesn't regulate sufficient body of intelligence, which will allow to consider that the prosecution agency has reasonable grounds to believe that a person has committed a criminal act. The analysis of article 108 of the Code of Criminal Procedure leads to the conclusion that the legislator equates the grounds for apprehension of a criminal on the basis of direct suspicion for crime commission and the grounds of origination of suspicion itself. Thereupon the author proposes his formulation of the grounds for origination of suspicion.

M. RYZHENKOVA

THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF THE SYSTEM APPROACH

The article is devoted to system aspects concerning the formation and development of the Belarusian legislation. Reasoning from the analysis of the scientific literature and the existing legislation of the Republic of Belarus, the author clearly demonstrates that the above legislation considered in the context of a scope of its structural and functional aspects possesses properties of a system. Hereby there is proved the necessity to differentiate the notions «legislation», «legislative system», «legislation structure» and on this basis there are offered proposals on improvement of the Belarusian legislation regulating the problems in consideration.

L. RZHEUTSKIY

SYSTEM OF PROTECTION OF THE PERSONAL (CIVIL) RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGIES

The article is devoted to the problems of effective system of protection of the personal (civil) rights and freedoms of a person in the field of information technologies. Some structural elements which are included in the international mechanism of protection of the personal (civil) rights and freedoms of a person are determined. The virtual place of the specified elements in the information environment is designated. It is marked that the received analytical material of information portals has not become the base of international policy and the ground for law creating activity in domestic policy.

Structural elements of legal regulation of protection of the personal (civil) rights and freedoms of citizens in the field of information technologies in Belarus are considered. The necessity in the main structural element of legal regulation of protection of the personal (civil) rights and freedoms of citizens in the field of information technologies is marked. It can be the institute of the Representative on human rights which does not exist in Belarus yet.

The author comes to the conclusion that the coordinated activity of the structural elements of legal regulation in the field of information technologies will become the main part of the international mechanism organically integrated into the common system of protection of the personal (civil) rights and freedoms of a person and a citizen.

H. SHARSHUN

AGRICULTURAL LANDOWNERS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The article is focused on the urgent problem of high theoretical and applied value. The author analyses the legal regulation of agricultural land used by various agricultural landowners on the bases of study of special juridical literature and current legislation analysis. The agricultural landowners are regarded in consideration of the latest novations, provided by the Land Code 2008 of the Republic of Belarus. The author notes the defects and contradictions, which are available in the land legislation of the Republic of Belarus, and proposes practical recommendations on further legislation improvement in the area of research.

D. SHELEPOV

PEER-TO-PEER NETWORKS AND ROLE OF INTERNAL INTERNET-PROVIDERS IN ENSURING INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

In accordance with the Constitution of the Republic of Belarus the state shall guarantee the rights and liberties of citizens of Belarus, stipulated by the Constitution, laws and international obligations.

A number of individual property and non-property rights belong to the authors pieces of science, literature, art. In the contemporary conditions the objects of intellectual property need additional legal protection. Development of Internet technologies creates new options for violations of the intellectual property rights. The insufficiency of legal regulation of the relationships in the area of use and protection of copyright in conditions of the development of the Internet in the Republic of Belarus complicates security of legality in this field.

The article covers the violations of the copyright when use of peer-to-peer networks. The author suggests the possible ways of definition of the infringers and determination of the role of internal Internet-providers in ensuring intellectual property rights.

V. SHEMET

THE SOCIALLY-LEGAL CHARACTERISTIC OF BORDER SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

In the article from the system approach positions the socially-legal characteristic of border security of Belarus is stated as a legal category. Its essence and the content are determined. The parity of «border security», «national security» and «state security» conceptions is considered.

Y. SHKAPLEROV

THE PROCEDURAL ORDER OF CARRYING OUT OF OBSERVATION OF DWELLING AND OTHER LEGAL PROPERTY

Problem questions of the regulation of observation of dwelling and other legal property in the Law of Criminal Procedure of the Republic of Belarus are studied. To perfect the legislation the analysis of the legal provisions of the Codes of Criminal Procedure of the Republic of Belarus and the Russian Federation concerning dwelling and other legal property as well as the points of view of various authors on problem at issue are analyzed. On the basis of both the legislation analysis and logic conclusions, the author gives his proposals on perfection of provisions of the Belarusian Law of Criminal Procedure, regulating the process of carrying out of observation of dwelling and other legal property.

L. STANISHEVSKAJA

THE RIGHT AND MORALS IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL LEGAL IDEA

In the article the attempt of analysis of a parity of the right and morals in Russian philosophical legal idea of the most fruitful period of its development (second half XIX – beginning XX centuries) is undertaken. The special attention is given to consideration of the specified question in the theories of E.N.Trubetskoy, V.S.Solov'ev, B.N.Tchitcherin, B.A.Kistyakovskiy, G.F.Shershenevich, P.I.Novgorodtsev, I.A.Ilyin, A.S.Yashchenko, I.V.Mihajlovskiy, etc.

V. STEPANENKO

THEORETICAL ASPECTS OF CLASSIFICATION OF CONVICTS

The concept «classification» is interbranch institute of the legislation, and «classification of convicts» during execution of punishment – institute of law of corrections which allows to spend classification of convicts on the various bases for achievement of the purposes of punishment.

The classification of convicts with on degrees of correction proceeding from a positive and negative orientation of their behaviour was found the widest application in a science and in a practice. The degree of correction is considered as the most important multidimensional basis of classification of convicts, and the behaviour of convict during serving as the basis his for reference to the certain group allocated depending on a degree of correction.

S. YANKOVSKIY

FORMING OF THE SYSTEM OF UNDER-AGE CRIME PREVENTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article covers under-age crime prevention issues and is an actual research. It considers factors influencing under-age criminality in general as well as forming of the crime prevention system through time – in Tsar Russia, Soviet Belorussia and measures taken in independent Belarus. It studies in details the state strategy and tactics to combat under-age criminality, which altered assessment and approaches from strict and punitive to humane policy. The author pays attention to the history of such professional activity, general and special prevention methods, underlines certain factors favoring asocial under-age behavior, depicts forming process of sense of justice among young generation.

РЕЦЕНЗИЯ

НА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ПРАВО.BY» № 2, 2008 г.

В нашей стране появилось новое правовое издание – научно-практический журнал «Право.by».

Появление качественно нового издания в области права, безусловно, не осталось без внимания как студентов и аспирантов юридических вузов, так и видных ученых-правоведов. Рецензируемый выпуск научно-практического журнала «Право.by» всесторонне освещает обширный комплекс актуальных правовых проблем, отражает стремительное движение правовой науки, свидетельствует о желании подрастающего поколения молодых ученых создавать и творить на благо родной страны.

Номер посвящен теоретическим и практическим вопросам различных отраслей права: конституционного, гражданского, трудового, экологического, уголовного и уголовно-исполнительного, а также теории права и государства.

В разделе «Актуальные вопросы законодательства» собраны статьи о проблемах смежных отраслей права, представляющие особый научный интерес.

Вопросы инновационной деятельности, защиты права промышленной собственности и другие актуальные реалии современной хозяйственной жизни и гражданского оборота нашли отражение в разделе «Гражданское право».

По традиции много познавательных материалов содержится в разделе «Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право». Ученые и практики, занимающиеся вопросами предупреждения и раскрытия преступлений в нашей стране, высказывают свои взгляды на эти проблемы.

Довольно содержателен раздел журнала «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза. Оперативно-розыскная деятельность», который обращается как к историческим аспектам, так и к самым современным проблемам в законодательстве.

Особое место в данном выпуске занимает раздел «Информационное право и правовая информатизация». Следует отметить статью Гавришиа А.Н. и Финькевич Л.В. об инновационном проекте Национального центра правовой информации Республики Беларусь – Детском правовом сайте. Этот действительно уникальный проект позволит значительно расширить доступ к правовой информации маленьким гражданам нашей страны, воспитать у них с юных лет уважительное отношение к праву и оказать помощь в различных жизненных ситуациях. В статье приведена подробная структура сайта, рассказано о процессе создания, а также высказано мнение профессионального психолога о его значении.

В названном разделе можно получить представление об итогах республиканского семинара «Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан», проведенного в июле этого года в г. Полоцке на базе центральной городской библиотеки г. Полоцка Национальным центром правовой информации Республики Беларусь совместно с Министерством культуры Республики Беларусь. Целью семинара стало обсуждение проблемных вопросов, связанных с деятельностью публичных центров правовой информации по оказанию в Республике Беларусь информационно-правовой помощи населению, формированию правосознания и правовой культуры граждан.

Инновацией номера является статья Кибак И.А. по проблемам юридической психологии, в которой рассказывается о психологических аспектах воздействия в парламентской деятельности.

В состав авторского коллектива номера вошли сотрудники Национального центра правовой информации Республики Беларусь, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Академии МВД Республики Беларусь, УО «Белорусский государственный экономический университет», Бакинского государственного университета и др.

Журнал представил трибуну для обсуждения теоретико-прикладных проблем права докторам и кандидатам юридических наук, другим признанным в стране и за рубежом ученым, ответственным работникам государственных органов, а также начинающим свою научную деятельность молодым специалистам, аспирантам, адъюнктам, соискателям и научным сотрудникам.

Полагаю, что настоящий номер журнала «Право.by», несомненно, представляет научный интерес и его материалы будут интересны самому широкому кругу читателей.

Министр юстиции Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

В.Г. Голованов

ПАМЯТКА АВТОРАМ

ТРЕБОВАНИЯ

к материалам, представляемым для опубликования в научно-практическом журнале «Право.by»

1. Общие требования к статьям

1.1. К рассмотрению принимаются статьи в печатном виде (до 10 страниц) в одном экземпляре, переданные вместе с файлами (файлы могут быть направлены по электронной почте: journal@ncpi.gov.by).

1.2. Языки публикуемых статей – русский, белорусский.

1.3. Правила оформления.

Все поля – 20 мм. Шрифт Times New Roman 15 пт, одинарный междустрочный интервал.

На первой странице в левом верхнем углу указывается номер УДК. После номера посередине указывается заглавие (на русском и английском языках) полужирным шрифтом прописными (большими) буквами. Затем пропускается строка, и от середины страницы с прижимом по левому краю (также на русском и английском языках) пишутся инициалы и фамилии авторов с указанием организации, должности, ученого звания и ученой степени. Каждый автор – с новой строки.

Далее – пропуск строки и аннотация на русском и английском языках (кегель 12, курсив).

Затем – пропуск строки и основной текст.

1.4. Рисунки вставляются в текст в формате JPG, BMP или WMF после первой ссылки на них в тексте. Каждый рисунок должен иметь название, которое помещается под рисунком. Если в тексте более одного рисунка, то они нумеруются арабскими цифрами (например, Рис. 2). Номер помещается перед названием.

Использование автоматических концевых и обычных сносок не допускается.

Файл представляется в формате RTF, Word.

На обратной стороне последнего листа указываются телефон и e-mail для связи с автором (авторами).

2. Требования к научным статьям

2.1. К рассмотрению принимаются только рецензированные (рецензенты – доктора или кандидаты наук) научные статьи.

2.2. Научная статья объемом не менее 14 000 печатных знаков и не превышающая 10 страниц при одинарном интервале должна содержать следующие обязательные элементы:

название статьи, отражающее основную ее идею;

фамилию и инициалы автора (соавторов) статьи с указанием места работы, должности, ученой степени, ученого звания;

аннотацию, излагающую краткое содержание статьи (100–150 слов);

введение, содержащее краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме, круг ранее не решенных вопросов, основную цель работы;

основную часть, подробно освещающую рассматриваемые вопросы;

заключение с четко сформулированными выводами;

список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями, предъявляемыми к оформлению диссертации и автореферата;

подписи всех авторов статьи (на бумажном носителе);

согласие автора (авторов) о возможности использования статьи при формировании баз и банков данных научно-правовой информации.

2.3. Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например: [1], [2]).

2.4. Научные статьи, не отвечающие указанным в пунктах 2.1–2.3 требованиям, не принимаются и не публикуются.

Редакция журнала оставляет за собой право редакторской правки.

Материалы авторов печатаются на языке оригинала.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен и иных сведений несет автор статьи.

Рукописи авторам не возвращаются.

Адрес редакции: ул. Берсона, 1а, 220701, г. Минск
Контактный телефон: (017) 222-70-75

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Историко-правовой анализ становления и развития института лицензирования в Республике Беларусь

Д.В.Гвоздев

Некоторые аспекты административно-правового регулирования профилактической деятельности полиции в XVIII – начале XX столетия

В.В.Коляго

Зарождение, становление и развитие институтов эксперта и экспертизы в уголовном процессе

В.Ю.Останин

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Правовое регулирование интеграции детей с ограниченными способностями в образовательный процесс. Сравнительно-правовой анализ.

Т.Г.Козловская

УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Понятие и правовые последствия судимости в действующем законодательстве Республики Беларусь

В.Марчук

Развитие уголовно-правовой основы противодействия правонарушениям несовершеннолетних в СИЗО

Г.С.Соржин

Святотатство в современном прочтении

В.В.Хилота

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Юридические гарантии реализации полномочий парламентариев: сущность и значение.

О.В.Чмыга

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Проблемы законодательного обеспечения реализации права граждан на общественное самоуправление в Республике Беларусь

В.Н.Кивель

Соблюдение претензионного порядка как условие реализации права на предъявление к перевозчику исков, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом

Т.А.Сигаева

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Право на воспроизведение и сеть Интернет

Е.А.Соколова

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Развитие проблемы стимулирования в науке трудового права

К.А.Нефагина

При перепечатке материалов из журнала «Право.by» ссылка на издание обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с позицией авторов.

Редакция информирует авторов, что материалы, опубликованные в журнале, могут быть также размещены в сети Интернет.

<i>Выпускающий редактор</i>	<i>Кириллова Д.В.</i>
<i>Редакторы</i>	<i>Бычина Н.А., Дубарь И.Д., Кацевич О.Н., Матусевич С.Ф., Паскина Т.А., Сазончик О.В., Трусова Е.Т., Чупракова И.А., Щикно М.В.</i>
<i>Корректоры</i>	<i>Жогло Н.А., Малышева Е.В., Романова А.Б.</i>
<i>Верстка и дизайн</i>	<i>Заяц Д.М.</i>
<i>Телефон</i>	<i>(международ. код 1037517) 222-70-75; факс 222-70-64</i>
<i>Адрес редакции</i>	<i>220701, г. Минск, ул. Берсона, 1а</i>
<i>e-mail</i>	<i>journal@ncpi.gov.by</i>
<i>Интернет-адрес</i>	<i>http://www.ncpi.gov.by http://www.pravo.by (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь)</i>

Подписной индекс 00796

ЛИ № 02330/0056906 от 01.04.2004.

Свидетельство о регистрации журнала № 1700 от 25.01.2008.

Подписано в печать 28.10.2008. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,32. Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с диапозитивов Национального центра правовой информации
Республики Беларусь в филиале № 1 РУП «Издательство «БДП».

ЛП № 02330/0131528 от 28.07.2005

220010, г. Минск, ул. Мясникова, 37.

Оформление. Национальный центр правовой информации
Республики Беларусь, 2008